

РЕВОЛЮЦИОННОЕ  
НАРОДНИЧЕСТВО

*В. Ф. Антонов*

В • Ф • А Н Т О Н О В

# РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАРОДНИЧЕСТВО

ПОСОБИЕ  
ДЛЯ  
УЧИТЕЛЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСВЕЩЕНИЕ» Москва 1965

Исчерпывающая оценка роли и содержания народничества дана в трудах В. И. Ленина. Однако выяснение конкретной истории этого движения до сих пор остается одной из важнейших задач научного исследования. После XX съезда КПСС историки, преодолевая последствия культа личности Сталина, опубликовали ряд работ, посвященных отдельным проблемам народничества. В предлагаемой книге обобщен материал, накопленный исследователями за последние годы. В ней рассматриваются социально-экономические истоки мировоззрения революционных народников, деятельность революционных народнических организаций, место революционного народничества в истории русского освободительного движения.

Книга рассчитана на учителей истории и студентов исторических факультетов педагогических институтов.

## ВВЕДЕНИЕ

При определении исторического места народничества необходимо исходить прежде всего из учения В. И. Ленина о развитии освободительного движения в России. Русское освободительное движение «прошло три главные этапа, соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895...» года<sup>1</sup>.

Второй этап освободительного движения В. И. Ленин назвал разночинским. «Падение крепостного права, — говорил он, — вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности. Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество»<sup>2</sup>.

В. И. Ленин в своих трудах не раз останавливался на выяснении сущности народничества. Отмечая сложность этого движения, многочисленность направлений в нем, он тем не менее указывал, что всем «различнейшим представителям народничества» присуща определенная система мировоззрения, что «основные социально-экономические взгляды всех и всяких народников совпадают по... главным пунктам»<sup>3</sup>.

В. И. Ленин указывал на три таких главных пункта. «Под народничеством, — писал он, — мы разумеем систему воззрений, заключающую в себе следующие три черты: 1) *Признание капитализма в России упадком, регрессом...* 2) *Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности...* 3) *Игно-*

---

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 93. В дальнейшем ссылки даются только на Полное собрание сочинений В. И. Ленина.

<sup>2</sup> Там же, стр. 94.

<sup>3</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 529.

рирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов...»<sup>1</sup>.

Народники, руководствуясь теорией общинного социализма, выдвинули и горячо отстаивали идею некапиталистического развития России. Они боялись, что капитализм разрушит общину, лишит производителя орудий и средств производства, пролетаризирует его. Поэтому развитие буржуазных отношений в России народники воспринимали как историческое зло, регресс, упадок. Призывая всячески прогнать развитие капитализма, «задержать», «остановить», «прекратить ломку» вековых устоев<sup>2</sup>, они рассчитывали, что Россия в своем дальнейшем развитии должна миновать стадию капитализма и от феодализма перейти прямо к социализму. «Народники, — писал В. И. Ленин, — проповедовали всегда в своих теориях, начиная с 1861 года (а их предшественники еще раньше, до 1861 года) и затем в течение более полувека, иной, т. е. некапиталистический, путь для России»<sup>3</sup>.

В русской общине, которая на деле была пережитком патриархальщины, народники видели основу экономической и политической организации будущего, якобы социалистического, строя. Они считали, что крестьянство веками воспитано общиной в коммунистическом духе и потому готово к социализму, стоит только уничтожить силы, мешающие проявлению коммунистических интересов мужика.

Народники выдвигали различные средства для достижения своей цели. В начале движения главным путем уничтожения старого строя и утверждения социализма они признавали народную, крестьянскую революцию, затем делали упор то на крестьянский бунт, то на заговор узкой группы революционеров и террор, а в конце стали заботиться главным образом о реформах.

Хотя В. И. Ленин подчеркивал общность воззрения всех народников на основные социально-экономические вопросы, тем не менее он четко выделял «старое народничество» (деятелей 60—70-х годов) и противопоставлял его «современному русскому народничеству» (80—90-е годы). Первое, несмотря на ненаучность его теории, как говорил В. И. Ленин, занимало «передовое место среди прогрессивных течений русской общественной мысли»<sup>4</sup>. Второе, с его программой мелкобуржуазных «прогрессов», стало на путь реформизма, превратилось с выходом на историческую арену пролетариата в реакционное течение.

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 528—529.

<sup>2</sup> См.: там же, стр. 532.

<sup>3</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 168.

<sup>4</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 531.

Первое было революционным, второе — либерально-реформистским.

Гранью, за которой народничество стало утрачивать свое исторически прогрессивное значение, было 1 марта 1881 г., когда, по определению В. И. Ленина, оно «исчерпало себя». За ней движение все шире захватывается идеологией либерализма.

Почему же народничество, основывавшееся на утопической теории социализма, все-таки в 60—70-е годы играло исторически прогрессивную роль? Говоря о стройности доктрины народничества, В. И. Ленин указывал, что она сложилась «в эпоху, когда капитализм в России был еще весьма слабо развит, когда мелкобуржуазный характер крестьянского хозяйства совершенно еще не обнаружился, когда практическая сторона доктрины была чистая утопия, когда народники резко сторонились от либерального «общества» и «шли в народ»<sup>1</sup>.

Крестьянство боролось против остатков крепостничества. Оно старалось отстоять свои земельные интересы и добиться демократических прав. Передовые представители интеллигенции России стали выразителями этих требований крестьянства.

Именно в «преобладании класса мелких производителей в пореформенной капиталистической России» В. И. Ленин и видел «источник» народничества, а отсюда его сущность он определял как «представительство интересов производителей с точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа»<sup>2</sup>. Вот почему В. И. Ленин называл народников буржуазными демократами, а весь второй период освободительного движения — буржуазно-демократическим. В ту пору осуществление буржуазно-демократических идей было очередной исторической задачей в России, поэтому борьба за их торжество имела прогрессивное, революционное значение.

Само революционное народничество не было единым по взглядам на тактику и средства, с помощью которых оно стремилось осуществить свои идеалы. В нем отчетливо выступает период зарождения идеологии, уходящий своими корнями примерно в 40—50-е годы XIX века и завершающийся к 1863 г. В 1861—1863 гг. созданная революционерами партия «Земля и воля» пыталась осуществить идеалы социализма с помощью крестьянской революции. Но вызвать революцию ей не удалось, и царизм в 1863 году отбил первый натиск революционных сил.

В десятилетие 1863—1873 гг., после краха надежд на крестьянскую революцию в 1863 г., народники пытались теоретически осмыслить случившееся и найти новое решение задачи революционной борьбы. Одновременно революционеры искали и новых практических средств борьбы.

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 413.

<sup>2</sup> Там же.

«Расцветом действительного народничества, — указывал В. И. Ленин, — было «хождение в народ» (в крестьянство) революционеров 70-х годов»<sup>1</sup>. Симптомы стремления уйти в народ стали проявляться в революционных кружках еще в 60-х годах XIX века и особенно в 1873 г., а в следующем, 1874 г. движение это приняло массовый характер. В 1875 г. оно было подавлено.

В 1875—1881 гг. революционные народники стремились создать сильные и хорошо организованные партии, чтобы первоначально (1876—1879 гг. — «Земля и воля»), основательно подготовившись, возобновить попытку вызвать народные бунты и воспользоваться ими для осуществления экономического переворота; затем (1879—1881 гг. — «Народная воля») осуществить заговор против царизма с целью захвата политической власти в стране.

---

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 304.

РАЗРАБОТКА ОСНОВ ТЕОРИИ И НАЧАЛО  
БОРЬБЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА

Учение социализма зародилось в России в условиях господства феодально-крепостнической системы. Возникает вопрос: почему передовые люди России, страны, которая шла в направлении капиталистического развития, отказались от претворения в жизнь буржуазных идей декабристов и устремили свой взор к социализму?

Корни этого нужно искать в социально-экономических условиях жизни страны, с одной стороны, и опыте общечеловеческого развития, в данном случае опыте развития Западной Европы, — с другой.

Капиталистический уклад, формировавшийся в России с последней трети XVIII века, в последующем, в первой половине XIX века, стал перерастать в капиталистические производственные отношения, которые разлагали господствующую феодально-крепостническую систему и в 30—50-х годах вызвали ее кризис, а затем и крах.

Растущий капитализм нес с собой прогресс, но лучшие люди страны видели, что он осуществлялся за счет более искусного и изощренного способа эксплуатации народных масс. Проникнутые чувством глубокой любви к своему народу, они поэтому ставили перед собой задачу борьбы за освобождение его от всякого гнета и всякой эксплуатации.

Передовые люди России, трезво оценивая прогресс, обеспеченный Западу его буржуазным развитием, не могли понять его главного исторического результата — рождение класса пролетариата. Напротив, в экспроприации трудящихся масс они видели историческое зло капитализма. По-своему оценивая исторический опыт Запада, они ставили перед собой задачу: борясь за уничтожение феодально-крепостнического строя, в то же время не допустить развития капитализма, перешагнуть через него и тем самым спасти трудящиеся массы от пролетаризации. Капитализм, породивший на Западе мечту о социализме — строе, где не будет эксплуатации человека человеком и политического



гнега, — в период своего становления вызвал к жизни ту же мечту и в России. Социально-экономической основой зарождения русского утопического социализма было господство в дореформенной России мелкотоварного производства — крестьянского хозяйства, кустарного промысла и ремесла.

Учение социализма в России в связи с поздним появлением пролетариата как класса долго оставалось на уровне утопического мечтания о справедливом строе. Объективно оно выражало демократические требования грядущих масс крестьянства. Так как борьба крестьян против крепостничества, а затем против его пережитков развертывалась на протяжении многих десятилетий XIX века, идеология крестьянской демократии, зародившись еще до отмены крепостного права, оставалась господствующей в течение всего второго этапа освободительного движения в России.

Основателями утопического социализма — учения о крестьянской демократии — в России были А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский.

### Общинный социализм А. И. Герцена<sup>1</sup>

«Герцен — основоположник «русского» социализма, «народничества»<sup>2</sup>, — писал В. И. Ленин.

С учением социализма А. И. Герцен познакомился еще в студенческие годы, в начале 30-х годов. Позже, в «Былом и думах», он писал об этой поре своих устремлений: «Новый мир толкался в дверь, наши души, наши сердца растворялись ему. Сен-симонизм лег в основу наших убеждений и неизменно остался в существенном»<sup>3</sup>. Однако проповедником социализма великий русский мыслитель стал много позже. Царское правительство вскоре после окончания А. И. Герценом университета отправило его в ссылку, а за ней, почти не дав передышки, — в другую... Убедившись в невозможности какой-либо полезной деятельности в казарменной, самодержавной России, этом «царстве мглы, произвола, молчаливого замирания, гибели без вести, мучений с платком во рту»<sup>4</sup>, Герцен решил покинуть родину. Когда друзья просили его вернуться, он ответил: «У вас дома нет почвы, на которой может стоять свободный человек. Можете

<sup>1</sup> Очерк строится на работах, написанных Герценом в 40—50-х годах, когда им были сформулированы идеи общинного социализма.

<sup>2</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 257.

<sup>3</sup> А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. VIII, стр. 162. В дальнейшем все ссылки на сочинения А. И. Герцена даются по этому изданию.

<sup>4</sup> А. И. Герцен, т. VI, стр. 12.

ли вы после этого звать? .. На борьбу — идем, на глухое мученичество, на бесплодное молчание, на повиновение — ни под каким видом»<sup>1</sup>.

Будучи «демократом, революционером, социалистом»<sup>2</sup>, Герцен покинул Россию в 1847 г., когда в Западной Европе уже чувствовалось приближение революционной грозы. Он верил, что грядущая революция на Западе принесет «близнику», т. е. рабочему, свободу от угнетения и приведет к торжеству идей социализма. В «Письмах из Франции и Италии», которые стали в 1847 г. печататься в «Современнике», Герцен выразил свою горячую веру в победу европейской революции.

Герцен восторженно приветствовал революцию. Но скоро, когда парижский пролетариат, заливая своей кровью мостовые, стал отступать с баррикад, Герцена охватили глубокое негодование и грусть. Опять буржуазия справляла свою кровавую тризну.

В первое время после поражения революции 1848 г. Герцен не терял веры в ее возрождение. Он заметил новую консолидацию ее сил. Обманутый и преданный своими мелкобуржуазными вождями, пролетариат в практике борьбы нашел себе настоящего союзника — крестьянство.

«Вместо неосторожных попыток и заговоров, — писал Герцен, — работник думает крепкую думу и ищет связи не с цеховыми революционерами, не с редакторами журналов, — а с *крестьянами*. С тех пор как грубая рука полиции заперла клубы и электоральные собрания, трибуна работников перенеслась в деревни. Эта пропаганда неуловима и глубже захватывает, нежели клубная болтовня.

В груди крестьянина собирается тяжелая буря. Он ничего не знает ни о тексте конституции, ни о разделении властей, но он мрачно посматривает на богатого собственника, на нотариуса, на ростовщика; но он видит, что, сколько ни работай, барыш идет в другие руки, — и слушает работника. Когда он его дослушает и хорошенько поймет, с своей упорной твердостью хлебопашца, с своей основательной прочностью во всяком деле, тогда он сочтет свои силы — а потом сметет с лица земли старое общественное устройство. И это будет настоящая революция народных масс.

Всего вероятнее, что действительная борьба богатого меньшинства и бедного большинства будет иметь характер резко коммунистический»<sup>3</sup>.

Однако по мере усиления реакции вера Герцена в возможность новой европейской революции слабеет, а затем и совсем

<sup>1</sup> А. И. Герцен, т. VI, стр. 14.

<sup>2</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 256.

<sup>3</sup> А. И. Герцен, т. V, стр. 205.



Александр Иванович Герцен

пропадает. Герцен переживает глубокую духовную драму, мучительно переоценивает свои надежды, свою веру. «Духовный крах Герцена, — писал В. И. Ленин, — его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848 года был крахом *буржуазных иллюзий* в социализме. Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не созрела*»<sup>1</sup>.

Проклиная буржуазный либерализм, Герцен в то же время не сумел понять историче-

ской закономерности революции 1848 г., ошибочно считая, что она должна была разрешить социалистические проблемы. Такой взгляд Герцена на задачи революции 1848 г. обуславливался его ненаучной концепцией исторического процесса. Он полагал, что сначала в обществе формируются передовые идеи, воплощающиеся затем в соответствующие политические формы правления. Вехами исторического развития Европы он считал длительный период господства монархии, которая в конце XVIII века сменилась республикой. Последняя, в свою очередь, должна уступить место «социальной республике», так как в мире уже родились идеи социализма. Восприняв зарождение социалистических идей на Западе как знамение грядущей социалистической революции, Герцен поэтому и думал, что революция 1848 г. покончит со старым миром и утвердит новую, самую прогрессивную политическую систему — социальную республику.

Поражение революции 1848 г. разрушало схему исторического процесса, построенную Герценом. Оно привело к краху его мелкобуржуазные мечтания о республике как политической форме, совершенствование которой в конечном счете должно было привести к осуществлению идеалов свободы, равенства и счастья трудящихся.

Расставаясь со старой верой, Герцен мучительно искал ответа на вопросы, поставленные перед ним жизнью. В этом процессе поисков он подверг резкой критике институты буржуазного

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 256.

мира и прежде всего обнажил антинародную сущность представительного правления как завуалированной формы новой тирании. «В тиранстве без тирана, — писал он о политической республике, — есть что-то еще отвратительнейшее, нежели в царской власти. Там знаешь, кого ненавидеть, а тут — анонимное общество политических шулеров и биржевых торгашей, опертое на общественный разврат, на сочувствие мещан, опертое на полицейских пиратов и на армейских кондотьеров, душит без увлечения, гнетет без веры, из-за денег, из-за страха — и остается неуловимым, анонимным»<sup>1</sup>.

Поскольку представительная республика, придя на смену монархии, не освободила народ от политического гнета и материальной нужды, Герцен не придавал ей самостоятельного исторического значения, не видел за ней будущего и считал ее переходной ступенью «от монархии к социализму»<sup>2</sup>. Отмечая прогрессивный характер капитализма, Герцен точно так же не считал его самостоятельной экономической формой и видел в нем лишь переходную ступень от феодализма к социализму. Республика и капитализм положительны только как отрицание монархии и феодализма. Герцену казалось, что буржуазия быстро одряхла, капитализм рано исчерпал свои силы и не может быть двигателем в развитии Европы.

Утрата Герценом прежней веры в республику привела его к ошибочному выводу о ненужности и вредности участия в политической борьбе, раз ее плоды может пользоваться только, по его мнению, буржуазия. В то же время Герцен пришел и к отрицанию государства, видя в любой его форме опасность подчинения меньшинством большинства. «Социализм, — писал он, — это религия человека, религия земная, безнебесная, *общество без правительства*»<sup>3</sup>. Он говорил о невозможности совмещения разумной и нравственной независимости с государственным бытом<sup>4</sup>. Церковь и государство представлялись ему «двумя главнейшими препятствиями к дальнейшему развитию»<sup>5</sup>.

Духовная драма, пережитая Герценом, не сломила, однако, а лишь закалила его железную волю. Расставаясь со старыми, он приобрел новые, более прогрессивные убеждения. Из испытаний 1848 г. Герцен вышел с твердой верой в необходимость и неизбежность «социальной революции». И совершить ее на Западе должен пролетариат. Но Герцен не смог дать ответ на вопрос, как этот класс, лишенный политических прав, доступа к образованию, материальных средств, сумеет вооружить себя социалистической теорией, без овладения которой он не добьет-

<sup>1</sup> А. И. Герцен, т. V, стр. 196.

<sup>2</sup> Там же, стр. 179.

<sup>3</sup> А. И. Герцен, т. XII, стр. 168. Курсив наш. — В. А.

<sup>4</sup> См.: А. И. Герцен, т. XI, стр. 226.

<sup>5</sup> Там же, стр. 231.

ся победы. Только в конце жизни, обратив свой взор к Интернационалу, он увидел в нем силу, способную организовать пролетариат и вооружить его теорией.

Расставшись с верой в политическую республику, Герцен пришел к выводу, что грядущая революция должна быть не политической, а экономической. Прогрессе политических форм правления, говорил он, лишь придал рабству вид свободы и совершенно не затронул вопроса об экономических нуждах народа. Уже накануне революции 1848 г. Герцен стал понимать невозможность достижения политической свободы трудящихся без экономического освобождения. Вопрос о «материальном благосостоянии» Герцен выдвигал на первый план и считал, что от разрешения его «зависит не только насущный хлеб большинства, но и их цивилизация»<sup>1</sup>. В «ощущении экономической стороны» Герцен видел причину неудач «прошлых переворотов»<sup>2</sup>. «Экономическую сторону» вопроса русский мыслитель видел в простом требовании немущих «насущного хлеба». Народ, думал Герцен, потому и не понял социалистов, что они, будучи преисполнены «желанием общего блага... не знали, как навести мосты из всеобщности в действительную жизнь, из стремления в приложение»<sup>3</sup>. Разрыв между бедственным положением народа и высокими идеалами социализма для Западной Европы Герцену казался почти непреодолимым. В связи с этим он писал, что Европа устарела и «ей недостает силы, чтоб возвестись до уровня собственной мысли». Европа имеет богатое прошлое, но будущее не за ней, а за Америкой или славянским миром.

В конечном счете в своей родине Герцен увидел источник будущего обновления человечества. Разумеется, он хорошо знал о той роли, которую сыграла самодержавная Россия в подавлении европейской революции. Царизм всеми силами, вплоть до вооруженной интервенции в революционную Европу, поддерживал европейскую реакцию. Эта гнусная роль русского самодержавия как жандарма Европы привела Герцена к выводу, что «без раскрепощения России Европе никогда не суждено быть свободной».

Проникнувшись страстной верой в революционную миссию русского народа, Герцен считал своей обязанностью издали будить и звать Россию к революции. «Мы выросли под террором, под черными крыльями тайной полиции, в ее когтях; мы изуродовались под безнадежным гнетом и уцелели кой-как. Но не мало ли этого? Не пора ли развязать себе руки и слово для действия, для примера, не пора ли разбудить дремлющее сознание народа? А разве можно будить, говоря шепотом, дальними намека-

<sup>1</sup> А. И. Герцен, т. V, стр. 58.

<sup>2</sup> Там же, стр. 59.

<sup>3</sup> Там же, стр. 62.

ми, когда крик и прямое слово едва слышны? Открытые, открытые действия необходимы; 14 декабря так сильно потрясло всю молодую Русь оттого, что оно было на Исаакиевской площади. Теперь не только площадь, но книга, кафедра — все стало невозможно в России. Остается личный труд в тиши или личный протест издали»<sup>1</sup>, — писал он в 1849 г.

Этому «протесту издали» Герцен посвятил всю свою кипучую энергию, огромные дарования и силы до последнего дня своей жизни. В. И. Ленин высоко оценил подвиг Герцена. «Герцен, — писал он, — создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная Звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено»<sup>2</sup>.

Поскольку во времена Герцена все вопросы сводились к борьбе против крепостничества, в освобождении крестьян и наделении их землей он и увидел решение задачи исторического преобразования страны. «Герцен, — писал В. И. Ленин, — видел «социализм» в освобождении крестьян с землей, в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю». Свои излюбленные мысли на эту тему он развивал бесчисленное количество раз»<sup>3</sup>. Теория русского общинного социализма изложена им в таких работах, как «С того берега», «Россия», «Письмо русского к Маццини», «О развитии революционных идей в России», «Русский народ и социализм», «Русское крепостничество», «Крещеная собственность», «Старый мир и Россия» и др.

Герцен считал, что Россия стоит на пороге революции. В 1854 г. в предисловии к переиздававшимся «Письмам из Франции и Италии» он писал: «... вопрос социальный совсем не так далек от нас, как думают, мы середь него. Освобождение крестьян с землей — начало великого экономического переворота, в который Россия вступает»<sup>4</sup>.

В освобождении крестьян с землей и заключается основа учения Герцена о крестьянском социализме. Получив землю, которой они владеют в общине коллективно, крестьяне, по его мнению, сразу вступят в царство коммунизма.

«Разве освобождение крестьян с землей не социальный переворот? Разве общинное владение и право на землю — не социализм?» — писал он. Утверждая это, Герцен вовсе не имел в виду полное торжество идеалов социалистического общества. Община еще не социализм. Герцен понимал, что она — архаизм, «промежуточное существование — между геологией и историей»<sup>5</sup>. Об-

<sup>1</sup> А. И. Герцен, т. VI, стр. 16.

<sup>2</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 258—259.

<sup>3</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 257.

<sup>4</sup> А. И. Герцен, т. V, стр. 11.

<sup>5</sup> А. И. Герцен, т. VII, стр. 138.

щина, по его словам, «усыпляет человека, присваивает его независимость» и «не в силах ни защитить себя от произвола, ни освободить своих людей»<sup>1</sup>. И тем не менее Герцен считал счастьем для России сохранение в ней общины. Оставшись нетронутой цивилизацией, русская община будто бы сохранила коллективные основы экономической и политической жизни крестьян. Общинное землепользование, право на землю и народный сельский сход казались Герцену проявлением черт «крестьянского коммунизма» в России. Русская община, несмотря на свой «полудикий образ жизни, — писал он, — более соответствует идеалу, о котором мечтала Европа, чем жизненный уклад цивилизованного германо-романского мира; то, что является для Запада только надеждой, к которой устремлены его усилия, — для нас уже действительный факт, с которого мы начинаем... мы идем навстречу социализму...»<sup>2</sup>.

В общине Герцен видел лишь «зародыш экономических и административных установлений»<sup>3</sup> будущего социалистического строя. Ее он рассматривал как отправную основу к полному развитию социализма. Контуры его Герцену представлялись лишь в самой общей форме. «Задача новой эпохи, в которую мы входим, — писал он, — состоит в том, чтоб на основаниях науки сознательно развить элемент нашего общинного самоуправления до полной свободы лица, минуя те промежуточные формы, которыми по необходимости шло, плутая по неизвестным путям, развитие Запада. Новая жизнь наша должна так заткать в одну ткань эти два наследства, чтоб у свободной личности ЗЕМЛЯ ОСТАЛАСЬ ПОД НОГАМИ и чтоб общинник был совершенно СВОБОДНОЕ ЛИЦО»<sup>4</sup>. В полной мере осуществится идеал социализма лишь в далеком будущем, причем жизнь внесет свои поправки в этот идеал.

В России есть община как основа строительства социализма, но для осуществления его идеалов России не хватает науки Запада и революции. Вот почему Герцен придавал такое громадное значение революционной теории. Своей обязанностью он считал пропаганду революционных идей и необходимости в стране революции. Чтобы уцелеть, писал Герцен, «русская община должна пройти через революцию». Революция освободит общину от всех связывавших ее пут, и тогда сразу откроются возможности справедливого распределения материальных благ и создания справедливого общественного устройства.

Община, говорил он, «представляет каждому без исключения место за своим столом». Земля в ней общая, и каждый из ее

<sup>1</sup> А. И. Герцен, т. VII, стр. 168.

<sup>2</sup> А. И. Герцен, т. VI, стр. 204.

<sup>3</sup> А. И. Герцен, т. XIII, стр. 179.

<sup>4</sup> А. И. Герцен, т. XIV, стр. 183.

членов будет иметь право получить равный со всеми участок в пожизненное владение.

Община охраняет принцип коллективной собственности и не допускает, как считал Герцен, образования частной собственности на землю. Более того, общинник не только не может передавать землю по наследству, но и не имеет в этом надобности, так как каждый рождающийся сразу получает надел, а земля умершего переходит в общинный фонд. Такое восстановление общинного фонда постоянно. К тому же в России и без него хватит земли на целое столетие.

Владение крестьянами землей и ее постоянные переделы на уравнительной основе должны были, по мысли Герцена, предотвратить в России пролетаризацию, т. е. лишение трудящихся орудий и средств производства.

Появление на Западе работника и сохранение в России крестьянина он считал следствием двух различных путей развития. Татарское иго остановило Россию, и Запад ушел вперед. Запад развил свои экономические и общественные институты, культуру, но утратил общинный быт народа и не освободил простого труженика от того же рабства и беззакония, которые в более уродливой форме переживал русский крестьянин. Поэтому следование по пути развития Запада, т. е. по буржуазному пути, полагал Герцен, грозит России пролетаризацией, обнищанием трудящихся масс, разрушением общин.

Герцену принадлежит величайшая заслуга выдвижения идеи некапиталистического развития России. Сама по себе эта идея была оправдана жизнью, но значительно позже, в условиях социалистического строительства в нашей стране. Во времена Герцена, по крайней мере в дореформенную эпоху, требование оградить Россию от капитализма было нереальным: оно исходило из мелкобуржуазных интересов крепостного крестьянства, боровшегося за свое право на землю и свободу, которые капитализм не дал бы осуществить, так как неизбежно разрушил бы общину. Сохранение в России общины с ее элементами социализма рассматривалось Герценом как предопределенное особое пути развития страны, способной от феодализма сразу перейти к социализму. Как известно, Маркс и Энгельс позже допускали возможность некапиталистического развития России, но это должно было, по их мнению, произойти при одновременности экономического переворота в России и на Западе, что дало бы возможность более развитому промышленному Западу помочь России развить отсталые производительные силы общины<sup>1</sup>. Герцену же казалось, что Россия может самостоятельно, независимо от Запада и своим путем миновать капитализм.

<sup>1</sup> См.: «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», М., 1951, стр. 290—291, 301.



Если уже Россия отстала в своем развитии от Запада, но сохранила общину, если эта община «благополучно дожила до развития социализма в Европе», то задачи русской и западной революций, думал Герцен, совпали. Разница состоит только в том, что человеком будущего в России Герцен называл мужика, а человеком будущего Запада — рабочего. При этом русский крестьянин, живя общиной, казался Герцену в более выгодном положении, чем пролетарий Запада, которому надо было еще завоевать власть и, претворяя в жизнь свои научные идеалы, воссоздать разрушенные цивилизацией коллективные формы жизни.

Русская община представлялась Герцену и идеальной политической ячейкой будущего.

Подвергая в целом резкой критике вышедшую в 1847 г. за границей книгу о России барона Гакстгаузена<sup>1</sup>, сторонника крайне реакционных взглядов, Герцен тем не менее с одобрением цитировал следующее место в ней: «Каждая сельская община представляет собой в России маленькую республику, которая самостоятельно управляет своими внутренними делами, не знает ни личной земельной собственности, ни пролетариата и уже давно довела до степени совершившегося факта части социалистических утопий; иначе жить здесь не умеют; иначе никогда даже здесь и не жили»<sup>2</sup>.

В такой республике-общине, писал Герцен, каждый владеющий землей (т. е. совершеннолетний) имеет право голоса и наравне со всеми участвует в выборе на миру старосты и его помощников. На миру же разрешаются тяжбы между общинами, происходит передел земли, раскладка податей. Староста не является, как утверждал Гакстгаузен, деспотическим правителем общины. «Староста, — писал Герцен, — обладает большой властью в отношении каждого члена в отдельности, но не над всей общиной. . . Круг его деятельности ограничивается, впрочем, исключительно административной областью; все вопросы, выходящие за пределы чисто полицейского характера, разрешаются либо в соответствии с действующими обычаями, либо советом стариков, либо, наконец, мирским сходом»<sup>3</sup>.

Гакстгаузен идеализировал отношения общины с помещиком. Он называл помещика «отцом общины», «главой клана», «патриархом». Опровергая «монархического демагога» Гакстгаузена, Герцен указывал, что власть помещика является насильем над общиной, в которую он входит как элемент совершенно чуждый, паразитический. Помещик — непрощенный гость, он «время от времени — то чаще, то реже — вторгается в свои владения

---

<sup>1</sup> А. Гакстгаузен, Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России. 1847.

<sup>2</sup> А. И. Герцен, т. VI, стр. 199.

<sup>3</sup> А. И. Герцен, т. VII, стр. 260.

и взимает там дань подобно тарским баскакам, налетающим на города»<sup>1</sup>.

Настоящим патриархальным главой общины является староста. Избираясь миром на срок, он не может не считаться с общиной, не может не защищать ее интересы, так как в противном случае он, как наивно думал Герцен, не будет вновь избран и опять превратится в простого мужика.

Переходя далее к характеристике вышестоящих органов власти, Герцен писал, что свободные общины группируются в более крупные единицы — волости. Старосты, избранные общинами, из своей среды выбирают волостного начальника для законного управления общинными делами и волостной полицией. Полицейские функции в деревнях выполняются выборными десятскими и сотскими. «Все это вместе, — заключал Герцен, — является подлинно социалистическим самоуправлением...»<sup>2</sup>. Будущее политическое устройство как России, так и всего славянского мира должно было, по мысли Герцена, быть построенным на началах федерализма. «Славянские народы, — писал он, — не любят ни идею государства, ни идею централизации. Они любят жить в разъединенных общинах, которые им хотелось бы уберечь от всякого правительственного вмешательства»<sup>3</sup>.

Таким образом, сельская община (а в городах артель городских работников) представлялась Герцену социально-экономической и административно-политической основой грядущего «коммунизма»: она должна была обеспечить материальное и политическое благополучие трудящихся России. В общине элементы новой жизни налицо, но надо было извлечь их из-под спуда самодержавия, чиновников, помещиков и жандармов. Иначе говоря, стоило только уничтожить старую власть и старые порядки, как русский мужик и работник-артельщик живут по-новому. Это преобразование жизни Герцен, за исключением периодов колебаний, мыслил как результат народной, крестьянской революции. «Вполне возможно, — писал он, — что



Николай Платонович Огарев

<sup>1</sup> А. И. Герцен, т. XII, стр. 52.

<sup>2</sup> Там же, стр. 53.

<sup>3</sup> Там же, стр. 185.

от какого-нибудь скита (раскольничьей общины) начнется народное движение, конечно, национального и коммунистического характера; оно охватит затем целые области и пойдет навстречу другому движению, источником которого являются революционные идеи Европы»<sup>1</sup>.

Единство революционных целей Запада и России является лейтмотивом развиваемых Герценом идей. Он говорил: «... надежды и стремления революционной России совпадают с надеждами и стремлениями революционной Европы и предрекают их союз в будущем»<sup>2</sup>. На вопрос, чего ждет русский крестьянин, Герцен отвечал: «Начала революции в Европе»<sup>3</sup>.

Однако на пути революции стояла русская и европейская реакция. Герцен допускал победу самодержавия в Европе, но и в этом случае последнее слово будет сказано народом, так как самодержавие «очутится лицом к лицу с крестьянским возмущением, с огромным восстанием, наподобие пугачевского»<sup>4</sup>.

Царизм ничто не спасет. Он исторически изжил себя и превратился в тормоз общественного развития. «Императорская власть больше ничего не создает, она потеряла всякую инициативу и силится лишь удержаться, подавляя всякое движение, противодействуя всякому прогрессу; ее дело имеет чисто отрицательный характер. ... Абсолютизм, желая все поглотить и всего боясь, стесняет движение России. Это тяжелый, прикрепленный к колесам повозки тормоз, давление которого увеличивается с каждым шагом и который в конце концов остановит машину, разобьет ее вдребезги или разобьется сам»<sup>5</sup>.

К тому же ведет и деятельность дворянства. Оно силится сломить общину своим угнетением, но добьется только одного — революции. «Угнетенному остаются только два выхода, если он хочет добиться свободы: коса и топор. Пролитая кровь захлестнет тогда царствующий дом Романовых, и какие это будут потоки!»<sup>6</sup>. «... Не найдется в Зимнем дворце такого бога, который отвел бы сию чашу судьбы от России»<sup>7</sup>.

Указывая на грозные последствия нараставшего широкого протеста народных масс в России, Герцен в то же время недооценивал силы сопротивления самодержавно-крепостнического строя. Герцен называл Россию тюрьмой народов. «Стены ее тюрьмы, — писал он, — из дерева; возведенные грубой силой, они дрогнут при первом же ударе»<sup>8</sup>. Царский административ-

<sup>1</sup> А. И. Герцен, т. XII, стр. 185.

<sup>2</sup> Там же, стр. 255.

<sup>3</sup> Там же, стр. 43.

<sup>4</sup> А. И. Герцен, т. VII, стр. 256.

<sup>5</sup> А. И. Герцен, т. VI, стр. 234.

<sup>6</sup> А. И. Герцен, т. XII, стр. 40.

<sup>7</sup> А. И. Герцен, т. VII, стр. 169.

<sup>8</sup> Там же, стр. 241.

ный аппарат он считал насильственно насажденным и потому совершенно не имеющим «корней в народе».

Наивна вера Герцена и во всемогущие крестьянской революции, в ее способность утвердить в стране социализм. Но то сильное обличение самодержавно-крепостнических и капиталистических порядков и та страстная проповедь идеи революционной борьбы с ними, с которыми выступил Герцен, для того времени имели великое историческое значение. Страстная проповедь Герцена будила, революционизировала передовую русскую мысль, образовывала новые шеренги непримиримых борцов и тем самым способствовала ускорению размежевания боровшихся сил, формированию уже в недрах дворянского периода освободительной борьбы нового, революционно-демократического лагеря.

В. И. Ленин говорил, что в учении Герцена «нет ни *грانا* социализма. Это — такая же прекрасноречивая фраза, такое же доброе мечтание, облекающее *революционность* буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы «социализма 48-го года» на Западе»<sup>1</sup>. Но В. И. Ленин указывал при этом на великую историческую заслугу Герцена, развернувшего в России революционную агитацию. «Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли»<sup>2</sup>.

В. И. Ленин отмечал принципиально важное значение разработки Герценом теории: «... пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; — учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы...»<sup>3</sup>.

Временами Герцен колебался, апеллировал «к верхам», предпринимая бессмысленную попытку побудить царя к удовлетворению нужд народа, но «при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх»<sup>4</sup>, а в конце жизни (1869 г.) Герцен обратил свои взоры «к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс...»<sup>5</sup>.

## Воззрения Н. Г. Чернышевского

Николай Гаврилович Чернышевский был продолжателем дела Герцена. «Но Чернышевский, развивший вслед за Герценом народнические взгляды, — писал В. И. Ленин, — сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был го-

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 258.

<sup>2</sup> Там же, стр. 261.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же, стр. 259.

<sup>5</sup> Там же, стр. 257.

раздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы»<sup>1</sup>.

К. Маркс ставил Чернышевского выше всех современных ему экономистов и называл действительно оригинальным, великим мыслителем, которым должна была гордиться Россия.

Однако Чернышевский, выступивший на историческую арену в период борьбы крестьянства за отмену крепостного права, несмотря на свою исключительную одаренность, не мог, конечно, подняться выше интересов этого класса. И он, говоря словами В. И. Ленина, верил в особый уклад, в общинный строй русской жизни, а отсюда — в возможность крестьянской социалистической революции<sup>2</sup>. Таким образом, Чернышевский тоже был идеологом некапиталистического пути развития России.

Вслед за своим учителем А. И. Герценом он видел историческое утверждение феодализма в актах завоевания, насилия и власти. Из этого он делал вывод о том, что феодализм — явление случайное и вредное для исторического прогресса. В статье «О причинах падения Рима» Чернышевский так писал о значении феодализма: «Теперь уже давно всеми признано, что в феодализме не было решительно ничего способного к развитию, что он был лишь смягченной формой предшествовавшей ему полнейшей анархии грабительского самоуправства. Ничего не могла взять цивилизация из этой формы, служившей только препятствием для нее; все, решительно все отвергала цивилизация из феодальных учреждений, как только могла справиться с ними». И тут же Чернышевский показывал насилие как причину порабощения трудящихся: «Возник он (т. е. феодализм. — В. А.) из того, что вольные люди записывались в подданство могущественных соседей, чтобы через регулярное жертвование частью дохода получать защиту против других грабителей»<sup>3</sup>.

Чернышевский, не сумевший научно объяснить закономерность исторического процесса, тем не менее писал: «... формы, подобные феодализму, являлись почти во всех странах в период перехода от полнейшей дикости к низшим ступеням порядка, сколько-нибудь законного»<sup>4</sup>.

Феодализм, эта эпоха разбоя, заканчивается, по мнению Чернышевского, «не раньше как в XVII веке» утверждением централизованного бюрократического управления.

Во всей критике феодализма как отрицательной общественной формы Чернышевским четко проводится идея созидательной роли народных масс в истории. Он не мог отрицать, что Европа, пережив феодализм, медленно, но неуклонно прогрессировала

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 94.

<sup>2</sup> См.: В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 271.

<sup>3</sup> Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений (в дальнейшем ПСС), т. VII, стр. 660.

<sup>4</sup> Там же, стр. 661.

в своем историческом развитии: «Масса трудится, и понемногу совершенствуются производительные искусства. Она одарена любознательностью или, по крайней мере, любопытством — и постепенно развивается просвещение; благодаря развитию земледелия, промышленности и отвлеченных знаний смягчаются нравы, улучшаются обычаи, потом и учреждения; всему этому причина одна — внутреннее стремление массы к улучшению своего материального и нравственного быта, а формы, под влиянием которых должен вырабатываться этот прогресс, не всегда благоприятны ему, потому что происходят совершенно из других начал и поддерживаются совершенно иными средствами»<sup>1</sup>. Если труд при феодальных формах «достигал каких-нибудь результатов, то лишь наперекор этим формам»<sup>2</sup>.



Николай Гаврилович Чернышевский

Вопрос о крепостном праве в России Чернышевский органически связывал с феодализмом, но отмечал специфику условий его происхождения. По его мнению, крепостничество в России произошло от дурного управления и поддерживалось им же. «О происхождении крепостного права, — писал он, — мы заметим, только, что это учреждение развилось от бессилия нашей старинной администрации охранить прежние свободные отношения поселян, живших в известной даче, к владельцу дачи и удержать постепенное расширение произвольной власти, захватываемой владельцем над населявшими его землю людьми»<sup>3</sup>.

Основанное на произволе, крепостное право не могло сдержаться никаким законом, поэтому оно парализовало в России все стороны жизни народа и государства. В статье «О новых условиях сельского быта», полемизируя с автором экономического труда «О производительных силах России» Л. В. Тенгоборским, видевшим спасение России в сохранении крепостных порядков, Чернышевский обстоятельно показал вред сохранившегося крепостничества не только для крестьянского, но и помещичьего хозяйства.

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. VII, стр. 477.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. V, стр. 708.

Крепостное право ослабляло, подавляло «энергию труда» «вместе со всякою другою энергиею». «Исторические обстоятельства развили в нас добродетели чисто пассивные, как, например, долготерпение, переносливость к лишениям [обидам] и всяким невзгодам»<sup>1</sup>.

Чернышевский гневно обрушивался на «проницательных людей», утверждавших, что русские будто бы от природы расположены к лени, не имеют «охоты к просвещению». «Обе эти клеветы одинаково тупоумны и нелепы, — писал он. — Об этих обоих делах надобно сказать одно и то же: «охота смертная, да участь горькая». Стремление в народе чрезвычайно сильно; но обстоятельства и учреждения слишком не благоприятствуют его осуществлению»<sup>2</sup>. Под «обстоятельствами» Чернышевский имел в виду господствовавший в России самодержавно-крепостнический строй. Для того чтобы полнее выразить свое отношение к порядкам самодержавной России, Чернышевский вынужден был говорить иносказательно, однако его читатель не нуждался в переводчике. Для прикрытия своих мыслей Чернышевский обращался, например, к описанию азиатских порядков, царивших в Турции. «Азиатством, — писал он, — называется такой порядок дел, при котором не существует неприкосновенности никаких прав, при котором не ограждены от произвола ни личность, ни труд, ни собственность... Там господствует исключительно насилие. Кто сильнее, тот безнаказанно делает над слабейшими все, что только ему угодно... При безграничном владычестве самодурства каждый азиатец в сношениях своих с более сильным человеком руководится исключительно мыслью угодить ему. Угодливость, уступчивость, раболепство — это единственный способ не быть раздавленным от руки сильнейшего. Мы часто обвиняем азиатцев за их раболепство; но что же им делать, когда закон у них, как мы сказали, бессилен? Водворите у них законность, и вы увидите, что они сделаются такими же людьми, как мы, европейцы»<sup>3</sup>.

Вот она, картина самодержавного произвола властей и полной беспомощности масс в самой России! Здесь каждая строка, каждое слово било в цель. Чернышевский смело обличал царизм и тем самым обострял чувство ненависти к нему передовых людей своего времени.

Чернышевский раскрывал причины царившего в стране беззакония. В частности, беззаконие он видел и в безответственности и беззащитности чиновников, которые должны были соблюдать правопорядок в стране. «Чиновник наш, — указывал

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. V, стр. 694—695.

<sup>2</sup> Там же, стр. 696.

<sup>3</sup> Там же, стр. 700.

Чернышевский, — подлежит одному только контролю — контролю начальства; ни общество, ни товарищи, ни подчиненные ничего не могут сделать с ним, если только начальство довольно им; зато ни общество, ни товарищи, ни подчиненные не могут спасти его, если начальство им недовольно. Он безответствен перед всем и всеми на свете, кроме начальства; зато перед начальством он беззащитен. Лишенный всякой независимости относительно начальства, он может держаться на службе только тем, чтобы угодить ему»<sup>1</sup>.

Беззащитность перед законом одних и безответственность перед обществом власть имущих порождают взяточничество, принявшее в России чудовищные размеры. Однако Чернышевский видел в нем лишь проявление зла и считал борьбу против взяточничества бесполезной. Надо, справедливо указывал он, ликвидировать коренную причину, порождающую зло. Для этого есть одно средство: «Надобно сделать, чтобы должностная деятельность перестала быть канцелярскою тайной, чтобы все делалось открыто, перед глазами общества, и общество могло высказывать свое мнение о каждом официальном действии каждого должностного лица»<sup>2</sup>.

Чернышевский не только мечтал о времени, когда русский народ сбросит с себя иго крепостников, но и был уверен, что оно не за горами. Изучая экономическую жизнь страны, он не мог не заметить, как в хозяйство крепостнической России начнет вторгаться капитализм. Он говорил: «Россия вступает в тот период экономического развития, когда к экономическому производству прилагаются капиталы. Характер деятельности производящих классов и самый быт их необходимо должен подвергнуться от того великим изменениям. Мы уже видим, как огромны будут эти изменения в характере передвижения людей и продуктов. Вместо обозов и патриархальных судов различного рода мы имеем несколько, а скоро будем иметь очень много локомотивов и пароходов, так что вскоре почти совершенно исчезнут привычные нашему глазу обозы, мокшаны, тихвинки, барки и так далее. В характере торговли отчасти уже происходит и скоро совершенно исполнится изменение не менее значительное... Но всего значительнее будут изменения той экономической деятельности, которая составляет основную силу нашей страны и служит средством существования для значительнейшей части нашего народа, — именно в земледелии»<sup>3</sup>.

Эта будущность, когда и в земледелии — основном бастионе русской экономики, основе основ русской жизни — утвердится

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. V, стр. 706.

<sup>2</sup> Там же, стр. 707.

<sup>3</sup> Н. Г. Чернышевский, Избранные экономические произведения, т. I, М., 1948, стр. 148, 149.



эксплуатация «по фабричному принципу фермерства», «от нас не за горами». Может быть, Россия удалена от него двадцатью — двадцатью пятью годами. Если в России утвердятся фермер-капиталист, тогда на обширных ее просторах «хозяйство поселян было бы совершенно подавлено соперничеством капиталистов»<sup>1</sup>.

В полемике с Тенгоборским Чернышевский многочисленными примерами показывал невыгодность крепостного труда по сравнению со свободным. Свободный труд, говорил он, «один производителен, один увеличивает богатство нации»<sup>2</sup>.

Чернышевский беспощадно издевался над русскими экономистами, которые оплакивали судьбу американских рабовладельцев, лишившихся дарового труда. По его мнению, отмена рабства в США не разорила, а спасла плантаторов. Применение свободного труда значительно увеличило его производительность, дало возможность удешевить стоимость товаров и выдержать конкуренцию на мировом рынке. Но Чернышевский указывал, что капитализм, принесший Европе прогресс, был приобретен ценой разорения трудящихся масс: следовательно, и эту «форму» общественного развития он считал не «сообразной с здравыми экономическими понятиями» и также подвергал критике.

«Личный интерес есть главный двигатель производства»<sup>3</sup>, — отмечал Чернышевский. Изучая историю Запада, он писал: «Обеспечение частных прав отдельной личности было существенным содержанием западноевропейской истории в последние столетия... Право собственности почти исключительно перешло там в руки отдельного лица и ограждено чрезвычайно прочными, неукоснительно соблюдаемыми гарантиями. Юридическая независимость и неприкосновенность отдельного лица повсюду освящены и законами и обычаями. Не только англичанин, гордый своей личной независимостью, но и немец и француз может справедливо сказать, что, пока не нарушает законов, он не боится ничего на земле, что личность его недоступна никаким посягательствам»<sup>4</sup>.

Однако в условиях капиталистического развития личный интерес не может найти гармонического выражения. Он получил там «одностороннее стремление». «Отдельный человек, — писал Чернышевский, — ставши независимым, оставлен был беспомощным. При переходе всей почти земли в собственность частных лиц явилось множество людей, не имеющих недвижи-

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. V, стр. 153.

<sup>2</sup> Там же, стр. 90.

<sup>3</sup> Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. VII, стр. 18.

<sup>4</sup> Н. Г. Чернышевский, Избранные экономические произведения, т. I, М., 1948, стр. 103.

мой собственности; таким образом, возникло пролетариатство. Владельцы мелких участков, на которые распалась земля во Франции, не имеют возможности применить к делу сильнейших средств для улучшения своих полей и увеличения жатв, потому что эти средства требуют капиталов и применимы только в больших размерах. Они обременены долгами... Большинство сельского населения в Англии — батраки, положение которых очень печально. В заводско-фабричной промышленности вся выгода сосредоточивается в руках капиталиста, и на каждого капиталиста приходится сотни работников-пролетариев, существование которых бедственно»<sup>1</sup>. И в земледелии, и в промышленности хозяева ведут жестокую конкуренцию, «большие капиталисты подавляют мелких, которые мало-помалу уступают им место, переходя в разряд их наемных людей; а соперничеством между наемными работниками все более и более понижается заработная плата. Таким образом, с одной стороны, возникли в Англии и Франции тысячи богачей, с другой — миллионы бедняков. По роковому закону безграничного соперничества богатство первых должно все возрастать, сосредоточиваясь все в меньшем и меньшем числе рук, а положение бедняков должно становиться все тяжелее и тяжелее»<sup>2</sup>.

Чернышевский отмечал, что капиталистическое развитие Франции и Англии сопряжено с кризисами, а в будущем им предстоит пережить «еще более продолжительные, еще более тяжелые страдания»<sup>3</sup>.

Русские буржуазные либералы удивляли Чернышевского своим низкопоклонством и пресмыкательством перед Западной Европой. Они, писал Чернышевский, «воображают, что, например, Англия или Франция в настоящее время очень счастливые земли, и, восхищаясь их благоденствием, часто невпопад превозносят именно то, что в этих странах очень дурно, — например, страшное развитие искусственных потребностей и роскоши. Этой зловредной мишурой ослепляются очень многие...»<sup>4</sup>.

Роскошь тысяч и крайняя бедность миллионов «так естественно и тяжело для девяти десятых частей английского и французского населения, что необходимо должны были явиться новые стремления, которыми отстранялись бы невыгоды прежнего одностороннего идеала. Подле понятия о правах отдельной личности возникла идея о союзном пользовании и производстве между людьми. В земледелии оно должно выразиться переходом земли в общинное пользование»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский. Избранные экономические произведения, т. I, М., 1948, стр. 104.

<sup>2</sup> Там же, стр. 104—105.

<sup>3</sup> Там же, стр. 103.

<sup>4</sup> Там же, стр. 102.

<sup>5</sup> Там же, стр. 105.

Говоря о возникновении на Западе «идей о союзном пользовании и производстве между людьми», Чернышевский имел в виду социалистическое учение.

Здесь уместно заметить, что Чернышевский, принципиальный сторонник общинного владения землей, резко выступал против убогой ограниченности «исключительных поклонников русской национальности», для которых «русская община составляла предмет мистической гордости»<sup>1</sup>.

Указывая, что община в свое время была «у всех европейских народов», «существует у многих других народов, еще не вышедших из отношений, близких к патриархальному быту», Чернышевский делал вывод: «Нечего нам считать общинное владение особенной прирожденной чертой нашей национальности, а надобно смотреть на него как на общую человеческую принадлежность известного периода в жизни каждого народа. Сохранением этого остатка первобытной древности гордиться нам тоже нечего, как вообще никому не следует гордиться какой бы то ни было стариною, потому что сохранение старины свидетельствует только о медленности и вялости исторического развития», о том, «что мы жили гораздо меньше, чем эти народы»<sup>2</sup>.

Запад, в свое время утратив «в одностороннем стремлении к полновластной собственности отдельного лица» коллективный, общинный «порядок дел», сошел с «естественного пути развития», а теперь, пройдя тяжелые испытания в связи с развитием «частных прав отдельной личности», обнаружил стремление к «союзному пользованию». Зарождение идей социализма на Западе («новое стремление к союзному пользованию и производству») Чернышевский считал «продолжением, расширением, дополнением прежнего стремления к обеспечению частных прав отдельной личности»<sup>3</sup>. Идеалом для Чернышевского было сочетание личного интереса работника с владением вещью, «которая выходит из его рук»<sup>4</sup>.

Только этим путем можно осуществить материальные интересы обездоленного класса трудящихся, ибо, говорил Чернышевский, как бы закон формально ни провозглашал независимость, она не может быть обеспечена на деле, если человек останется в экономической зависимости.

На Западе, где «отдельная личность привыкла уже к безграничности частных прав», осуществить «новое стремление к союзному пользованию» будет весьма трудно. «Для введения союзного производства в этих землях надобно в целом народе,

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. V, стр. 362.

<sup>2</sup> Там же, стр. 362, 363.

<sup>3</sup> Н. Г. Чернышевский, Избранные экономические произведения, т. I, М., 1948, стр. 105.

<sup>4</sup> Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. VII, стр. 19.

огромнейшая масса которого еще погрязает в невежестве и не привыкла к размышлению о своих обычаях, вселить новое убеждение и не только вселить его, но и утвердить до такой силы, чтобы оно взяло верх над обычаями и привычками, которые чрезвычайно сроднились со всем образом жизни тех племен, — надобно путем разумного убеждения перевоспитать целые народы»<sup>1</sup>.

Иное дело в России. «Порядок дел, к которому столь трудным и долгим путем стремится теперь Запад, еще существует у нас в могущественном народном обычае нашего сельского быта... Мы видим, какие печальные следствия породила на Западе утрата общинной поземельной собственности, и как тяжело возратить западным народам свою утрату. Пример Запада не должен быть потерян для нас. Вопрос о земледельческом быте важнейший для России, которая очень надолго останется государством по преимуществу земледельческим, так что судьба огромного большинства нашего племени долго еще — целые века — будет зависеть, как зависит теперь, от сельскохозяйственного производства»<sup>2</sup>.

Начавшееся в России «экономическое движение», пробуждение духа «торговой и промышленной предприимчивости», т. е. развитие капитализма, должно было вызвать в стране, что хорошо понимал Чернышевский, глубокие преобразования. «Но каковы бы ни были эти преобразования, — писал он, — да не дерзнем мы коснуться священного, спасительного обычая, оставленного нам нашей прошедшей жизнью, бедность которой с избытком искупается одним этим драгоценным наследием, да не дерзнем мы посягнуть на общинное пользование землями, — на это благо, от приобретения которого теперь зависит благоденствие земледельческих классов Западной Европы. Их пример да будет нам уроком»<sup>3</sup>.

Чернышевского ужасала перспектива развития русской деревни по капиталистическому пути. Вот почему он, борясь за ликвидацию крепостничества, одновременно подвергал резкой критике капиталистические порядки. Проникнутый классовыми интересами крестьянства, он хотел, чтобы оно, сбросив иго крепостников-помещиков, не попало в руки эксплуататоров-капиталистов. Он призывал предусмотреть и принять меры «к отстранению бедствий фабричной эксплуатации для земледельцев»<sup>4</sup>.

Единственным средством против этого, думал Чернышевский, может быть сохранение в стране общинного владения.

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский, Избранные экономические произведения, т. I, М., 1948, стр. 106.

<sup>2</sup> Там же, стр. 108.

<sup>3</sup> Там же, стр. 110.

<sup>4</sup> Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. V, стр. 153.

Тогда, писал он, крестьяне «при проявлении нужды в большом оборотном капитале для земледелия и в расширении размеров хозяйства найдут у самих себя через соединение товарищества нужные денежные средства и нужный размер полей»<sup>1</sup>.

Однако, учитывая прогрессивный характер капитализма, Чернышевский допускал его «сосуществование» с коллективной формой хозяйства. Он боялся лишь развития его в английских формах, когда уничтожается мелкая собственность и «фермерство на фабричном основании» оказывается преобладающим в «земледельческом быту».

Таким образом, мелкий производитель, огражденный общинным товариществом, будет избавлен от угрозы порабощения его капиталом. Обе исторически прогрессивные, частная и коллективная, формы хозяйства будут при таких условиях сосуществовать с выгодой одна для другой.

Чернышевский считал, что революция откроет возможность для постепенного утверждения в жизни социалистических принципов в постоянной борьбе с «фабричным», т. е. капиталистическим, хозяйством. По его мнению, капитализм, будучи прогрессивным по сравнению с крепостничеством, долго еще будет сохраняться и после народной революции.

Чернышевский, допуская на длительное время параллельное развитие в стране двух укладов — капиталистического и общинного, в то же время всесторонне обосновывал преимущества последнего, доказывал неизбежность победы коллективного хозяйства над частным.

Следовательно, между победой народной революции и торжеством социализма будет лежать весьма продолжительный переходный период. «Но не надо ласкать себя обманчивой надеждой, что переход в эту будущность из настоящего состояния возможен скоро, и возможен без переходного состояния, — писал Чернышевский. — ... Я только к тому веду речь, что и принцип частного владения, хотя бы он и вытеснялся постепенно общинным, будет еще долго и долго господствовать и — как переходное состояние — неизбежен»<sup>2</sup>.

По мере своего развития община, живя бок о бок с фермой, будет постоянно расширять сферу своей деятельности, вытеснять капиталистическое хозяйство, пока совсем не уничтожит его. Затем, развив производительные силы, она и сама отомрет, и общество получит возможность осуществить принцип коммунизма. Когда это произойдет? Лет через сто, считал Чернышевский. За это время общинное хозяйство пройдет следующие стадии своего развития:

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. V, стр. 153.

<sup>2</sup> Н. Г. Чернышевский, Избранные экономические произведения, т. I, М., 1948, стр. 478.

1. Общинное владение (параллельное развитие капитализма и социализма).

2. Общинное владение и производство (социализм).

3. Коллективное владение, производство и потребление (коммунизм).

На первых порах, думал Чернышевский, должно происходить развитие лишь идеи общинного владения землей. При этом он полагал, что общинное владение будет иметь целью «достижение двух результатов: А) Сохранить участие огромному большинству нации во владении недвижимой собственностью; В) Поддержать по возможности равномерное распределение подлежащей ему части недвижимой собственности между лицами, участвующими в ней»<sup>1</sup>.

Выдвигая указанные требования, Чернышевский видел в них панацею от разорения, от превращения трудящихся в пролетариат. Если за крестьянами, составлявшими подавляющее большинство населения России и жившими в основном общинами, сохранить землю и «поддерживать по возможности равномерное распределение», то перед страной откроется возможность значительно большего прогресса, чем если бы в ней восторжествовал капитализм.

Далее Чернышевский всесторонне доказывал преимущества даже одного объединения трудящихся во владении землей над капиталистической организацией хозяйства. Общинное владение, совершенно чуждое и противное бюрократическому устройству, не нуждается, по его мнению, во вмешательстве не только центральной, но и провинциальной власти. «По общинному владению, — писал Чернышевский, — возникает в миллион раз меньше юридических споров, нежели по частной собственности... Если и бывают споры (впрочем, чрезвычайно редкие), они решаются в ту же минуту, когда возникают; решаются теми же людьми, между товарищами которых возникли; решаются с такой простотой, с такой ясностью для всех верно, что оба спорившие признают совершенную основательность решения...»<sup>2</sup>.

Правительство не вмешивается в частную жизнь, она охраняется общиной, поэтому «из всех родов собственности общинное владение есть тот род, который наиболее предохраняет частную жизнь от административного вмешательства и полицейского надзора»<sup>3</sup>. А над частной собственностью ежеминутно висит и беспрестанно хватает того или другого частного собственника опасность, «призывая его к тяжам или административным разбирательствам»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. V, стр. 615.

<sup>2</sup> Там же, стр. 616.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же, стр. 617.

Юридическая безопасность общинника основана «исключительно на одном свежем материальном факте, который держится в памяти всех окружающих людей (членов общины) и не может подвергаться никакому оспариванию... Принадлежал ли известный участок общинной земли известному лицу? Все члены общины были на сходке, присвоившей ему этот участок; сомнения и споры тут невозможны...»<sup>1</sup>.

В бесспорности владения Чернышевский видел условие полнейшей независимости частного лица в общине, преграду для постороннего вмешательства в его жизнь. Общинное владение поэтому, при отсутствии споров, воспитывает высокие нравственные качества, честности, прямоты, уверенности в своих силах, развивает «привычки к энергической инициативе». «Мысль об обмане... такая же невозможность, как мысль утаить Волгу или Петербург»<sup>2</sup>, — писал Чернышевский.

Общинник, сообразно своим способностям и силе характера, участвует в решении всех общинных дел, так как от этого зависит и его личный интерес. Община воспитывает в своих членах качества и привычки гражданина.

Обстоятельно Чернышевский аргументировал и экономические выгоды свободного общинного хозяйства.

Противники общинного владения землей доказывали, что фермерское хозяйство обеспечивает больший доход с десятины земли. Признавая возможность улучшений лишь в крупном хозяйстве, Чернышевский указывал на пример Англии, где земледелие доведено до высокой степени совершенства. Однако Чернышевский указывал, что все равно общинное хозяйство выгоднее, так как «при фермерском хозяйстве большинство земледельцев обращается в наемных работников»<sup>3</sup>. В той же Англии высокая степень развития хозяйства у незначительного числа людей обеспечена разорением девяти десятых ее населения, ставшего пролетариатом.

Таким образом, община, обеспечивающая принципом уравнительного распределения земли между своими членами всем одинаковые, равные участки, предохраняет «массу земледельцев от пролетариата»<sup>4</sup>, т. е. нищеты. «Этот порядок, — говорил далее Чернышевский, — обеспечивает огромному большинству поселян пользование землей. Он предотвращает излишнее неравенство состояний между членами общины, — этих выгод, на наш взгляд, совершенно достаточно для предпочтения общинного владения всякому другому»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. V, стр. 617, 618.

<sup>2</sup> Там же, стр. 618.

<sup>3</sup> Н. Г. Чернышевский, Избранные экономические произведения, т. I, М., 1948, стр. 258—359.

<sup>4</sup> Там же, стр. 152.

<sup>5</sup> Там же, стр. 162.

Общинное хозяйство обеспечивает семье и большой доход по сравнению с достатком семьи пролетария. Для доказательства он приводит соответствующие расчеты<sup>1</sup>.

И по общему объему производства общинное хозяйство будет доходнее капиталистического. «Положительный расчет показывает, — писал он, — что если бы во Франции поля возделывались при помощи средств, предлагаемых естественными науками и механикой, и по системе, указываемой политической экономией (общинное возделывание земли при помощи улучшенных машин), жатва более нежели удвоилась бы. А между тем во Франции недостает хлеба»<sup>2</sup>.

В 1857 г. в № 5, 7, 9 и 10 «Экономического указателя» печаталась работа Струкова «Опыт изложения главнейших условий успешного сельского хозяйства», в которой автор указывал на чрезвычайно вредное для прогресса сельского хозяйства сохранение в России «общественного пользования землями». В вину общине Струков ставил истребление лесов и сохранение в деревнях курных изб, беспорядочное пользование землей, незаинтересованность крестьян в ее удобрении с целью сохранения плодородия; община не обеспечивает порядка в домашнем быту «и в исправлении нравственных обязанностей» и т. д., и т. п.

Разбирая эти высказывания Струкова против общины, Чернышевский выделял два заслуживающих, по его мнению, внимания возражения:

«Общинное пользование не допускает удобрения и улучшения земли. . .

Община убивает энергию в человеке»<sup>3</sup>.

Чернышевский, возражая Струкову, обращал внимание на то обстоятельство, что этот противник общины подвергал критике только общину с ежегодным переделом земли, в то время как возможен и широко практикуется в России способ продолжительного пользования землей или пользование ею вовсе без передела. При таких условиях возможны удобрение полей и, следовательно, переход от трехполья к плодопеременной системе.

О втором доводе, что привычка во всем подчиняться интересам общины будто бы лишает крестьянина самостоятельности, предприимчивости и т. д., Чернышевский замечал: «Это уж вопрос не сельскохозяйственный, а нравственно-исторический. История и нравственные науки говорят не то: разъединенность обессиливает и деморализирует людей, союз укрепляет их нравственные и умственные силы и ободряет их волю»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Н. Г. Чернышевский, Избранные экономические произведения, т. I, М., 1948, стр. 117.

<sup>2</sup> Там же, стр. 95—96.

<sup>3</sup> Там же, стр. 123.

<sup>4</sup> Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. VII, стр. 123.



Лет через 25—30 успешно конкурирующая с капиталистической фермой община откроет новую возможность крестьянам «к составлению земледельческих товариществ для обработки земля», т. е. начнет переходить ко второму этапу своего развития.

В работе «Капитал и труд» Чернышевский предлагал план создания товариществ, воплощающих в себе идеалы социализма.

«Приглашаются желающие участвовать в составлении товарищества, — писал Чернышевский. — Число участников в каждом товариществе полагается от 1500 до 2000 человек обоего пола; они принимаются в товарищество с согласия директора, который отдает предпочтение семейным людям над бессемейными. Таким образом, товарищество состоит из 400 и 500 семейств, в которых будет до 500 или больше взрослых работников и столько же работниц. Как поступили они в товарищество по своему желанию, так и выходить из него каждый может, когда ему вздумается»<sup>1</sup>.

Товарищество покупает за бесценок какое-либо запущенное старинное здание, не требующее больших средств для ремонта, а если выгодно, строит новое. В здании будут размещены семьи членов товарищества, желающие жить в одном месте. Не желающие могут занимать квартиру в другом месте. В общем доме квартиры устриваются с таким расчетом, чтобы они имели удобства в соответствии с понятиями работников, были скромны, но обеспечивали приличную жизнь.

«При здании находятся принадлежности, которые требуются нравами или пользою членов товарищества. По нравам того народа и его потребностям такими принадлежностями считаются: церковь, школа, зала для театра, концертов и вечеров, библиотека. Кроме того, разумеется, должна быть больница»<sup>2</sup>.

Для занятия членов товарищества земледелием должно быть достаточное количество полей и других угодий сообразно с наличием рабочей силы для их обработки. Вместе с тем, если позволяют условия, товарищество будет заниматься «промыслами и фабричными делами, какие удобны в той местности. Инструменты, машины и материалы, нужные для этого, получаются на счет товарищества»<sup>3</sup>.

«Словом сказать, — подводит итог Чернышевский, — товарищество находится относительно своих членов в таком же положении, как фабрикант и домохозяин относительно своих работников и жильцов. Оно ведет с ними совершенно такие же счеты, как фабрикант с работниками, домохозяин с жильцами. Нового и неудобноисполнимого тут очень мало, как видим»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. VII, стр. 59.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же, стр. 60.

<sup>4</sup> Там же.

Трудовая жизнь такого товарищества будет строиться с учетом сезонных особенностей работ. Желательно, чтобы летом все занимались земледелием, в другое время — промыслами. Впрочем, оговаривался Чернышевский, обязанности тут нет никакой: каждый волен заниматься, чем желает. Для предотвращения анархии в приложении сил работников товарищества он предлагал в летнюю пору такую плату за работу, чтобы занимающийся, скажем, промыслом увидел бы для себя выгоду заняться земледелием.

Все виды работ в товариществе должны приносить прибыль, часть которой используется на общественные нужды: содержание церкви, школы, больницы и других общественных учреждений. Другая часть прибыли идет на погашение ссуды из казны и процентов по ней. Третья часть прибыли остается как запасный капитал на всякий случай. Если товариществ много, они при затруднениях выручают друг друга средствами из этой части дохода. Когда же сумма запасного капитала станет значительной, часть ее при благоприятных условиях идет на пособие вновь образованным товариществам. «За покрытием всех этих расходов должна остаться значительная сумма, которая пойдет в дивиденд всем членам товарищества, каждому по числу его рабочих дней»<sup>1</sup>.

Стремясь сделать более понятной свою схему, Чернышевский сравнивал товарищество с фабрикантом: у них одинаковые виды расходов, и, следовательно, как у фабриканта, так и у товарищества, будет значительный доход. Но работник товарищества, в отличие от рабочих частных ферм, фабрик, будет участвовать в прибыли от своего труда. Поэтому, несомненно, у товарищества, создающего лучшие условия труда, работы будут успешнее, а отсюда и доход его окажется значительным.

«Этот дивиденд составляет одну сторону выгодности товарищества для его членов; он возникает из производства. Другую сторону выгодности доставляет посредничество товарищества в расходах его членов на потребление»<sup>2</sup>.

Квартиры в общественном здании не только удобнее, но и дешевле обыкновенных. Товарищество, закупая продукты по оптовой цене, прямо с биржи, имеет возможность продавать их дешевле, чем в мелких лавках, где хозяин для выгоды своих делает наценку в 30 процентов стоимости товара.

Товарищество открывает общественную столовую. Взятый на дом из столовой обед будет стоить дешевле, чем в отдельном хозяйстве. Еще дешевле можно обедать за общим столом.

Интересно и своеобразно ставил Чернышевский вопрос об управлении товариществом. «Теперь идея товарищества дело еще

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. VII, стр. 62.

<sup>2</sup> Там же.

новое, и для ее осуществления нужна некоторая теоретическая подготовленность. Потому на первый раз ведение дела поручается человеку, которого правительство признает представляющим надлежащие гарантии знания и добросовестности»<sup>1</sup>. Директор, руководствуясь благоразумием, набирает членов товарищества, определяет потребность мастерских, магазинов и т. п. Как только определится состав товарищества, «члены его по каждому промыслу выбирают из своего числа административный совет, согласно которого нужно во всех важных делах и вопросах, относящихся к этому промыслу; а все члены товарищества выбирают общий административный совет, который постоянно контролирует директора и выбранных им помощников и без согласия которого не делается в товариществе ничего важного»<sup>2</sup>.

Но вот прошел год. Члены товарищества узнали друг друга, приобрели опыт в ведении дел, и назначенный правительством директор становится им ненужным. «Со второго года все управление делами товарищества переходит к самому товариществу; оно выбирает всех своих управителей, как акционерная компания выбирает директоров»<sup>3</sup>. Исходя из опыта работы первого года, товарищество усовершенствует свой устав в интересах самого коллектива.

Предложенный Чернышевским план относится к тем областям и местам, где «общинное владение есть обычай. Где обычай — частная собственность, вводить общинное владение было бы слишком сильным потрясением обычая»<sup>4</sup>. Но Чернышевский не отказывался от преобразования этих районов на общинных началах. Учитывая исторически сложившиеся формы ведения хозяйства и психологию собственника, он предлагал добиваться объединения «постепенно и притом преимущественно объяснениями поселянам выгод общинного владения и наглядными примерами по соседству. Меры должны идти вслед за убеждением большинства, а не предшествовать ему»<sup>5</sup>.

Совместное производство в условиях свободы покажет свое решительное преимущество перед хозяйством отдельных капиталистов, так как весь продукт будет доставаться трудящимся. В коллективном хозяйстве будут производиться такие предметы, которые «одобряются расчетливостью и благоразумием. С точки зрения трудящихся, такие продукты — вещи, удовлетворяющие необходимейшим потребностям человеческого организма»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. VII, стр. 58.

<sup>2</sup> Там же, стр. 60—61.

<sup>3</sup> Там же, стр. 61.

<sup>4</sup> Н. Г. Чернышевский, Избранные экономические произведения, т. I, М., 1948, стр. 333.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. VII, стр. 54.

В коллективах, товариществах откроется широкая возможность для использования агрономии и техники. Из-за бедности крестьян на мелких участках индивидуального хозяйства невыгодно и невозможно применять паровые машины для обработки полей, сбора и обмолота урожая. И орошение полей, указывал Чернышевский, может проводиться только в широких масштабах, что также требует коллективного участия в труде.

Мерилом производства в товариществе будет служить не сбыт продуктов на рынок, «а надобность собственного потребления». Коллективное производство, таким образом, может быть организовано с учетом нужд трудящихся и потому будет иметь плановый характер, чего невозможно осуществить частнокапиталистическому хозяйству. «Вы можете наверное рассчитывать, — писал Чернышевский, — сколько хлеба нужно для известного семейства на неделю, на месяц, на год. . .»<sup>1</sup>. Совершенно иное наблюдается в капиталистическом мире: «. . . ныне на бирже требуются сотни тысяч четвертей хлеба или тюков хлопчатой бумаги, через неделю не потребуются, быть может, ни одной четверти, ни одного тюка. Сбыт не идет размеренным шагом, как потребление; он вечно находится в лихорадочных пароксизмах, и крайняя энергия сменяется в нем совершенным бессилием. К довершению гибельности, невозможно заблаговременно предусматривать ни времени, ни продолжительности этих перемен, ни интенсивности каждой из них. Поэтому производство капиталиста подвержено беспрерывным застоям, а весь экономический порядок, основанный не на потреблении, а на сбыте, подвержен неизбежным промышленным и торговым кризисам. . .»<sup>2</sup>.

Социалистическое хозяйство, где работники коллективно владеют орудиями и средствами производства и совместно трудятся, где все направлено на обеспечение материальных и духовных интересов людей, Чернышевским резко противопоставлялось капитализму с его угнетением личности, анархией производства. Чернышевский верил в возможность развития и совершенствования общины. Поэтому он учил, что, наблюдая рост и процветание коллективного хозяйства, отдельный хозяин, подверженный всем последствиям анархического производства, будет на деле убеждаться в преимуществах коллективного труда.

Преобразование городской жизни, развитие промышленности Чернышевским показано в романе «Что делать?», написанном в годы заключения его в Петропавловской крепости. Мастерские Веры Павловны и ее последовательниц — пример организации труда и жизни городских трудящихся.

В течение второго этапа своего развития сельские товарищества и городские артели, по мнению Чернышевского, не только

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. VII, стр. 55.

<sup>2</sup> Там же, стр. 55—56.

совершенно вытеснят и поглотят частное хозяйство, но и неизменно разовьют производительные силы.

Предсказывая это, Чернышевский писал: «Как самые жаркие проповедники уничтожения феодальных учреждений остались со всеми своими панегириками призываемому новому веку далеко ниже действительности, которую принес он людям, так и мы теперь, какого благосостояния ни ожидали бы от формы товарищества между трудящимися, не в силах вообразить себе ничего равного высокому благосостоянию, которое произведет она в действительности»<sup>1</sup>.

Только на таком высоком уровне производительных сил человечество перейдет от коллективов-товариществ к самой высшей стадии своего развития — коммунизму. Контуры его определены Чернышевским лишь в самом общем виде.

Говоря о коммунизме, Чернышевский писал, что он «берет за основание общественного устройства идеал более высокий, чем каковы принципы социализма. По этому самому эпоха коммунистических форм жизни, вероятно, принадлежит будущему, еще гораздо более отдаленному, чем те, быть может, также очень далекие времена, когда делается возможным полное осуществление социализма»<sup>2</sup>.

На Западе, а позже, во времена Чернышевского, и в России делались попытки создания коммун с целью осуществления высоких идеалов коммунизма. Чернышевский старался предупредить современников от упрощенного подхода к решению генеральной задачи человечества. Он писал, что «нравы, обычаи, понятия, нужные для коммунистического быта, чрезвычайно далеки от понятий, обычаев, нравов нынешних людей, и при первых же попытках устроить свою жизнь по своим коммунистическим тенденциям люди находят, что эти тенденции, быстро увлекшие их, нисколько для них не пригодны»<sup>3</sup>.

При коммунизме должны были осуществиться не только идеи коллективного владения и производства, но и коллективного потребления, регулируемого не законами, а сознанием. Чернышевский верил, что, пройдя первую и вторую стадии развития социализма, человек материально и духовно подготовит себя для осуществления идеалов коммунизма.

Свою веру в безграничные творческие возможности человека Чернышевский выражал словами: «... со временем человек вполне подчинит себе внешнюю природу, насколько будет это ему нужно, переделает все на земле соответственно с своими потребностями, отвратит или обуздает все невыгодные для себя проявления сил внешней природы, воспользуется до чрезвычайной

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. VIII, стр. 56.

<sup>2</sup> Там же, т. XI, стр. 831.

<sup>3</sup> Там же, стр. 832.

степени всеми теми силами ее, которые могут служить ему в пользу»<sup>1</sup>.

Станет изменяться и сам человек. «С развитием просвещения и здорового взгляда на жизнь будут постепенно ослабевать до нуля разные слабости и пороки. . .»<sup>2</sup>.

Труд будет становиться все более производительным, и «все меньшая и меньшая доля его будет тратиться на производство предметов бесполезных. Вследствие дружного действия обоих этих изменений люди придут когда-нибудь к уравниванию средств удовлетворения с своими потребностями. Тогда, конечно, возникнут для общественной жизни совершенно новые условия, и между прочим, прекратится нужда в существовании законов для экономической деятельности. Труд из тяжелой необходимости обратится в легкое и приятное удовлетворение физиологической потребности, как ныне возвышается до такой степени умственная работа в людях просвещенных. . . Тогда, конечно, производство ценностей точно так же обойдется без всяких законов, как теперь обходится без них прогулка, еда. . . Каждая пробужденная потребность будет удовлетворяться досыта, и все-таки останется за потреблением излишне средств удовлетворения; тогда, конечно, никто не будет спорить и ссориться за эти средства, и распределение их вообще будет обходиться без всяких особенных законов, как ныне обходится без особенных законов пользование водами океана: плыви, кто хочет, — места всем достанет»<sup>3</sup>.

Приглашая современника заглянуть в будущее, Чернышевский писал в романе «Что делать?» о том, как будут жить люди: «Здание, громадное, громадное здание, каких теперь лишь по нескольку в самых больших столицах — или нет, теперь ни одного такого! Оно стоит среди нив и лугов, садов и рощ. Нивы — это наши хлеба, только не такие, как у нас, а густые, густые, изобильные, изобильные. Неужели это пшеница? . . . Только в оранжерее можно бы теперь вырастить такие колосья с такими зернами. Поля, это наши поля; но такие цветы теперь только в цветниках у нас. Сады, лимонные и апельсиновые деревья, персики и абрикосы, — как же они растут на открытом воздухе? О, да это колонны вокруг них, это они открыты на лето. . . Группы работающие на нивах, почти все поют. . . они убирают хлеб. Как быстро идет у них работа! . . . Почти все делают за них машины — и жнут, и вяжут снопы, и отвозят их, — люди почти только ходят, ездят, управляют машинами. . . день зноен, но им, конечно, ничего: над той частью нивы, где они работают, раскинут огромный полог; как подвигается работа, подвигается и

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. V, стр. 609.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

он, — как они устроили себе прохладу! . . .» Кончается работа, все идут в огромный зал столовой. Великолепная сервировка из алюминия и хрусталя, вазы с цветами, блюда расставлены на столе. Обед состоит из пяти-шести блюд.

С наступлением осени почти все из двух тысяч жителей двorca уезжают на юг. Они будут возвращаться сюда лишь для зимних прогулок. Природа юга также преобразована людьми. Голые скалы покрылись толстым слоем земли и заросли садами. С помощью мощных машин «бесплодная пустыня обратилась в плодороднейшую землю». Как и на севере, здесь в трех-четыре верстах друг от друга стоят громадные здания-дворцы.

Человек будущего всесторонне развит. Он грациозен и просто одет. В свободное время ему предоставлены возможности развлекаться и пополнять знания в аудиториях, музеях и библиотеках. Будущее человечества светло и прекрасно.

Нарисовав картину человеческого счастья, Чернышевский обращался с призывом к современникам: «Любите его (будущее. — В. Л.), стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести. . .»<sup>1</sup>. Время это, как думал Чернышевский, «еще очень далеко, хотя, быть может, и не на тысячу лет от нас, но, вероятно, больше, нежели на сто или на полтораста»<sup>2</sup>.

Руководителем социалистического преобразования страны должно быть революционное государство. Крестьянская революция, думал Чернышевский, уничтожит самодержавный строй и утвердит в стране «правление народное, правление *de jure* и *de facto*. . . самого низшего и многочисленного класса — земледельцы + поденщики + рабочие, — так, чтобы через это мы были избавлены от всяких переходных состояний между самодержавием (во всяком случае нашим) и управлением, которое одно может соблюдать и развивать интересы массы людей»<sup>3</sup>.

Здесь выражено требование создания государства трудящихся классов. Новое общество, по его мнению, может быть построено лишь на основе разумных законов, для чего на определенное, довольно длительное, время и должно быть сохранено государство.

Мы видим, как глубоко Чернышевский проникся в сущность социализма и коммунизма, и все-таки его учение было утопично, практически неосуществимо. «Чернышевский, — указывал В. И. Ленин, — был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодалную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах про-

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский, Что делать?, М., 1962, стр. 372—381.

<sup>2</sup> Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. V, стр. 610.

<sup>3</sup> Там же, т. I, стр. 355—356.

шлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма»<sup>1</sup>.

Беря общину за основу построения социализма, Чернышевский считал необходимым передачу всей земли крестьянам безвозмездно. В период подготовки и проведения реформы он в подцензурной печати развернул непримиримую борьбу за земельные интересы крестьян. Разоблачая сговор царизма и помещиков, Чернышевский показывал, «что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести «мерзость», жалкий компромисс интересов либералов (выкуп — та же покупка) и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий с головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов»<sup>2</sup>.

Устами героя «Пролога» Волгина Чернышевский говорил: «Если сказать правду, пусть лучше будут освобождены (крестьяне. — В. А.) без земли». Тогда, считал Чернышевский, класс станет перед классом, и открытая борьба между ними будет неизбежной. Как видим, Чернышевский не допускал никаких иллюзий, даже тени надежды на «добрые» намерения царизма в проведении реформы. Напротив, желая ей неуспеха, он хотел вызвать народную революцию и таким образом радикально разрешить крестьянский вопрос.

В. И. Ленин отмечал, что Чернышевский «умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препопы и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»<sup>3</sup>.

### **Борьба революционного народничества в начале 60-х годов**

Разработка теории общинного социализма в России шла рука об руку с практикой революционной борьбы. Кризис крепостной системы обострил классовые противоречия, и в период 1859—1861 гг. в стране сложилась революционная ситуация, одним из важнейших элементов которой была революционная борьба разночинной интеллигенции.

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 175.

<sup>2</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 292.

<sup>3</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 175.



Эти новые силы, становящиеся на смену дворянским революционерам у руля русской революции, группировались вокруг своего великого вождя Н. Г. Чернышевского.

Н. Г. Чернышевский, уже в студенческие годы понявший, что весь ход развития России ведет ее к народной революции, тогда же определил свое место в ней как руководителя или одного из главных лиц «крайне левой стороны». Он жил «неодолимым ожиданием близкой революции» и указывал, что нужна только искра, которая зажгла бы пожар. Люди из «образованного кружка» и представлялись ему этой искрой.

Но Чернышевский представлял себе революцию не как стихийный взрыв народного гнева, а как подготовленную и руководимую революционной партией борьбу народных масс. Став редактором «Современника», он все свое огромное дарование и энергию направил на то, чтобы воспитать плеяду «образованных» людей в революционном духе, сплотить их в революционную партию, которая смогла бы подготовить и возглавить народную революцию. Уже в 1859 г., когда в стране началось массовое движение крестьянства, Чернышевский и Добролюбов вплотную занялись созданием революционной организации.

В то же время и, в конечном счете, к тем же целям стремились за границей А. И. Герцен и Н. П. Огарев. Они беспощадно обличали крепостничество и царских чиновников, требуя устранения последних и передачи всей земли крестьянам, но допускали либеральные колебания в своих взглядах на роль самодержавия в разрешении крестьянского вопроса. Они думали, что можно избежать кровопролития, если царь использует свою неограниченную власть и решится на «революцию» сверху. Отсюда неустанные попытки Герцена своими письмами побудить царя на этот шаг. Однако Герцен не только умолял царя быть благоразумным, но и грозил ему предсказанием неизбежной революции. В случае отказа царя, революция была для Герцена желанным исходом решения исторической задачи России.

Чернышевский и его соратники неустанно боролись за Герцена-революционера. В этом отношении чрезвычайно важно «Письмо из провинции», подписанное «Русский человек». Оно было прислано Герцену из России и опубликовано в «Колоколе» 1 марта 1860 г. «Русский человек» разбивал надежды Герцена на добрую волю царя и предлагал ему звать Русь не «к молебну», а «к топору». И усилия эти не были бесплодны.

Тем временем в самой России сторонники Чернышевского готовились к борьбе. Разоблачая предстоящую реформу как сговор царя с помещиками против народа, Чернышевский со своими соратниками разрабатывал план обращения к различным слоям общества, которых объявление реформы должно было особенно ущемить и возмутить. Сам Чернышевский должен был обра-

тяться с призывом к крестьянам, Шелгунов — к солдатам, Шелгунов и Михайлов — к молодежи.

Такое распределение обязанностей свидетельствует о целенаправленной деятельности группы людей, несомненно, составлявших уже сплоченный центр собираемых революционных сил. Если учесть, что, кроме указанных лиц, авторами прокламаций, появившихся уже в 1861 г., были и другие деятели революционного движения внутри страны и за границей (Огарев), можно со всей определенностью говорить о наличии широкого плана действий революционной интеллигенции.

Особая и выдающаяся роль в подготовке масс к революционной борьбе принадлежит Н. Г. Чернышевскому. Еще в период подготовки реформы он умело использовал легальные возможности для обличения ее грабительской сущности.

Острое политическое чутье и классовая направленность мировоззрения позволяли ему свободно ориентироваться в социальных вопросах, выбирать нужный момент для нанесения удара по врагу и тем самым направлять деятельность революционных сил.

Наступил 1859 год. Измученное крепостничеством и самодержавным гнетом крестьянство стало выходить из повиновения. Официозная и либеральная пресса старалась убедить народ в искреннем стремлении царя даровать ему землю. В этот момент обострения классовой борьбы Чернышевский выступил на страницах «Современника» с такими статьями, как «Материалы для решения крестьянского вопроса», «Труден ли выкуп земли?», где разоблачала политику правительства и давал совершенно иное толкование подготавливаемой реформы. С помощью многочисленных расчетов он доказал, что земля принадлежит крестьянам и они не должны за нее платить помещикам.

Понимая неизбежность проявления недовольства крестьянских масс в момент обнародования реформы, Чернышевский стал разрабатывать агитационные материалы, в которых указывал революционной интеллигенции и народу, как им надо ответить на реформу.

Один из них — «Предисловие к нынешним австрийским делам» — был опубликован в февральском номере «Современника» за 1861 г., второй — прокламация «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» — готовился к распространению после объявления реформы. Оба они пронизаны одной идеей — разоблачением реформы и призывом к борьбе.

Как справедливо указывает Я. И. Линков<sup>1</sup>, исследователи не уделяли должного внимания «Предисловию к нынешним

---

<sup>1</sup> См.: Я. И. Линков, О политической программе Н. Г. Чернышевского в период революционной ситуации 1859—1861 годов, «Вопросы истории», 1955, № 5, стр. 110—116.

австрийским делам». В «Предисловии» Чернышевский на первый взгляд описывал австрийские дела. На самом же деле он выразил в нем «своей гневный протест против реформы и призыв к революционной борьбе за ниспровержение самодержавного деспотизма»<sup>1</sup>.

Разъясняя крестьянам, что объявленная царем реформа есть сущий обман и грабеж, Чернышевский в прокламации «Барским крестьянам»<sup>2</sup> призывал их готовиться к борьбе, а сигнал к восстанию им в нужное время подадут доброжелатели. Отдельными восстаниями, учил Чернышевский, крестьяне ничего не добьются. «Что толку-то, — писал он, — ежели в одном селе булгу поднять, когда в других селах готовности еще нет? Это значит только дело портить да себя губить». Он призывал мужиков «промеж себя согласие иметь, чтобы заодно быть». Пока этой готовности нет, «рукам воли не давай, смиренный вид имей, а сам промеж своим братом мужиком толкуй да подговаривай его, чтобы дело в настоящем виде понимал».

В заключительной части прокламации Чернышевский прямо говорил о наличии в стране организованных революционных сил, которые дадут крестьянам сигнал к выступлению. «Мы уж увидим, — писал он, — когда пора будет, и объявление сделаем. Ведь у нас по всем местам свои люди есть, отовсюду нам вести приходят, как народ да что народ. . . А мы все люди русские и промеж вас находимся, только до поры, до времени не открываемся, потому что на доброе дело себя бережем, как и вас просим, чтобы вы себя берегли».

Реализация задуманного плана обращения к разным слоям общества нашла свое выражение и в прокламации «К молодому поколению»<sup>3</sup>, написанной Н. В. Шелгуновым и М. Л. Михайловым. Издана она была в лондонской типографии А. И. Герцена в сентябре 1861 г. и доставлена в Россию Михайловым.

Начиналась она знаменитым стихотворением Рылеева «Я ль буду в роковое время. . .», затем авторы ее приковывали внимание молодежи к злободневному вопросу современности — к крестьянской реформе. Царь, говорилось в прокламации, «обманул ожидания народа: дал ему волю не настоящую, не ту, о которой народ мечтал и какая ему нужна»; царь показал презрение к народу и народной партии, его правительство «решительно никуда не годится»; России «нужен не император, помазаный маслом в Успенском соборе, а выборный старшина, получающий за свою службу жалованье».

Прокламация, проявляя явную непоследовательность, призывала царя, пока не поздно, пойти на настоящие уступки;

<sup>1</sup> Я. И. Липков, указ. статья, «Вопросы истории», 1955, № 15, стр. 110.

<sup>2</sup> Н. Г. Чернышевский, Избранные экономические произведения, т. II, М., 1948, стр. 606—616.

<sup>3</sup> См.: «Народническая экономическая литература», М., 1958, стр. 83—98.

в противном случае, говорилось в ней, «вспыхнет всеобщее восстание» и восставшие «придут к крайним требованиям».

Только молодое поколение может, жертвуя личными интересами, спасти Россию. Молодое поколение — «настоящая ее сила», «вожаки народа»; оно должно «объяснить народу и войску все зло, сделанное нам императорской властью».

Будущее России авторы прокламации видели не на пути капиталистического развития Европы, а в развитии начал, «какие живут в народе».

Отмежевываясь от европейской истории и европейских идей, авторы прокламации идеализировали русскую старину — раздел «земли встарь, когда еще людям не было тесно» — и указывали, что Россия, не зная страха перед будущим, смело идет навстречу революции.

«Если для осуществления наших стремлений — для раздела земли между народом пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы этого».

Прокламация содержит развернутую программу будущего переустройства страны. В основе ее лежали требования общинного владения землей, развития уже существующего в народе начала самоуправления, провозглашения политических свобод и ликвидации сословий.

Молодежь всех сословий, которая должна составить народную партию, призвана осуществить начертанную в прокламации программу. Обращаясь к ней, Шелгунов и Михайлов писали:

«Говорите чаще с народом и с солдатами, объясните им все, чего мы хотим, и как легко всего этого достигнуть; нас миллионы, а злодеев сотни. Стащите с пьедестала в мнении народа всех этих сильных земли, недостойных править нами, объясните народу всю незаконность и разврат власти... Если каждый из вас убедит только десять человек, наше дело и в один год подвинется далеко. Но этого мало. Готовьтесь сами к той роли, какую вам придется играть; зрейте в этой мысли, составляйте кружки единомыслящих людей, увеличивайте число прозелитов<sup>1</sup>, число кружков, ищите вожаков, способных и готовых на все, и да ведут их и вас на великое дело, а если нужно, то и на слав-



Михаил Ларионович Михайлов

<sup>1</sup> Прозелиты — горячие приверженцы новых идей.



Николай Васильевич Шелгунов

был первым пропагандистским документом, появившимся в «эпоху прокламаций», как уже современники охарактеризовали начало 60-х годов. Его первый листок был отпечатан в конце июня, второй — в сентябре, третий — в октябре 1861 г. Крайняя неудовлетворенность реформой была исходным началом требований «Великорусса». В первом листке<sup>1</sup> указывалось, что «правительство ничего не в силах понимать, оно глупо и невежественно, оно ведет Россию к пугачевщине». Если «образованные классы» не сумеют, обуздав правительство, «руководить им, тогда патриоты будут принуждены призвать народ на дело...». Не выдвигая пока никаких конкретных требований, «Великорусс» поставил перед «обществом» два вопроса: «Должна ли состоять сущность нового порядка вещей, которого одинаково желают и народ и образованные классы, в устранении произвольного управления, в замене его законностью, и способна ли нынешняя династия отказаться от произвольной власти добросовестно и твердо?» Сосбразно разрешению «этих вопросов определятся и способы действия».

Во втором номере «Великорусса»<sup>2</sup> его комитет<sup>3</sup>, ссылаясь на отклики большинства «просвещенных людей», выразил их требования по первому вопросу так: «хорошее разрешение крепостного дела», т. е. освобождение крестьян с наделением их

ную смерть за спасение отчизны тени мучеников 14 декабря...»

Призывая к борьбе за осуществление идей общинного социализма, прокламация объективно выражала требования буржуазно-демократического преобразования страны. Несмотря на непоследовательность ряда суждений, в частности — об отношении к государству и самодержавию, в целом она выдержана в революционном духе, призывала молодежь к решительной борьбе за уничтожение господствовавшего строя.

Совпадает по времени с прокламацией «К молодому поколению» появление серии листков «Великорусса». В сущности, «Великорусс»

<sup>1</sup> См.: М. Лемке, Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», Спб., 1908, стр. 359—360.

<sup>2</sup> См.: там же, стр. 360—363.

<sup>3</sup> Правительству, осудившему ряд лиц за распространение листков «Великорусса», не удалось установить состав организации, откуда вышла прокламация.

землей без выкупа; «освобождение Польши». В предоставлении свободы крестьянам и самостоятельности Польше «Великорусс» видел залог установления в стране «законного порядка», конституции, что, по его мнению, должно быть не актом правительства, всегда стремившегося к сохранению произвола, а выражением воли созванных депутатов. «Для выбора представителей, — писал «Великорусс», — нужны: свобода печати, право популярным людям составить из себя в каждой губернии распорядительный комитет с подчинением ему всех губернских властей, составление временного избирательного закона популярными лицами, которых укажет голос публики».



Николай Александрович  
Серно-Соловьевич

По второму вопросу, «о династии», «Великорусс» высказался в третьем номере<sup>1</sup>. Весь текст листка пронизан верой, «что законность и нынешняя династия — вещи, которых нельзя соединить». Тем не менее, считаясь с широким распространением в среде «друзей свободы» либеральных надежд на царя, «Великорусс» допускал возможным предоставление обществу случая убедиться в обманчивости своих надежд и изжить их. Для этого «Великорусс» предлагал распространить адрес для его широкого обсуждения, а затем предъявить его царю избранными депутатами. «Великорусс» предлагал примерный текст адреса с оговоркой, что в нем он пытается выразить настроение «либеральной партии». Нарисовав картину бедственного положения страны, «Великорусс» в заключении адреса писал: «Благоволите, государь, созвать в одной из столиц нашей русской родины, в Москве или в Петербурге, представителей русской нации, чтобы они составили конституцию для России. Благоволите созвать представителей польской нации в ее столице, Варшаве, чтобы они устроили судьбу своей родины сообразно ее потребностям».

Предоставляя возможность испытать царистские надежды, комитет «Великорусса» считал, что передовая часть патриотов должна помочь «умеренной партии, желающей сделать такую пробу. Время, — писал он, — употребленное на этот опыт, не будет потеряно для политического воспитания нации. Сами фак-

<sup>1</sup> См.: «Колокол», вып. IV, М., 1962, стр. 961—963.



Александр Александрович  
Серно-Соловьевич

ты пусть раскроют глаза людям, питающим ошибочную надежду на династию».

Пока будет вестись пропаганда адреса, «на людях, особенно сильных умом и характером, — писал «Великорусс», — лежит еще другая обязанность, организовать и дисциплинировать движение. Они должны составлять комитеты, которые систематически руководили бы партиями... Когда образуются комитеты по городам, наш комитет вступит в сношение с ними». Мирная оппозиция, если она будет дружно выражена по всей стране и главным образом в столицах, могла бы, по мнению «Великорусса», заставить трусливое правительство пойти на уступки. Если же сторонники мирного разрешения

вопроса не решатся действовать, тогда, писал «Великорусс», «нам не остается выбора: мы должны будем действовать на простой народ и с ним будем принуждены говорить уже не таким языком, не о таких вещах. Долго медлить решением нельзя: если не составят образованные классы мирную оппозицию, которая вынудила бы правительство до весны 1863 года устранить причины к восстанию, — народ неудержимо поднимется летом 1863 года. Отвратить это восстание патриоты не будут в силах и должны будут позаботиться только о том, чтобы оно направилось благотворным для нации образом».

«Великорусс», составленный в выдержанном тоне, своим стремлением учитывать настроение всех оппозиционных сил страны вызвал к себе интерес в самых широких кругах русского общества того времени. Успех его был громаден. Н. Г. Чернышевский несколько позже, в «Письмах без адреса», несомненно имея в виду «Великорусс», писал, что эту программу порицали одни, хвалили другие, но принимали к сведению все. «Великорусс» ставил перед честным современником вопрос: «С кем ты?» Пассивность либералов должна была снять с них покров защитников народа и тем самым вызвать размежевание общественных сил. Но трусливые либералы не откликнулись на призыв «Великорусса». Это показало, за кого они стоят. Страстно и гневно разоблачала их новая прокламация — «Молодая Россия»<sup>1</sup>, написанная студентом П. Г. Заичневским. Она вышла в свет в

<sup>1</sup> См.: «Народническая экономическая литература», М., 1958, стр. 99—107.

мае 1862 г. В ней сразу указывалось, «что общество разделяется в настоящее время на две части, интересы которых диаметрально противоположны и которые, следовательно, стоят враждебно одна к другой. Снизу слышится глухой и затаенный ропот народа», немилосердно угнетаемого помещиками, чиновниками и царем. Сверху — помещики, потомки бывших любовников императриц, купцы, чиновники и во главе их царь. К «партии императорской» относятся и либералы.



Петр Григорьевич Заичневский

Интересы «партии народа» и «партии императорской» непримиримы, между ними всегда шла борьба. «Сегодня забитая, засеченная, — писал автор о «партии народа», — она завтра встанет вместе с Разиным за всеобщее равенство и республику Русскую, с Пугачевым за уничтожение чиновничества, за надел крестьян землей. Она пойдет резать помещиков, как было в восточных губерниях в 30-х годах, за их притеснения: она встанет с благородным Антоном Петровым и против всей императорской партии».

Обращая внимание на современный ему общественный строй, автор говорил, что в нем все ложно и нелепо, «не выдерживает даже поверхностной критики». Выход из положения один: «революция, революция кровавая и неумолимая, революция, которая должна изменить радикально все, все без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка».

Выяснив необходимость и неизбежность революции в России, автор прокламации выдвигал программу будущего социально-экономического устройства страны. Он был сторонником добровольного федеративно-республиканского союза областей и общин во главе с выборным Национальным собранием при сохранении больших автономных прав на местах. Земледельческая община и общественная фабрика выдвигались им как формы организации производственной деятельности сельского и городского населения.

Важное значение имело требование предоставления полной независимости Польше и Литве.

Заичневский понимал, что вся эта программа не может быть сразу претворена в жизнь. Новые институты возникнут не сразу.



С победой революции революционная партия некоторое время будет осуществлять диктатуру. Она станет во главе правительства, сохранит «теперешнюю централизацию, без сомнения, политическую, а не административную, чтобы при помощи ее ввести другие основания экономического и общественного быта в наивозможно скорейшем времени».

Народ, особенно миллионы старообрядцев, рассматривался в прокламации основной движущей силой революции, однако инициатива, по мысли Заичневского, будет исходить не от него, а от армии и молодежи. При этом молодежи отводилась роль вожака народных масс. Заичневский призывал ее готовиться к борьбе, чаще собираться, образовывать тайные общества и кружки.

«Скоро, скоро наступит день, — говорилось в прокламации, — когда мы распустим знамя будущего, знамя красное и с громким криком «Да здравствует социальная и демократическая республика русская!» двинемся на Зимний дворец истреблять живущих там». Свои надежды на революцию Заичневский связывал со временем вступления в силу «Положения 19 февраля» весной 1863 г.

«Молодая Россия» произвела большое впечатление на современников. Ее резко обличительный и революционный тон был встречен с одобрением сторонниками решительных и немедленных действий в среде студенческой и военной молодежи. Более зрелая часть революционеров и руководителей революционного движения, в том числе и Чернышевский, отнеслись к прокламации сдержанно. Дело в том, что прокламация Заичневского уводила революционеров от пропагандистской и организаторской работы в народе, настраивала их верить главным образом в успех заговора. Народ в ней рассматривался как стихийная сила, всегда готовая к выступлению. Разумеется, Чернышевский и его сторонники не могли одобрить такую тактику борьбы, в то же время они не могли не разделять общего обличительно-революционного настроения прокламации.

Серия прокламаций, вышедшая в начале 60-х годов, имела большое значение в подготовке условий для идейного и организационного объединения революционеров.

Важная роль в этом принадлежит и заграничному центру, могучей пропаганде «Колокола», руководимого Герценом и Огаревым. Еще в 1857 г. Огарев при участии Герцена написал «Записку о тайном обществе»<sup>1</sup>, в которой ставилась задача путем популяризации знаний в народе подготовить общество к проведению широких демократических реформ в стране. В «Идеалах»<sup>2</sup>, написанных Огаревым в 1859 г., цель общества автор

<sup>1</sup> См.: «Литературное наследство», т. 39—40, М., 1941, стр. 323—328.

<sup>2</sup> См.: «Литературное наследство», т. 61, М., 1953, стр. 494—500.

видит в том, чтобы «положить начало социальному миру на основании общинного землевладения» при политическом «самоуправлении общин». Осуществление указанной цели «Идеалы» также связывали с проведением реформ, однако как в первом, так и во втором документах о тайном обществе Огарев считал проводником будущих реформ не царское правительство, а деятелей тайного общества.

1 января 1861 г. вышел 89-й лист «Колокола», в сущности целиком посвященный статье Огарева «На Новый год»<sup>1</sup>. Он распространялся как прокламация. Все ждали указа об освобождении крестьян, и Огарев, стараясь подготовить правильную реакцию общественного мнения на реформу, метко вскрывал ее антинародную сущность. «Крестьяне увидят, — писал он, — что они такие же крепостные, как были; только их права, их собственность, их работа, все их отношения к помещику из неопределенности по отсутствию правил перешли в неопределенность по бесчисленности правил», что объявленная «свобода поддельная»; освобождение никого не удовлетворит; оно отрицательно скажется на экономическом и социальном развитии страны, если правительство не пожелает заменить «управительное чиновничество выборным началом», не захочет создать областное самоуправление, объединить области в федерацию, открыть областные банки на основе выборного управления, учредить гласный суд, провозгласить свободу слова, вероисповедания и т. д. Однако Огарев не верил в способность тупоумного правительства понять задачи и возглавить экономическое и общественное развитие страны, поэтому он писал: «... правительство будет не совершать преобразования, а мешать ему»; «новый указ о крестьянах будет не конец крепостного состояния, а начало русского освобождения». Все это заставит общество, «всех порядочных людей» отделиться от правительства, «покорить его власть власти общественной» — составить «свои центры действия» и не допустить, чтобы правительство мешало «развитию тех общественных данных, которые существуют, сознаются и вошли в движение». Под развитием «общественных данных» Огарев имел в виду широкую программу мирных преобразований, уже выдвинутую им в предшествующих документах о тайном обществе. Здесь она получила более обстоятельное обоснование и приняла более конкретное выражение.

Проследившая развитие программных документов «Колокола» в дореформенное время, можно со всей определенностью сказать, что Герцен и Огарев, по мере приближения реформы, утрачивали надежду убедить царя возглавить мирный процесс широкого демократического преобразования страны. Они все более

<sup>1</sup> См.: «Колокол», М., 1962, вып. IV, стр. 745—752.

и более убеждались, что это дело «всех порядочных людей», которые должны были объединиться в тайное общество.

Правда, провозглашение реформы Герцен и Огарев приветствовали как величайший акт раскрепощения крестьян, но они считали его лишь первым шагом и надеялись, что за ним последует второй. Герцен призывал царя освободить и государственную мысль от реакционеров и бюрократов, ввести в стране гласность. Он еще надеялся, но с досадой и скрытой тревогой замечал: «Все делается так шатко, так половинно и тяжело»<sup>1</sup>.

Между тем в стране усиливалась реакция. Карательные отряды стали расстреливать крестьян, протестовавших против реформы. В 98-м и 99-м листках «Колокола» 15 мая 1861 г. Герцен в статье «Русская кровь льется!» писал: «Ужасом, слезами наполняют нас новости, идущие со всех сторон. Бедные, бедные крестьяне!..»

Мы останавливаемся, темно перед глазами, мы боимся дать голос всему, что стонет в нас, мы боимся высказать все, что бродит на сердце...»<sup>2</sup>.

Иллюзии рассеялись, надежды окончательно утрачены, наступило отрезвление. В 101-м листе 15 июня 1861 г. «Колокол» статьей Огарева «Разбор нового крепостного права» заявил: «Старое крепостное право заменено новым. Вообще крепостное право *не отменено*. *Народ царем обманут!*»<sup>3</sup>. В этом же номере «Колокола» Герцен, ужасаясь происшедшему, восклицал: «В о л я! В о л я!»<sup>4</sup>.

1 июля 1861 г. в статье «Что нужно народу?»<sup>5</sup> Огарев говорил: «Народу нужна земля и воля». Он требовал бесплатно передать землю общинам, уничтожить чиновников, ввести выборное управление, которое будет определять налоги, контролировать расходы. Но тут же, желая избежать социальных обострений, Огарев предлагал из общей суммы податей в течение 37 лет выплачивать помещикам 60 миллионов рублей компенсации за землю, а царю «отсчитывать — сколько... за управление положить можно». В заключительной части статьи этот либеральный мотив сменяется призывом не верить царю; «... не жди от царя никакого добра, а только одного зла»; «он не друг, а первый враг народа... Пусть же народ подождет молиться за него, — писал Огарев, — а своим чутьем да здравым смыслом понщет себе друзей понадежнее, друзей настоящих, людей преданных». Такие люди могут быть среди офицеров, помещиков, купцов, интеллигенции. «Шуметь без толку и лезть под пулю в разбив-

<sup>1</sup> См.: «Колокол», М., 1962, вып. IV, стр. 797.

<sup>2</sup> Там же, стр. 821.

<sup>3</sup> Там же, стр. 848.

<sup>4</sup> Там же, стр. 849.

<sup>5</sup> Там же, стр. 853—856.

ку нечего, а надо, — напутствовал народ Огарев, — молча собираться с силами, искать людей преданных, которые помогали бы и советом и руководством, и словом и делом, и казней и жизнью, чтобы можно было умно, твердо, спокойно, дружно и сильно отстоять против царя и вельмож землю мирскую, волю народную, да правду человеческую».

15 августа 1861 г. Герцен выдвинул в «Колоколе» лозунг: «Заводите типографии! Заводите типографии!»<sup>1</sup> — и вслед за тем выступил со статьей «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ»<sup>2</sup>, в которой страстно и гневно обличал царя, расстреливавшего крестьян, его генералов и церковь, благословившую эти злодеяния. С пламенными словами обращался Герцен к народу: «... О если б слова мои могли дойти до тебя, труженник и страдалец земли русской!.. я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой пстербургским синодом и немецким царем...»

Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но вернись еще в царя и в архиерея... не верь им. Царь с ними, и они его».

Увидев в начале 60-х годов революционный народ, Герцен и Огарев безбоязненно встали на его сторону, подвняли знамя революции<sup>3</sup>. Летом 1861 г. их революционный призыв сливается с революционным призывом в России: консолидация борющихся сил в стране с лета 1861 г. направляется внутренним и международным центрами.

В сентябре, октябре и декабре в «Колоколе» помещаются получившие в стране довольно широкое распространение листки-прокламации «Великорусс». Кроме того, в листе 107-м «Колокола» за 15 сентября 1861 г. была опубликована имевшая программное значение статья «Ответ «Великоруссу», подписанная: «Ваш. Один из многих»<sup>4</sup>. Приветствуя «Великорусс» как «открытый вызов самодержавию в самом пекле его», автор «Ответа» в то же время указывал на его слабые стороны. «Надо, — писал он, — обращаться не к «обществу», а к народу, и не предлагать вопросов, а прямо отправиться от положительного начала: что жить далее при настоящем порядке невозможно, а лучшего быть не может, пока власть в царских руках».

Автор «Ответа» стоял на стороне решительных действий: «Время надежд и ожиданий прошло... Теперь наступила пора борьбы непрерывной, беспощадной, до последнего издыхания враждебной силы». Он призывал объединить враждебные правительству элементы в одну силу и привести ее в действие. Пока обманутый народ с ребяческим доверием ждет через два года

<sup>1</sup> См.: «Колокол», М., 1962, вып. IV, стр. 877.

<sup>2</sup> Там же, стр. 877—879.

<sup>3</sup> См.: В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 261.

<sup>4</sup> См.: «Колокол», М., 1962, вып. IV, стр. 895—897.

(т. е. весной 1863 г.) полной воли, меньшинство должно соединиться с народом и сделать свое дело. Первым шагом меньшинства к слиянию с народом должно быть объединение в союз, «идуший к одной цели, действующий как один человек. Достигнув этого, уже не трудно будет сойтись с народом». Далее автор указывал, как нужно действовать в целях объединения. «Для образования союза, — писал он, — нет другого пути, как составление тайных центров, обществ, братств... Они образуют бойцов, соединяют силы, готовят движение; без них массы или не поднимутся, или, поднявшись не подготовленные, не выдерживают борьбы с организованным врагом».

Духом решительности проникнута и постановка задач деятельности союза: «Надо писать, писать много и понятию народу; заводить тайные типографии, распространять печатанное в народе и войске; обучать крестьян и солдат, заводить братства в полках, сближать солдат с народом, войти в сношение с раскольниками, казаками, монахами, ввозить заграничные издания, привлечь к себе как можно больше военных, извлекать из коронной службы способных людей, давая им другие средства существования, завести торговые и промышленные заведения, и готовить денежные и всякие средства». Конечная цель союза не конституция, а «полное освобождение крестьян, право народа на землю, право его устроиться и управляться самим собой, освобождение и свободный союз областей».

Помещая «Отзет «Великоруссу», Герцен, несмотря на несогласие с «частностями», в целом от души приветствовал «этот живой призыв на живое дело». Тут же он писал: «Мы давно думали о необходимости органического сосредоточения сил, но считали, что не от нас должна выйти инициатива, не из-за границы, а из самой России».

В следующем номере «Колокола» Герцен и Огарев (статья вышла за подписью Огарева, но она отражала их общую точку зрения) поместили «Ответ на ответ «Великоруссу». «Наш ответ — привет», — были его первые слова. Редакторы «Колокола» выдвигали план создания не централизованного, а федерального, областного союза (партии), что, по их мнению, обеспечит тесную и непосредственную его связь с народом.

«Областные общества, — писал Огарев, — легче размножатся и легче станут народными, и потому спасут от дикого кровопролития... При их влиянии даже крестьянские восстания не дойдут до убийств, а много, много ограничатся правом возмездия, т. е. помещика и чиновника посякут да и выгонят». Местные общества могут создаваться «около промышленного предприятия, около школы, около устройства банка, около устройства ярмарки, около устройства одной волости... около чего угодно... Одно развитие круговой поруки, которая существует и в областях с общинным и в областях с подвор-

ным землевладением... может собрать около себя меньшинство и народ, соединенные в одно явно-тайное общество».

Герцен и Огарев разделяли общее всем русским революционерам той поры мнение, что весной 1863 г. крестьяне непременно вновь подымутся на борьбу. Исходя из этого, они считали весьма важным, чтобы члены общества занимали посты мировых посредников и всеми силами способствовали составлению уставных грамот в пользу крестьян. Через два года озлобленное правительство сместит их и тем самым даст им «в областях огромную нравственную силу», а с ними и всем обществам. Члены общества должны проникнуть в армию, овладеть офицерскими постами. «Без войска, — советовал Огарев, — вы долго ничего не сделаете. Народ может высказать свои требования там, где войско за него, или там, где вовсе нет войска спереди и где его нет с тыла».

Герцен и Огарев особенно подчеркивали необходимость революционного союза с Польшей. Они опасались, как бы Польша не поднялась раньше и тем самым не погубила дело своей и русской свободы. Только в совместной борьбе русских и польских революционеров они видели гарантию успеха. Герцен и Огарев выражали согласие с автором «Ответа «Великоруссу» в общих основах. «... На первом плане, — писал Огарев, — стоит уяснение несостоятельности и вреда царской власти для общественного благосостояния и общественной свободы, которые не могут быть достигнуты помимо народного землевладения, сельского самоуправления, областной самобытности и областного союза». Для достижения указанных целей они были «готовы по-прежнему служить за границей совершенно свободным голосом русского движения, пока это нужно, и всегда готовы вернуться в Россию — служить ей посильным трудом, или сложить голову за ее освобождение».

Развивая положения «Ответа на ответ «Великоруссу», Герцен 1 ноября 1861 г. в 110-м листе «Колокола» выступил со статьей «Исполин просыпается», где, указав на пробуждение народа, обратился к молодежи (в частности, к студенческой молодежи, среди которой осенью 1861 г. возобновились волнения) с призывом идти в народ. «В народ! К народу! — вот ваше место, изгнанники науки...»<sup>1</sup>.

Прокламации, появлявшиеся в России, статьи издателей «Колокола» и публикации ими программных документов из России свидетельствуют о стремлении революционеров внутри страны и за границей найти правильный путь борьбы: ясно определить цели, создать организацию, выработать ее тактику. Оба центра будили, звали все прогрессивные силы страны к решительному действию, способствовали их сплочению в единый революцион-

<sup>1</sup> «Колокол», М., 1962, вып. IV, стр. 918.

но-демократический лагерь. После падения крепостного права под руководством сложившегося вокруг Чернышевского центра революционные силы стали объединяться в единую боевую организацию, которая получила название «Земля и воля». Этот лозунг, выдвинутый редакторами «Колокола» Герценом и Огаревым, был, как справедливо пишет исследователь «Земли и воли» Я. И. Линков, «точным выражением сути народничества как идеологии крестьянской демократии в России»<sup>1</sup>. Общество «Земля и воля», сначала структурно построенное по пятеркам, а затем и двойкам, своим организационным центром имела пятерку в составе ближайших сподвижников Чернышевского — братьев Н. и А. Серно-Соловьевичей, А. Слепцова, Н. Обручева, В. Курочкина, а с весны 1862 г. — и С. Рымаренко<sup>2</sup>.

С первых дней деятельности центра перед ним вставали самые разнообразные и сложные задачи, и в числе их — распространение складывавшейся организации на всю страну. Она должна была объединить, подчинить одной цели массу мелких кружков, существовавших в разных городах страны. В. И. Кельсиев, один из активных членов «Земли и воли» (впоследствии перешедший в стан врагов), в своей «Исповеди» в какой-то мере отражал стоящую перед партией организационную задачу. «Нужна была, — писал он, — крепкая организация множества существовавших тогда мелких кружков, с безусловным подчинением их кружкам губернским, которые, в свою очередь, должны были слепо повиноваться петербургскому, московскому, киевскому и еще не помню теперь каким, но помню, что эти центры предполагалось устроить, сообразуясь с географическими и этнографическими условиями... Затем все эти центральные кружки должны были подчиняться одному общему для всей России, как бы он ни сложился, в виде ли периодических съездов или в виде постоянного комитета, заседавшего в Петербурге; главой же и диктатором его должен быть Герцен»<sup>3</sup>. В целях реализации плана центра по объединению периферийных кружков А. А. Слепцов совершил поездку по городам Поволжья.

«Народное дело», заграничный журнал, редактировавшийся Н. И. Утиным, одним из руководителей первой «Земли и воли», в ноябре 1869 г. в некрологе, посвященном А. А. Серно-Соловьевичу, писал, что в 1862 г. «на всем пространстве России шло объединение подготовительной работы без подозрения друг друга, без препирательств из-за диктатуры того или другого комитета в общей федерации столичных и провинциальных комитетов. Каждый комитет ссужал другой всем, чем только мог, и,

<sup>1</sup> Я. И. Линков, Основные этапы истории революционного общества «Земля и воля» 1860-х годов, «Вопросы истории», 1958, № 9, стр. 39.

<sup>2</sup> См.: там же, стр. 41.

<sup>3</sup> «Литературное наследство», т. 41—42, М., 1941, стр. 314—315.

в свою очередь, обращался за братской помощью к другим, когда то требовалось». За сравнительно короткий срок «Земля и воля» превратилась в массовую организацию. Одно ее московское отделение насчитывало до 400 человек действительных членов<sup>1</sup>.

В то же время общество ставило перед собой задачу развертывания широкой пропаганды. «Массам, — как писал А. А. Слепцов, — нужно было сказать такие слова, которых они до того почти или вовсе не слышали, и притом сказать их так, чтобы, не забывая голову мудреностью, проникнуть в сердце заколоченного Николаем и не отпертого Александром русского нутра»<sup>2</sup>. Наиболее доступный путь пропаганды среди самых различных слоев городского населения лежал через воскресные школы, во множестве появлявшиеся в первые пореформенные годы. Революционеры складывавшейся организации воспользовались этим и старались захватить воскресные школы в свои руки. В целях пропаганды организация придавала большое значение печатным изданиям. Лозунг Герцена «Заводите типографии!» находил благоприятный отклик в стране, однако наиболее действенным было печатное слово самого «Колокола», свободного от цензуры органа русской революции. Не случайно проблемные вопросы, горячо волновавшие революционеров страны, излагались именно на его страницах. Они помогали разрешению наиболее сложного вопроса для новой организации — преодолению идейных разногласий в среде революционеров. В. И. Кельсиев в своей «Исповеди», передавая слова Н. Серно-Соловьевича, писал: «У нас такая разногласица, что нет двух человек, согласных в принципах или цели... молодежь бросается в нелепые теории и фантазии, никого слушать не хочет, несет чушь...»<sup>3</sup>. Идейный разброд оказался для организации наиболее чувствительным и труднопреодолимым вследствие тяжелой утраты, которую понесли революционеры в связи с арестом в июле 1862 г. Чернышевского. Арестованы были Н. Серно-Соловьевич, С. Рымаренко и другие. Часть революционеров вынуждена была эмигрировать за границу, а «Современник» и «Русское слово» — закрыты.

Несмотря на понесенные утраты, организация устояла. «В ноябре 1862 г. центр общества пополнился новыми членами. Было решено, что в него вместо братьев Серно-Соловьевичей войдут Н. И. Утин и Г. Е. Благосветлов. В качестве заместителей были избраны Николай Курочкин и Г. З. Елссев. Тогда же центр «Земли и воли» был преобразован в Центральный коми-

<sup>1</sup> См.: Я. И. Линков, указ. статья, «Вопросы истории», 1958, № 9, стр. 43.

<sup>2</sup> Там же, стр. 41.

<sup>3</sup> «Литературное наследство», т. 41—42, М., 1941, стр. 313.



тет. Этим завершается первый этап истории тайной организации»<sup>1</sup>, — пишет Я. И. Линков.

В связи с приближавшимся сроком (февраль 1863 г.) вступления в силу «Положения 19 февраля» общество приступило к подготовке восстания. Роль заграничного центра теперь усиливается. Важное значение приобрел разработанный Огаревым план подготовки борьбы к весне 1863 г. Он назывался «Заграничные общества»<sup>2</sup>. Дата появления его точно не установлена, но, по всей вероятности, ее нужно отнести ко времени после ареста Н. Г. Чернышевского, так как при нем Огарев ни в одном документе подобного характера не допускал таких выражений, как «я вскоре разработаю», «я требую». Вообще весь документ в основном выдержан в духе указаний и свидетельствует о взятой редакторами «Колокола» фактически на себя ответственности за направление деятельности общества, впервые названного Герценом в приписке к «Заграничным обществам» своим именем — «Земля и воля».

Огарев требовал создать опорные пункты общества в университетских городах, в местах расположения войск, в среде народа в различных местах страны, связать их сетью агентов, развернуть везде пропаганду, чтобы к февралю 1863 г. быть готовым предъявить правительству требования с целью привести его «к созванию Земского собора на основаниях трех адресов (общего — формального, адреса от меньшинства и адресов от народа), то есть на основаниях, что земли — земское достояние, что управление выборное и что области распределяются по собственному желанию на самостоятельные отделы федерации. Далее цель — если правительство в Земском соборе откажет, то на тех же основаниях произвести восстание со всех периферий разом».

Огарев, давая указания о плане всеобщего восстания, особенно предупреждал против местных восстаний, в частности выступления одной Польши. В связи с этим он писал: «Если восстание совершится только в Варшаве и Киеве, оно пойдет в междоусобие — польскую войну; для того чтобы оно было народным освобождением, оно должно идти от всей периферии, т. е. чтоб одновременно с Варшавой и Киевом — тронулся Кавказ во внутрь России, захватывая с собой Астрахань, Дон и Черноморье, и тронулся бы Оренбургский Урал — на Нижний и Пермский Урал — на Казань. Между этими тремя крыльями, увлекающими народные массы, 4-й и 6-й корпуса, расположенные в понизовье, или не станут драться или окажут пустое сопротивление. А четвертое крыло пойдет с Запада.

<sup>1</sup> Я. И. Линков, указ. статья, «Вопросы истории» 1958, № 9, стр. 43.

<sup>2</sup> См.: «Литературное наследство», т. 61, М., 1953, стр. 502—511.

При таком восстании едва ли возможно большое кровопролитие. Это скорее мирно-завоевательный поход».

В целях осуществления задач пропаганды идей общества в самом народе Герцен и Огарев летом 1862 г. стали издавать газету «Общее вече». В ее втором номере, вышедшем в августе 1862 г., Огарев выступил со статьей «Что надо делать народу», где подробно изложил требования уничтожения казенно-чиновничьего управления и замены его народным, задачи борьбы народа сначала за выработку адресов, а при отклонении царем идеи Земского собора — организации и проведения восстания<sup>1</sup>.

Развертывая издательскую деятельность, Герцен и Огарев были обеспокоены поисками новых путей для доставки литературы и прокламаций в Россию. 15 декабря 1862 г. Огарев писал В. И. Баксту: «... надо за дело приняться с энергией, поэтому мы и надеемся, что в продолжении месяца пути совершенно найдутся, ибо один молодой человек уже поехал оных ради. Так как вам теперь нездоровье мешаст, то дайте это устроить, а через некоторое время съездите в другую местность и устройте еще пути». Тут же приписал Герцен: «Я начинаю верить, что дело сношений устроится очень хорошо. Теперь мы делаем опыты посылок новыми дорогами»<sup>2</sup>.

Усиление роли заграничного центра по руководству обществом вызывало необходимость согласования его деятельности с русским центром. С этой целью для переговоров с Герценом и Огаревым в Лондон в феврале 1863 г. выехал А. А. Слепцов. Результатом их было достижение соглашения обоих центров, в основном определивших их совместные задачи. Вместе с тем в Лондоне был образован Совет общества «Земли и воли», что подчеркивало важность руководящего значения заграничного центра. Сами Герцен и Огарев в момент приближения срока ожидавшегося восстания в России все более настойчиво и решительно стремились брать дело его подготовки в свои руки. «Колокол» стал призывным рупором восстания. На его страницах и в прокламациях Герцен и Огарев страстно звали народ России к борьбе за землю и волю. С начала 1863 г. в самой России стал издаваться листок «Земли и воли» — «Свобода», со страниц которого также зазвучал этот призыв.

Весной 1863 г. в стране обозначился подъем крестьянского движения, но ожидаемого восстания не произошло. Поднялась одна Польша, по ее выступление началось в январе 1863 г., раньше намечавшегося срока общероссийского восстания.

---

<sup>1</sup> Скорее всего можно предположить, что эта статья была популярным изложением идей «Заграничных обществ», так как газета «Общее вече» ставила перед собой задачу доведения до сведения народа идей партии «Земля и воля».

<sup>2</sup> А. И. Герцен, т. XXVII, стр. 271.

Как внутренний, так и заграничный центры «Земли и воли» постоянно поддерживали связь с польскими революционерами. Одним из крупных и наиболее организованных отрядов «Земли и воли» было ее отделение в русских войсках, расквартированных в Польше<sup>1</sup>. Им руководил талантливый организатор офицер Андрей Потебня.

В сентябре 1862 г. представители польского Центрального национального комитета С. Подлевский и А. Гиллер вели с Герценом и Огаревым в Лондоне важные для обеих сторон переговоры<sup>2</sup>. В Польше назревала революция, и представители польского комитета посетили Лондон, а затем Петербург с вполне понятным намерением заручиться поддержкой своих русских братьев, но в переговорах с ними они высказывали возможность скорой развязки, что не соответствовало планам «Земли и воли». В Лондоне и в Петербурге руководители «Земли и воли» предупреждали польских товарищей о губительности их отдельного выступления, так как в самой России «Земля и воля» тогда еще не была готова к восстанию. Тем не менее, считаясь с реальным развитием событий в Польше, которая могла восстать и ранее намеченного срока общероссийского выступления, руководители «Земли и воли» обещали оказать Польше всяческую поддержку. Более того, они стремились к тому, чтобы польские события превратились во всероссийское восстание. Русские революционеры, по их мнению, могли овладеть царскими войсками в Польше, поддержать с их помощью польское восстание, а затем направить их в Россию для возбуждения бунтов среди крестьянских масс.

Когда Польша восстала, члены «Земли и воли» сделали все от них зависящее для вооруженного участия на стороне поляков, но им не удалось осуществить намеченных целей. Герцен и Огарев братски приветствовали польских революционеров, клеймили позором злодеяния царских войск в Польше, обращались за поддержкой к мировому общественному мнению. В развитии массового крестьянского движения весной 1863 г. в Литве Герцен и Огарев увидели естественное движение революционного потока в сторону самой России. Они звали русских становиться в ряды литовцев и идти оттуда под знаменем «Земли и воли» в глубь страны. «По призыву «Земли и воли», Герцена и Огарева, — пишет Я. И. Линков, — активное участие в литовском восстании приняли и русские офицеры, солдаты и студенты, среди которых, по-видимому, были и члены тайного общества...»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> В его составе был поручик К. И. Крупский, отец Н. К. Крупской.

<sup>2</sup> См.: Я. И. Линков, указ. статья, «Вопросы истории», 1958, № 9, стр. 47—48.

<sup>3</sup> Там же, стр. 49.

«Одним из важнейших практических мероприятий Совета «Земли и воли» весной 1863 г., — продолжает он, — была поездка Бакунина и А. А. Герцена (сына А. И. Герцена), являвшегося заграничным агентом «Земли и воли» (конспиративная кличка «Юниор»), в Стокгольм. В их задачу входила организация бесперебойного потока агитационно-пропагандистских материалов в Россию в период дальнейшего развертывания революционной борьбы весной и летом 1863 года. Другой их задачей, также непосредственно связанной с подготовкой военно-крестьянского восстания, являлось установление связей с финским национально-освободительным движением для взаимной поддержки в борьбе с царизмом»<sup>1</sup>.

В марте 1863 г. Герцен и Огарев организовали «Экспедицию Лапинского», которая отправилась из Англии на корабле «Ward Jackson» «на помощь восставшей Польше с оружием и добровольцами, желавшими принять участие в восстании»<sup>2</sup>. Обеспокоенный задержкой экспедиции в пути и учитывая, что польское восстание приняло национальный, а не крестьянский характер и что в католической Литве также возможно антиправославное движение, в результате чего царизм будет усилен поддержкой народа и победит, Огарев шлет для передачи сыну Герцена, А. А. Герцену, в Стокгольм директивную записку «Три вопроса»<sup>3</sup> и требует обратить особое внимание на Финляндию. Цель финнов, указывал Огарев, — бороться за полную самостоятельность, для чего они должны организовать «у себя серьезное общество». Постановкой «финского вопроса в русской литературе и русском мнении» Огарев считал возможным вызвать в России сочувствие Финляндии, и тогда «при первом движении в России Финляндия может объявить себя самостоятельной, безо всякой помехи и даже без всякой войны». Но движение в Финляндии не должно принять национальный, т. е. националистический, характер. «Без сомнения, — писал Огарев А. А. Герцену, — мы требуем, чтобы финское общество было организовано и делало бы пропаганду не враждебно России, а в помощь всем стремлениям русской социальной реформы». Одна постановка в печати финского вопроса, по мнению Огарева, «заставит русское правительство вздрогнуть и зашататься еще и с новой стороны, на которую оно не обращало достаточно внимания».

Если финское восстание не подымется раньше, чем царизм подавит движение в Польше и Литве, тогда финнам, как и русским, останется только ждать. Такой исход событий Огареву, очевидно, казался наиболее вероятным. В связи с этим он пи-

<sup>1</sup> Я. И. Линков, указ. статья, «Вопросы истории», 1958, № 9, стр. 48—49.

<sup>2</sup> «Литературное наследство», т. 61, М., 1953, стр. 518.

<sup>3</sup> См.: там же, стр. 518—522.

сал: «Опять нам приходится приняться за работу подготовки следующего русского военно-крестьянского восстания, и тут мы с финнами, естественно, должны идти рука об руку — и никакие особые цели и чужие вмешательства не могут нас разделить». Огарев надеялся, что организация нового общего восстания возможна будет через два, три, четыре года, «т. е. тогда, — писал он, — когда все шансы будут в нашу пользу и силы достаточно подготовлены. В этом случае, имея в виду благосклонное отношение этой страны к борющейся Польше, — Швеции остается тайное покровительство всего, что мы с финнами будем устраивать; таким образом, мы придем, наконец, к самостоятельности Финляндии, к федеральной России, федеральной Польше и к польско-русско-финско-скандинавскому союзу, т. е. союзу полмира, выгодному для развития свободной гражданственности, народного поземельного права, промышленности, торговли и для безбоязненного оплота каждого из союзников против притязаний, военных и торговых, Западной Европы».

Перед нами документ трезвой оценки происходящих событий и широких замыслов, твердой веры Герцена и Огарева в неизбежность победы революционного дела. В цитированной записке, как и в других документах этого рода, Огарев не переоценивал возможностей «Земли и воли». Он писал, что она «состоит на правах зародыша», но «способного к необычайно быстрому росту». Для него была очевидной в период конца марта — начала апреля 1863 г., когда была составлена записка «Три вопроса», невозможность восстания в России. Так оно и случилось.

С отдельными разрозненными бунтами царизм расправился легко. Ему удалось отравить массы ядом шовинистической пропаганды, которая изображала польскую революцию как враждебный России мятеж. Польша и Литва, не поддержанные восстанием русских крестьян, не смогли устоять перед карательными войсками царизма. Натиск революции был отбит.

В условиях победы реакции Совет и руководство «Земли и воли» считали первостепенной задачей сохранить и укрепить организацию, разъяснить ее членам необходимость более тщательно готовиться к предстоящей борьбе и определить программу действий с учетом изменившейся обстановки.

Под рубрикой «Расчистка некоторых вопросов» Огарев в ряде номеров «Колокола» в 1863 и 1864 гг. выступил с критикой конституционных иллюзий либералов России. В противовес либералам он всесторонне развивал и обосновывал идею борьбы за созыв Земского собора. «Конституция может быть дана; но Земский собор должен быть взят» — такими словами он начинал свою статью «Конституция и Земский собор» в 164-м листе «Колокола» от 1 июня 1863 г. В статье «Революция и реорганизация», опубликованной «Колоколом» 1 января 1864 г., Огарев поставив вопрос: «Каким же путем народ дойдет до Земского

собора?», отвечал: «Крестьянство дойдет своими стачками, старообрядческими, базарными, всяческими; образованное меньшинство соединением в правильное общество. . . Надо, чтоб эти две силы соединились, не потому что одна сторона хочет учить другую, а потому что они составляют однородное целое, живущее одной жизнью, и что их близость не школьная, а кровная. Может не один год придется работать для этого сближения. . .»

Герцен в том же номере писал, «что наше общее дело продолжается под землей», хотя «слабые, шаткие, мелкие, робкие ушли, одни от испуга, другие по глупости; оставшиеся тем меньше заметны, что они должны молчать под тройным надзором — явной, тайной и литературной полицией».

Оставшихся сил было мало. Общество, несмотря на усилия своих руководителей, со второй половины 1863 г. шло к упадку. Первым, без ведома центра, прекратил свою деятельность Петербургский комитет. Более того, по своей инициативе он послал представителей на места известить об этом решении. В марте 1864 г. центр вынужден был разослать директиву «о временном свертывании общественного знамени и полном приостановлении всякой работы от лица целого общества или его округов». В дальнейшем общество так и не возобновило своей работы. Оставшись нераскрытым правительством, оно самораспустилось.

Можно указать на ряд существенных причин, которые привели «Землю и волю» к ее концу. Она была хорошо законспирирована, но, построенная по принципу федерализма, не сумела достаточно сплотить свои местные ячейки в сильный, четко взаимодействующий организм. При таких обстоятельствах конспирация способствовала изоляции местных комитетов друг от друга, росту их идейной разобщенности, сепаратизму действий. Все перечисленные факторы в той или иной мере и проявились на разных этапах жизни и деятельности организации. Герцен и Огарев, выдвигая после спада революционной борьбы в 1863 г. на первый план цель созыва «Земского собора», не случайно связывали решение указанной задачи с соединением сил образованного меньшинства и народа. В оторванности общества от народа они увидели одну из главных причин его неудачи.

Однако решающую причину неуспеха «Земли и воли» надо искать в других, более глубоких истоках. Они коренятся в самой теории, на которой базировалась организация. Теория эта была революционна, поскольку звала крестьянство на борьбу за уничтожение самодержавия и крепостничества, что отвечало объективным историческим задачам, стоявшим тогда перед страной. Но в то же время она была утопична, несбыточна, так как крестьянство вследствие своей мелкособственнической психологии и производственной разобщенности не могло стать силой, способной не только осуществить идеалы социализма, за которые

ооролась организация, но и назревшие задачи буржуазно-демократического преобразования страны.

Все это, конечно, не умаляет исторического значения «Земли и воли». Она была первой организацией революционного народничества и положила начало его благородной борьбе за землю и волю, в чем концентрированно выражались требования крестьянского демократизма.

Деятельность Чернышевского, Герцена, Огарева и блестящей плеяды их сподвижников, выразившаяся в теоретическом обосновании идей крестьянской демократии, русского общинного социализма, разработке стратегии и тактики борьбы за его осуществление и попытке в начале 60-х годов объединить революционные силы страны в единую партию для подготовки и руководства крестьянской революцией, стала основой всего революционного движения 60—70-х годов XIX в. Их последователи, сколь бы ни расходились они по своим взглядам на тактику и средства борьбы, на формы послереволюционного устройства общества и т. п., в одних вопросах отступая от заветов своих учителей, в других идя дальше них, объективно оставались выразителями исторически назревших задач буржуазно-демократического преобразования России, основные положения которых были сформулированы Герценом и Чернышевским.

ПОИСКИ ПУТЕЙ И СРЕДСТВ БОРЬБЫ  
В 60-х ГОДАХ

На место арестованных и эмигрировавших за границу в ряды русской революции вливались новые силы. Им нельзя отказать в преданности революционному делу, отваге, готовности жертвовать собой во имя свободы и счастья народа, но им явно не хватало той теоретической подготовки, которой обладали их великие учителя и прежде всего Н. Г. Чернышевский. Они мучительно переживали то, что ограбленное царем и помещиками крестьянство ответило своим угнетателям только отдельными, разрозненными вспышками протеста, но в целом не поднялось на революционную борьбу. Отсюда — утрата веры в народ как силу, способную на самостоятельную революционную инициативу. Перед новым поколением революционеров вставал вопрос о дальнейших путях борьбы. Чернышевский понимал неизбежность постановки его перед молодежью и поспешил дать ответ на него в своем романе «Что делать?». Создание производственных ассоциаций, собиравшие силы и подготовка борцов типа Рахметова — вот непосредственные задачи революционной молодежи. Чернышевский указал ей прямую цель борьбы, нарисовав яркую картину будущего, где свободный и счастливый народ, покоряя природу, строит новую жизнь.

Книга Чернышевского стала революционным евангелием молодого поколения. Молодежь с преданностью и добросовестностью ученика горячо принялась осуществлять заветы своего учителя, но, сталкиваясь с новыми и новыми фактами жизни, не могла, не обладая его гением, осмыслить их и сделать из них правильный вывод для практической борьбы. Но она упорно искала. 60-е годы — годы гигантской работы мысли, работы, которая в конце десятилетия и в начале следующего завершилась теоретическим обобщением этих поисков в трудах П. Л. Лаврова, М. А. Бакунина и П. Н. Ткачева. Они указывали революционерам различные пути и средства борьбы за осуществление «социальной» революции.



В то же время революционеры 60-х годов в практике борьбы дали едва ли не все те образцы, которые в более широком плане были поставлены, развиты и использованы их последователями в 70-х годах.

### Ишутинцы. Д. Каракозов. Группа И. А. Худякова

В 1863 г., когда еще не сложила своего оружия партия «Земля и воля», в Москве стала зарождаться новая революционная организация, известная в исторической литературе под названием ишутинцев. Инициатором создания и руководителем ее был Николай Андреевич Ишутин, сын пензенского почетного потомственного гражданина. Еще гимназистом он проникся революционными идеями. Окончив семь классов гимназии, он уехал в Москву. Формально этот переезд был связан с желанием поступить учиться в университет. Сразу увлекшись революционной борьбой, Ишутин оставил университет, видя в стремлении получить диплом «лазейку в мирную жизнь обывателя».

Сначала вокруг него сложился кружок земляков-пензенцев в составе Дмитрия Юрасова, Максимилиана Загibalова, Николая Страндена, Петра Ермолова. К пензякам вскоре присоединились владимирцы — Петр Николаев и Вячеслав Шаганов, уже окончившие университет. О причинах, приводивших молодежь к объединению, Ишутин в одном из своих показаний писал: «Что же делать, ежели скорбь народа дошла до молодежи и больно отозвалась в их сердце, и они хотят помочь ему? Что же делать, ежели в благосостоянии народа они видят благосостояние родины? Ведь это народолюбцы! Ведь для них благо родины есть тоже своего рода религия и стремление к благу родины есть стремление к истине»<sup>1</sup>.

В исторической и мемуарной литературе ишутинцы называются учениками, страстными приверженцами и последователями Н. Г. Чернышевского. Вместе с тем отмечается, что они стояли уже на иных позициях, чем революционная партия времени Чернышевского. Если «Земля и воля» стремилась к осуществлению политических целей, то ишутинцы подчеркивали первостепенную важность экономического переворота. «Цель наших действий, — писал в своем показании Ермолов, — была посредством революции уничтожить частную земельную собственность, водворив вместо ее общее пользование землей»<sup>2</sup>. Юрасов тоже показывал, что целью организации был «экономический переворот»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> «Красный архив», т. IV (17), М.—Л., 1926, стр. 98.

<sup>2</sup> Там же, стр. 115.

<sup>3</sup> Там же, стр. 122.

В отличие от «Земли и воли» ишутинцы первоначально были намерены добиваться своих целей с помощью легальных средств, организуя, по примеру Веры Павловны, героини романа Чернышевского «Что делать?», различного рода мастерские-артели. Они находились под большим впечатлением от романа, дышали его атмосферой, жили мыслями его героев.



Николай Андреевич Ишутин

Об увлеченности молодежи 60-х годов романом Чернышевского «Что делать?» очень хорошо говорил в своих воспоминаниях великий русский художник И. Е. Репин. «Студенчество 60-х годов, — писал он, — kloкотало подавленным вулканом, и его прорывало в разных местах опасными неожиданностями. Внутри образованных кружков молодая жизнь кипела идеями Чернышевского. Ссылка его пролетела ураганом из края в край через университеты. Бурлило тайно все мыслящее; затаенно жило непримиримыми идеями будущего и верило свято в третий сон Веры Павловны («Что делать?»)»<sup>1</sup>.

Стремясь внедрить в сознание масс выгоду, а поэтому и необходимость устройства жизни на коллективных, артельных началах, ишутинцы в первое время принялись за создание различного рода ассоциаций. Как всегда, зачинателем явился сам Ишутин. В сентябре 1863 г. он сделал неудачную попытку организовать ассоциацию извозчиков «для покупки сообща всего необходимого и для устройства своего постоянного двора»<sup>2</sup>. Ишутин намеревался с помощью этой ассоциации освободить крестьян-извозчиков от эксплуатации и одновременно, став извозчиком, развернуть среди них пропаганду социалистических идей<sup>3</sup>.

Из широко задуманного плана создания ассоциаций и постоянно рождавшихся новых и новых идей ишутинцы сумели осуществить совсем немного. Ими были созданы маленькие переплетная и швейная мастерские, организована школа для обучения детей.

<sup>1</sup> И. Е. Репин, Далекое близкое, М., 1953, стр. 198.

<sup>2</sup> Э. С. Виленская, Производительные ассоциации в России в середине 60-х годов XIX века (из истории ишутинской организации), «Исторические записки», М., 1961, № 68, стр. 57.

<sup>3</sup> Там же.

Во главе переплетной мастерской стояли пензяк Д. Иванов и нижегородец А. Вознесенский. Вместе с двумя другими товарищами они сложились по 50 руб., закупили инструмент и в сентябре 1864 г. открыли в Москве мастерскую. Претворить в жизнь свои социалистические мечтания членам артели не удалось. Уже летом 1865 г. мастерская перешла в руки пензяка, студента университета Фалина. Он выкупил ее у основателей, официально зарегистрировал у властей как частное предприятие и нанял четырех рабочих. Мастерская была закрыта в период арестов после покушения на царя Д. Каракозова<sup>1</sup>.

Во главе швейной мастерской, основанной в феврале 1865 г., стояли сестры Д. Л. Иванова — Екатерина и Александра Львовны. Некоторое представление о том, как была организована мастерская, можно составить по показанию М. Кашинец. «Все, — говорила она о членах артели, — работали вместе, имели общие спальни и общий стол; каждая считала себя хозяйкой и каждая из них имела право распоряжаться выработанной суммой; расходная же книга, в которой все получаемое и издерживаемое записывалось, хранилась у Екатерины Львовны»<sup>2</sup>.

Экономических выгод артель, разумеется, не давала. Как признавались сами руководительницы мастерской, им приходилось брать за работу много дешевле частных портных, а покупаемые приклады ставить по той же цене, в результате и при четырнадцатичасовом дне едва удавалось заработать на квартиру и содержание<sup>3</sup>. Но ишутинцы, считавшие для себя недостойным походить даже внешним обликом на богатых, не смущались материальными затруднениями. Зато, по их мнению, они создали очаг социалистической жизни!

Ишутинцы замыслили создание и более мощных ассоциаций. Они обратили свой взор на одну из закрывшихся хлопчатобумажных фабрик в Можайском уезде и собирались возобновить ее работу, но уже на артельных началах. Член общества Ермолов, получивший в наследство богатое имение (около 1200 десятин земли), обещал дать деньги на эти цели. В дальнейшем, думали ишутинцы, доходы от фабрики будут использованы ими на революционные цели<sup>4</sup>.

Еще более грандиозным был план создания ассоциации на чугунных и стекольных заводах Мальцева в Жиздринском уезде Калужской губернии. Бывший крепостник, Мальцев после реформы стал не менее злостным эксплуататором-капиталистом. Рабочие на его предприятиях жили в ужасных условиях. Ишу-

<sup>1</sup> Э. С. Виленская, указ. статья, «Исторические записки», М., 1961, № 68, стр. 58—59.

<sup>2</sup> Там же, стр. 65.

<sup>3</sup> См.: там же.

<sup>4</sup> См.: М. М. Клеветский, Ишутинский кружок и покушение Каракозова, М., 1927, стр. 15.

тинцы узнали о положении рабочих от своего знакомого — социалиста Александра Маликова, который был судебным следователем в Жиздринском уезде. Ишутин лично установил связь с рабочими и своей пропагандой сумел склонить их к согласию создать на заводе ассоциацию. Так как тайно этого сделать было нельзя, Маликов и Ишутин поехали за разрешением в Петербург, но успеха не имели<sup>1</sup>.

Наконец, осенью 1865 г. Ишутин замыслил создать в Москве общество взаимного вспомоществования рабочих. Касса общества должна была состояться из взносов действительных членов — рабочих. «Эту кассу, — пояснял Ишутин, — распределяли бы выборные от действительных членов на вспомоществование членам больным или без мест. Выборные должны были устроить контору рекомендаций мест и обязаны бы были отыскивать места нуждающимся членам и ручались бы за рекомендуемых членов... устраивали бы ремесленные школы для бедных детей своих членов»<sup>2</sup>. И обществу взаимного вспомоществования рабочих Ишутин хотел придать легальный характер, но в Петербурге ему вновь отказали.

Ишутинцы, как и многие из их современников, стремились на новых основах наладить и школьное дело. Им удалось осенью 1864 г. в одном из районов Москвы, населенных беднотой, открыть школу для детей неимущих. Сами же они были и учителями в ней. «Мы, — говорил Ишутин, — сделаем из этих малышей революционеров». Но школа просуществовала только год и в 1865 г. была закрыта<sup>3</sup>.

Неудачной оказалась и попытка, предпринятая ишутинцами в 1865 г., основать свой журнал для народа. Они намеревались превратить его в орган легальной пропаганды революционных и социалистических идей.

Все попытки использовать мирные и легальные средства для распространения социалистических идей почти никаких практических результатов не дали. Они лишь убедили ишутинцев в необходимости переходить к более радикальным средствам деятельности. Перелом начался в 1865 г., когда первоначальный кружок значительно расширился за счет притока в него новых сил.

Теперь общество получило название «Организация». Члены его на собраниях горячо обсуждали свои задачи и составленные проекты уставов (их было выработано три). При этом выяснилось расхождение взглядов. «Как водится, — показывал Юрасов, — было две партии: крайняя хотела произвести революцию путем возбуждения и устной пропаганды, умеренная же-

<sup>1</sup> См.: М. М. Клевенский, указ. соч., стр. 16. См. также: «Красный архив», т. IV (17), М.—Л., 1926, стр. 96.

<sup>2</sup> «Красный архив», т. IV (17), М.—Л., 1926, стр. 97.

<sup>3</sup> См.: М. М. Клевенский, указ. соч., стр. 16—17.

лала действовать школами, ассоциациями и распространением книг... в виду имела тоже экономический переворот. Хотели идти путем более медленным, но верным»<sup>1</sup>. Но те и другие сходились на том, чтобы, когда народ пропагандой будет достаточно настроен в пользу социализма, предложить, как писал Ишутин, «правительству устроить государство на социалистических началах, и если [оно] не согласилось бы, то произвести революцию, чтобы достичь непременно своей цели и основать новое правительство на началах социальных»<sup>2</sup>.

«Организация» мыслилась как центр революционных сил России. Члены ее должны были делиться по разрядам — столичных, губернских, сельских и печатальщиков.

В своем показании Юрасов подробно остановился на обязанностях членов общества. «Трое — писал он, — должны были остаться в Москве; один из них — знакомиться с поляками и заводить сношения с другими обществами, если таковые будут, другой — набирать новых членов, третий — поддерживать сношения с членами, живущими в губернских городах, заведует библиотекой, посылает из нее губернским членам книги, знает об их действиях. Остальные члены «Организации» уезжают в губернские города; обязанность их — знакомиться с семинаристами и вообще молодыми людьми и убеждать их делаться сельскими учителями, стараться открывать различного рода ассоциации, сноситься с сельскими членами и в случае нужды помогать им деньгами и книгами. Сельские члены — учителя — устраивают при школах ремесленные заведения, согласно с потребностями местности, объясняют крестьянам, что единственное средство улучшить их положение — круговая поддержка и устройство ассоциаций... Столичные члены должны были знать губернских членов, тогда как сельские члены известны только губернским и могли быть знакомы между собой... В «Организации» предполагалось... тайно печатать книги экономические»<sup>3</sup>.

Перед нами план создания централизованной и широко разветвленной организации, которая должна была направить своих членов в народ для пропаганды идей социализма с целью подготовки или мирного, или насильственного утверждения социалистического строя.

Несомненно, ишутинцы обсуждали и вопрос о том, каким будет послереволюционное устройство России. Во всяком случае Ишутин на допросе, как он выразился, «в самом кратком изложении» рассказал о главных принципах будущего экономического и политического устройства России<sup>4</sup>. Земля принадлежит государству, и каждый член государства имеет право на нее —

<sup>1</sup> «Красный архив», т. IV (17), М.—Л., 1926, стр. 122.

<sup>2</sup> Там же, стр. 119.

<sup>3</sup> Там же, стр. 122—123.

<sup>4</sup> См.: там же, стр. 118.

вот исходное положение программы. Из государственного фонда каждому сельскому жителю выделяется по 5 десятин земли. Оставшаяся земля составляет общественный фонд, «разрабатывается всеми силами общества». Продукты этого общественного труда идут на нужды государства — «на школы, на церковь, на войско и вообще на все общественные и государственные нужды», в том числе и на содержание лиц, не занимающихся земледелием.

Выразители интересов крестьянства, ишутинцы не выделяли рабочий вопрос как самостоятельный, и поэтому не случайно, рисуя контуры будущего строя, Ишутин почти ничего не говорил о городской промышленности. Он лишь заметил, что «частные лица не имеют права заводить ни фабрик, ни другие какие-либо заведения. Это право есть достояние государства». Зная, с каким энтузиазмом ишутинцы старались создавать производственные промышленные ассоциации, легко понять, что в будущем обществе промышленное производство должно было развиваться на артельных, коллективных началах.

О политическом устройстве Ишутин высказался противоречиво. Планируя в момент революции убийство царя, Ишутин в то же время заявлял: «Государь есть полный выразитель общественных нужд и потребностей страны». Как можно представить со слов Ишутина, административно страна должна быть разделена на общества или области. Свои местные дела они решают самостоятельно, государственные же вопросы рассматриваются депутатами «всех обществ или областей». Единственным источником законов есть государство. «Впрочем, — замечал Ишутин, — с рассмотрением депутатов, и ни в коем случае эти законы не должны противоречить принципам государства». Чего-то не договорил здесь Ишутин. Государство у него противопоставляется собранию депутатов, и, очевидно, если учесть высказывание, приведенное выше, оно мыслилось в образе «государя». В таком случае государство — конституционная монархия. На самом же деле ишутинцы выступали против конституционных идей. От введения конституции, считал Ишутин, «народу будет во сто раз хуже». Он писал по поводу конституционных проектов, к которым не были безразличны, например, петербургские товарищи ишутинцев: «Выдумают какую-нибудь конституцию на первый раз и вставят жизнь русскую в рамку западной жизни; эта конституция найдет сочувствие как в среднем, так и в высшем сословии, ибо она гарантирует личную свободу, даст дух и жизнь промышленности и коммерции, но не гарантирует от развития пауперизма и пролетариата, а скорее способствует»<sup>1</sup>.

Из приведенного высказывания видно, что ишутинцы боялись конституционного политического устройства, отождествляя его

<sup>1</sup> М. М. Клевецкий, указ. соч., стр. 18.

с буржуазными отношениями в экономике, и добивались некапиталистического развития страны.

По программным вопросам у иштутищев существенных разногласий не было, но по тактике борьбы за их осуществление выявились резкие расхождения взглядов. В результате сторонники более радикальных действий во главе с Иштутиным решили обособиться и создать внутри «Организации» свой тайный центр под устрашающим названием «Ад». Его оружие (убийство) должно быть употреблено для ударов как направо, так и налево, по чужим и своим. Прежде всего члены «Ада» намеревались осуществить цареубийство в тот момент, когда завершится подготовительный период революции и царское правительство отвергнет народное требование о введении социализма. «Ад» должен был карать на местах ненавистных крестьянам лиц. Террорист обязан был иметь при себе прокламации с объяснением цели убийства и держать в зубах шарик гремучей ртути для того, чтобы покончить с собой и таким образом не быть узнанным. С другой стороны, члены «Ада» хотели поставить под свой контроль деятельность всех звеньев и лиц «Организации» и других революционных групп. При обнаружении отклонений от целей общества или бездеятельности «Ад» сначала предупреждает группу или лицо, а при неповиновении «физически уничтожает» непокорных. «Ад» намеревался осуществлять свой тайный надзор за деятельностью единомышленников не только в подготовительный период, но и в ходе самой революции. В период революции революционеры не должны занимать высоких постов, «ибо высокие положения усыпляют энергию и деятельность человека». «Ад» намеревался неустанно следить за действиями вожаков и ни в коем случае не допускать их популярности «в том объеме и направлении, при котором можно бы забыть основные принципы революции»<sup>1</sup>.

В целях конспирации члены «Ада» должны были, как говорил Иштутин, «стушеваться перед «Организацией», порвать связи с друзьями, семьей. Чтобы полиция и подумав не могла о принадлежности члена «Ада» к революции, он под чужим именем должен «сделаться абсолютным негодяем»: взяточником, развратником, пьяницей и т. п.

Идея создания «Ада» стала осуществляться с начала 1866 г. Она не успела претвориться в жизнь, но один из ее сторонников — Дмитрий Каракозов — попытался в одиночку совершить цареубийство в интересах революции.

Дмитрий Васильевич Каракозов происходил из захудалой дворянской семьи Сердобского уезда Саратовской губернии. Окончив пензенскую гимназию, он поступил на юридический факультет Казанского университета и сразу же за участие в

<sup>1</sup> «Красный архив», т. IV (17), М.—Л., 1926, стр. 119.

студенческом выступлении был исключен. Попытка служить в качестве письмоводителя у мирового посредника окончилась неудачно. Едва прослужив два месяца, он подал в отставку. «Он всегда, — писал Ишутин об отношении Каракозова к службе, — с желчью и злостью припоминал это время, всегда с негодованием говорил о мировых съездах, где предавались вакханалиям и с дворянским величием относились к скромным и необходимым требованиям крестьян»<sup>1</sup>.

Восстановленный через некоторое время (осенью 1863 г.) в университете, Каракозов проучился в нем только год и осенью 1864 г. перевелся в Московский университет. Жил он на грошовые уроки, терпел нужду, в результате подорвал здоровье, не имел возможности внести плату за обучение и в 1865 г. был отчислен из университета.

Диплом и его не привлекал. Одухотворенный идеалами социализма, Каракозов стремился всего себя отдать служению народу. Замкнутый, молчаливый и не отличавшийся глубокими знаниями, Каракозов был почти незаметен в среде ишутинцев. Но вот заговорили об «Аде», и он оказался самым ревностным поборником цареубийства. Выступил он с покушением на царя без санкции и даже вопреки воле членов «Ада», считавших, что они еще не успели подготовиться к такому акту. Сам же Каракозов торопился. Преувеличивая опасность своей болезни («желудочно-кишечный катар»), он считал неизбежной близкую смерть, но уйти из жизни, ничего не сделав для народа, не хотел.

Для подготовки к убийству царя он несколько раз тайно от «Ада» уезжал в Петербург и там пользовался поддержкой группы И. А. Худякова. 4 апреля 1866 г. во время прогулки царя в Летнем саду Каракозов стрелял в него, но промахнулся и был тут же арестован. В кармане у него обнаружили переписанную от руки прокламацию «Друзьям-рабочим».

Написанная доступным народу языком (в чем могла сказаться помощь И. А. Худякова, замечательного мастера книг для народа), прокламация содержала объяснение Каракозовым причины его покушения на жизнь царя. Указав на крайние бедствия народа, Каракозов резко обличительно ставил вопросы: «Отчего ему (народу. — В. А.) не идет в прок его безустанный тяжелый труд, его пот и кровь и весь то свой век он работает задаром? Отчего рядом с нашим вечным тружеником простым народом: крестьянами, фабричными и заводскими рабочими и другими ремесленниками, живут в роскошных домах-дворцах люди, ничего не делающие, тунеядцы-дворяне, чиновничья орда и другие богатеи, и живут они

---

<sup>1</sup> М. М. Клебенский, указ. соч., стр. 33.



на счет простого народа, чужими руками жар загребают, сосут кровь мужицкую?»<sup>1</sup>.

Винновником всех бед народа Каракозов называл царя. Это он, чтобы обирать народ, завел себе чиновников, создал армию. Желая убогатиться «сволочь-чиновников», царь называл их дворянами и стал направо и налево раздавать им землю, а хозяев земли — крестьян — сделал рабами. С тех пор «быстро расплодилось это проклятое помещичье племя». Царь вместе с ним и чиновниками стал «сообща высасывать из мужиков кровь».

Далее в прокламации разоблачается крестьянская реформа 1861 г. как величайший обман народа, жизнь которого стала «еще хуже прежнего».

«Грустно, тяжело мне стало, — писал Каракозов, — что так погибает мой любимый народ, и вот я решил уничтожить царя-злодея и самому умереть за мой любезный народ. Удастся мне мой замысел, — я умру с мыслью, что смертью своею принес пользу дорогому моему другу — русскому мужику. А не удастся, так все же я верую, что найдутся люди, которые пойдут по моему пути. Мне не удалось — им удастся»<sup>2</sup>.

Со смертью царя остальные тунеядцы — «помещики, чиновники и другие богатые» — струсят, потому что число их вовсе незначительно. Тогда-то и будет настоящая воля.

В заключительной части прокламации излагаются программные требования революционеров: «Земля будет принадлежать не тунеядцам, ничего не делающим, а артелям и обществам самих рабочих. И капиталы не будут проматываться царем, помещиками да сановниками царскими, а будут принадлежать тем артелям рабочих. Артели будут производить выгодные работы этими капиталами и доходы делить между всеми работниками артели поровну. А были бы средства — русский народ сумеет и без царя управляться сам собой»<sup>3</sup>.

Последние слова прокламации о том, что пусть сами рабочие «позаботятся, не надеясь ни на кого, кроме себя, завоевать себе счастье и избавить всю Россию от грабителей и лиходеев»<sup>4</sup>, видимо, рассчитывались как призыв к народу восстать после убийства царя, но мысль эта выражена в них не совсем четко.

Из двух революционных групп, действовавших в Петербурге и Саратове, ишугинцы чаще общались со столичными революционерами, группировавшимися в Петербургском университете вокруг И. А. Худякова. Группа Худякова, как уже говорилось выше, и оказала содействие Каракозову в покушении на царя.

---

<sup>1</sup> А. А. Шилов, Из истории революционного движения 1860-х годов. «Голос минувшего», 1918, № 10—12, стр. 160.

<sup>2</sup> Там же, стр. 161.

<sup>3</sup> Там же, стр. 161—162.

<sup>4</sup> Там же, стр. 162.

Давая показание на следствии. Худяков был чрезвычайно осторожным и, разумеется, стремился лишь обосновать желание свободы и совсем не касаться деятельности революционеров, борющихся за осуществление ее в России. Тем не менее развиваемые им идеи, доказательства необходимости введения в стране политических свобод представляют несомненный интерес для выяснения особенностей взглядов петербургского кружка.

На отсутствие свободы и усиление реакции после реформы 1861 г. Худяков указывал как на основные причины появления прокламаций и заговоров. «Человек, переставший быть рабом, — писал он, имея в виду освобождение крестьян от крепостничества, — должен быть свободным, а без права выбирать чиновников и требовать их к отчету он остается рабом своего начальства»<sup>1</sup>.

Худяков предсказывал, что при сохранении существующих полицейских порядков в стране власть не продержится более десяти лет и при первом же удобном случае, «например, при предстоящем финансовом кризисе», сила революционного движения «немедленно приведет к полной политической свободе».

В своем показании Худяков писал, что революцию снизу власти могут предотвратить только введенным конституции.

«Конституция, — писал Худяков, — должна быть составлена представителями всех сословий и при свободном обсуждении ее печатью. Земские учреждения должны получить права большего самоуправления; избрание гласных как в местные земские учреждения, так и в столичные государственные палаты должно быть основано на поголовной подаче голосов; чтобы каждый, независимо от ценза и состояния, мог участвовать в управлении, потому что оно должно иметь в виду благосостояние всех»<sup>2</sup>.

Экономическое развитие Худяков, в отличие от ишутинцев, ставил в зависимость от политического переворота. «Первым результатом политической свободы, — писал он, — будет производительное государственное хозяйство, что, в свою очередь, сильно и быстро подымет благосостояние народа»<sup>3</sup>. При этом он ссылается на пример трех стран — Англии, Бельгии и Турции. В первых двух, где есть политические свободы, развиты «сельское хозяйство и всякий труд», и, наоборот, в Турции, несмотря на лучшие климатические условия и почвы, «они находятся в самом жалком положении».

В петербургской группе, таким образом, на первый план выступила задача борьбы за политические свободы. Высказываясь за конституцию, Худяков и его группа, конечно, ничего общего не имели с либералами, робко надеявшимися на частичные уступки и половинчатую конституцию. Хотя Худяков в показа-

<sup>1</sup> «Красный архив», т. IV (17), М.—Л., 1926, стр. 125.

<sup>2</sup> Там же, стр. 125—126.

<sup>3</sup> Там же, стр. 126.

нии на следствии призывает к политической реформе сверху, на деле же, не веря в добрые намерения самодержавия, он считал возможным для побуждения масс к политическому перевороту убийство царя. Не случайно поэтому Каракозов скрывал свои действия от ишутинцев и вошел в контакт с Худяковым.

О том, что группа Худякова рассчитывала на цареубийство как на средство, могущее вызвать политический переворот, свидетельствует и высказывание Г. А. Лопатина, одного из замечательных революционеров той эпохи. Герман Лопатин в период описываемых событий учился на последнем курсе Петербургского университета и в среде передового студенчества был известен непримиримостью своих революционных взглядов и смелостью. С ним, заботясь о расширении своей группы, не раз заговаривал Худяков с целью привлечения его в организацию, но Лопатин не соглашался с идеей цареубийства. Через десять лет, посвящая статью памяти И. А. Худякова, Лопатин так объяснял это расхождение во взглядах: «На теоретические *прощупывания*, — писал он, — я заявил полнейшее недоверие к тому, чтобы насильственная смерть государя, при отсутствии сколько-нибудь сильной революционной партии и при тогдашних обстоятельствах, могла вызвать в народе какие-нибудь *смуты*, а главное, чтобы подобные смуты, если бы они и произошли, могли повести к чему-нибудь путному, кроме усиления реакции»<sup>1</sup>.

Ишутинская организация, возникшая в момент заката «Земли и воли», явилась выразительницей мыслей и дел революционеров того тяжелого времени, которое переживало русское освободительное движение после спада революционной ситуации 1859—1861 гг. и разгрома польского восстания 1863 г. Реакция, отбив натиск революции, неистовствовала. Но лучшие представители молодежи России не дрогнули перед всеплением власти, тюрьмами и каторгой. Они стали собираться и создавать новые отряды для борьбы за осуществление идеалов своих предшественников. В этом и состоит историческая заслуга ишутинцев.

Однако, выступив на борьбу уже в иных условиях, они должны были прежде всего найти ответ на тысячи вопросов, которые собирательно выражались в двух словах: что делать?

Партию Чернышевского вдохновляла на борьбу горячая и глубокая ее вера в народную революцию. Но вот прошли годы реформы, и океан крестьянского гнева, лишь кое-где вспенив свои грозные волны, стал утихать. Крестьянство не поднялось на революцию.

Революционеры, анализируя прошедшие события, сделали вывод о неспособности народа проявить революционную ини-

---

<sup>1</sup> «Герман Александрович Лопатин (1845—1918). Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения». Подготовил к печати А. А. Шиллов, Пг., 1922, стр. 139.

циативу. Но они не отвернулись от него и не сбросили его со счетов истории. Они решили, что этот темный, забытый и униженный народ сначала надо просветить, растолковать ему его задачи и тогда поднять на борьбу. Роль учителя и поводыря народа должна сыграть революционная интеллигенция.

Утрата веры в народ как самостоятельную историческую силу снижала теоретический уровень мировоззрения непосредственных продолжателей дела Чернышевского и партии «Земля и воля». В идеологии народничества все прочнее стал утверждаться субъективистский взгляд на исторический процесс. Ишутинцы, как действенная организация революционной интеллигенции, первыми встали на эти позиции.

### Группа Г. А. Лопатина. «Рублевое общество»

После покушения Каракозова была создана комиссия под руководством Муравьева-вешателя, который поставил задачу вырвать корни «крамолы» в стране. Началась полоса белого террора. Студентам было запрещено не только создавать кружки, но даже образовывать столь нужные для поддержания материального положения многих из них кассы «вспомоществования». Молодежь преследовалась за ношение длинных волос и синих очков, считавшихся тогда внешними признаками «нигилизма». Для слежки за студентами было предписано усилить связь «между полицейским и университетским начальством». Молодых людей письменно обязывали отречься от «нигилизма», «Современника» и «социализма». Правительство ударило и по либералам. Оно подчинило земства губернаторам, ограничило эти органы самоуправления, и без того чрезвычайно урезанные в правах; за слабую попытку самостоятельности действий распустило земские учреждения столичной губернии.

Но принятые меры не могли предотвратить естественный процесс развития общественной мысли и революционной борьбы в России. Движение студенчества, игравшего в 60-е годы передовую роль в борьбе с самодержавием, затихло лишь на время. Глубокое недовольство существовавшим тогда полукрепостническим самодержавным строем в течение последующих 2--3 лет до новых студенческих волнений конца 60-х годов находило выход вне университетов.

Демократическим силам в конце 1866 г. удалось создать взамен закрытого правительством «Русского слова» новый демократический журнал «Дело», а с начала 1868 г. Н. А. Некрасов, бывший редактор-издатель «Современника», возглавил журнал «Отечественные записки» и в сотрудничестве с М. Е. Салтыковым-Щедриним и Г. З. Елисеевым превратил его из умеренно-либерального органа в оппозиционный орган легальной

печати. Живое слово, хотя и выражаемое «эзоповским» языком, продолжало доходить до молодежи. В идейной жизни конца 60-х годов с новой силой ожило направление просветительства. Особенно ярко его выразил Д. И. Писарев, который средство создания нового человека и преобразования общества видел в науке.

Не иссякла струя и революционного движения. Его пульс теперь стал сильнее биться в среде передового офицерства и чиновной интеллигенции. Именно в этой среде к концу 1867 г. образовалась группа во главе с выдающимся русским революционером Г. А. Лопатиным. Сын служилого дворянина, Лопатин с золотой медалью окончил ставропольскую гимназию. Еще в гимназические годы он познакомился с идеями утопического социализма, а в Петербургском университете принимал активное участие в жизни передового студенчества.

Окончив в 1866 г. университет и затем получив степень кандидата Петербургского университета, Лопатин в 1867 г. пытался принять участие в освободительном движении итальянских патриотов, возглавляемых Гарибальди, но прибыл в Италию в тот момент, когда гарибальдийцы были уже разбиты. Повидав А. И. Герцена в Ницце, он возвратился в Россию с горячим желанием посвятить себя революционной деятельности. Поступив работать в Общество взаимного кредита, где служили его друзья, Лопатин сразу оказался в центре образовавшегося кружка. В кружок Лопатина вошли Н. Ф. Даниельсон, зять П. Л. Лаврова М. Ф. Негрескул, Н. Н. Любавин и Н. Ф. Киршбаум. Окончившие в 1862 г. коммерческое училище, Даниельсон, Негрескул и Киршбаум посещали затем лекции в университете, где учились Лопатин и Любавин. Там они и познакомились.

М. Неведомский, автор статьи «Г. А. Лопатин о своих встречах с Марксом», написанной, как он говорил, со слов самого Лопатина и опубликованной 4 мая 1918 г. в газете «День», рассказывал следующее: «... молодежь того кружка, с которым он (Лопатин. — В. А.) сблизился, живо интересовалась социальными и экономическими вопросами. Первое упоминание о Марксе как «нашем учителе» они нашли у Лассалья и выписали сначала «Zur Kritik», а потом и первый том «Капитала» на немецком языке. В кружке скоро возникла мысль о переводе этого первого тома...»

Отдельные произведения Маркса и Энгельса получили известность в России еще в 40-х годах, во времена Белинского, и с тех пор интерес к ним усиливался. В 1861 г. один из выдающихся соратников Н. Г. Чернышевского, Н. В. Шелгунов, выступил в «Современнике» со статьей «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции», в основу которой был положен труд Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Эта статья, популяризовавшая рабочий вопрос и его научное освещение

Энгельсом, нашла тогда широкий отклик в революционных кругах России. О трудах Маркса стали говорить с кафедр некоторых университетов. Имя Маркса, как вождя созданного им в 1864 г. «Международного товарищества рабочих» (I Интернационала), также было хорошо известно в России.

Однако усиливавшийся интерес к изучению трудов Маркса в России еще не свидетельствовал о марксистской убежденности русских революционеров. Прежде чем это случилось, понадобилась целая эпоха экономического преобразования страны и мучительных идейных поисков. Но в то же время учение Маркса оказывало революционизирующее воздействие на молодежь.

Кружок Лопатина и сам его руководитель своим отношением к учению Маркса не составляли исключения в среде революционной интеллигенции России. Лопатин, живший в университетские годы переводческой работой, получил от товарищей по кружку предложение взяться за перевод «Капитала». Есть основание полагать, что кружок намечал перевести на русский язык и другие произведения Маркса, но сразу осуществить свои цели не сумел.

Прежде всего Лопатин был озадачен вопросом, поймет ли русский народ революционера, когда он обратится к нему с проповедью социалистических идей. «Меня всегда смущало то обстоятельство, — писал Лопатин, — что большая часть так назыв. прогрессивной молодежи обсуждает вопросы нашей внутренней жизни почти исключительно на основании теорий, почерпнутых из иностранных книжек, да, пожалуй, еще на основании собственных соображений чисто отвлеченного свойства. Большая часть из них, покинув провинцию для университета чуть не в детском возрасте, обладает слишком ничтожным знакомством с действительным положением и жизнью народа для того, чтобы это знакомство могло влиять контролирующим образом на их теоретические взгляды и практические предприятия. Печальные результаты, происходящие из такого порядка вещей, понятны сами собой»<sup>1</sup>.



Герман Александрович Лопатин

<sup>1</sup> «Герман Александрович Лопатин (1845—1918). Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения». Подготовил к печати А. А. Шилов, Пг., 1922, стр. 67.

В оторванности от жизни, незнании ее, объединенши на чисто теоретических основах Лопатин и видел слабость революционного движения своего времени. Прежде чем проповедовать революционные теории, делал он вывод, необходимо основательно изучить жизнь, «рассмотреть поближе этого загадочного сфинкса, называемого *Народом*»<sup>1</sup>.

Не порывая связи с кружком, он совместно со своим другом Феликсом Волховским для осуществления указанной цели решил создать специальное общество, названное ими (по размеру членских взносов) «рублевым». В «Рублевое общество» организаторы его намеревались привлечь учителей, которые, не возбуждая особого подозрения, могли бы «кочевать» из села в село для обучения детей и одновременно выполнять специальное задание. Лопатин и Волховский хотели придать Обществу строго организованный вид и разделили между собой обязанности по разработке его устава и программ. Лопатин должен был составить устав и программу организации, а Волховский — программу по экономическому обследованию страны. Они разделили между собой сферы деятельности и территориально: Лопатин должен был создать петербургскую группу Общества, а Волховский — московскую. Энергично взявшись за дело, они уже в январе 1868 г. сумели привлечь в Общество немало сторонников. Лопатин на строго конспиративных сходках организовал обсуждение стоящих перед Обществом задач. Если судить по имеющемуся донесению об этих собраниях агента III отделения, группировавшаяся вокруг Лопатина молодежь была настроена революционно. «Там читаются какие-то лекции с тенденциями «Молодой России», — доносил агент, одновременно сетуя на то, что ему никак не удастся пробраться на них, так как «билеты даются только по рекомендации».

После столь успешного начала предприятие Лопатина—Волховского было, однако, скоро погублено. III отделение уже следило за ними, в то время как сами они в переписке друг с другом не сумели соблюсти нужную осторожность. Первым в январе 1868 г. был арестован Волховский, а в феврале — Лопатин. Познакомившись с захваченной перепиской, где речь шла об Обществе, власти всполошились, думая, что открыта большая тайная организация революционеров. Было арестовано много лиц. Но следствие не обнаружило чего-либо опасного в деятельности еще неоформленного общества. Правда, главным образом сами руководители его своими показаниями привели следователей, а затем и суд к такому заключению. Лопатин и Волховский стремились на первый план выдвинуть чисто просветитель-

---

<sup>1</sup> «Герман Александрович Лопатин (1845—1918). Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения». Подготовил к печати А. А. Шилов, Пг., 1922, стр. 68.

ные цели общества. Они показывали, что с помощью товарищей намеревались составить новые буквари и другие руководства для обучения грамоте, написать учебники по предметам, наиболее важным в народной жизни: по арифметике и счетоводству, сельскому хозяйству, домашней гигиене и медицине, ветеринарии, практической геометрии и межеванию и пр. Вместе с тем они готовились читать и распространять в народе специально написанные книги для ознакомления его с внешним миром, явлениями окружающей природы, законодательством и т. п.

Просветительство, однако, было лишь прикрытием решения основной задачи. Переходя с места на место, учителя — члены Общества — должны были составить подробное статистико-экономическое описание районов своей деятельности, изучить быт и настроения народа. Организаторы Общества учитывали разнообразие исторических и экономических условий развития отдельных районов страны и поэтому делили территорию на округа: хлебопашеский, черноземный и нечерноземный, горнозаводской, степной и т. д. «Мы, — писал Лопатин, — рассчитывали получить таким образом возможность ознакомиться основательно с экономическим положением народа, его нуждами и потребностями, с его взглядами на вещи и его умственным развитием, со степенью его восприимчивости к известным идеям, а также со степенью основательности тех надежд, которые возлагаются на него пылкими приверженцами быстрого прогресса. Такое солидное знакомство с народом позволило бы нам составить себе ясное понятие об истинном положении вещей внутри нашего отечества и сознательно избрать себе на будущее время тот путь, следуя которому мы могли рассчитывать принести наиболее пользы вскормившему и воспитавшему нас обществу»<sup>1</sup>.

Вряд ли русский революционер того времени мог найти более разумный путь для своей деятельности, чем это было задумано Лопатиным и Волховским. В их плане не нашел отражения нетерпеливый порыв молодежи, скажем, времени ишутинцев или вышедших позже на историческую арену нечаевцев, жаждавших быстрой революции.

Разгром складывавшегося общества завершился судом. Волховский был оправдан, но отдан под надзор полиции, а Лопатина за «дерзкое» поведение на суде сослали в Ставрополь.

---

<sup>1</sup> «Герман Александрович Лопатин (1845—1918). Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения». Подготовил к печати А. А. Шилов, Пг., 1922, стр. 68.



Новый подъем революционного движения в среде передовой интеллигенции начался с осени 1868 г. Он выразился волнениями студенчества и учащихся Петербурга. «В частных квартирах проводились многочисленные сходки, где ставился вопрос о протесте против стеснительной полицейской опеки, которой подвергалось студенчество, о заявлении требований относительно допущения открытых студенческих касс, сходок и т. д.»<sup>1</sup>, — пишет Ш. М. Левин.

Активизация деятельности революционной интеллигенции в конце 60-х годов была вызвана, с одной стороны, углублением социальных противоречий в стране, обострением недовольства передовых людей России реакционным курсом правительства — с другой, возрождением надежд самой революционной интеллигенции на возможность крестьянского восстания. Приближался 1870 год. В феврале этого года согласно «Положению 19 февраля» крестьяне получали право отказываться от наделов, выходить из «сельских обществ» без согласия на то помещика. Помещик же должен был лишиться права исключать из «сельского общества» «опасных» крестьян.

Нужно учитывать и то обстоятельство, что в конце 60-х годов произошли важные события в идейной жизни. Вышедшие в свет в 1868—1869 гг. «Исторические письма» П. Л. Лаврова и появившийся в России осенью 1868 г. журнал «Народное дело», издававшийся за границей, а затем ряд революционных прокламаций 1869 г. оказали сильное влияние на умы учащейся молодежи. Лавров призывал молодежь к самообразованию, чтобы она была готова заплатить дань народу за свое развитие; М. А. Бакунин, другой идеолог народничества, и прокламации прямо звали ее к революции.

С марта 1869 г. студенческое движение стало шириться. Особенно бурно волнения происходили в столичном университете, в Медико-хирургической академии и Технологическом институте. В этот период особой активностью среди студенчества выделялся Сергей Геннадиевич Нечаев — личность, сыгравшая своеобразную роль в движении революционной молодежи.

В сильной натуре Нечаева сочетались крайне противоречивые черты<sup>2</sup>. Чловек необыкновенной энергии, Нечаев был фанатиком идеи борьбы, но борьбы, не знающей стеснений в средствах. Фальсификация, ложь, грубое насилие и т. п. — все, по

<sup>1</sup> Ш. М. Левин, Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века, М., 1958, стр. 260.

<sup>2</sup> См. показания на допросе студента Ф. Ф. Пуцьковича в статье Б. Козьмина «Новое о С. Г. Нечаеве», «Красный архив», т. 15, М.—Л., 1926, стр. 158—159.

его мнению, должно было пускаться в ход ради достижения цели. Его волевая, властная натура почти гипнотически действовала на людей. Используя боевое настроение студенчества, которое он сам в немалой степени разжигал, ему удалось встать во главе наиболее активной части интеллигенции внутри страны и оказать сильное влияние на таких крупных деятелей русского революционного движения, живших за границей, как Бакунин и Огарев. В движении студентов он стал участвовать уже с осени 1868 г. и стремился придать ему политический характер. Собирая вокруг себя наиболее решительно настроенных молодых интеллигентов, он сразу повел дело с большим размахом, намереваясь создать всероссийскую революционную организацию.

На активизацию студенческого движения в февралю—марте 1869 г. правительство ответило новыми арестами. Нечаеву 4 марта удалось скрыться за границу. Появившись среди эмигрантов, он распространил сочиненную им версию о своем мнимом аресте, заточении в Петропавловскую крепость и смелом побеге из нее. Эмигранты, близко к сердцу принимавшие судьбу жертв русского самодержавия, естественно, отнеслись к нему с полным сочувствием. Сам же Нечаев, используя расположение эмиграции к себе, шел в мистификации дальше, выдавая себя за представителя будто бы существующего и пользующегося повсеместным влиянием в России революционного комитета. Надо полагать, Нечаев имел намерение использовать в своих целях эмигрантский журнал «Народное дело», во главе которого в это время стоял Н. И. Утин, один из видных деятелей «Земли и воли» и будущий руководитель русской секции I Интернационала. Но взгляды Нечаева и Утина на революцию и тактику борьбы оказались различными.

Нечаев появился в среде эмиграции и как вестник готовности России к революции, чем сразу расположил к себе Бакунина.

М. А. Бакунин происходил из помещичьей среды, порвал со своим классом и в 1840 г. эмигрировал за границу, где принимал активное участие во многих революционных событиях, дважды приговаривался к смертной казни, был выдан сначала австрийскому, затем русскому правительству. С 1851 по 1857 г. он находился в заключении в Петропавловской, а затем Шлиссельбургской крепости. Желая любой ценой вырваться на свободу, Бакунин покаялся царю в «преступлениях» и в 1857 г. был сослан в Сибирь, откуда в 1861 г. бежал за границу.

Страстная и увлекающаяся натура этого человека не знала покоя, рвалась к большой деятельности и целиком была отдана делу революции. Однако Бакунин, несмотря на развертывание в Европе пролетарского движения, стал выразителем идей мелкобуржуазного социализма, одним из главных идеологов анархизма. Он стремился объединить мелкобуржуазные течения За-

падной Европы, что и привело его к резкому столкновению с руководимым Марксом I Интернационалом.

Развернутая им в Западной Европе ожесточенная борьба против марксизма и стремление подчинить созданной им международной анархической организации (Альянс социалистической демократии) европейское революционное движение играли исторически реакционную роль.

В своих целях Бакунин стремился использовать пробуждающееся революционно-освободительное движение в славянских странах, в том числе и революционное движение в России. Осенью 1867 г. он переселяется из Италии в Швейцарию, которая была центром революционной эмиграции и где активно действовали секции Интернационала. Вскоре против намерений Бакунина играть роль гегемона в среде русской эмиграции выступила группа Н. Утина — будущая основательница русской секции I Интернационала.

В обстановке усиливающейся борьбы этих двух эмигрантских групп и появился в Женеве Нечаев. Русский анархист, поверив Нечаеву, ожил. Рассказы Нечаева подхлестнули работу его горячей мысли. В «представителе» «русского революционного комитета» он увидел человека дела, «героя без фраз», могущего стать проводником его идей в России. Им не стоило труда уговорить тоже очарованного Нечаевым Огарева выделить на революционную пропаганду значительную сумму денег из фонда, оставленного Герцсуну Бахматьевым. На эти средства Бакунин и Нечаев развернули активную издательскую деятельность. За весну и лето 1869 г. «ими, — писал Б. П. Козьмин, — было выпущено около десятка прокламаций и листовок, автором которых был преимущественно Бакунин, а также первый номер периодического листка «Издания Общества Народной расправы», подготовленный, по всем данным, тем же Бакуниным совместно с Нечаевым»<sup>1</sup>.

В прокламациях Бакунин и Нечаев обращались главным образом к студенческой молодежи. Прокламацию «Русским студентам» Нечаев начинал характерным для его самомнения словами: «Товарищи! Еще раз судьба сохранила меня». Далее, отдав дань своей личности, он писал о принесенных молодежью жертвах и призывал ее «к созданию силы», быть глухим и немым «ко всему, что НЕ ДЕЛО, ко всему, что не мы, не народ», идти всем, кто уцелел, вперед, во имя погибших<sup>2</sup>.

В другой прокламации, также обращенной к русским студентам, Нечаев обрушивался на власти и казенную печать.

<sup>1</sup> Б. П. Козьмин, Русская секция Первого Интернационала. М., 1957, стр. 154—155.

<sup>2</sup> См.: В. Богучарский, Активное народничество семидесятых годов. М., 1912, стр. 135, 136.

Они, писал Нечаев, «хотят уверить, что в Европе нет ни одной живой народной потребности и все застыло». Да, говорил он далес, замирает Европа императорская, папская, королевская, поповская, дворянская, буржуазная, политическая и государственная, но вместе с тем подымается Европа угнетенная, голодающая, работающая, экономическая, бессословная, безгосударственная!

Воодушевленный рассказами Нечаева о готовности русской молодежи к борьбе, Бакунин, в свою очередь, обратился к ней с рядом прокламаций. В листке «Несколько слов к молодым братьям в России» Бакунин выражал веру, что в начавшейся борьбе, которая, по его мнению, воскрешает времена Стеньки Разина, на этот раз, несомненно, победит народ. «Стенька Разин, — писал он, — был богатырь, но он был один между всеми и над всеми; его личная громадная сила не могла устоять против сплотившейся и организованной государственной силы, так как в народе, предводительствуемом им одним, не было и тени организации. Погиб он, и все погибло. Теперь будет не то... будет... легион бессословной и безымянной молодежи, живущей уже теперь народной жизнью и сплоченной крепко между собой одной мыслью и целью. Сосдинение этой молодежи с народом, — вот залог народной победы». Молодежь станет во главе народа «коллективным» Стенькой Разиным и будет непобедима.

Бакунин призывал молодежь бросать университеты, академии, школы. Наука, писал он, связывает и обессиливает молодежь: «*Эта наука должна погибнуть вместе с миром, которого она есть выразитель*». Наука же новая и живая, несомненно, народится потом, после народной победы, из освободительной жизни народа. Отсюда его призыв: «*Ступайте в народ!*» Но, идя в народ, молодежь должна быть не учителем, благодетелем и диктатором-указателем для народа, «а только повивальной бабкой самоотвержения народного, сплотителем народных сил и усилий».

В заключение Бакунин указывал, что «старый государственный мир», мир буржуазной цивилизации Запада «*видимо падает* и должен уступить место освобожденному чернорабочему миру», что в Европе все просыпается, там приближается общественная буря. Русская молодежь должна готовиться к борьбе. «Рабочий мир» Европы и Америки зовет ее, как «работника революции», на крепкий союз во имя общей победы!<sup>2</sup>

В другом листке — «Постановка революционного вопроса» — Бакунин, повторяя мысли о задачах молодежи, выступал против подготовки революции и выдвигал идею о «разбойничьем

<sup>1</sup> См.: В. Богучарский, указ. соч., стр. 136.

<sup>2</sup> См.: М. А. Бакунин, Речи и воззвания, 1906, стр. 230—235.

бунте». Разбойник для него был олицетворением лучших черт революционера. «Разбойник, — писал он, — это герой, защитник, мститель народный, непримиримый враг государства и всего общественного строя... Разбойник в России — настоящий и единственный революционер, революционер без фраз, без книжной риторики, революционер непримиримый, неутомимый, неукротимый на деле, революционер народно-общественный, а не сословный». Только разбойники в лесах, городах, селах и острогах представляют собой крепко спаянный мир русской революции, и поэтому тот, кто хочет конспирировать в борьбе за народную революцию, тот должен идти в этот мир<sup>1</sup>.

В документе «Начала революции», автором которого считают Бакунина, говорилось, что задача революции — полное разрушение всех форм жизни старого общества. Революционер только разрушает, созидательной же работой займутся следующие поколения, поэтому преступно занимать его вопросами будущего общественного устройства. Бакунин резко выступал против «говорунов», считающих необходимым подготовить революцию предварительной пропагандой, и требовал «дела». Яд, нож, петля — все средства освящает революция во имя достижения своих целей<sup>2</sup>.

Бакунин и Нечаев выпустили в Женеве два номера газеты «Народная расправа» (на первом указано место издания — Москва, на втором — Петербург). В них развивался изложенный в листовках взгляд на задачи и средства осуществления революции в России и одновременно велась борьба против возглавляемой Н. Утиным редакции «Народного дела», резко расходившейся с Бакуниным и Нечаевым по этим вопросам.

Нечаев направлял все указанные документы и письма по многим, часто случайным, просто известным ему адресам в Россию. Делалось это столь необдуманно, что вся корреспонденция попадала в руки III отделения, и лица, которым она направлялась, арестовывались или подвергались допросам и полицейскому наблюдению. Воспользовавшись такой неразборчивостью действий Нечаева, киевская жандармерия сумела даже подослать к Бакунину под видом доверенного лица одного из адресатов Нечаева своего агента, сумевшего многое выведать о связях и деятельности эмигрантов.

Прокламации и письма должны были, по мнению Бакунина и Нечаева, убрать с дороги все идейные препятствия и подготовить почву для «дела», эмиссаром которого отправлялся в Россию Нечаев.

Бакунин снабдил его документом, удостоверяющим, что он, Нечаев, является членом «Русского Отдела Всемирного Револу-

<sup>1</sup> См.: М. А. Бакунин, Речи и воззвания, 1906, стр. 235—238.

<sup>2</sup> См.: там же, стр. 150—153.

люционного Союза». В сентябре 1869 г. Нечаев, возвратившись в Россию, в Москву, стал одновременно выдавать себя и за члена «Комитета Народной Расправы», организации, будто бы имеющей всероссийское распространение. В Москве он поселился у П. Г. Успенского, заведовавшего книжным магазином Черкезова и пользовавшегося большой популярностью у студентов. Нечаев, писал Л. Э. Шишко, добился присоединения Успенского «к этому обществу, а затем, при его посредстве, на вербовал около 40 человек, преимущественно из студентов Петровской Земледельческой Академии... В ноябре месяце 1869 г. Кузнецов (один из завербованных. — В. А.) вместе с Нечасвым ездили в Петербург и там присоединили к организации еще около 20 человек из студентов Лесного и Технологического институтов и Медико-хирургической академии»<sup>1</sup>. При вербовке своих сторонников Нечаев порой прибегал и к угрозам<sup>2</sup>.

Во главе нечаевской организации стояла сравнительно небольшая группа москвичей, наиболее приближенных к нему. Прежде всего это были П. Успенский, А. Кузнецов и И. Иванов — студенты Петровской Земледельческой Академии, П. Прыжов и П. Николаев.

Вся организация должна была строиться по принципу пятерок. Жена П. Успенского А. Успенская рассказывала в своих воспоминаниях: «Составлялся кружок из 5 членов, причем каждый член такого основного 1-й ступени кружка должен был работать в той среде, которая была для него наиболее доступна, знакома, и вместе с тем каждый должен был составить кружок 2-й степени», а его члены, в свою очередь, создают новые пятерки и т. д.<sup>3</sup>

Сам Нечаев, совершенно отрешившийся от нормальной жизни, не зная покоя и усталый, метался по городам и селам страны то как организатор лихорадочно сколачиваемого общества, то как разведчик настроений крестьянства. Каждый раз он возвращался из поездки с новым приливом сил и веры в неизбежность крестьянского восстания в связи с истечением в феврале 1870 г. девятилетнего срока временнообязанного положения крестьян. Время это наступало. Ждать было некогда.

Чего хотели революционеры? Какой-либо стройной программы действий у них не было. Общая цель — поднять «чернорабочих» на «беспощадное разрушение» государства — уже была высказана в документах, направленных Бакуниным и Нечасвым из-за границы. В изданной ими газете «Народная расправа»

<sup>1</sup> Л. Э. Шишко, Общественное движение в шестидесятых и первой половине семидесятых годов, М., 1920, стр. 80.

<sup>2</sup> См.: А. Кункль, Долгушинцы, М., 1932, стр. 45—46.

<sup>3</sup> А. Успенская, Воспоминание шестидесятницы, «Былое», 1922, № 18, стр. 32.

ставилась задача истребления слуг государства. Началом «святого» дела организации газета считала утро 4 апреля 1866 г., когда Каракозов стрелял в царя. «А теперь, — писала газета, — мы безотлагательно примемся за истребление его Аракчеевых, т. е. тех извергов в блестящих мундирах, обрызганных народной кровью, что считаются столпами государства». До начала народного восстания должна была быть истреблена «целая орда грабителей казны». Газета указывала лиц, подлежащих истреблению.

Однако был документ, который, как выяснено на суде, Нечаев имел при себе и даже ближайшим к нему лицам только говорил о нем, но никому не показывал. Говоря о своей «книжечке», Нечаев интригуяще заявлял, что в ней «заключается конечная цель всякого революционного движения».

Документ, составленный Нечасвым, назывался «Общие правила организации». В разделе «Отношение революционера к самому себе» излагался лишенный всяких нравственных принципов кодекс поведения революционера. «Революционер — человек обреченный». Он должен отречься от всего личного, даже своего имени, порвать все гражданские и родственные связи, пренебречь «приличиями, общепринятыми условиями и нравственностью этого мира», презреть общественное мнение... Даже сама честь, как и другие благородные чувства, должна быть подавлена в нем «единою холодной страстью революционного дела». «Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему».

Нечаев писал: «У товарищества нет другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, т. е. чернорабочего люда». Добиться ее можно только всесокрушающей народной революцией. Чтобы ее ускорить, товарищество должно всеми силами и средствами «способствовать развитию тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и понудить его к поголовному восстанию».

Нечаев отвергал революцию политическую и считал спасительным для народа уничтожение всякой государственности и классов, однако никаких будущих форм жизни народу не указывал. Задача революционеров — «страшное, полное, повсеместное разрушение», будущая же организация «выработается из народного движения и жизни». Социальной опорой революции Нечаев считал деклассированные элементы общества. «Мы соединимся, — писал он, — с диким разбойным миром, этим истинным и единственным революционером России». «Сплотить этот мир в одну непобедимую всесокрушающую силу — вот вся наша организация, конспирация, задача»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> В. Богучарский, указ. соч., стр. 142—146.

Когда впоследствии на суде читались «Общие правила организации», члены общества были поражены их содержанием. Никто из них их не знал. Между тем Нечаев настойчиво проповедовал свои авантюристические и безнравственные идеи, был диктатором в организации. Вставший на его пути студент Иванов был им уничтожен. Иванов не только не хотел выражать Нечаеву бессловесную покорность, но и высказывал сомнения в существовании таинственного центрального комитета. Он даже намеревался выйти из общества и создать свою организацию.

Нечаев, не терпевший возражений себе, убедил своих товарищей — Успенского, Прыжова, Кузнецова и Николаева — в том, что действия Иванова якобы представляют опасность для организации и в интересах дела его нужно убрать. 21 ноября 1869 г., заманив Иванова в грот парка Земледельческой Академии, где будто бы готовилось открытие типографии, они сначала стали душить его, а затем Нечаев выстрелом в голову убил Иванова. Труп оттащили к пруду и бросили в прорубь.

Нечаев уехал в Петербург и, как ни в чем не бывало, продолжал вербовать членов организации, но вскоре вынужден был вновь скрыться за границу, так как полиция нашла труп Иванова и начались аресты.

Убийство товарища положило конец существованию нечаевской организации. Ее члены были преданы суду в 1871 г.

Вскрывшиеся факты произвели тяжелое впечатление на революционную молодежь, которая в своем подавляющем большинстве, увлеченная самообразованием, осталась в стороне от нечаевской организации. Да и сами члены сколачиваемой Нечаевым организации не были нравственно разложившимися людьми.

Член Общества пропаганды Чарушин, вспоминая толки о процессе «нечаевцев», писал: «Странное отношение, в общем, установилось к этому громкому политическому делу: к людям, участникам процесса, — положительное, а к организации, как таковой, с которой эти люди были связаны, — безусловно отрицательное. . . Хорошие люди, неожиданно для самих себя оказавшиеся членами организации, основанной на обмане, с несуществующим таинственным комитетом, стоящим якобы во главе обширного заговора, решительные действия которого ожидалось в самом же непродолжительном времени, должны были безоговорочно подчиняться одному лицу — Нечаеву, как единственному открытому представителю этого таинственного комитета»<sup>1</sup>.

Действительно, хорошие люди поддались фанатику, умевшему играть на благородных стремлениях служить народу. Поэто-

---

<sup>1</sup> Н. А. Чарушин, О далеком прошлом. Детство в гимназии. Кружок чайковцев. Из воспоминаний о революционном движении 1870-х гг., М., 1926, стр. 78.



му под «нечаевщиной» следует понимать не какое-то цельное, организованное движение, а тот дух безнравственности, беспринципности, авантюризма и диктаторства, который вносил Нечаев в революционную среду.

Затевая процесс «нечаевцев», правительство хотело дискредитировать революционную молодежь в глазах всего общества, представить революционеров как нравственно разложившихся, способных только на уголовные преступления людей. «Я с печальным чувством жду этого суда, — писал в июле 1870 г. уже эмигрировавший за границу Г. А. Лопатин П. Л. Лаврову, — который кинет много грязных теней на молодежь». Имея в виду господствовавший в стране «белый террор», разнузданный произвол властей, стремившихся задавить малейшее проявление живой мысли и деятельности в стране, Лопатин продолжал: «Что вы хотите? В такой уродливой обстановке всегда будет вырабатываться известное число уродливо развитых личностей. Крайности порождают противоположную крайность»<sup>1</sup>.

Нечаев, бежавший за границу, продолжал там подвизаться на политической арене, однако в результате настойчивых требований русского правительства был выдан ему Швейцарским Союзом и в 1873 г. осужден на 20 лет каторги.

На суде Нечаев вел себя воинственно, пользовался любой возможностью для выражения протеста и обличения властей. Заключенный в страшный Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, он и здесь проявил свой титанический характер: ему удалось склонить стражу на свою сторону, завязать связь с волей. Он хотел устроить побег всех заключенных. Это уже было в эпоху «Народной воли», которая, увлекшись террором, не имела сил содействовать Нечаеву в осуществлении его смелого и грандиозного плана. Неудача сломала железную волю узника, и в мае 1883 г. он умер от чахотки. Поведение Нечаева на суде и в крепости было высоко оценено революционерами. К нему, как к человеку, даже изменилось их отношение, но нормы поведения, насаждаемые им в своей организации, не подверглись ни малейшему пересмотру.

Нужно заметить, что в современной реакционной историографии Запада «нечаевщина» изображается как характерная черта русского революционного движения, будто бы нашедшая преемственность в большевизме. Подобно царскому правительству России, пытавшемуся процессом над «нечаевцами» дискредитировать все русское революционное движение, современные апологеты империализма прибегают к самым гнусным приемам, чтобы оклеветать великую партию Ленина<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> ЦГИАМ, ф. 1762, оп. 4, е. к. 283, л. 15.

<sup>2</sup> См.: Ю. Ф. Корякин и Е. Г. Плимак, Нечаевщина и ее современные буржуазные «исследователи», «История СССР», 1960, № 6, стр. 172—193.

**Н**овые идеологи народничества не выходили за рамки буржуазно-демократического мировоззрения своих предшественников. Тем не менее, живя в изменившихся исторических условиях, в эпоху пореформенного развития капитализма в стране, они стремились выработать, применительно к ним, новую тактику борьбы, дать ответ на вопросы, выдвинутые жизнью. Безусловно, они, как и их последователи, опирались при этом на опыт поисков правильной теории и опыт борьбы своих предшественников.

Сильной стороной теорий народников 70-х годов была, как отмечал В. И. Ленин, критика капитализма, но критиковали они его с позиций мелкобуржуазной идеологии, с точки зрения мужика, страдавшего больше не от развития капитализма, а от недостатков его развития. Революционеры того времени понимали исторически прогрессивную роль капитализма, но, считая Россию страной самобытного исторического развития, боялись, что он довершит разорение деревни, разрушит общину и тем самым будто бы отдалит победу социализма или даже совсем лишит Россию возможности перехода к нему.

### Учение П. Л. Лаврова

Петр Лаврович Лавров (1823—1900) был человеком редкой доброты, отзывчивости и скромности. Всю свою жизнь он посвятил науке и революционной борьбе. Лавров был разносторонне одаренным человеком. Полковник артиллерии, он увлекался математикой, естествознанием, философией, историей и социологией, писал стихи. В революционном движении Лавров стал активно участвовать с начала 60-х годов. В 1866 г., когда в связи с покушением Каракозова начались повальные аресты, он был сослан в Вологодскую губернию. В 1870 г. с помощью Г. А. Лопатина Лавров бежал за границу, где вступил в Интернационал,

участвовал в Парижской коммуне. Лавров сблизился с Марксом и Энгельсом, стал их другом.

В русском революционном движении П. Л. Лавров явился одним из идеологов субъективной социологии. Кроме «Исторических писем», свои идеи Лавров развивал в редактируемых им журнале и газете «Вперед!».

Глубоко уважавшие Лаврова как человека, Маркс и Энгельс в то же время были непримиримы к его субъективно-социологическим идеям. Лавров высоко ценил Маркса и его революционную теорию, по ряду вопросов разделял взгляды великого основоположника научного социализма, но на позиции марксизма он так и не смог встать.

Сущность мировоззрения Лаврова глубоко вскрыл Ф. Энгельс. В работе «Эмигрантская литература» он писал о Лаврове: «По своей философии друг Петр является эклектиком, который старается из самых различных систем и теорий выбрать наилучшее: испытайте все и сохраните наилучшее! Он знает, что во всем есть своя хорошая и своя дурная сторона и что хорошую сторону следует усвоить, а дурную отбросить. А так как каждая вещь, каждая личность, каждая теория имеет обе эти стороны, хорошую и дурную, то каждая вещь, каждая личность, каждая теория в этом отношении примерно так же хороша и так же дурна, как и всякая другая, и, следовательно, было бы глупо с этой точки зрения горячиться, отстаивая или отрицая ту или иную. С этой точки зрения вся борьба и все споры революционеров и социалистов между собой должны казаться чистой нелепостью, которая может лишь порадовать их врагов. И вполне понятно, что человек, который держится таких взглядов, пытается примирить всех этих взаимно борющихся людей и серьезно убеждает их не доставлять больше реакции этого скандального зрелища, а нападать исключительно на общего врага...

Поэтому «Вперед» всячески увещевает всех социалистов хранить согласие или, по меньшей мере, избегать всяких публичных раздоров»<sup>1</sup>.

Впервые Лавров выступил с изложением своей теории в «Исторических письмах», которые в 1868—1869 гг. печатались в петербургском демократическом журнале «Дело», а в сентябре 1870 г. вышли отдельной книжкой.

Признавая, что человеческое общество, переходя от одной формы жизни к другой, постоянно идет по пути исторического прогресса, Лавров задался целью вскрыть его сущность и отыскать его движущие силы с тем, чтобы определить задачи передового человека своего времени.

Он установил, что сущность прогресса человечества можно

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 518—519.

выразить формулой: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости»<sup>1</sup>.

Воплотить указанную формулу в жизнь можно будет лишь тогда, говорил Лавров, когда личность для физического развития получит минимум гигиенических и материальных удобств; когда личность для умственного развития выработает «в себе потребность критического взгляда на все ей представляющееся, уверенность в неизменности законов, управляющих явлениями, и понимание, что справедливость в своих результатах тождественна с стремлением к личной пользе»; когда личность для нравственного развития окажется в такой общественной среде, которая будет поощрять развитие самостоятельных убеждений, позволять их отстаивать, чувствовать свое достоинство в своих убеждениях. Только при наличии всех перечисленных условий «прогресс общества в целом может считаться более или менее обеспеченным»<sup>2</sup>. Перенося эти требования на современные ему общественные формы, Лавров заключал, что нигде «все условия прогресса не осуществлены ни для одного человека, и ни одно из них не осуществлено для большинства»<sup>3</sup>.

После реформы 1861 г. в России стал развиваться капитализм, но и этот строй, испытанный на Западе, по его мнению, не создает условий для исторического прогресса, а препятствует ему.

Находясь под свежим впечатлением от великого труда К. Маркса «Капитал», появившегося в России в год своего выхода в свет, Лавров старался вскрыть глубокие пороки капитализма. «В современном обществе, проникнутом всеобщей конкуренцией, — писал он, — отождествление справедливости с личной пользой кажется бессмысленным. Действительно, лица, которые теперь наслаждаются выгодами цивилизации, мо-



Петр Лаврович Лавров

<sup>1</sup> П. Л. Лавров, Исторические письма, Пг., 1917, стр. 42.

<sup>2</sup> Там же, стр. 43, 46.

<sup>3</sup> Там же, стр. 47.

гут наслаждаться ими, лишь приобретая богатство и увеличивая его. Но капиталистический процесс обогащения есть, по самой своей сущности, процесс обесчеловечивания рабочего, процесс недобросовестной спекуляции на бирже, процесс рыночной торговли своими умственными способностями, своим политическим и общественным влиянием ... при настоящем строе общества личная польза не только не тождественна с справедливостью, но прямо противоречит ей»<sup>1</sup>.

Капиталистическое общество, основанное на войне всех против всех, есть общество разлагающееся. Когда правительства и господствующие классы не добиваются цели спасти отживающий строй полумерами «для облегчения слишком явных страданий», тогда «отжившие формы разрушаются, но уже не путем мирных законодательных реформ, а путем насильственной революции...»<sup>2</sup>. Но в предшествующих революциях, которые совершались массами, сам народ очень мало выигрывал от переворотов, ограничивавшихся лишь «заменой одной господствующей группы другой»<sup>3</sup>. Призывая передовую часть общества к революционной борьбе, Лавров указывал, что бедствия, связанные с революцией, «могут быть уменьшены лишь рациональным обсуждением действительных изменений, к которым должна привести революция...»<sup>4</sup>.

По мнению Лаврова, ни сам народ, ни интеллигенция в целом, а лишь немногие деятели, выражающие «новые требования времени», могут быть истинными носителями прогресса, двигателями истории. Он называл их критически мыслящими личностями. Лавров делал глубокий экскурс в историю, чтобы показать, как сначала в борьбе за существование, затем под гнетом цивилизованного меньшинства человечество вырабатывало в своей среде критически мыслящую личность. Теперь эта развитая личность должна считать своей нравственной обязанностью расплатиться за те несметные жертвы, которые принесены предшествующими поколениями поработенного большинства за развитие цивилизованного меньшинства.

Рассматривая критически мыслящую личность как двигатель исторического прогресса, Лавров в то же время говорил об абсурдности надежд только на ее собственные силы. Личность, если она действительно критически мыслит, никогда не одинока. Понимая яснее и глубже других недостатки «общественных форм» и отсутствие в них справедливости, она лишь первой указывает массе, которая недостаточно критически мыслит, причины ее бедствий. И «если им (недостаточно критически

<sup>1</sup> П. Л. Лавров, Исторические письма, Пг., 1917, стр. 43, 44.

<sup>2</sup> Там же, стр. 55.

<sup>3</sup> Там же, стр. 56.

<sup>4</sup> Там же.

мыслящим личностям. — В. А.) сказать, то они понять могут, и те, которые поймут, поймут это так же хорошо, как тот, кто высказал мысль впервые, а пожалуй, еще и лучше, потому что они, может быть, выстрадали верность этой мысли гораздо полнее и разностороннее, чем ее первый провозвестник»<sup>1</sup>.

Выступление перед массами с идеей, родившейся в голове немногих в результате критической оценки жизни, является, по Лаврову, первым фазисом деятельности личности. Второй фазис — побуждение масс, появление новых и новых личностей, которые в борьбе отыскивают друг друга и начинают чувствовать потребность объединиться. Третий фазис — «самый трудный» — объединение личностей в партию для нанесения «рассчитанных ударов, строгой мысли и неуклонной, терпеливой деятельности»<sup>2</sup>.

Слагая гимн критически мыслящей личности, Лавров в то же время остерегал современников от преклонения перед ней. В первые фазисы борьбы нужен герой; его «можно поставить на пьедестал и его именем и примером воодушевиться на новое дело»<sup>3</sup>. В момент же, когда назрела задача объединить этих наиболее энергичных деятелей в партию, каждый из них во имя великой цели борьбы должен подчиниться общим интересам, одной идее. Без единства в действиях, являющегося основой крепкого союза, победа невозможна.

Партия, созданная для уничтожения несправедливого строя, не может быть узкой, оторванной от масс. «Зерно ее — небольшое число выработанных, обдуманых, энергических людей, для которых критическая мысль нераздельна от дела. Около них — люди интеллигенции, менее выработанные. Реальная же почва партии — в неизбежных союзниках, в общественных группах, страждущих от зла, для борьбы с которым организовалась партия»<sup>4</sup>. Лавров допускал существование ряда таких партий, причем победить должна имеющая больше силы, более умных, энергичных и искусных личностей, лучше организованная и умюющая быстрее побороть врагов.

Лейтмотивом «Исторических писем» является требование воплощения «истины» в «справедливых общественных формах». Практически это означало призыв к уничтожению тогдашнего самодержавного строя во имя создания общества, где большинство, т. е. трудящееся население, было бы освобождено от эксплуатации и получило возможность всестороннего развития в условиях свободы и равноправия личности. Лавров, таким образом, также был идеологом некапиталистического развития

<sup>1</sup> П. Л. Лавров, Исторические письма, Пг., 1917, стр. 111.

<sup>2</sup> Там же, стр. 113.

<sup>3</sup> Там же, стр. 115.

<sup>4</sup> Там же, стр. 119.

России, но в «Исторических письмах» он не ставил своей задачей раскрыть сущность будущего строя. Ему надо было лишь указать молодому поколению цель жизни, задачи борьбы, ее пути и средства и тем самым попытаться дать ответ на самый жгучий вопрос времени: что и как делать?

Попутно Лавров затронул проблемы национальности и государства. Первая неизбежно вставала перед революционером многонациональной страны, какой была Россия, и поэтому требовала определения его отношения к себе. В целом взгляд Лаврова на национальный вопрос ненаучен, однако для русского революционера, представителя угнетающей нации, ряд его практических выводов имел большое значение.

«Стремление поедать чужие национальности, уничтожая их особенности, — писал Лавров, — есть факт антипрогрессивный». Одновременно Лавров указывал, что «прогрессивные партии должны более заботиться о независимости территорий, лежащих за пределами их политического отечества, но имеющих с ним общий язык, чем о включении их в одно государство»<sup>1</sup>. Эти положения резко расходились с целями колониального угнетения, захватнической внешней политики русского царизма и его теорией панславизма.

Большое значение имело также высказывание Лаврова по вопросу о государстве. Оно приобретало особую остроту в практике революционной борьбы, так как перед революционерами России стояла задача свалить и разрушить самодержавный государственный строй, и необходимо было сказать, как должна управляться страна после победы революции. В момент, когда выходили в свет «Исторические письма», в России стала распространяться бакунинская идея отрицания всякого государства.

Лавров выступил против анархистских взглядов на государство. «Пока существуют монополизаторы капиталов, огражденные законами, и пока большинство не имеет даже элементарных средств для развития, до тех пор, — писал Лавров, — государственные силы представляют необходимое орудие, которым стремится овладеть партия, борющаяся за прогресс или регресс»<sup>2</sup>. Овладение государственной властью Лавров считал не целью, а лишь средством осуществления прогресса и подавления «регрессивных партий». В дальнейшем, по мере воплощения в жизнь «идеалов прогресса» и совершенствования личностей, функции государства будут уменьшаться и наконец совсем исчезнут.

Совершенно не отвечающая научным требованиям революционной борьбы, программа Лаврова тем не менее оказала

<sup>1</sup> П. Л. Лавров, Исторические письма, Пг., 1917, стр. 215.

<sup>2</sup> Там же, стр. 205.

огромное воздействие на современников. Молодежь зачитывалась «Историческими письмами». Значительная часть ее стала готовить себя к тому, чтобы иметь возможность выступить носителями исторического прогресса.

Н. С. Русанов, один из видных деятелей народничества, писал, что «Исторические письма» Лаврова были настольной книгой «молодежи в течение всех семидесятих годов... Многие из нас, юноши в то время, а другие просто мальчишки, не расставались с небольшой, истрепанной, исчитанной, истертой вконец книжкой. Она лежала у нас под изголовьем. И на нее падали при чтении ночью наши горячие слезы идейного энтузиазма, охватывавшего нас безмерною жаждою жить для благородных идей и умереть за них»<sup>1</sup>.

Новый этап деятельности Лаврова (1873—1876) был связан с его руководством заграничным русским журналом и газетой «Вперед!». Участие в Интернационале, Парижской коммуне и дружба с К. Марксом, Ф. Энгельсом обогатили его опыт, расширили идейный кругозор. В руководимых им органах печати русский читатель знакомился с жизнью, деятельностью и борьбой европейского пролетариата, что даже давало повод некоторым «патриотам» обвинять Лаврова в приверженности к «немецкому» социализму. Однако «друг Петр», как называл его Энгельс, прочно оставался на «русских» позициях. В отличие от времени «Исторических писем» он теперь больше призывал к действию. Последнее подчеркивалось и названием руководимых им изданий («Вперед!»). Лавров много писал о конкретных мерах подготовки, совершения революции, пытался обстоятельно разобрать, что должны делать революционеры после ее победы, начертать контуры будущего строя.

Общий взгляд на задачи революционной борьбы в России он попытался изложить в программе основанного им журнала «Вперед!». Оставаясь на позициях теории общинного социализма и веря, что будущее России за крестьянством с его общинным землевладением, Лавров так определял задачи революционеров: «Развить нашу общину в смысле общинной обработки земли и общинного пользования ее продуктами, сделать из мирской сходки основной политической элемент русского общественного строя, поглотить в общинной собственности частную, дать крестьянству то образование и то понимание его общественных потребностей, без которого оно никогда не сумеет воспользоваться своими легальными правами, как бы они широки ни были, и никак не выйдет из-под эксплуатации меньшинства, даже в случае самого удачного переворота — вот специально русские

---

<sup>1</sup> Н. С. Русанов, Социалисты Запада и России, изд. 2, Спб., 1909, стр. 227.



цели, которым должен содействовать всякий русский, желающий прогресса своему отечеству»<sup>1</sup>.

К тому времени (1873 г.) Лавров уже три года жил за границей и основательно познакомился с учением Маркса, которое признавал вершиной человеческой мысли. Но русский социолог не сумел понять его научной сущности. Ему казалось, что все учения о социализме, в том числе и марксизм, основываются на одних и тех же общих положениях, а их различия определяются не принципиальными положениями, а специфическими условиями разных стран. Поскольку на знамени каждого из них написан «социализм», Лавров считал основы («начала») их программ «одинаково существенными» для всех и потому призывал социалистов к единству действий во имя одной цели. Как видим, Лаврову оставались неясными классовые корни происхождения различных направлений социалистических учений, в силу чего и научная теория Маркса, и утопический социализм, по его мнению, базировались на общих основах. Важно подчеркнуть, что эклектизм мировоззрения заставлял Лаврова в вопросе борьбы марксизма с анархизмом на международной арене искать пути примирения Маркса с Бакуниным. По его мнению, эта борьба ослабляет будто бы «единый» лагерь социалистов перед фронтом буржуазии.

«Когда попытки бакунистов посредством фальшивых махинаций, обмана и лжи подчинить Интернационал своему господству вызвали пресловутый раскол в этом Товариществе, — писал Ф. Энгельс, — «Вперед» и тогда взывал к единству. Этого единства, конечно, можно было достигнуть, лишь отдавшись сразу на волю бакунистов и предав Интернационал, связанный по рукам и ногам, их тайному заговору»<sup>2</sup>.

Лавров оставался эклектиком и во взгляде на тактику борьбы. Высказав резко отрицательное отношение ко всем «нынешним централизованным политическим программам», Лавров в программе «Вперед!» придерживался уже бакунинского взгляда на государство, стоял на позициях федерализма. В то же время он допускал возможность сходиться и с централистами. Прежде всего оставляя спорным вопрос об участии «рабочего сословия» (крестьянского или фабричного) в современном ему политическом движении Европы или Америки, он соглашался сотрудничать с теми, кто верил в возможность захвата рабочими в свои руки политической власти, чтобы потом использовать ее для перестройки общества путем законодательства. Но он обращал внимание сторонников такого пути борьбы на то обстоятельство, «что при участии рабочих в буржуазных формах борьбы политических партий всего сильнее грозит опасность уступить долю

<sup>1</sup> «Народническая экономическая литература», М., 1958, стр. 261.

<sup>2</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 519.

своей программы и увлечься формальной и пустой диалектикой парламентских говорунов, и еще то, что политическое господство рабочего сословия в существующих государственных формах возможно лишь в некоторых странах, в других же для них неизбежно идти к своей цели путем социальной революции»<sup>1</sup>.

Для России, где государственная власть покоилась на самодержавно-деспотических основах, путь парламентской борьбы был для Лаврова почти исключен. Он лишь допускал возможность в момент «общественного потрясения» легального переворота, когда власть окажется в руках земского собора или правительствующего сената и в России утвердятся конституционное, парламентское управление. Земский собор мог бы осуществить чаяния народа, если бы в нем свободно избранное крестьянство оказалось в большинстве. Но в России, считал Лавров, легче подготовить удачную народную революцию, чем добиться созыва земского собора на демократических началах. Однако он не отвергал совсем отдельных форм политической борьбы и для России. «Эти факты исторической жизни буржуазного общества, — писал он, — могут быть для нас хороши или плохи, смотря по тому, обещают ли они организации рабочих союзов и принципам социальной борьбы более или менее широкое влияние. Так как свобода мысли и слова, свобода ассоциации, участие низших классов в управлении, расширение обучения безусловно помогают этим принципам, то мы будем их поддерживать всюду, кто бы ни был их противником; но мы посоветуем нашим единомышленникам поддерживать эти элементы политической программы, и пользоваться ими, не вступая в союз с либеральными партиями, которые вносят их в свои программы. Мы с ними можем сходиться в некоторых пунктах. Но наши цели безусловно различны»<sup>2</sup>.

Русские революционеры, отстаивая наряду с другими партиями требование политических свобод, будут добиваться ослабления «всякой принудительной государственной связи» и расчищать таким образом почву для пропаганды революционных идей. Но они не должны забывать, что конституционные партии остаются их прямыми врагами, с которыми придется бороться «при первой возможности серьезного столкновения партий в России»<sup>3</sup>.

Основная же задача революционеров должна состоять в подготовке народа к революции. Не отдельные политические группы и партии, а лишь сам народ может быть ее творцом. «На первое место мы ставим положение, — писал Лавров, — что перестройка русского общества должна быть совершена не

<sup>1</sup> П. Л. Лавров, Избранные сочинения на социально-политические темы в восьми томах, т. II, М., 1934, стр. 29.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же, стр. 38.

только с целью народного блага, не только для народа, но и посредством народа»<sup>1</sup>. Только тогда воплотятся в жизнь идеалы будущего строя, когда они станут потребностью большинства русского народа, будут им осознаны и поняты. Малограмотный народ сам по себе не может их уяснить, поэтому к нему нужно идти не с призывом к революции, а с разъяснением его истинных потребностей, наилучших средств их удовлетворения и указанием на «ту силу, которая лежит в народе, но им не признана и потому не может быть им употреблена в дело для подавления его врагов и для доставления себе лучшего положения»<sup>2</sup>.

Эту историческую миссию в России может и должно выполнить «цивилизованное русское меньшинство», т. е. интеллигенция. Другой революционной силы, способной пробудить, просветить народ, Лавров в России не видел и не мог видеть, так как ее тогда еще не было.

Однако народная партия не выполнит своей исторической миссии, если она не окажется лучше подготовленной теоретически и практически, чем ее враги. Считая знание единственным орудием победы, Лавров высказывал недовольство тем, что в некоторых русских кружках «намечается болезненная склонность к отрицанию умственного развития». Лавров увидел тягу революционной молодежи к практическим делам и старался предостеречь ее от поспешных действий. Готовясь практически к будущей революции, интеллигенция прежде всего должна позаботиться о том, «чтобы в себе и около себя сгладить то резкое различие, которое привычка жизненной обстановки положила между классами в России». Молодежь должна, говорил далее Лавров, уметь жить с народом, «приучиться говорить с ним, понимать его, сочувствовать ему не только в общих, но и в частных житейских вопросах. . . Тот, кто не внушил доверия народу, может лишь навязать ему свои мысли, но никогда не будет в состоянии вызвать в самом народе сознательного сочувствия им и решимости воплотить их в дело. . . Революций искусственно вызывать нельзя, потому что они суть продукты не личной воли, не деятельности небольшой группы, но целого ряда сложных исторических процессов»<sup>3</sup>.

Вооружившись основательным знанием и усвоив народные потребности, «цивилизованное меньшинство» должно отказаться от всякого участия в «государственном строе современной России» с тем, чтобы встать «в ряды чернорабочих, в ряды страждущих и борющихся за дневное существование» и помочь уяснению своими братьями-тружениками «того, на что они

<sup>1</sup> «Народническая экономическая литература», М., 1958, стр. 262.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> П. Л. Лавров, Избранные сочинения . . . , т. II, М., 1934, стр. 34.

имеют право, того, к чему они обязаны стремиться во имя своего человеческого достоинства; того, наконец, что они могут достигнуть, если только твердо захотят и сумеют сплотиться для осуществления своей воли»<sup>1</sup>.

Чем больше в России будет сосредоточиваться власть в одном месте, в одном лице, учил Лавров молодежь своего времени, тем скорее грянет революция. К той минуте все — и «цивилизованное меньшинство», и народ — должны быть во всеоружии. Когда минута настанет, идите, говорил Лавров, обращаясь к молодежи, с народом на завоевание его прав. «Идите вперед, чего бы это ни стоило вам, чего бы это ни стоило народу. Какова бы ни была цена этого будущего, оно должно быть завоевано»<sup>2</sup>. Так Лавров определял революционные задачи России.

По вопросу о международных проблемах революционной борьбы Лавров, указывая на единство целей всех трудящихся, в то же время отмечал, что их задачи в данную минуту в разных странах могут быть различны вследствие разнообразия их исторического развития. Но для него было ясно, что вопрос национальный должен быть полностью подчинен («совершенно исчезнуть») задачам социальной борьбы. «Всякое возбуждение к соперничеству рас или наций есть прямое отрицание международной солидарности социального вопроса и единства борьбы подавленных классов общества против их поработителей»<sup>3</sup>, — писал он. Призыв Лаврова к единству в международной борьбе, правильный сам по себе, был, однако, одинаково обращен как к распространению организации Интернационала, так и к развитию «стремлений к федерации самоопределяющихся общин или свободных союзов». Лавров, таким образом, в целях «единства», «общности» целей одинаково ратовал и за марксистский Интернационал, и за бакунинский федерализм.

У славян, по мнению Лаврова, есть свои задачи. Они состоят в том, чтобы добиться независимости и социального прогресса. Освобожденные революцией славяне создадут федерацию и на знамени будущего напишут девиз: «Наука и община, истина и труд, война идолам и монополии!»<sup>4</sup>.

Лавров призывал покончить счеты с Романовыми: никакого компромисса с царизмом, никаких иллюзий на счет «добрых» побуждений царя!

Программа Лаврова вызвала в России самые различные отклики. Это было вполне естественно, так как Лавров хотел сделать «Вперед!» органом, который соединил бы в себе «все оттенки русской радикально-социалистической мысли».

<sup>1</sup> П. Л. Лавров. Избранные сочинения..., т. II, М., 1934, стр. 36.

<sup>2</sup> Там же, стр. 40.

<sup>3</sup> Там же, стр. 30.

<sup>4</sup> Там же, стр. 41.

Часть молодежи России была крайне недовольна призывом Лаврова, как она понимала его, садиться за книги, считая, что тяжелые условия жизни каждый день ставят ее перед необходимостью переворота. Она обвиняла Лаврова в извращении «отношения знания к революции». Другие интересовались, какие знания необходимы в данную минуту для практической деятельности в народе. Третьи выражали опасение, как бы наука не отвлекла молодежь от основных ее целей. Четвертые звали изучать не книги, а жизнь...

П. Н. Ткачев обрушился на Лаврова серией статей, в которых язвительно высмеивал его теорию. В изданной в 1873 г. книге «Государственность и анархия» Бакунин также не пощадил Лаврова за его требование к революционерам учиться и идти просвещать народ.

Выступивший на международной арене с попыткой примирить марксизм с бакунизмом, Лавров постепенно сам втянулся в полемику, навязанную ему его противниками. В статьях, опубликованных в «Вперед!», наблюдается его частичный отход от бакунинского отрицания государства и обнаруживаются проблески понимания исторической роли капитализма, порождающего решающую силу истории — пролетариат. Однако учение Лаврова осталось на уровне «прекраснодушной фразы», утопического мечтания. Но, разбирая отдельные вопросы, вне связи с целым, он высказывал удивительно зрелые взгляды.

Будучи участником Парижской коммуны, Лавров ежегодно в кругу друзей праздновал ее годовщину. В марте 1875 г. он выступил со статьей «Парижская коммуна 1871 года», в которой писал: «Революция 1871 г. в первый раз в истории решилась с самого начала поставить в своей главе неизвестных людей из народа». При всех ошибках управления Коммуной они доказали, «что рабочий класс может выставить для распоряжения общественными делами лиц, которые нисколько не хуже распоряжаются ими, чем работники интеллигенции, считавшие до сих пор администрацию своей специальностью».

В полемике с Ткачевым, боявшимся развития капитализма в России, так как с его утверждением революция якобы может быть отдалена или станет вообще невозможной, Лавров писал: «...какое основание думать, что борьба народа с буржуазией в России была бы немыслима, если бы, действительно, в России установились формы общественной жизни, подобные формам заграничной? Разве не развитие буржуазии именно вызвало пролетариат к борьбе?»<sup>1</sup>

В статье «Хаос буржуазной цивилизации за первую треть 1873 года» Лавров делал попытку вскрыть классовую сущность государства. Государство, говорил он, произошло в силу разде-

<sup>1</sup> П. Л. Лавров, Избранные сочинения... т. III, М., 1934, стр. 347.

ления общества на классы. Разделение же общества на классы «находилось, — писал Лавров, — в соответствии с теми формами производства богатств, которые господствовали в данном обществе. Сообразно с этим изменялись и формы политических учреждений, но сущность всегда оставалась та же: всегда учреждения эти служили для охранения интересов эксплуатирующей части общества. . . Современное общество состоит только из двух классов: во-первых, из буржуазии, капиталистов, свободных эксплуатировать, грабить, обворовывать своих ближних; во-вторых, из пролетариев, свободных умирать с голоду»<sup>1</sup>. Однако Лавров не сумел понять природы происхождения классов, поэтому сам факт образования государства видел или в завоеваниях чужеземцев, или в выдвигании из самого населения группы людей, «которая какими-либо обстоятельствами поставлена была в положение, позволяющее ей эксплуатировать массы, и закрепляла свое положение государственными учреждениями. Касты, сословия, классы в среде общества — вот источники государства. . .»<sup>2</sup>.

В 1875 г. в работе «Социализм и борьба за существование» Лавров, перенося биологические законы на жизнь общества, рассматривал историю человечества как борьбу за существование. «Социализм, — утверждал он, — есть высший фазис нормального исторического развития борьбы за существование. . . Подобное общество, по всем естественным и историческим аналогиям, должно иметь *большие* шансы в борьбе за существование с обществами эгоистических и конкурирующих одна с другой личностей, пока эти два типа общества будут стоять рядом. Поэтому *естественный подбор* должен повести к победе социалистических обществ, а не к истреблению их, и социалисты готовы согласиться, что в этом случае естественный подбор есть самое лучшее средство для решения социальных вопросов»<sup>3</sup>.

Свою теорию Лавров переносил и на практику революционной борьбы, утверждая, что среди рабочих организаций выживут и разрастутся лишь наиболее стойкие в борьбе за права пролетариата. Многопартийность не смущала Лаврова, так как, по его мнению, все партии будут сходиться в главном — целях своей борьбы, а расхождение в средствах ее ведения не будет помехой. Наоборот, это обстоятельство поможет выявить наиболее жизненные и сильные средства и организации. «Фатальный закон естественного подбора наиболее способных пережить, — заключал он, — составляет именно ручательство победы социализма»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> П. Л. Лавров, Избранные сочинения . . . , т. III, М., 1934, стр. 8. 9.

<sup>2</sup> Там же, стр. 8.

<sup>3</sup> П. Л. Лавров, Избранные сочинения . . . , т. IV, М., 1935, стр. 108—109.

<sup>4</sup> Там же, стр. 110.

Как видно, Лавров, сколь ни пытались помочь ему Маркс и Энгельс, не сумел освободиться от ошибочных убеждений. Как неумеющий плавать, он то появлялся над поверхностью вод, то вновь надолго скрывался в их пучине. Интернационал и научная теория Маркса в какой-то мере были для него спасательным кругом, и за него он порой пытался ухватиться, но с усилением мелкобуржуазных течений в международном движении тяга Лаврова к марксизму ослабевала, и он скрывался в стихию ненаучного идеалистического понимания истории.

Работой «Государственный элемент в будущем обществе», опубликованной в 1876 г., Лавров как бы подвел итог своих исканий правильной революционной теории в период 1873—1876 гг. Оставшись утопистом, он в то же время выразил в ней непримиримость к гнету и эксплуатации вместе со страстной, глубокой верой в конечное торжество труда, свободы и равенства.

Следует учесть, что к 1876 г., когда работа вышла в свет, массовое хождение в народ потерпело поражение, ожидаемых бунтов не произошло, надежды на скорую революцию в России были поколеблены. В таких условиях Лавров, и ранее стоявший на этих позициях, придавал особое значение подготовке революции и созданию «рабочей» партии, которая должна была осуществить программу «рабочего социализма».

В полемике с Ткачевым (1874—1876) Лавров решительно осудил его тактику заговора с целью захвата власти узкой группой людей. Такое выступление, говорил Лавров, будет не революцией, а бунтом и ничего, кроме поражения, не даст. «Надлежащее приготовление революции, — писал он, — есть неизбежно революционная организация, действующая в народе пропагандой (следовательно, и агитацией), в центрах государства парализующая действия правительства, собирающая оружие для решительного удара в надлежащее время»<sup>1</sup>. Новая организация должна уйти глубоко в народ. В 1876 г. он назвал ее социально-революционным союзом. Она должна быть тайной и в большинстве своем состоящей из трудящихся. Членами организации могут быть приверженцы многочисленных оттенков рабочего<sup>2</sup> социализма, признающие неизбежность революционного пути для достижения его целей.

Кратко формулу рабочего социализма Лавров выразил двумя фразами: «Прекращение эксплуатации человека человеком. Прекращение управления человека человеком».

Лавров дал несколько типов организации социально-революционного союза:<sup>3</sup> 1) основной ячейкой партии является секция. Каждая из них для связи с другими секциями выделяет по 2—3

<sup>1</sup> П. Л. Лавров, Избранные сочинения... т. III, 1934, стр. 356.

<sup>2</sup> В понятие «рабочий» Лавров включал не только пролетариат, но и трудящееся крестьянство, ремесленников.

<sup>3</sup> П. Л. Лавров, Избранные сочинения... т. IV, М., 1935, стр. 355—356.

человека. Один из них делегируется на союзный съезд. Этот съезд назначает свой постоянно действующий орган — распорядительный комитет. Комитет руководит союзом, созывает съезды для разрешения экстренных дел, но сам проявляет инициативу действий лишь в крайнем случае; 2) местные секции определенных территорий могут объединяться в федерации. Федерационные съезды избирают по несколько делегатов на союзный съезд, который является временной верховной властью союза. Он назначает исполнительный орган — распорядительный комитет. Федерационные власти могут иметь право назначать по одному человеку в Наблюдательный комитет при органах союзной власти; 3) можно обойтись без союзных съездов, если федеральные съезды будут прямо избирать Центральную распорядительную комиссию; 4) можно также ограничить деятельность социально-революционного союза одной местностью, однако при этом нельзя будет организовать восстание по всей стране.

Сам Лавров предпочитал всем второй вариант построения союза, но он не считал вопрос о формах организации первоочередным делом. «Существенно важно, — писал он, — одно: чтобы *существовала* организация, позволяющая сколько-нибудь солидарное действие личностей и контроль власти. Все остальное сделают за нее *люди*, в нее вступившие с более или менее ясной целью, с более или менее твердой решимостью выработать из себя и из самого союза целесообразные орудия для осуществления начал рабочего социализма»<sup>1</sup>.

Члены союза до совершения революции воспитывают в себе ненависть к старому строю, «очищаются» от его привычек и усваивают нравственные правила рабочего социализма. Они не терпят кружков, обособляющихся по принципу приятельства, не должны делать никакой уступки «якобинской программе революции», т. е. заговору меньшинства, не допускают союза с легалистами. Союз не ведет борьбы с консервативными, реакционными взглядами, считая ее делом либералов, но ведет терпимую полемику с «якобинцами» и либералами. В то же время Лавров считал желательной открытую полемику «по всем вопросам, разделяющим между собой оттенки *народников*. . . Разделяющие вопросы могут быть признаны здесь *второстепенными* для *общего* дела, в виду *общего* врага и в виду *преобладающей* важности составления *солидарной партии*»<sup>2</sup>.

Открытая полемика поможет выяснить, какие из групп народников выработали наиболее отвечающую историческим задачам страны программу действий.

Особое внимание он обращал на необходимость оберегать личные интересы и достоинство членов партии. Отдельные члены

<sup>1</sup> П. Л. Лавров, Избранные сочинения . . . , т. IV, М., 1935, стр. 357.

<sup>2</sup> Там же, стр. 376.



союза и целые секции могут не подчиняться решениям, если они приняты без их участия в обсуждении. В противном случае члены партии превращаются в механизмы, лишённые инициативы. «Если же личности и группы, — писал Лавров, — легко поступаются своим достоинством, то власть, самая ограниченная формально, весьма легко обратится в деспотизм»<sup>1</sup>.

Революция, говорил Лавров, не должна упасть на общество как снег на голову. Партия должна встретить ее во всеоружии, знать нужды победившего народа и как удовлетворить их. Члены социально-революционного союза поэтому должны представлять себе «состояние и размещение запасов (в муке, в зерне, в скоте на убой и в рабочем скоте, в орудиях труда, в основных предметах потребления и т. п.), жилищ и угодий всякого рода на территории, на которой они работают», чтобы после революции огромное большинство населения «немедленно почувствовало улучшение своего положения»<sup>2</sup>.

Разрабатывая план подготовки и проведения революции, Лавров вынужден был отступать от своих более категорических утверждений против государственной власти. Он понял, что без власти нельзя будет ни удержать завоеваний революции, ни осуществить необходимые преобразования.

«Организация войны оборонительной, организация эмиссаров (направляемых в лагерь противника для его разложения. — В. А.) и наступательных отрядов в земле врагов, организация сношений с заграничными социалистическими союзами, — писал он, — все это достаточно назвать, чтобы почувствовать неизбежность государственного элемента, элемента власти...»<sup>3</sup>.

Новые органы власти должны быть созданы еще до революции. Члены социально-революционного союза избирают из своей среды Комитет работ и продовольствия, а он, в свою очередь, создает Распорядительный совет, который составит Земский союз и местные группы.

Земский союз, распоряжаясь на всей территории, разбивается на несколько секций. Каждая из них заведует определенным делом — железными дорогами и телеграфом, перевозочными средствами и лошадьми, мостами и дорогами и т. п. При выборах Земского союза учитывается, кто какой специальностью владеет. Местные группы занимаются делами сел или группы сел, частей, кварталов, больших городов и т. п. и должны заранее строго разграничить районы своих действий. Все эти органы с победой революции сразу берут в свои руки дело экономического преобразования страны на социалистических началах. Здесь никаких уступок старому строю Лавров не допускал.

<sup>1</sup> П. Л. Лавров, Избранные сочинения..., т. IV, М., 1935, стр. 388.

<sup>2</sup> Там же, стр. 313—314.

<sup>3</sup> Там же, стр. 334.

То же самое должно быть и в образовании, поэтому еще перед революцией члены союза на выборной основе создают для руководства школьным делом комитет общественного развития. Его обязанности: разработать и представить на утверждение съездов союза план общественного обучения и соображения о том, что можно заимствовать у старой школы и какие приемы использовать для более быстрого учреждения новой системы общественного развития; составить, насколько будет возможно, учебники, книги для чтения, литературные произведения, план лекций и т. п. и указать, что можно будет использовать из имеющегося<sup>1</sup>. «Ни одна школа, — писал Лавров, подчеркивая важность этого вопроса для будущего строя, — не может быть представлена его противникам. Ни одно молодое существо не должно вырасти под влиянием, враждебным рабочему социализму»<sup>2</sup>.

Социально-революционный союз, руководящий подготовкой народа к революции, в момент, когда ее час настанет, должен дать сигнал. Он обязан дать его и в том случае, если в ряде мест бунты произойдут до срока.

В столицах и крупных центрах члены союза, преимущественно из интеллигенции, устраняют и парализуют органы старой власти. Восставший рабочий народ станет хозяином дел на местах. Лавров представлял, что сразу после восстания наступит всеобщее благополучие и процветание. «Организованные народные группы социально-революционного союза, сознательные представители программы рабочего социализма и руководители народного движения, — писал он, — составляют естественное зерно нового организма. Им нечего будет *создавать* что-либо новое, искусственное. Они члены существовавших и народом исторически усвоенных групп общин и артелей. Эти группы продолжают существовать, только на мирской сходке умолкли голоса кулаков-богачей, которые держали общину в экономическом рабстве; на сход не может уже иметь влияние кабачник-ростовщик; близ деревни не раздастся колокольчик станового; в ней не остановится коляска посредника; в артели нет места подрядчику-предпринимателю; все амбары с их добром, скотные дворы с их «животами» составляют достояние всех, готовых работать на общую пользу; вся земля, насколько видит глаз, с хуторами и рошами, стала «неделенной» землей рабочего люда; на всех заводах и фабриках остались хозяевами рабочие; все орудия труда стали собственностью рабочих»<sup>3</sup>.

Революция начнется немедленным и неуклонным, как писал Лавров, обращением «всякого имущества частного, имущества

<sup>1</sup> См. П. Л. Лавров, Избранные сочинения..., т. IV, М., 1935, стр. 344—345.

<sup>2</sup> Там же, стр. 344.

<sup>3</sup> Там же, стр. 305.

групп, имущества государственного в имущество *общее*. Уступки тут невозможны. Существование рядом, даже временное, социалистического строя и частной собственности представляет самую грозную опасность для нового социалистического строя, так как на другой же день после революции проснутся старые привычки и влечения монополии и хищничества и будут употреблены всевозможные усилия, чтобы удержать за личностями все то, что у них будет взято в первую же минуту»<sup>1</sup>.

Лавров представлял себе революцию, образно говоря, как страшный раскат грома, который на время оглушит имущие классы, а революционеры, воспользовавшись их шоком, поторопятся поделить их собственность.

Чтобы в дальнейшем предотвратить появление кулака, революция, по мнению Лаврова, должна устранить неравномерность распределения крестьянского движимого имущества (скота, орудий труда, запасов, предметов жизненного обихода и мелкой торговли и т. п.) и организовать общественный труд на общую пользу.

Экономическое преобразование на началах рабочего социализма должно начаться снизу. Оно представлялось Лаврову в таком виде: «Все рабочие, примкнувшие к восстанию, — писал он, — по этому самому, *фактически*, составят *общий сход* самодержавной общины, решающей все дела ее. Этот *сход*, действуя под нравственным руководством членов социально-революционного союза, разделит между всеми своими членами необходимый труд охранения наличного общего имущества от гибели, порчи и бесполезной растраты, труд производства новых предметов потребления, труд охранения общества от внутренних и внешних врагов и сношения с другими общинами, труд заботы о неспособных к труду (детях, дряхлых, больных) и т. п.»<sup>2</sup>.

Для удовлетворения нужд населения должны быть немедленно распаханы все земли, начато строительство общественных амбаров, складов, помещений для скота, жилых домов, организованы общие стада и табуны. Из общественных складов следует организовать раздачу населению всего необходимого для потребления и труда.

В городах немедленно, до упрочения нового строя, прекращается изготовление предметов роскоши. Фабричные рабочие составляют артель и налаживают производство одежды. При нехватке скот и хлеб следует изымать у кулаков, а одежду привозить из городских лавок. Лучшие помещения должны отдаваться рабочему населению.

<sup>1</sup> П. Л. Лавров, Избранные сочинения... т. IV, М., 1935, стр. 308

<sup>2</sup> Там же, стр. 311.

Этими актами сразу уничтожится «раздельность собственности» и закрепится «солидарность не только мелких групп, но довольно обширных территорий».

Говоря о живучести частнособственнических интересов и пережитков у лиц, вышедших из старого строя, Лавров тем не менее наивно полагал, что новое общество будет избавлено от них сразу, одним актом революции. Решающей мерой против них он считал обобществление имущества и орудий труда, проведенное на другой день революции. По сути дела Лавров рисовал картину утверждения, по крайней мере для большинства сознательных «работников», коммунистических идеалов в первые дни революции, так как наряду с обобществлением имущества, совместным трудом предполагал и коллективное распределение продуктов труда. Принцип общности имущества, говорил он, исключает оплату труда, так как общество «и без того должно давать ему все необходимое».

Для борьбы с враждебными новому строю элементами Лавров предлагал создать из членов союза комиссии общественной безопасности, организовать «корпус общинной и территориальной полиции», устроить надлежащее количество тюрем, виселиц, составить кодекс социалистических законов с соответствующим отделом «о наказаниях» и «для осуществления *социалистической легальной справедливости* пустить в ход всю эту обновленную машину старого времени во имя начал *рабочего социализма*»<sup>1</sup>. Лавров лишь опасался, как бы это меньшинство, которое привыкнет к юридическому формализму, не стало для общества более вредным и страшным, чем внутренняя и внешняя опасность. Да и само большинство, считая общественную безопасность делом узкой группы лиц, устранился от него. Надзор общества Лавров считал наиболее разумным и строгим. Для борьбы с привычками и влечениями старого строя члены союза должны составить инициативные группы, которые при нарушении порядка применяют меры, какие сами найдут целесообразными.

Армия должна состоять из добровольцев или быть народным ополчением. Весь ее командный состав должен избираться. Выборного главнокомандующего утверждает и смещает съезд представителей «рабочей России». За его действиями следит назначенная съездом Наблюдательная комиссия.

В жизни одного поколения, думал Лавров, произойдут такие изменения, что уже не понадобится государственной власти, а население само из своей среды изберет «комитеты распорядителей по каждой специальной работе»; они будут сноситься друг с другом и распоряжаться «под общим контролем всего населения, примкнувшего к новым порядкам»<sup>2</sup>. Тогда с исчез-

<sup>1</sup> П. Л. Лавров, Избранные сочинения..., т. IV, М., 1935, стр. 324.

<sup>2</sup> Там же, стр. 320.

новением власти, восторжествуют федеративные начала социализма.

Проследить дальнейшую эволюцию взглядов П. Л. Лаврова — дело специального исследования. С выходом в 1876 г. из редакции «Вперед!» влияние Лаврова на ход революционных событий в России падает<sup>1</sup>. К этому времени в среде революционной интеллигенции уже упрочились идеи анархизма и бунтарства М. А. Бакунина.

Призыв Лаврова овладевать знаниями для последующей пропаганды в народе нашел горячий отклик в среде значительной части молодежи. Он, несомненно, дал новый толчок работе мысли, продолжавшей жадно искать путь к правильной теории.

Сильное воздействие на русское революционное движение конца 60-х и первых лет 70-х годов оказало и утверждение Лаврова о необходимости подготовки к революции. Бесспорно, выход в свет «Исторических писем» нанес удар по авантюризму Нечаева, а последующее выступление Лаврова в «Вперед!» охлаждало бунтарский пыл Бакунина и бакунистов. Не только неудачный опыт «хождения в народ», но и неустанная проповедь Лаврова обращала внимание русских революционеров на необходимость создания боеспособных организаций.

В целом же эклектическая, не отличавшаяся четкостью и определенностью взглядов, теория Лаврова полностью не была воспринята ни одной из революционных групп России.

## Учение М. А. Бакунина

Михаил Александрович Бакунин (1814—1876) был одним из идеологов международного и русского анархизма и бунтарской тактики в революционном народничестве. В. И. Ленин считал анархизм порождением отчаяния, психологией выбитого из колеи интеллигента или босняка, идеологией индивидуализма. Анархизм является мелкобуржуазным течением в социализме. Для него характерно непонимание законов общественного развития, отрицание политической борьбы рабочего класса, его организаций, необходимости пролетарской революции, диктатуры пролетариата и государства вообще. Подводя итог деятельности анархистов, В. И. Ленин конспективно заключал:

«— Никакой доктрины, революционного учения, теории нет.

— Раздробление рабочего движения.

---

<sup>1</sup> В период борьбы «Народной воли» Лавров сочувственно относился к ней, а в 1883 г. стал одним из главных редакторов ее заграничного органа — «Вестника Народной воли». Это лишний раз подчеркивает постоянную эволюцию взглядов Лаврова.

— Полное *Наско* в опытах революционного движения (прудонизм 1871, бакунизм 1873).

— Подчинение рабочего класса буржуазной политике под видом отрицания политики»<sup>1</sup>.

Все это определяло, как говорилось выше, отрицательную роль анархизма в рабочем движении и его реакционность в эпоху распространения марксизма.

В России, в условиях господства мелкотоварного производства, бакунизм на протяжении почти целого десятилетия 70-х годов получил довольно широкое распространение. Он был одной из политических программ, рассчитанных на то, «чтобы, — как писал В. И. Ленин, — *поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества...*»<sup>2</sup>. «К этому, — пояснял В. И. Ленин, — сводились, в сущности, все наши старые революционные программы, — начиная хотя бы бакунистами и бунтарями, продолжая народниками и кончая народолюбцами...»<sup>3</sup>.

Страстная критика Бакуниным самодержавия и крепостничества, проповедь непримиримой борьбы с ними, защита интересов крестьянства и идеи общинного социализма, обеспечивали ему большое влияние на ход разворачивавшейся в России революционной борьбы. Его теория поэтому стала одним из главных направлений в народнической идеологии 70-х годов.

Главным в анархической теории Бакунина было учение о государстве.

«...Государство, — писал Бакунин, — есть зло, но зло исторически необходимое, столь же необходимое в прошедшем, как рано или поздно будет необходимо его полное уничтожение, столь же необходимое, как были необходимы первобытная животность и теологические пустоплетения людей. Государство не есть общество, оно лишь его историческая форма... Оно исторически родилось во всех странах, как плод брачного союза насилия, грабежа и опустошения, одним словом войны и завоевания, вместе с богами, последовательно рожденными теологической фантазией наций. Оно было с своего рождения и остается до сих пор божественной санкцией грубой силы и торжествующей несправедливости...»<sup>4</sup>.

Бакунин правильно рассматривал государство и религию как категории исторические, «преходящие». Первой формой государства он считал неограниченную монархию, которая затем, в результате борьбы за свободу, ограничивается конституцией

<sup>1</sup> См.: В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 378.

<sup>2</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 272.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> М. А. Бакунин, Полное собрание сочинений, т. 1, под ред. А. И. Бакунина, изд. И. Балашова, стр. 17.



Михаил Александрович Баку-  
нин

и наконец сменяется республикой. Но слово «республика, — говорил Бакунин, — не имеет другой цены, кроме цены *чисто отрицательной*: оно означает разрушение, уничтожение монархии...»<sup>1</sup>. Уничтожение монархии в России и во всем мире Бакунин считал неперемнным условием освобождения человечества. Выполнив свою историческую роль, республика, сохраняя военные силы и бюрократическую централизацию, «может и необходимо должна стать во внешней политике завоевательной державой, внутри притеснительной... она будет неспособна обеспечить своим подданным, даже если те будут называться гражданами, благоденствие и свободу». При этом Бакунин ссылался на пример Франции, «два раза объявляющей

себя демократической республикой и оба раза теряющей свою свободу и дающей себя увлечь к завоевательным войнам»<sup>2</sup>.

Подвергая далее резкой критике буржуазный парламентаризм, Бакунин вслед за Герценом писал, что «никогда правительственный деспотизм не бывает так страшен и так силен, как тогда, когда он опирается на мнимое представительство мнимой народной воли»<sup>3</sup>.

Задачей своего времени он считал социальную, т. е. социалистическую, революцию. Она, по его мнению, должна уничтожить всякую власть, так как последняя «действует столь же развратительно на тех, кто облечен ею, сколько и на тех, кто принужден ей покоряться. Под тлетворным влиянием ее, — писал Бакунин, — одни становятся честолюбивыми и корыстолюбивыми деспотами, эксплуататорами общества в свою личную или сословную пользу, другие — рабами»<sup>4</sup>.

Более развитая Европа, по его мнению, уже выработала идеи, которые прямо ведут к уничтожению всякой эксплуатации и всякого государственного притеснения. Однако идеалом его стало анархистское учение Прудона. Бакунин говорил, что Прудон был «во сто раз бóльшим революционером», чем все предшествующие ему социалисты.

<sup>1</sup> М. А. Бакунин, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 49.

<sup>2</sup> Там же, стр. 49—50.

<sup>3</sup> М. А. Бакунин, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 28.

<sup>4</sup> Там же, стр. 166.

Основной вопрос философии Бакунина решал с материалистических позиций и в то же время приходил к выводу о непознаваемости законов общественного развития. Раз жизнь первична, а мысль вторична, то, следовательно, социологическая наука, считал он, не может быть руководством в практике революционной борьбы. Поэтому он с одинаковым жаром выступал как против «идеалистов всякого рода», так и против сторонников «революционной диктатуры», т. е. марксистов. Все они, по мнению Бакунина, отстаивают одну и ту же идею государственной власти, и разница между ними заключается лишь в различии той аргументации, которой они пользуются для обоснования своих взглядов.

Научной теории он противопоставлял естественно развивающийся в народе идеал освобождения, инстинкт свободы. «Понятно, — писал Бакунин, — что если народ не выработал сам из себя этого идеала, то никто не будет в состоянии ему его дать. Вообще нужно заметить, — продолжал он, — что никому, ни лицу, ни обществу, ни народу нельзя дать того, чего в нем уже не существует не только в зародыше, но даже в некоторой степени развития»<sup>1</sup>. Из указанного положения исходил Бакунин, выступая с отрицанием роли революционной пропаганды, значения политической борьбы.

Всякое политическое движение, говорил он, «не может быть другим, как движением буржуазным», и на этом основании заключал, что марксисты будто бы требуют от рабочих «усвоить себе прежде всего буржуазные интересы и цели и совершить политическое движение в пользу радикальной буржуазии...»<sup>2</sup>. Если, рассуждал Бакунин, народ исторически выработал в себе идеал свободы, он готов к борьбе за нее. Поэтому к нему нужно идти не с пропагандой, а с призывом к борьбе.

Ненаучное понимание сущности государства привело Бакунина к отрицанию его в будущем социалистическом обществе, в связи с чем он резко выступал против учения Маркса о диктатуре пролетариата.

Бакунин крайне упрощенно представлял себе задачи и результаты революции. Он полагал, что основная цель революции — уничтожить неравенство между людьми. Уравниванием экономического и политического положения всех сословий и классов общества, считал он, и будет ознаменован революционный переворот. В таком примитивном суждении о задачах социалистической революции проявилось полное непонимание им классовой природы и сущности неравенства. Если революция сразу уничтожает всякое неравенство, то, спрашивал он, для чего же нужна диктатура пролетариата?

<sup>1</sup> М. А. Бакунин, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 248.

<sup>2</sup> Там же, стр. 226.



В идее нового народного управления на основе всеобщих выборов, казалось ему, «кроется деспотизм управляющего меньшинства». «Но, — писал он, полемизируя с Марксом, — это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из бывших работников, но которые лишь только сделаются правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной; будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом. Кто может усомниться в этом, тот совсем не знаком с природой человека»<sup>1</sup>.

Никаких выборов, никакой власти, полная анархия в общественной жизни — вот его требование для осуществления «народных идеалов». «... На социально-революционном ... на нашем знамени... — писал Бакунин, — огненными, кровавыми буквами начертано разрушение всех государств, уничтожение буржуазной цивилизации, вольная организация снизу вверх посредством вольных союзов — организация разнузданной чернорабочей черни, всего освобожденного человечества, создание нового общечеловеческого мира»<sup>2</sup>. Он считал, что государству надо противопоставить «великий, спасительный принцип Федерализма» снизу доверху. Во имя достижения торжества свободы, справедливости и мира Бакунин призывал бороться за переустройство «своих отечеств, дабы заменить в них старую организацию, основанную, сверху до низу, на насилии и принципе власти, новой организацией, не имеющей другого основания, как интересы, потребности и естественные влечения населений, ни другого принципа, как свободная федерация индивидуумов в коммуны, коммун в провинции, провинций в нации, наконец, этих последних в Соединенные Штаты сперва Европы, а затем всего мира...»<sup>3</sup>.

Экономика будущего должна зиждиться на принципах кооперации труда и собственности. «Кооперация во всех ее видах, — писал Бакунин, — есть несомненно рациональная и справедливая форма будущего производства. Но для того, чтобы она могла достигнуть своей цели — освобождения всех работающих масс и полного вознаграждения и удовлетворения их, необходимо, чтобы земля и капитал, во всех видах, сделались коллективной собственностью»<sup>4</sup>.

Если придать обществу такое устройство, при котором каждый индивидуум имел бы равные возможности для развития способностей и применения сил, не мог эксплуатировать чужой

<sup>1</sup> М. А. Бакунин, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 217.

<sup>2</sup> Там же, стр. 240.

<sup>3</sup> М. А. Бакунин, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 53.

<sup>4</sup> Там же, т. II, стр. 245.

труд, а участвовал бы «в пользовании социальными богатствами, являющимися не чем иным, как произведенным человеческой работой, лишь постольку, поскольку он непосредственно способствовал их производству», то, думал Бакунин, и осуществились бы лучшие чаяния трудящихся. Тогда свободные «чернорабочие массы» уничтожат все нынешние государственные границы и будут жить в интернациональном братстве. «Полное осуществление этой проблемы, — писал он, — будет, конечно, делом столетий. Но история выдвинула ее, и отныне мы не можем оставлять ее без внимания, не обрекая себя на полное бессилие...»<sup>1</sup>.

Решающую роль в борьбе за осуществление этих идеалов Бакунин отводил народу: «... на западе — фабричным и городским рабочим; у нас, в России, в Польше и в большинстве славянских земель — крестьянам»<sup>2</sup>. У тех и других, т. е. фабричных рабочих Запада и крестьян славянского мира, одна задача, общая цель, которая «без кровавой, ужасной борьбы разрешиться не может».

Революционные задачи трудящихся всех стран Бакунин считал общими, но, не понимая законов исторического развития, разграничивал Запад и славянский мир, отводя в первом роль преобразователя жизни рабочим, а во втором — крестьянству. Признание крестьянства самостоятельной революционной силой в славянских странах вытекало у Бакунина из его утверждения о якобы самобытном пути их исторического развития, их национальной исключительности.

Хотя Бакунин звал трудящихся славян «войти массами» в Интернационал (при этом он имел в виду не пролетарский Интернационал Маркса, а свой, мелкобуржуазный, анархистский Альянс), но и в нем ставил славян в обособленное положение, считая, что они должны там «образовать фабричные, ремесленные и земледельческие секции и соединить их в местные федерации, а если окажется нужным, то, пожалуй, и в общеславянскую федерацию. На почве Интернационала, освобождающего всех и каждого от государственного отечества, — писал он, — славянские работники должны и могут без малейшей опасности для своей самостоятельности встретиться братски с немецкими работниками, союз с которыми на другой почве для них решительно невозможен»<sup>3</sup>.

Не подвергая опасности свою «самостоятельность», славяне, говорил Бакунин, внесут свой вклад в «общечеловеческую свободу», но будут действовать своими, только им присущими, методами. Такая постановка вопроса отрывала борьбу трудящих-

<sup>1</sup> М. А. Бакунин, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 77.

<sup>2</sup> Там же, стр. 76.

<sup>3</sup> Там же, т. II, стр. 61.

ся-славян от пролетарского движения на Западе. В главном своем труде «Государственность и анархия», изданном за границей в 1873 г., он утверждал, что будто бы по «всей природе и по всему существу своему славяне решительно племя не политическое, т. е. не государственное»<sup>1</sup> и ни один из славянских народов сам не создал своей государственности.

Считая славян племенем мирным и земледельческим, чуждым воинственному духу и государственным стремлениям, «которые с ранних пор появились у германцев», Бакунин на ранней стадии их развития видит отдельный, независимый образ жизни в общинах. Тогда славяне не знали ни дворянства, ни жрецов, управлялись выборными старостами, все одинаково пользовались общинной землей, «были все равны между собой, осуществляя, правда, еще только в патриархальном и, следовательно, в самом несовершенном виде, идеи человеческого братства»<sup>2</sup>.

Древние общины не имели постоянной политической связи друг с другом, объединялись лишь для отпора нашествию и затем, как только миновала опасность, «эта тень политического соединения исчезала», но оставалась лишь «связь общественная, братская между всеми славянскими племенами, в высшей степени гостеприимными»<sup>3</sup>.

Так было до второй половины X в., когда начинается их мученическая и в то же время героическая история в связи с беспрестанными нападениями на них немцев, турок и татар. «В многовековой, непрерывной и упорной борьбе против завоевателей, — писал Бакунин, — они пролили много крови за свою земскую волю»<sup>4</sup>. Главными вехами этой борьбы Бакунин считал восстания славян между Одером, Эльбой и Балтийским морем против немцев и польской шляхты в XI веке, «революцию чешских гуситов» в XV в., борьбу Новгорода и Пскова против царей московских и «союз великорусских земств против польских королей и иезуитов» в XVI в., «знаменитое восстание малороссийского и литовского населения против польской шляхты», восстание приволжских крестьян под предводительством Степана Разина в XVII в. и «наконец, сто лет спустя, не менее знаменательный бунт Пугачева. И во всех этих чисто народных движениях, восстаниях и бунтах, — заключал Бакунин, — мы находим ту же ненависть к государству, то же стремление к созданию вольнообщинного крестьянского мира»<sup>5</sup>.

XIX век в истории славян Бакунин считал временем общего пробуждения «славянского племени». Задача революционеров —

<sup>1</sup> М. А. Бакунин, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 45.

<sup>2</sup> Там же, стр. 46.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же, стр. 47.

организовать народные силы славян для совершения социальной революции. «Эти передовые люди, — писал он, — должны понять, что то самое, что в прошедшие времена составляло слабость славянских народов, а именно их неспособность образовать государство, в настоящее время составляет их силу, их право на будущность, дает смысл всем их настоящим народным движениям»<sup>1</sup>.

В русском народе он видел элементы, необходимые для социальной революции, — чрезвычайную нищету и рабство. «Страданиям его нет числа, и переносит он их не терпеливо, а с глубоким и страстным отчаянием, выразившемся уже два раза исторически, двумя страшными взрывами: бунтом Стеньки Разина и Пугачевским бунтом, и не переставшим поныне проявляться в непрерывном ряде частных крестьянских бунтов»<sup>2</sup>.

В начале 60-х годов (1862) Бакунин выдвигал следующие задачи русской революционной партии: слотиться и стать под знамя «Народного дела»; объявить всю землю собственностью народа, «так чтоб не было ни одного русского, который бы не имел части в русской земле»; создать народно-общинное «волостное, уездное, областное и, наконец, государственное, с царем или без царя, все равно как захочет народ», самоуправление, но чтобы не было чиновников, а бюрократическая централизация заменилась вольной областной федерацией; предоставить Польше, Украине, Прибалтике, Финляндии и Кавказскому краю полную свободу и право «распорядиться собой и устроиться по своему произволу, без всякого с нашей стороны вмешательства, прямого или косвенного», но сохранить с ними братские и, если возможно, федеральные связи, помогать им «против всякого насилия и против всех внешних врагов»; вместе с Польшей, Литвой и Украинной подать руку помощи славянам, находившимся под немецким, австрийским и турецким игом, и не влагать меч в ножны, пока хоть один славянин останется в неволе; взять обязательство сотрудничать с Италией, Венгрией и Грецией, если они не будут угнетать славян и румын; вместе со всеми славянами создать «Великую и вольную федерацию Всеславянскую, где каждый народ, велик или мал, будет вместе вольным и братски с другими народами связанным членом; чтобы каждый стоял за всех и все за каждого и чтобы не было в братском союзе особенных государственных сил, чтоб не было ничьей гегемонии, но чтоб существовала единая и нераздельная общеславянская сила. Вот, — заключал Бакунин, — широкая программа дела Славянского, вот необходимое последнее слово народнорусского дела . . .»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> М. А. Бакунин, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 54.

<sup>2</sup> Там же, стр. 247.

<sup>3</sup> Там же, т. I, стр. 231, 232.

Как видим, в начале 60-х годов испытывший на себе сильное влияние Герцена, Бакунин верил, что революция может произойти сверху, волей самодержавного царя. По его мнению, русский народ беды свои приписывает кому угодно: помещикам, чиновникам и попам, только не царю, видя в нем «символическое представление единства, величия и славы русской земли». Но единство русской земли, олицетворяемое царем, требует «еще другого представительства: Всенародного Земского Собора». Поэтому Бакунин допускал мирный или насильственный путь преобразования России, считая, что при тех или других условиях его может возглавить Романов, Пугачев или Пестель.

«Скажем правду, мы охотнее всего пошли бы за Романовым, если б Романов мог и хотел превратиться из исторического императора в царя земского» и дал бы готовой к борьбе силе русской «крещение народное», — писал Бакунин, обосновывая возможность мирного развития революции. «Мы еще потому пошли бы за ним, — разъяснял он далее эту идею, — что он *один* мог совершить и окончить великую мирную революцию, не пролив ни одной капли русской или славянской крови. Кровавые революции, благодаря людской глупости, становятся иногда необходимыми, но все-таки они зло, великое зло и большое несчастье не только в отношении к жертвам, но и в отношении к чистоте и к полноте достижения той цели, для которой они совершаются. Мы видели это на революции французской...»<sup>1</sup>.

Если царь станет во главе народа и вместе с Земским Собором «приступит широко и решительно к коренному преобразованию России в духе свободы и земства»<sup>2</sup>, тогда революция будет мирной и благодатной. Бакунин утверждал, что у разумного царя не может быть противоречий с Земским Собором, так как его членами будут представители народа, который его любит.

Наивно мечтая пробудить угрозами кровавых потрясений добрые намерения самодержца, Бакунин рисовал радужную картину будущего, когда царь созвет Думу и встретит народных представителей с распростертыми объятиями. «И мир и вера восстановились бы как чудом, и деньги нашлись бы, и все бы устроилось просто, естественно, для всех безобидно, для всех правильно... Руководимый таким царем, Земский Собор создал бы новую Россию на основаниях вольных, широких, без потрясений, без жертв, даже без усиленной борьбы и без шума...»<sup>3</sup>. Тогда и молодежь пошла бы за царем и отдала бы все свои силы и ум «к его услугам для совершения великого

<sup>1</sup> М. А. Бакунин, Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 233.

<sup>2</sup> Там же, стр. 218.

<sup>3</sup> Там же, стр. 222.

дела — умиротворения и воссоздания России»<sup>1</sup>. Больше того, пойми царь, «что он ныне должен быть не главой насильственной централизации, а главой свободной федерации вольных народов», он, опираясь на союз с Польшей и Украиной, мог бы поднять всеславянское знамя и стать «избавителем Славянского мира»<sup>2</sup>.

Бакунину казалось все это вполне реальным, но, сетовал он, «в Петербурге нет ни мысли, ни сердца, ни воли... На Петербург надежды нет. Царь избрал себе путь, губительный для него, губительный для России»<sup>3</sup>.

Если в России, писал Бакунин, продлятся еще несколько лет существующие в ней неурядицы, настроение народа изменится, и тогда «революция примет характер беспощадной резни».

Такой исход дела Бакунину казался наиболее вероятным. В начале 60-х годов он еще ясно не представлял себе, как развернутся события, если «царь изменит России».

«Что будет, — писал он, — какую форму примет движение, кто станет во главе его? Самозванец-царь, Пугачев или новый Пестель-диктатор? Предугадать теперь невозможно. Если Пугачев, то дай бог, чтоб в нем нашелся политический гений Пестеля, потому что без него он утопит Россию и, пожалуй, всю будущность России в крови. Если Пестель, то пусть будет он человеком народным, как Пугачев, ибо иначе его не потерпит народ. А может быть, ни Пестель, ни Пугачев, ни Романов, а Земский Собор спасет Россию»<sup>4</sup>.

Однако Бакунин считал, что революционеры не должны пассивно ждать развязки событий. Их долг — «крепко сомкнуться и единодушно готовиться к делу». «Времени, может быть, осталось немного — *употребим его на сближение с народом во что бы ни стало, дабы он признал нас своими*», — призывал он. Искренне, с правдой, «безбоязненно, твердым шагом пойдем к народу, а там, когда с ним сойдемся, помчимся вместе с ним, куда вынесет буря»<sup>5</sup>.

Позже, в конце 60-х годов, в период оживления студенческого движения, как мы знаем, Бакунин вместе с Нечаевым звал Россию к бунту, к разрушению всего, что было создано при власти царей. Теперь он наиболее активной силой революции считал деклассированные элементы общества.

Разгром нечаевской организации и крах их совместного с Нечаевым предприятия не изменил веры Бакунина в возможность скорого бунта в России. Однако жизненный опыт и критика его анархистских идей в Интернационале, заставляли Ба-

<sup>1</sup> М. А. Бакунин, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 228.

<sup>2</sup> Там же, стр. 229.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же, стр. 234.

<sup>5</sup> Там же, стр. 234, 235.

кунина уделять некоторое внимание вопросам организации и руководства народным движением. Это и нашло свое отражение в его труде «Государственность и анархия».

Считая всякий, даже неудачный, бунт полезным, Бакунин тем не менее стал понимать, что для победы революции «частных вспышек недостаточно», а надо «поднять вдруг все деревни».

Как добиться всеобщего восстания народа? Нужно ли для этого сначала «просветить» народ или прямо обратиться к нему с призывом к бунту? Бакунин отрицательно расценивал попытку той части молодежи, которая, откликнувшись на призыв П. Л. Лаврова учиться, а затем идти учить народ, стремилась внести в сознание крестьянства социалистические идеалы. Бакунин писал, что открытие в деревне «кафедр социологии» не допустит полиция, а сами мужики не поймут преподаваемой им науки и надсмеются над своими профессорами. На мужика надо действовать не теорией, а практически. Бакунин приветствовал наметившееся в России с начала 70-х годов стремление молодежи идти в народ с практическими целями. Он различал в «хождении в народ» миролюбивое и бунтарское направления. Одни, говорил он, не веря в возможность быстрой революции, идут в народ, чтобы братски разделить с ним тяготы жизни и одновременно своим живым примером на практике готовить его к будущей борьбе. «Они, — писал Бакунин, — пойдут в фабричные работники, и работая наравне вместе с ними, будут стараться распространять между ними дух общений...»<sup>1</sup>. Другие станут создавать сельские коммуны, где трудящиеся будут работать по способностям, по силам, «распределяя заработки не в меру работы, а в меру потребностей каждого»<sup>2</sup>.

И те и другие мероприятия Бакунин считал полезными в целях «распространения в народе понятий практических о справедливости, о свободе, о средствах к освобождению», но они представлялись ему каплей в море. В конечном счете сами революционеры, считал он, должны разочароваться в них.

«Другой путь, — писал Бакунин — боевой, бунтовской. В него мы верим и только от него ждем спасения»<sup>3</sup>. Народ России, как и народ Запада, по его мнению, выработал в себе идеал своего освобождения. Главными его чертами он считал: всенародное убеждение, что земля принадлежит трудовому народу, а право пользования ею — не отдельному лицу, а целой общине, миру; общинное автономное самоуправление; враждебное отношение общины к государству<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> М. А. Бакунин, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 258—259.

<sup>2</sup> Там же, стр. 259.

<sup>3</sup> Там же, стр. 260.

<sup>4</sup> См.: там же.

В восстаниях Степана Разина и Емельяна Пугачева Бакунин видел попытки осуществить идеал народа. Но указанные восстания терпели поражения, так как в самом идеале «есть существенные недостатки, которые мешали и мешают успеху»<sup>1</sup>. Этими недостатками он считал патриархальность быта, поглощение лица миром, веру в царя и бога.

Пронстекают главные недостатки в народе от такого зла, как патриархальность быта. Патриархальность, писал Бакунин, искажила «всю русскую жизнь, наложив на нее тот характер тупоумной неподвижности, той непроходимой грязи родной, той коренной лжи, алчного лицемерия и, наконец, того холопского рабства, которые делают ее нестерпимой»<sup>2</sup>. Все это ярко проявляется в жизни семьи, построенной на деспотических началах и грязи, и самой общины, представляющей собой не что иное, как расширение семьи. В общине, писал Бакунин, «преобладает то же патриархальное начало, тот же гнусный деспотизм и то же подлое послушание... В мире имеют право голоса только старики, главы семейства»<sup>3</sup>. Составляя замкнутое целое, ни одна община не имеет и не чувствует необходимости иметь связь с другими. В этом заключается одно из главных несчастий России. Соединяются между собой общины только верховной властью царя. «Понятно, — делал вывод Бакунин, — что такое разъединение бессилит народ и обрекает все его бунты, почти всегда местные и бессвязные, на неизбежное поражение и тем самым упрочивает торжество деспотической власти»<sup>4</sup>.

Общину, и без того развращенную патриархальностью, окончательно раздавило и развратило государство. «Под его гнетом, — писал Бакунин, — само общинное избирательство стало обманом, а лица, временно избираемые самим народом, головы, старосты, десятские, старшины, превратились, с одной стороны, в орудие власти, а с другой, в подкупленных слуг богатых мужиков-кулаков»<sup>5</sup>.

Как видим, Бакунин обрушивался не только на те недостатки общины, которые, как он считал, унаследованы ею от прошлого, но и сумел увидеть разложение ее изнутри появившимся в ней новым хозяином-кулаком.

Другая отрицательная черта — вера в царя — в пореформенное время стала утрачивать свое бывшее значение. «Дворянина помещика-крепостника, — писал Бакунин, — болес нет, а он был громоотводом, стягивающим главным образом на себя всю грозу народной ненависти. Остался дворянин или купец-земледелец, крупный кулак, а главное, остался чиновник, ан-

<sup>1</sup> М. А. Бакунин. Полное собрание сочинений, т. II, стр. 260.

<sup>2</sup> Там же, стр. 255.

<sup>3</sup> Там же, стр. 256.

<sup>4</sup> Там же, стр. 257.

<sup>5</sup> Там же, стр. 258.



гел или архангел царский. Но чиновник исполняет волю царя. Как ни омрачен наш мужик безумной исторической верой в царя, он наконец это сам понимать начинает»<sup>1</sup>. Бакунин чувствовал ослабление в народе веры в царя, но он явно переоценивал этот процесс. Вместе с тем и в начале 70-х годов, видя капиталистическую эволюцию помещичьего хозяйства и появление кулака, он искал решение задачи не в развитии классовых противоречий и классовой борьбы, а в антагонизме народа и власти.

Борьбу против веры народа в бога Бакунин считал изменой революционному долгу. Он утверждал, что религиозность может быть убита в народе только социальной революцией, поэтому заострять на ней внимание революционеров и народа значит отвлекать их от главного дела.

Задача «умственного пролетариата, русской, честной, искренней, до конца преданной социально-революционной молодежи. . . идти в народ . . . потому что, — писал Бакунин, — ныне везде, по преимуществу же в России, вне народа, вне многомиллионных чернорабочих масс, нет более ни жизни, ни дела, ни будущности»<sup>2</sup>. Революционная молодежь, уйдя в народ, должна побороть в его сознании недостатки идеала. Революция как раз и будет заключаться в том, чтобы устранить их. Эта революция уже началась, утверждал Бакунин, так как «война против патриархальности ведется ныне чуть ли не в каждой деревне и в каждом семействе». А поскольку община, мир «обратились теперь в орудие ненавистной народу государственной власти и чиновнического произвола . . . бунт против последних становится вместе с тем и бунтом против общинного и мирского деспотизма»<sup>3</sup>.

Революционеры должны направить усилия на разоблачение царской власти и соединение замкнутых общин. Теперь, в 70-х годах, Бакунин освободился от прежних либеральных надежд на царя и требовал от революционеров втолковать народу, дать ему почувствовать, «что у него нет врага пуше царя», показать, «пользуясь всеми плачевными и трагическими случаями, которыми переполнена ежедневная народная жизнь . . . как все чиновничьи, помещичьи, поповские и кулацкие неистовства, разбои, грабежи, от которых ему нет житья, идут прямо от царской власти, опираются на нее и возможны только благодаря ей, доказать ему, одним словом, что столь ненавистное ему государство — это сам царь и не что иное, как царь — вот прямая и теперь главная обязанность революционной пропаганды»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> М. А. Бакунин. Полное собрание сочинений, т. II, стр. 261.

<sup>2</sup> Там же, стр. 258.

<sup>3</sup> Там же, стр. 260, 261.

<sup>4</sup> Там же, стр. 261.

Бакунин, указывая на непосредственных эксплуататоров народа, видел, что их злодеяния прикрываются самодержавием, и звал революционеров пропагандировать ненависть к царю, разоблачать его как вдохновителя и покровителя зла. Признание Бакуниным необходимости предварительной революционной пропаганды свидетельствует о некотором изменении его взглядов: он уже не звал Россию к победоносному бунту без всякой подготовки. Считая главным недостатком, парализующим и делающим до сих пор невозможным всеобщее народное восстание в России, замкнутость общин, уединение и разъединение крестьянских местных миров, Бакунин понял теперь и необходимость организации революционных сил по всей стране. «Надо, — писал он, — во что бы то ни стало разбить эту замкнутость и провести между этими отдельными мирами живой ток революционной мысли, воли и дела»<sup>1</sup>.

Ему представлялось возможным создать крестьянскую организацию, которая объединила бы все села России, и соединить ее с фабричными работниками. Конкретизируя свою идею, он писал: «Надо связать лучших крестьян всех деревень, волостей и, по возможности, областей, передовых людей, естественных революционеров из русского крестьянского мира между собой и там, где оно возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянством. Эта связь не может быть другой как личной. Нужно, соблюдая, разумеется, при том самую педантическую осторожность, чтобы лучшие или передовые крестьяне каждой деревни, каждой волости и каждой области знали таких же крестьян всех других деревень, волостей, областей. Надо убедить прежде всего этих передовых людей из крестьянства, а через них, если не весь народ, то по крайней мере значительную и наиболее энергичную часть его, что для целого народа, для всех деревень, волостей и областей в целой России, да также и вне России, существует одна общая беда, а потому и одно общее дело»<sup>2</sup>.

Задача революционеров — убедить лучших людей из народа в том, что в массах живет несокрушимая сила, против которой, если она собрана, организована и действует везде одновременно, ничто и никто не может устоять. «Для того же, — писал он, — чтобы создалось в нашем народе чувство и сознание действительного единства, надо устроить род народной, печатной, литографированной, писаной или даже изустной газеты, которая бы немедленно извещала повсюду, во всех концах, областях, волостях и селах России о всяком частном народном, крестьянском или фабричном бунте, вспыхивающем то в одном, то в другом

<sup>1</sup> М. А. Бакунин, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 262.

<sup>2</sup> Там же.

месте, а также и о крупных революционных движениях, производимых пролетариатом Западной Европы; для того чтобы наш крестьянин и наш фабричный работник не чувствовал себя одиноким, а знал бы, напротив, что за ним, под тем же гнетом, но зато и с той же страстью и волей освободиться, стоит огромный, бесчисленный мир к всеобщему взрыву готовящихся чернорабочих масс»<sup>1</sup>.

В разъяснении народу этих практических задач революции Бакунин и видел единственную цель своеобразно понимаемой им пропаганды. Народ признает своими революционных пропагандистов только тогда, когда он встретится с ними «в своей жизни, в своей беде, в своем деле, в своем отчаянном бунте». Потому пропаганда должна стать деятельной, передовой участницей всех народных волнений и бунтов. «Класс, — заключал Бакунин, — который мы называем нашим умственным пролетариатом и который у нас в положении социально-революционном, т. е. просто напросто отчаянном и невозможном, должен теперь проникнуться сознательной страстью социально-революционного дела, если он не хочет погибнуть постыдно и втуне, этот класс призван ныне быть приурочителем, т. е. организатором, народной революции... тратить себя лишь на пропаганду народную, на постоянное возбуждение и на организацию всенародного бунта»<sup>2</sup>.

Трудно, конечно, совместить веру Бакунина в скорый «все-народный бунт» в России и возможность замышляемого им создания всероссийской организации крестьянских революционеров; нельзя признать сколь-нибудь осуществимой саму идею создания такой организации крестьян; невозможно согласиться с общей концепцией его революционной программы, которая выражала мелкобуржуазные чаяния крестьянства и была ненаучной. Но, учитывая своеобразие исторических условий освободительного движения в России того времени, нельзя не видеть в его страстном обличении деспотизма и произвола власти, в признании народа решающей силой истории, в призыве к революционной молодежи идти в его гущу будить его дремлющие силы и собирать их на решительную борьбу того, безусловно, сильного воздействия на современников, которое было вызвано проповедью Бакунина.

Если В. И. Ленин время массового хождения революционной молодежи в народ в первой половине 70-х годов называл «рассветом действенного народничества», то следует учитывать, что этот ее порыв к «делу» в сильной мере был возбужден и подхлестнут страстным призывом бунтаря Бакунина.

<sup>1</sup> М. А. Бакунин, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 262—263.

<sup>2</sup> Там же, стр. 263—264.

Петр Никитич Ткачев (1844—1885), сын мелкопоместного дворянина, идейно развивался в годы, когда все здоровые силы русской молодежи проникались ненавистью к самодержавно-крепостническому строю в России и становились в ряды освободительного движения. Поступив в 1861 г. в Петербургский университет, он сразу стал участником бурных студенческих волнений, был на два месяца заключен в Кронштадтской крепости. В дальнейшем его арестовывали в 1865—1866 гг. (в последнем случае в связи с каразовским делом) и в 1869 г. за участие в нечаевской организации. Вынужденный из-за тяжелого материального положения семьи искать заработок, Ткачев уже с 1862 г. начал выступать в печати и заниматься переводами. С 1865 г. он стал сотрудничать в «Русском Слове», а после его закрытия в 1866 г. — в демократическом журнале «Дело». К зиме 1868—1869 г., когда в России вновь оживило массовое студенческое движение, Ткачев как публицист уже был широко известен и выступал вместе с Нечаевым одним из руководителей студенчества. Арестованный в 1869 г., он два года просидел в тюрьме и в 1871 г. по делу нечаевцев был осужден за написанную им прокламацию «К обществу». Сосланный в родное имение Великолукской губернии, он в декабре 1873 г. был вывезен оттуда юным «чайковцем» Куприяновым за границу. После неудачной попытки участия в журнале «Вперед!» Ткачев стал резко критиковать взгляды Лаврова, выступив сторонником тактики заговора в русском революционном движении. Учение Ткачева поэтому в литературе часто называют русским бланкизмом — по имени французского революционера Огюста Бланки. Бланки, игнорируя классовую борьбу и опору на массовое пролетарское движение, всю свою большую и кипучую жизнь посвятил всегда бесплодным попыткам с помощью заговора узкой группы революционеров захватить власть и, опираясь на нее, преобразовать жизнь на социалистических началах. «Бланкизм, — писал В. И. Ленин, — есть теория, отрицающая классовую борьбу. Бланкизм ожидает избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства»<sup>1</sup>.

Ткачев, став идеологом тактики заговора в борьбе за осуществление идеалов социализма, отразил настроение той части русской революционной интеллигенции, которая, не веря в силы народа, стремилась во имя его свободы и счастья создать тайную организацию, совершить государственный переворот, взять

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 76.



Петр Никитич Ткачев

власть в свои руки, а затем, проводя реформы сверху, постепенно перестроить жизнь на социалистических началах.

Это было третье из основных разновидностей учений революционного народничества 70-х годов, начавшее оформляться в отдельное течение с 1874—1875 гг., когда П. Н. Ткачев выступил с рядом острых статей, направленных против Ф. Энгельса и, главным образом П. Л. Лаврова<sup>1</sup>.

Печатным органом нового идейного направления был издававшийся за границей с 1875 г. журнал «Набат». В 1877 г. эмигранты, группировавшиеся вокруг него, создали

для осуществления заговора сугубо конспиративное «Общество народного освобождения», которое, однако, не сумело привлечь к себе сколь-либо заметного внимания в России.

Оставаясь в общем в рамках народнических представлений об историческом процессе, Ткачев в ряде вопросов придерживался своеобразных взглядов. Прежде всего следует выяснить его отношение к общине, этой основе основ народнических мечтаний о социализме.

Община не представлялась ему особенностью русской истории. В своем первоначальном и современном виде, говорил Ткачев, она ничем не отличалась от индийской, скандинавской, германской, английской и швейцарской общин. Все дело в том, что в Западной Европе древняя община разложилась, а в России этот процесс еще не завершился. Разложение общины в Европе и в России Ткачев ставил в связь с развитием частного землевладения, но последнее рассматривал не как результат внутренних изменений жизни общества, а считал его элементом, привнесенным извне, следствием завоеваний. Чужеземные завоеватели, писал Ткачев, пользуясь своей силой или численным превосходством, «отнимали у общин их пашни, их леса и пастбища, облагали их данью» и, селясь на землю «рядом с их общинным хозяйством, устраивали свое собственное на нача-

<sup>1</sup> См.: «Открытое письмо господину Фридриху Энгельсу» (1874). В кн.: П. Ткачев, Избранные сочинения на социально-политические темы в четырех томах, т. III, М., 1933; «Задачи революционной пропаганды в России» (письмо в редакцию журнала «Вперед!»), там же.

дах частной, индивидуальной собственности. Частное хозяйство, — продолжал он, — оказывает обыкновенно на общину такое же действие, как кислота на железо: оно постепенно разъедает ее. Под его влиянием в ней начинается процесс брожения и разложения»<sup>1</sup>.

Стесненная собственностью князей и их слуг, задавленная тяжестью налогов и всевозможных поборов государства, община сначала поддерживала принцип равенства переделами, а затем, с расширением частной собственности и гнета, члены ее стали тяготиться землей и старались освободиться от нее. «Выбрасывая из себя массу нищих и обездоленных, она, — писал Ткачев об общине XVI в., с которого он отмечает начало «упадка крестьянского быта», — в то же время выработала в своей среде нечто вроде местной аристократии — кулаков, «богачей», «лучших» и «средних людей» — и, таким образом, собственными руками уничтожила то несущественное благосостояние, охранение и развитие которого составляло одну из важнейших и основных задач ее существования»<sup>2</sup>. Одновременно община утрачивала и старинные вольности и права. «Право переходит в привилегию, а свобода — в закрепощение». Власти превратили общину в тягло, инструмент сбора податей. На бегство крестьян из общины власти ответили в XVII в. их закрепощением. С этого времени самостоятельная жизнь общины прекращается. Закрепощение, как мера насильственная, шло, по мнению Ткачева, вразрез с интересами не только крестьян, но и помещиков и в конечном счете разорило первых и расстроило хозяйство вторых, истощило производительные силы страны и на два с половиной столетия «остановило прогресс сельскохозяйственной техники». Закрепощение «было просто одной из важнейших исторических ошибок, так дорого стоящих России», — писал Ткачев, заключая свой экскурс в прошлое.

Таким образом, Ткачев, подмечая лишь внешние проявления исторического процесса разложения общины: появление в ней кулака и массы разоренных крестьян, превращение ее в придаток государства, закрепощение деревни и т. п., в то же время не сумел понять тех внутренних закономерностей, которые породили и разложение общины, и закрепощение крестьянства. Незнание законов исторического развития помешало Ткачеву понять исторически прогрессивное, несмотря на его страшные бедствия для народа, значение закрепощения крестьян. По той же причине Ткачев отрицательно относился к развитию капитализма в России. Он не мог не заметить, что в России «начинают вырабатываться настоящие буржуа в западноевропейском смыс-

<sup>1</sup> П. Н. Ткачев, Избранные сочинения ..., т. IV, М., 1933, стр. 330—331.

<sup>2</sup> Там же, стр. 339.

ле этого слова»<sup>1</sup>, что экономическое развитие России «подчинено тем же законам и совершается в том же направлении, как и экономическое развитие западноевропейских государств»<sup>2</sup>. Он видел, как капитализм проникает в деревню и разлагает общину, как в ее среде «вырабатывается класс кулаков, покупателей и съемщиков крестьянских и помещичьих земель — мужицкая аристократия. Свободный переход поземельной собственности из рук в руки с каждым днем встречает все меньше и меньше препятствий, расширение земельного кредита, развитие денежных операций с каждым днем становятся все заметнее»<sup>3</sup>. Но в лице землевладельцев и фермеров, денежной, торговой, промышленной буржуазии Ткачев видел консервативную силу, способную окончательно разложить общину, убить в ней социалистические зародыши и тем самым сделать революцию проблематичной или вообще невозможной.

Несмотря на закрепощение, гнет государственной власти, начавшееся закабаление его хищником-капиталистом, крестьянин России, думал Ткачев, еще проникнут принципом общинного владения; «он, если можно так выразиться, коммунист по инстинкту, по традиции». Идея коллективной собственности крепко срослась со всем мирозерцанием русского народа; поэтому, писал Ткачев, «наш народ, несмотря на свое невежество, стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Западной Европы, хотя последние и образованнее его»<sup>4</sup>.

Общественный идеал народа — самоуправление, подчинение лица миру, право частного пользования, но отнюдь не частного владения землей, круговая порука, братская солидарность всех членов общины — одним словом, говорил Ткачев, идеал с ясно выраженным коммунистическим оттенком. Однако Ткачев, столь увлеченно писавший об общине как носительнице идеалов коммунизма, считал, что ей очень далеко до полного коммунизма. Идеал коммунизма живет в ней как задаток, находится в зерне, зародыше, который в зависимости от того, по какому пути пойдет развитие России, может разрастись или погибнуть. «Если она, — писал Ткачев о России, — будет развиваться в том направлении, в каком она развивается теперь — в направлении буржуазного прогресса, — то нет сомнения, что нашу общину (а следовательно, и наши народные идеалы) постигнет судьба западноевропейской общины: она погибнет, как погибла община в Англии, Германии, Италии, Испании и Франции. Но если революция поставит вовремя плотину быстро несущимся волнам буржуазного прогресса, если она остановит его течение и

<sup>1</sup> П. Н. Ткачев, Избранные сочинения..., т. III, М., 1933, стр. 69.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же, стр. 91.

даст ему другое, совершенно противоположное направление, тогда, нет сомнения, при благоприятном уходе, наша теперешняя община обратится мало-по-малу в общину-коммуну»<sup>1</sup>. Таким образом, русская община оказалась на перепутьи: куда ее толкнут, туда она и пойдет. Сама она, находясь в устойчивом равновесии, может простоять в неподвижности «тысячи и миллионы лет». Самому крестьянину, кроме его общинных порядков, ничего не надо.

Это своеобразие исторического момента, как его понимал Ткачев, предоставляет России неповторимую возможность быстро воспользоваться ситуацией для того, чтобы пойти по революционному пути или, наоборот, упустив момент, встать на гибельный путь капиталистического прогресса.

Кто способен дать толчок общине к развитию ее коммунистических задатков, т. е. совершить революцию? Крестьянство, по мнению Ткачева, само не способно на этот шаг. В положительных идеалах народа Ткачев не находил революционных устремлений. С одной стороны, признавая эксплуатируемый народ революционером, в любую минуту готовым, всегда желающим и могущим совершить революцию, Ткачев в то же время отмечал, что сам по себе он не может подняться на революцию, так как «в нем забита всякая внутренняя инициатива... у него не хватает духа самому выйти из своей колени...». Освобождение народа посредством самого народа — это формула, изобретенная, по мнению Ткачева, врагами трудящихся. Пропагандируя ее, они, хотя и того или не хотят, становятся друзьями и союзниками эксплуататоров. «Народ не может себя спасти, — народ, сам себе предоставленный, — писал Ткачев, — не может устроить своей судьбы сообразно реальным потребностям, не может провести и осуществить в жизнь идеи социальной революции»<sup>2</sup>. Революционные устремления присущи лишь «социалистическому миросозерцанию революционного меньшинства». Только оно и может претворить в жизнь коммунистические идеалы. «Наши юноши, — писал Ткачев, имея в виду революционную интеллигенцию, — революционеры не в силу своих знаний, а в силу своего социального положения. Большинство их — дети родителей-пролетариев или людей, весьма недалеко ушедших от пролетариев... эти юноши, едва они начинают сознательно мыслить, невольно, неизбежно приходят к мысли о необходимости революции, невольно, неизбежно становятся революционерами»<sup>3</sup>. Сколько бы их ни сажали и ни убивали, справиться с ними власти не могут. «Это точно какая-то сказочная тысячеголовая гидра: отрубят одну голову, на ее место выра-

<sup>1</sup> П. Н. Ткачев, Избранные сочинения... т. III, М., 1933, стр. 263.

<sup>2</sup> Там же, стр. 268.

<sup>3</sup> Там же, стр. 71, 72.



стает другая сейчас же! В этой-то неуничтожаемости (при данных, разумеется, условиях), в этой, так сказать, бессмертности нашей революционной молодежи и заключается один из основных элементов ее силы...»<sup>1</sup>.

Революционное интеллигентное меньшинство и должно сыграть решающую роль в пробуждении стихийной силы народа. Оно должно дать внешний толчок, чтобы вывести народ из привычной колеи, вызвать в нем чувство безопасности, отвести штык, сломать кнут, разжать руки, крепко сдавившие его горло. «Когда он увидит, что та грозная власть, перед которой он привык трепетать и пресмыкаться, в несокрушимую силу которой он привык верить, — что эта грозная власть поругана, расстроена, дезорганизована, бессильна, — о, тогда ему нечего и некого будет бояться, и его скрытое недовольство, его подавленное озлобление с неустержимой силой вырвется наружу...»<sup>2</sup>. Чтобы превратить народ из возможной в действительную революционную силу, революционное интеллигентное меньшинство, делая вывод Ткачев, должно «первоначально расшатать, ослабить, уничтожить гнетущий его политический строй, консервативное, эксплуататорское, самодержавное государство»<sup>3</sup>. Тогда народ, руководимый революционным меньшинством, станет революционной силой, необходимым фактором социальной революции. Но и при этом он способен сыграть лишь разрушительную роль в революции, и то в ограниченных размерах.

Дайте, говорил Ткачев, народу возможность проявить свою ненависть к угнетателям, и он одним могучим порывом уничтожит защитников и охранителей старого, «возвратит себе отнятую у него землю... разрушит все, что до сих пор давило и гнело его мир, его общину, он жестоко отомстит своим врагам. Но дальше он не пойдет»<sup>4</sup>. Уничтожив врагов, захватив их имущество, возвратив себе землю, довольный народ вернется в лоно общины, не прикоснувшись к ее обветшалому внутреннему миру. Дальнейшее за него должно довершить революционное меньшинство. Его роль будет заключаться в том, чтобы внести революционно-разрушительный элемент в недра крестьянской жизни с целью устранения из нее всего отжившего, враждебного коммунистическому прогрессу.

Отводя революционному интеллигентному меньшинству решающую роль в историческом преобразовании жизни, Ткачев исходил из глубоко неверной, прямо-таки ребяческой оценки русского государства и тех основ, на которых оно зиждилось.

<sup>1</sup> П. Н. Ткачев, Избранные сочинения..., т. III, М., 1933, стр. 73.

<sup>2</sup> Там же, стр. 244.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же, стр. 265.

Собственно, Ткачев даже не видел его основ. «Наши высшие классы (дворянство и купечество), — писал он, — не образуют никакой силы — ни экономической (они слишком бедны для этого), ни политической (они слишком не развиты и чересчур привыкли доверять во всем мудрости полиции). Наше духовенство совсем не имеет значения — ни в народе, ни вне его. Наше государство только издали производит впечатлительные мощи. На самом же деле его сила только кажущаяся, воображаемая. Оно не имеет никаких корней в экономической жизни народа, оно не воплощает в себе интересов какого-либо сословия. Оно одинаково давит все общественные классы, и все они одинаково ненавидят его. . . наша общественная форма обязана своим существованием государству, государству, висящему, так сказать, в воздухе, государству, которое не имеет ничего общего с существующим социальным строем и корни которого находятся в прошлом, а не в настоящем. . .»<sup>1</sup>. Поэтому немногочисленному, но спящему социалистическими идеалами революционному интеллигентному меньшинству нет надобности бороться с помещиками, капиталистами и духовенством, раз они враждебны правительству, а остается лишь прямо бить по этому изолированному и «висящему в воздухе» правительству. Для того чтобы свалить такое правительство, являющееся «лишь видимой силой», довольно выступления небольшой группы революционеров. Достаточно несколько поражений правительства и одновременных восстаний в губерниях и столице, «и то очарование, — писал Ткачев, — под которым еще в некоторой степени находятся средние и высшие общественные классы, моментально исчезнет, и правительство останется в одиночестве, всеми покинутое»<sup>2</sup>. Победа над «всеми покинутым» правительством представлялась Ткачеву сказочно простой и легкой. Приводя эти доводы в открытом письме Энгельсу, Ткачев уверял его, что русские революционеры имеют значительно больше шансов на победу, чем западноевропейские, где правительство «обеими ногами упирается в капитал» и поддерживается всем порядком буржуазного режима.

Из такой своеобразной оценки условий России и Запада Ткачев исходил в определении своего отношения и к политической борьбе. На Западе революционеры обязаны, считал он, сначала уничтожить буржуазные порядки, и, расчистив таким образом почву, затем уже нанести окончательный удар по государству. Трудно, конечно, представить, как можно бороться с буржуазными порядками, не затрагивая одновременно государство, которое на Западе, по его же словам, «обеими ногами упирается в капитал» и «воплощает в себе определенные экономические

<sup>1</sup> П. Н. Ткачев, Избранные сочинения. . . , т. III, М., 1933, стр. 91—92.

<sup>2</sup> Там же, стр. 92.

интересы». Дело тут не в противоречии формулировок, а в полной путанице представлений Ткачева о классовой сущности государства. Поскольку Западу предстоит сначала уничтожить буржуазные порядки, его революционеры должны воспользоваться открытыми политическими формами борьбы, но в России, где нет ни пролетариата, ни буржуазии, они совершенно непригодны. При этом Ткачев подчеркивал свое несогласие с тактикой, выработанной Марксом и Энгельсом. Перенесение принципов Интернационала на русскую почву он считал ребячеством.

Схематично сопоставляя учение Маркса с условиями своей страны, Ткачев заключал, что в России немислимы ни тайная пропаганда, ни тайная организация рабочих. Поясняя свой вывод, Ткачев высказал отдельные замечания, которые нельзя было бы игнорировать, если бы они составляли элементы цельного научного мировоззрения. Так, он заявлял, что огромное большинство «рабочих» России является земледельцами, и потому они не пролетарии, а собственники; что они расчленены, изолированы друг от друга в небольших общинах и поэтому не имеют общих интересов и смотрят на интересующие их вопросы с узкой, местной точки зрения. При отсутствии городского пролетариата, свободы печати, представительных учреждений в России невозможно «объединить когда-либо запуганные, искалеченные, невежественные массы трудящегося народа (в случае, если экономическое *status quo* останется без изменения) в благоустроенный, дисциплинированный союз всех рабочих, которые сознавали бы вполне как свое положение, так и средства для улучшения его»<sup>1</sup>.

Ткачеву было непонятно, что при отсутствии свобод только борьба за них могла быть средством пробуждения классового сознания, мобилизации и сплочения масс. Для него было все до наивности просто: раз в России нет свобод, значит, и невозможно пользоваться в революционной борьбе политическими средствами. В его представлении они сводились к узким задачам политического заговора. Отсюда вполне понятна и та ярость, с которой он набросился на Лаврова, всячески понося и высмеивая его как «подготовителя» революции.

«Ждать! Учиться, перевоспитываться! Да имеем ли мы право ждать? Имеем ли мы право тратить время на перевоспитание? Ведь каждый час, каждая минута, отдаляющая нас от революции, стоит народу тысячи жертв; мало того, она уменьшает самую вероятность успеха переворота»<sup>2</sup>, — писал Ткачев, раздраженный призывом Лаврова к молодежи готовиться самим и готовить народ к революции. Задачи подготовки революции он считал невыполнимыми: «... Пока мы будем гнаться за недостижи-

<sup>1</sup> П. Н. Ткачев, Избранные сочинения... т. III, М., 1933, стр. 90.

<sup>2</sup> Там же, стр. 69.

вым, наши враги соберутся с силами, наша нарождающаяся буржуазия может тем временем в достаточной степени окрепнуть, чтобы стать непоколебимой опорой правительства»<sup>1</sup>.

Революционеры, по мнению Ткачева, не подготавливают, а делают революцию. «Ее, — писал он, — готовят эксплуататоры, капиталисты, помещики, попы, полиция, чиновники, консерваторы, либералы, прогрессисты и т. п. Революционер же должен только пользоваться и известным образом комбинировать те уже готовые, данные революционные элементы, которые выработала история, которые вырастила экономическая жизнь народа, которые крепнут и развиваются благодаря тупости «охранителей», бессмыслию правительств с их жандармами и войсками, — благодаря, наконец, трудолюбивым возделывателям вертограда «мирного прогресса» и их буржуазной науки»<sup>2</sup>. Последние слова относились к Лаврову. Ткачев не раз называл его буржуазным революционером, а пропагандируемую им программу — программой мирного буржуазного прогресса.

Требованиям Лаврова готовить молодежь и народ к революции он противопоставлял свой лозунг «делать революцию». «Наша молодежь, — писал он, — наше интеллигентное меньшинство страдает не столько недостатком ясного понимания несостоятельности общих экономических принципов, лежащих в основе нашего быта, сколько недостатком сильных эффективных импульсов, толкающих людей на практическую революционную деятельность. . . »<sup>3</sup>. Само название печатного органа группы Ткачева «Набат» и опубликованная в нем программа содержали призыв к русской революционной молодежи не ждать, когда в России упрочится быстро развивающийся буржуазный прогресс, который может вдохнуть в пока безжизненные «государственные формы» новый дух и уничтожит самый «принцип общины», этот краеугольный камень будущего общественного строя. Считая момент для выступления в России как никогда благоприятным, Ткачев призывал бить в набат, делать скорее революцию: «Пользуйтесь минутами, — писал он, обращаясь к революционной молодежи. — Такие минуты не часты в истории. Пропустить их, значит добровольно отсрочить возможность социальной революции надолго — быть может, навсегда.

Не медлите же!

**В Набат! В Набат!»**<sup>4</sup>.

Казалось бы, призыв Бакунина к немедленному бунту в России был созвучен требованиям Ткачева, но на деле они резко

<sup>1</sup> П. Н. Ткачев, Избранные сочинения. . . , т. III, М., 1933, стр. 95.

<sup>2</sup> Там же, стр. 221.

<sup>3</sup> Там же, стр. 82.

<sup>4</sup> Там же, стр. 221.

расходились в оценке роли государственной власти в революции и в тактике борьбы. Бакунин признавал решающую роль народа в историческом процессе и в этом расходился с Ткачевым, хотя на деле взывал к той же самой революционной молодежи, которая должна была сыграть в революции роль коллективного Стеньки Разина. Прямо противоположными были взгляды Ткачева и Бакунина на государство. Если Бакунин считал целью революции разрушение государства, то Ткачев, наоборот, в захвате власти, в опоре на нее видел залог успеха революции и дальнейшего революционного преобразования. Ткачев, считая вопрос о власти первостепенным, писал, что «социалистические идеалы, несмотря на всю их истинность и разумность, до тех пор останутся несбыточными утопиями, пока они не будут опираться на силу, пока их не прикроет и не поддержит авторитет власти»<sup>1</sup>.

Революционное меньшинство «в силу своего более высокого умственного и нравственного развития, — утверждал Ткачев, — всегда имеет и должно иметь умственную и нравственную власть над большинством»<sup>2</sup>. Революционеры, воплощая в себе лучшие силы общества, не могут не обладать властью. Раз «в современных обществах вообще, в России в особенности, матерьяльная сила сосредоточена в государственной власти, то, следовательно, истинная революция... может совершиться только при одном условии: при захвате революционерами государственной власти в свои руки», чтобы «превратить данное консервативное государство в государство революционное»<sup>3</sup>. Принцип анархии, федерализма, который проповедовали Бакунин и, с известными оговорками, Лавров, Ткачев подвергал резкой критике. «Революционное государство, — писал он, полемизируя с федералистами, — должно стремиться к обобщению местных интересов, к внесению в практическую рутину единообразных руководящих начал. Между тем децентрализованная власть по самой природе своей должна противодействовать всякому единообразию, всякому подчинению частного общему, единичного целому; она всегда будет и должна быть антиреволюционной, в каких бы руках ни находилась...»

Революционное меньшинство, распавшись по отдельным, самостоятельно действующим общинам и городам, волей-неволей и почти непременно для себя, должно будет подчиниться местным влияниям, т. е. тому самому большинству, которое насквозь пропитано рутинными традициями, которое чувствует инстинктивное уважение к старине и, постоянно обращая свои взоры на прошлое, ищет в нем руководящих идеалов и образцов

<sup>1</sup> П. Н. Ткачев, Избранные сочинения..., т. III, М., 1933, стр. 230.

<sup>2</sup> Там же, стр. 224.

<sup>3</sup> Там же.

для настоящего. . . »<sup>1</sup>. Такой путь, говорил Ткачев, скорее приведет к реставрации старого, чем победе нового.

Однако сам факт захвата власти группой революционных заговорщиков Ткачев считал не началом революции, а лишь ее прелюдией. «Революция, — указывал он, — осуществляется революционным государством, которое, с одной стороны, борется и уничтожает консервативные элементы общества, упраздняет все те учреждения, которые препятствуют установлению равенства и братства; с другой — вводит в жизнь учреждения, благоприятствующие их развитию»<sup>2</sup>. Деятельность революционного государства он сводил к двум задачам — революционно-разрушительной и революционно-устройственной. Первая должна проводиться средствами насилия, при строгой централизации, дисциплине, быстроте, решительности, единстве действий, не допуская никаких уступок, колебаний и компромиссов. Вторая — убеждением при опоре на органы народного представительства. Для поднятия уровня народной жизни после революции нужна пропаганда. Таким образом, писал он, не пропаганда предшествует насильственному перевороту, а наоборот.

Государственная власть будущего — представительная Народная дума. «Упрочив свою власть, опираясь на Народную думу и широко пользуясь пропагандой, революционное государство, — писал Ткачев, мечтая о социалистических преобразованиях, — осуществит социальную революцию рядом реформ в области экономических, политических и юридических отношений общества, — реформ, общий характер которых должен состоять: 1) в постепенном преобразовании современной крестьянской общины, основанной на принципе временного, частного владения, в общину — коммуну, основывающуюся на принципе общего, совместного пользования орудиями производства и общего, совместного труда; 2) в постепенной экспроприации орудий производства, находящихся в частном владении и в передаче их в общее пользование; 3) в постепенном введении таких общественных учреждений, которые устраняли бы необходимость какого бы то ни было посредничества при обмене продуктов и изменили бы самый его принцип — принцип буржуазной справедливости: око за око, зуб за зуб, услуга за услугу — принципом братской любви и солидарности; 4) в постепенном устранении физического, умственного и нравственного неравенства между людьми, при посредстве обязательной системы общественного, для всех одинакового, интегрального воспитания в духе любви, равенства и братства; 5) в постепенном уничтожении существующей семьи, основанной на принципе подчиненности женщины, рабства детей и эгоистического произвола муж-

<sup>1</sup> П. Н. Ткачев, Избранные сочинения. . . , т. III, М., 1933, стр. 255—256.

<sup>2</sup> Там же, стр. 225.

чин; б) в развитии общинного самоуправления и в постепенном ослаблении и упразднении центральных функций государственности»<sup>1</sup>.

В программе Ткачева отразился более реалистический подход к задачам социалистического преобразования, чем в чрезвычайно сложной, надуманной схеме Лаврова или в анархических взглядах Бакунина, но и она покоилась на ненаучной основе.

Направлять весь ход преобразования, несмотря на признание необходимости Народной думы, должно было то же сознательное меньшинство, та же узкая группа людей, которой предстояло захватить власть. Она должна была сложиться до революции. Этому вопросу Ткачев уделял большое внимание.

Роль партии до взятия власти Ткачев разделял на агитационную и организаторскую. «По отношению к образованному большинству, по отношению к привилегированной среде, равно как и по отношению к народу, — писал он, определяя задачи партии, — она должна преследовать главным образом цели агитаторские. Она должна возбуждать в обществе чувства недовольства и озлобления существующим порядком... По отношению к революционной молодежи, к своей партии, она должна преследовать цели по преимуществу организационные. Убеждая ее в настоятельной необходимости непосредственной, практической революционной деятельности, она должна выяснить ей, что главное условие успеха этой деятельности зависит от прочной организации ее революционных сил, от объединения частных, единичных попыток в одно общее, дисциплинированное, стройное целое»<sup>2</sup>.

Таким образом, революционная партия должна, с одной стороны, готовить захват власти наверху, с другой — поднимать народ на бунт снизу. Один местный народный бунт или один государственный заговор без поддержки друг друга не будут иметь успеха.

Однако Ткачев, столь сдко высмеивавший взгляды Лаврова на задачи партии, на самом деле вынужден был считаться с тем фактом, что лавровскую и бакунинскую программу или, точнее, их основные идеи в той или иной мере, подчас смешивая воедино и то и другое, разделяла значительная часть революционной молодежи России. Борясь только против исключительности положений «лавристов» или «бакуинцев», Ткачев считал возможным не только существование всех трех основных доктрин народничества 70-х годов, но и заявлял о необходимости единства действий их сторонников. «Все три пути, — писал

<sup>1</sup> П. Н. Ткачев, Избранные сочинения... т. III, М., 1933, стр. 226—227.

<sup>2</sup> Там же, стр. 84.

он, — одинаково целесообразны, все три деятельности одинаково необходимы для скорейшего осуществления народной революции»<sup>1</sup>. Ни одна из этих партий, по его мнению, действуя отдельно, не приведет к скорому осуществлению народной революции, но, действуя совместно, они добьются цели. Если ограничиться лавровскими советами, революции не дождаться. Идя бакунинским путем, бунт можно поднять, но он легко может быть подавлен. Оказывается, и заговор, хотя он может легко привести к политическому перевороту, не будет иметь народный характер, не проникнет в недра народной жизни, не поднимет и не взволнует низшие слои общества, а лишь взбаламутит одну поверхность. Он не будет народной революцией. А дальше Ткачев говорил уже совсем по-лавровски: «Пусть каждый выбирает себе тот путь, к которому он чувствует наиболее склонности... кто чувствует себя в состоянии работать на всех трех поприщах одновременно, тот пусть и работает...»<sup>2</sup>.

Было бы, однако, ошибкой заключить, что Ткачев ни с того, ни с сего сдал свои позиции, пошел на компромисс. То неистово нападая на другие теории, то заявляя о необходимости единства, он, в сущности, хотел добиться гегемонии своей идеи и заставить всех подчиниться ей. Взывая к единству, доказывая невозможность порознь идти к одной цели, он писал: «Теперь не до длинных сборов, не до вечных приготовлений, — пусть каждый наскоро соберет свои пожитки и спешит отправиться в путь. Вопрос что делать? нас не должен больше занимать. Он уже давно решен. Делать революцию. — Как? Как кто может и умеет. При разумной организации ни одна частная попытка, ни одно единичное усилие не пройдут даром... Настоящее должно теперь приковывать к себе все наше внимание: нам некогда, нам не до того, чтобы вперять свои взоры в будущее и развлекать себя созерцанием его красот»<sup>3</sup>.

В августе 1878 г. Степняк-Кравчинский убил шефа жандармов Мезенцева. «Правительственный вестник» грозил революционерам страшными карами и в то же время обращался ко всем слоям общества за помощью и содействием в борьбе с ними. К этому времени революционеры совершили немало террористических актов. В них Ткачев увидел крах «подготовителей революции» и готовность революционеров бороться и побеждать, а в заявлении правительства — еще одно подтверждение его слабости и беспомощности. Момент революции, по его мнению, наступил. Однако Ткачев не считал террор средством борьбы в революции. «Единичные попытки» хороши в период подготовительный, но в революции недопустимы, так как распыляют силы,

<sup>1</sup> П. Н. Ткачев. Избранные сочинения, т. III, М., 1933, стр. 84.

<sup>2</sup> Там же, стр. 84—85.

<sup>3</sup> Там же, стр. 85.



когда нужно обеспечить их единство. Единство народных действий, в данном случае разрушительных, партия осуществит не пропагандой революционных идей, а агитацией, призывом к восстанию. Достаточно поднять народ сразу во многих местах, объединение его произойдет само по себе в силу практической необходимости инстинкта самосохранения.

Ткачев призывал русских революционеров держать связь с западными революционными партиями и использовать их опыт, поучительные уроки, указания и предостережения. Однако вывод из этого правильного требования он сделал ошибочный. Ссылаясь на препятствия, чинимые реакцией легальной деятельности Интернационала, Ткачев приходит к заключению, что русская революционная партия должна стать не только централизованной, как Интернационал, но и тайной.

Учение социализма Ткачев признавал интернациональным, не знающим ни границ, ни наций. Когда за границей появилась брошюра Д. Н. Овсяннико-Куликовского, обвиняющая русских социалистов в том, что они, будто думая только о великорусском мужике, отвлекают украинцев и белорусов от борьбы за свой национальный социализм, Ткачев ответил в 1878 г. статьей «Революция и принцип национальности». В ней он писал: «Как не может быть якутской, чувашской, малорусской, грузинской и т. п. геометрии, — писал он, — так не может быть якутского, чувашского, малорусского, грузинского и т. п. социализма. . . На берегах Сены, как и на берегах Темзы, на берегах Невы, как и на берегах Куры и Днепра, социализм повсюду одинаков, повсюду он представляет одни и те же требования, налагая одни и те же обязанности, устанавливает одни и те же общественные отношения. . . И где бы вы ни водрузили его знамя — в Петербурге, или в Киеве, или в Тифлисе, или в Казани, в Москве или Париже, — на этом знамени всегда и везде будут написаны одни и те же слова; повсюду оно будет представлять один и тот же идеал, одну и ту же формулу общества»<sup>1</sup>. Под влиянием социализма «неминуемо и неизбежно должны ослабиться и исчезнуть все племенные особенности, все национальности должны слиться в одну общечеловеческую семью»<sup>2</sup>.

Для революционеров такой многонациональной страны, как Россия, было жизненно важно не допустить разъединения ее революционных сил, и Ткачев, отстаивая общность интернациональных задач народов, нанесил удар по националистическим тенденциям. Он считал социализм единой теорией, отличающейся в разных странах только тактикой, средствами воплощения в жизнь.

<sup>1</sup> П. Н. Ткачев, Избранные сочинения. . . , т. III, М., 1933, стр. 423.

<sup>2</sup> Там же, стр. 424.

Оценивая первые выступления Ткачева в заграничной печати в 1874—1875 гг., в которых были изложены основы его учения, Энгельс назвал его «зеленым, на редкость незрелым гимназистом»<sup>1</sup>.

Энгельс решительно отвергал довод Ткачева о том, что «у русских революционеров не остается другого средства, кроме одних заговоров». «Ведь сам г-н Ткачев, — писал Энгельс, — только что подчеркивал важность литературной пропаганды, проникающей с Запада в Россию! Да и внутри страны не может же быть совершенно отрезан путь для устной пропаганды среди народа, особенно в городах, что бы ни говорил об этом в своих интересах г-н Ткачев... И все это очковтирательство о широко разветвленных заговорах служит только прикрытием, за которым не скрывается ровно ничего, кроме революционного бездействия по отношению к правительствам и тщеславных происков внутри революционной партии»<sup>2</sup>.

Энгельс называл ребячеством рассуждения Ткачева о готовности русского народа в любое время к революции. Приведя обстоятельные доказательства против тезиса Ткачева о русском государстве, будто бы не представляющем интересов какого-либо сословия и висящем в воздухе, Энгельс заключал: «И когда после этого г-н Ткачев уверяет нас, что русское государство «не имеет никаких корней в экономической жизни народа, не воплощает в себе интересов какого-либо сословия», что оно «висит в воздухе», то нам начинает казаться, что не русское государство, а скорее сам г-н Ткачев висит в воздухе»<sup>3</sup>.

Хотя весь ход событий в России ведет ее, как считали Маркс и Энгельс, к революции, она не представлялась им столь легкой, как Ткачеву. «Просто понять нельзя, — писал Энгельс, — как же это при такой невероятной легкости революция давно уже не произведена, народ не освобожден и Россия не превращена в образцовую социалистическую страну»<sup>4</sup>.

Несмотря на ненаучность учения Ткачева, оно тем не менее оказалось одним из главных теоретических направлений народничества. Участник заговорщической (нечаевской) организации конца 60-х годов, Ткачев стал идеологом тактики заговора, отразив тем самым опыт революционной, в том числе и международной (бланкизм во Франции) борьбы и развивавшиеся в революционной среде тенденции к осознанию важности политических форм борьбы с самодержавием. Отстаивая идею овладения государственной машиной для последующего преобразования общества, Ткачев резко выступил против анархизма Бакуннина и

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 530

<sup>2</sup> Там же, стр. 534, 535.

<sup>3</sup> Там же, стр. 543.

<sup>4</sup> Там же, стр. 547.

тем самым в определенной мере способствовал борьбе против анархизма на Западе и в России.

Немалое значение имела деятельность Ткачева как редактора «Набата». Продолжая традиции свободной русской прессы за границей — «Колокола», «Народного дела», «Вперед!», — руководимый Ткачевым «Набат» разоблачал самодержавный строй России, знакомил русского читателя с развитием революционной борьбы пролетариата Запада и тем самым способствовал росту революционного настроения в стране.

Теория заговора стала руководством в практической деятельности самой боевой, крупной и сильной из народнических организаций «Народной воли», хотя лично сам Ткачев не был с ней связан.

БОРЬБА РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА  
В 70-х ГОДАХ

Революционное народничество 70-х годов стояло на той же идеологической основе, которой руководствовались его предшественники, революционеры 60-х годов. Общность мировоззрения революционеров этих двух десятилетий объективно обуславливалась единством задачи в борьбе за расчистку пути для буржуазно-демократического развития страны от остатков феодално-крепостнического строя. И те и другие боролись за претворение в жизнь требований крестьянства. Выступая от имени товарищей на «процессе 193-х», И. Н. Мышкин говорил, что движение интеллигенции начала 60-х и 70-х годов имело одну причину — недовольство и борьбу крестьянских масс против реформы, налогового и иного гнета.

Связующим звеном в движении революционной интеллигенции двух десятилетий было и выступление с теоретическими трудами П. Л. Лаврова, М. А. Бакупина и П. Н. Ткачева. Идеологи народничества 70-х годов, будучи участниками революционной борьбы 60-х годов, в своих работах обобщили ее опыт и передали его в качестве руководства новому поколению революционеров.

Семидесятники продолжали восхищаться Рахметовым и подражать ему, читать и распространять произведения Чернышевского, Герцена, Добролюбова, Писарева, Флеровского и других, а также журналы «Современник» и «Русское слово»<sup>1</sup>. Одну из самых крупных своих организаций они назвали «Земля и воля» — именем первой народнической организации, возникшей в эпоху Чернышевского в начале 60-х годов. Тем самым они прямо заявляли, что будут продолжать дело, начатое их предшественниками — первой «Землей и волей». Террористы 70-х годов, обосновывая свой метод борьбы, не раз ссылались на пример Д. Каракозова, стрелявшего в 1866 г. в царя.

<sup>1</sup> См.: Б. С. Итенберг, К вопросу о влиянии революционеров эпохи падения крепостного права на народников первой половины 70-х годов, «Исторические записки», т. 67, М., 1960.

Словом, в большом и малом, в общем и частном мы могли бы найти еще немало схожего в революционной теории и практике 60-х и 70-х годов. И в то же время 70-е годы отличаются от предшествующего десятилетия как новый этап борьбы революционного народничества. Революционеры 70-х годов не только создали образцовые революционные организации, но и сумели выйти из них в гущу народных масс, обратившись к ним с революционным призывом. В конце десятилетия они перешли к политической борьбе против царизма, завершившейся убийством царя. В. И. Ленин отмечал постановку семидесятниками вопроса об изучении капитализма как большую их теоретическую заслугу.

Однако и на практике, и в теории революционеры 70-х годов остались идеалистами. Их революционная борьба богата примерами мученичества, самоотверженности и романтического героизма. Но в конечном итоге она была оторвана от движения масс. Их теоретики, страстно обрушиваясь на пороки капитализма, не владели методом научного исследования и поэтому для критики капитализма, как говорил Ленин, считали «достаточным констатировать наличие эксплуатации, взаимодействие между ней и политикой и т. п.», «осудить его (т. е. капитализм. — В. А.) с точки зрения своих идеалов»<sup>1</sup>.

### Русская секция I Интернационала

На рубеже 60—70-х годов отмечается оживление деятельности революционного народничества как в самой стране, так и среди русской революционной эмиграции за границей. Продолжая поиски правильной революционной теории, русские революционеры начинают пристальнее всматриваться в жизнь Западной Европы. Их взор главным образом приковывает к себе развертывавшаяся там деятельность Интернационала, руководимого Марксом. Вышедший в свет в 1867 г. «Капитал» Маркса нашел в России своих горячих поклонников. Они сразу поставили перед собой задачу перевести его на русский язык. Эмигрировав за границу, Г. А. Лопатин приступил к этой работе в 1870 г. В связи с его арестом перевод завершил в 1872 г. его друг Н. Даниельсон. Так первый том «Капитала» впервые был переведен на русский язык.

Многие русские эмигранты во второй половине 60-х годов активно участвовали в революционной жизни Западной Европы. Становилось своего рода правилом, что с появлением за границей русский революционер считал своим долгом ознакомиться с деятельностью Интернационала или встать в его ряды. Так,

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 465, 466.

Лопатин и Лавров, эмигрировав в 1870 г. в Париж, сразу вступили в Интернационал, а первый из них в том же году был избран членом Генерального Совета и несколько месяцев успешно выполнял обязанности его секретаря по русским делам.

Под влиянием деятельности Интернационала группа эмигрантов из России предприняла попытку связать с ним все русское революционное движение. С этой целью в 1870 г. они создали в Женеве русскую секцию I Интернационала<sup>1</sup> и 12 марта того же года обратились к Марксу с письмом, в котором просили его быть представителем секции в Генеральном Совете<sup>2</sup>.

В письме и в приложенных к нему программе и уставе их авторы, Н. Утин, В. Нетов (псевдоним В. Бартенева) и А. Трусов, «от имени группы русских» изложили свои взгляды на цели и задачи секции. Прежде всего следует отметить, что сам факт образования русской секции Интернационала они объяснили общностью условий жизни и революционных задач России и Запада. Поэтому в программе было записано: «1) что экономический гнет русского народа, поддерживаемый всем общественным и политическим устройством, совершенно одинаков с гнетом, который душит весь европейский и американский пролетариат; 2) что народ русский во все времена стремился к осуществлению великих начал, провозглашенных Международными Конгрессами Рабочих: к общинному владению землей и орудия-



Николай Исаакович Утин

<sup>1</sup> Небольшая колония русских эмигрантов, обосновавшаяся с весны 1868 г. в местечке Веве на берегу Женевского озера, сначала находилась под влиянием Бакунина. С 1 сентября 1868 г. в Женеве ею стал издаваться журнал «Народное дело». В нем излагалась анархистская программа борьбы. Из-за разногласий с членами группы Бакунин и Жуковский вышли из редакции журнала, которым в дальнейшем стал руководить Н. И. Утин. Заново созданной типографией он пригласил заведовать А. Т. Трусова, участника польского восстания, заочно приговоренного царским судом к смерти. Сторону Утина заняли супруги Бартенева. Они привлекли в группу свою знакомую Е. А. Томановскую (Елизавету Дмитриеву). Эта группа и стала основой образованной секции.

<sup>2</sup> См.: «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», М., 1951, стр. 36—38.

ми труда; 3) что принцип общности труда, как принцип, противодействующий эксплуатации капиталом, находит себе уже издавна выражение в образовании рабочих союзов, известных под именем артелей»<sup>1</sup>.

При одинаковом положении разных стран в них, по мнению авторов программы, должны быть аналогичны и средства уничтожения старого строя, и пути замены его «новым строем социальных и индивидуальных отношений»<sup>2</sup>. Они были солидарны с Интернационалом, заявляя, что трудящиеся разных стран могут освободить себя только общими усилиями. Поэтому они ставили перед секцией задачу: «1) Пропагандировать в России всеми возможными рациональными средствами, особый род и способ которых вытекает из самого положения страны, идеи и начала Интернациональной Ассоциации; 2) Способствовать устройству интернациональных секций в среде русских рабочих масс; 3) Помогать установлению прочной, солидарной связи между трудящимися классами России и Западной Европы, и оказанием взаимной помощи способствовать более успешному достижению их общей цели освобождения»<sup>3</sup>.

Наконец, секция определяла свое отношение к славянскому вопросу. В письме Марксу ее учредители указывали на необходимость «разоблачать панславизм», готовящий славянским народам участь «быть раздавленными варварским царизмом и служить орудием подавления соседних народов»<sup>4</sup>. Наряду с разоблачением царизма секция должна была втягивать в борьбу молодежь славянских стран, пропагандируя среди нее идеи Интернационала.

Программа секции признавала право наций на самоуправление. В ней говорилось: «Будущая интернациональная и социалистическая организация рабочих масс именно дает полную свободу не только каждому народу и народности, но и вообще всякой группе лиц самостоятельно и независимо соединяться с теми группами, с которыми наиболее связаны индивидуальные и коллективные интересы всей жизни»<sup>5</sup>. Программа призывала славян создавать у себя секции Интернационала и заняться организацией трудящихся разных отраслей труда в систему «ремесленных союзов». Последние, составив федеративный славянский совет, войдут в интернациональный союз «всех ремесел и профессий».

Важное значение для Маркса и Интернационала имело заявление учредителей секции о том, что они не имеют «абсолют-

<sup>1</sup> «Народное дело», 1870, № 1, стр. 3.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», М., 1951, стр. 37.

<sup>5</sup> «Народное дело», 1870, № 1, стр. 3.

но ничего общего с г. Бакуниным и его немногочисленными сторонниками», а, напротив, намерены в ближайшее время разоблачить его.

Маркс, получив материалы русской секции Интернационала, представил их Генеральному Совету. В ответе членам Комитета русской секции Маркс писал: «В своем заседании 22 марта Главный совет объявил единодушный вотум, что ваша программа и статут согласны с общими статутами Международного Товарищества Рабочих. Он поспешил принять вашу ветвь в состав Интернационала»<sup>1</sup>.

Маркс сделал лишь одно замечание по программе. Ссылка на императорское иго, гнетущее Польшу и являющееся одинаковым препятствием политической и социальной свободы русского и польского народов, могла бы быть дополнена, писал он, указанием на то, что «русский насильственный захват Польши есть пагубная опора и настоящая причина существования военного режима в Германии и вследствие того на целом континенте. Поэтому, работая над разбитием цепей Польши, русские социалисты возлагают на себя высокую задачу, заключающуюся в том уничтожении военного режима, которое существенно необходимо как предварительное условие для общего освобождения европейского пролетариата»<sup>2</sup>.

Никаких других замечаний по программе русской секции Интернационала Маркс не сделал. Это, конечно, не означает, что ее теоретические положения удовлетворяли его. Маркс учитывал, что в разных странах рабочий класс находится на разных ступенях развития, но он считал необходимым привлечь революционеров всех стран в Международное Товарищество Рабочих. Проводимый на страницах печати национальных секций Интернационала обмен мнений, дискуссии на конгрессах «должны, — писал Маркс, — постепенно привести к созданию общей теоретической программы»<sup>3</sup>.

Разъясняя указанные положения в своем ответе на второе обращение в Генеральный Совет бакунинского «Альянса», Маркс 9 марта 1869 г. от имени Совета писал о теоретической части программ, принимаемых в Интернационал национальных секций: «Не наша задача — исследовать, является ли эта программа адекватным выражением пролетарского движения или нет. Нам важно лишь знать, не содержит ли она чего-либо противоречащего *общей тенденции* нашего Товарищества, то есть *полному освобождению рабочего класса*»<sup>4</sup>. И далее: «Наше

---

<sup>1</sup> «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», М., 1951, стр. 38.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 363.

<sup>4</sup> Там же.



Товарищество в соответствии со *своими принципами* предоставляет каждой секции свободно формулировать ее теоретическую программу, за исключением тех случаев, когда нарушается общая тенденция Товарищества»<sup>1</sup>.

Приведенные высказывания Маркса можно с полным основанием отнести и к отношению Генерального Совета к теоретической части программы русской секции. Она, признавая полное освобождение рабочего класса, не выходила за рамки «общей тенденции Товарищества».

Для Маркса было важно включить революционеров пробуждавшейся страны, какой он тогда считал Россию, в печатные и устные дискуссии Интернационала и помочь им постепенно выработать правильный, научный взгляд на задачи революционной борьбы.

Учитывая эти обстоятельства, никто не станет удивляться тому, что программа русской секции Интернационала не была марксистской, а члены секции — марксистами. Программа и ее авторы выражали идеологию одной из разновидностей народничества, видевшего общность экономического гнета и общественно-политического устройства Запада и России и считавшего поэтому одинаковыми как цели революционной борьбы, так и средства их достижения.

Все решения Конгрессов Интернационала, по мнению авторов программы, выражают истинное («во все времена») стремление русского народа «к общинному владению землей и орудиями труда», а принцип общинности, противодействующий эксплуатации, будто бы издавна находит свое выражение в образовании рабочих артелей. Они мечтали на развалинах царской империи учредить свободную федерацию «земледельческих и промышленных ассоциаций, связанных с рабочими всего мира общностью интересов и однородностью идей»<sup>2</sup>.

Таким образом, революционная борьба за некапиталистический путь развития России на базе крестьянской общины и городской артели, признаваемых ячейками социализма, включение в рабочий класс всех трудящихся, в том числе крестьянства, признание общности их интересов, а поэтому и одинаковых средств борьбы, революционное разрешение славянского вопроса, организация будущего общества по принципу федерализма и т. п. — все это чисто народнические требования. Указанное, разумеется, не умаляло значения русской секции, так как в 70-х годах теория народничества была исторически прогрессивной и революционной.

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 364.

<sup>2</sup> «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», М., 1951, стр. 36.

Как установлено советскими исследователями<sup>1</sup>, русская секция Интернационала предпринимала большие усилия, чтобы установить связи с революционерами в самой России, и добилась сравнительно широкого распространения в стране издаваемого ею журнала «Народное дело» и отдельных публикаций. В. И. Ленин отметил попытку «русских социалистов-народников перенести в Россию самую передовую и самую крупную особенность «европейского устройства» — Интернационал»<sup>2</sup>.

Следует заметить, что как организация русская секция I Интернационала добилась в отдельных случаях установления контакта с революционными организациями в России, например с Большим обществом пропаганды (кружок «чайковцев»), но ей не удалось оказать на них идейного и организационного влияния с целью образования в стране секций Интернационала. Ее тактике предварительной пропагандистской работы успешно противостояли все усиливавшиеся и ставшие в зиму 1873—1874 г. господствующими в революционной среде бунтарские настроения.

Русская секция также безуспешно пыталась распространить свое влияние на эмигрантские группы русских революционеров. В частности, она вступала в переговоры с группой русских студентов в Цюрихе. Цитированные Б. П. Козьминым неопубликованные показания нечаевца С. Серебrenникова обнаруживают причину неудачной попытки их сближения. Они разошлись по вопросу «об отношении Интернациональной ассоциации к России и о средствах и родах пропаганды»<sup>3</sup>. Как известно, печатный орган русской секции Интернационала «Народное дело» придавал особо важное значение стачечной борьбе. Серебrenников, указывая, что мнения по этому вопросу разделились, писал в своих показаниях: «С одной стороны, такле стачки возможны, ибо существуют (стачки петербургские 1870 г. и московские 1871 г.); с другой стороны, закон и полицейская администрация запрещают всякого рода скоп и сходки, а без них невозможна организация правильного отпора капиталистам и фабрикантам. Кроме того, большая часть русского рабочего люда — земледельческие обыватели; пролетариата же, — фабрич-

<sup>1</sup> См.: Б. Итенберг, Первый Интернационал и революционная Россия, М., 1964; Его же, О распространении изданий русской секции I Интернационала в России, «Вопросы истории», 1962, № 10; О. Д. Соколов, К вопросу о деятельности I Интернационала и его Русской секции, «История СССР», 1960, № 1; Его же, На заре рабочего движения, М., 1963; Г. С. Жуikov, Новое о деятельности Русской секции I Интернационала, «История СССР», 1964, № 4; И. С. Книжнич-Ветров, К вопросу о связи Русской секции I Интернационала в России, «История СССР», 1964, № 4, и др.

<sup>2</sup> В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 287.

<sup>3</sup> Б. П. Козьмин, Русская секция Первого Интернационала, М., 1957, стр. 217.

ных, ремесленников и батраков, — значительно меньше. Следовательно, пропаганда принципов Интернационала значительно затруднена, во 1-х, земледельческим характером народонаселения и, во 2-х, его безграмотностью. Поэтому пропаганда и публикационная деятельность должны быть рассчитаны на интеллигентную часть молодежи»<sup>1</sup>.

Цюрихские студенты не примкнули к русской секции Интернационала и разделились затем на сторонников Бакунина и Лаврова.

Комитет русской секции Интернационала в своем письме Марксу 9 декабря 1870 г. вынужден был признать положение секции «печальным». «... Нам приходится, — писал Комитет, — с одной стороны, преодолевать препятствия, которые ставит на пути всякой свободной пропаганды *царизм*, а, с другой стороны, бороться с невежеством и нечестностью (выражение отнюдь не слишком сильное), которыми проникнуты все слои так называемого образованного русского общества. К тому же узкие, групповые интересы парализуют революционную работу даже среди молодежи. В ее рядах преобладают приверженцы ребяческой игры в революцию, желающие подражать прежним немецким студенческим корпорациям и считающие себя способными произвести революционный переворот для народа, но без народа, что в России еще менее возможно, чем где бы то ни было. — Все это приводит к тому, что большинство из тех, которые по своему положению могли бы и должны были бы быть настоящими пропагандистами Международного Товарищества, — далеки еще до понимания его подлинного значения»<sup>2</sup>.

В то же время члены Комитета не теряли надежды «водрузить и укрепить, — как они писали, — наше общее знамя в России»<sup>3</sup>.

Русская секция Интернационала и ее печатный орган «Народное дело» сыграли положительную роль в ознакомлении русского читателя с международным пролетарским движением, деятельностью Интернационала. «Народное дело» вносило свой вклад в революционную пропаганду, беспощадно разоблачая царизм и весь прогнивший строй самодержавной России. Его призыв бороться против царского самодержавия революционизировал интеллигентную молодежь страны. «Народное дело» вслед за «Колоколом» Герцена было «свободным словом» борющейся России.

---

<sup>1</sup> Б. П. Козьмин, указ. соч., стр. 217.

<sup>2</sup> «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», М., 1951, стр. 45—46.

<sup>3</sup> Там же, стр. 46.

На международной политической арене в борьбе марксизма с бакунизмом русская секция Интернационала решительно заняла сторону Маркса. Некоторые из ее членов встали в ряды парижских коммунаров.

Легендарными героями баррикад Парижской коммуны были члены секции Елизавета Дмитриева (псевдоним Томановской) и Анна Корвин-Круковская (старшая сестра Софьи Ковалевской). Первая из них в декабре 1870 г. была направлена секцией в Лондон для установления непосредственных связей с Марксом. С началом революции в Париже Генеральный Совет по предложению Маркса направил Дмитриеву в Париж в качестве своего представителя. В дни Коммуны Е. Дмитриева стала организатором женского движения в Париже, героически сражалась на баррикадах. «На площади Бланш батальон женщин под командой героической Луизы Мишель и русской Дмитриевой, — писал историк Коммуны П. Дюбрейль, — уже накануне (22 мая) сражавшейся в Батиньоле, проявил чудеса храбрости. Когда позицию уже невозможно было удерживать, батальон отбежал на несколько сотен метров далее, на площадь Пигаль, где вновь боролся с неприятелем; и так отступая с одной баррикады, чтобы возобновить эту жестокую борьбу на следующей, батальон этот сражался до последнего дня»<sup>1</sup>.

Анна Корвин-Круковская была членом Центрального Комитета союза женщин, созданного Дмитриевой, работала в печати, органах народного образования и госпиталях Коммуны.

Русская секция Интернационала выступала с поддержкой Коммуны, ее члены оказали большую помощь коммунарам после их поражения.

Деятельность русской секции Интернационала была сравнительно непродолжительной. «Народное дело» перестало выходить после сентября 1870 г., хотя типография секции еще сохранялась и в ней в 1871 г. печатались некоторые материалы.

Б. П. Козьмин считал, что секция прекратила существование постепенно, в связи с выездом одного за другим ее членов из Женевы. В 1872 г., писал он, она уже перестала функционировать как организация. В последнее время в литературе оспаривается мнение Б. П. Козьмина о прекращении деятельности русской секции Интернационала с 1872 г. Так, Г. С. Жуйков отмечает: «В мае 1873 г. министр внутренних дел писал, что в Цюрихе существуют Славянская и Русская секции Интернационального общества, в которых активное участие принимают студенты из России. Даже в 1887 г., уже после роспуска I Интернационала, в Швейцарии существовала группа, сохранившая

<sup>1</sup> Цит. по кн.: Б. П. Козьмин, указ. соч., стр. 329.

название «Русская секция I Интернационала». Об этом говорят материалы Гентского международного социалистического конгресса, в котором фигурирует делегат от этой секции. Указанный представитель был даже избран одним из секретарей конгресса. Судя по тому, что этим делегатом являлся П. Кропоткин (в протоколах конгресса он записан под именем Алексея Левашова), можно предположить, что анархистское направление одержало верх и в русской секции I Интернационала»<sup>1</sup>.

### Большое общество пропаганды (кружок «чайковцев»)

Организация, сложившаяся в начале 70-х годов, известна в литературе как кружок «чайковцев». Она была названа так по имени одного из ее видных деятелей Н. В. Чайковского. Однако выдающийся революционер и ученый Н. А. Морозов, начавший свою революционную деятельность в московском отделении организации, в мемуарах «Повести моей жизни», имея в виду всю сеть кружков, объединявшихся петербургским кружком «чайковцев», назвал организацию «Большим обществом пропаганды»<sup>2</sup>. Современный исследователь организации Н. Троицкий дал ей в своей работе то же название<sup>3</sup>. Нам представляется вполне оправданным такой отход от традиционного названия общества, так как «чайковцами» именовался собственно петербургский, центральный кружок, в то время как он имел в ряде городов свои филиалы, что в целом составляло сравнительно многочисленное общество пропагандистов, игравших до 1874 г. главную роль в русском революционном движении.

Возникновение кружка относится ко времени «нечаевщины». Имея общее с организацией Нечаева стремление освободить народ, кружок тем не менее стоял на совершенно противоположных тактических и нравственных позициях. Говоря о различиях двух организаций, историк революционного народничества 70-х годов В. Богучарский писал: «Не в силу только резкого перехода от «нечаевщины» к «чайковцам» испытываешь ощущение, будто из душного подземелья попадаешь сразу на залитый солнцем, благоухающий луг, а по той причине, что «кружок чайковцев» и сам по себе представляет, несомненно, одно из самых светлых явлений даже и среди других кружков того

<sup>1</sup> Г. С. Жуйков, указ. статья, «История СССР», 1964, № 4, стр. 87.

<sup>2</sup> См.: Н. А. Морозов, Повести моей жизни, т. III, М., 1947, стр. 275.

<sup>3</sup> См.: Н. Троицкий, Большое общество пропаганды, 1871—1874, Саратов, 1963.

русского юношества семидесятых годов, которое дало так много примеров настоящего морального подвижничества»<sup>1</sup>.

Знаменитый революционер, один из главных деятелей русского анархизма П. А. Кропоткин начинал деятельность в этом кружке и в своих «Записках революционера» писал о его деятелях: «Никогда впоследствии я не встречал такой группы идеально чистых и нравственно выдающихся людей, как те человек двадцать, которых я встретил на первом заседании кружка Чайковского<sup>2</sup>. Действительно, среди деятелей организации были такие выдающиеся представители революционного народничества, как С. Л. Перовская, Н. А. Морезов, С. М. Кравчинский, А. И. Желябов и их воспитанники — рабочие П. А. Алексеев, В. П. Обиорский.

Первое звено кружка составила небольшая группа студентов Медико-хирургической академии, объединившихся весной 1869 г. вокруг М. А. Натансона и Александрова. Затем к ним присоединились студент-медик А. И. Сердюков, студент-филолог Н. В. Чайковский, студент-медик Н. К. Лопатин (родственник Г. А. Лопатина). Кружок Натансона, резко расходясь с Нечаевым, считал его план поднять восстание народа весной 1870 г. вредной и обреченной на провал попыткой «взбуждать море в совершенно тихую погоду»<sup>3</sup>. Члены кружка были сторонниками длительной и основательной подготовки масс к борьбе. Объединившись, они поставили перед собой задачу изучить жизнь и настроение народа и, опираясь на собранный на местах материал, показать несостоятельность затеи Нечаева и тем самым предотвратить увлечение молодежи ложными надеждами на скорую победу. Сформированные для этого 25 групп (по 10 человек в каждой) в период летних каникул разъехались по родным местам и осенью вернулись с необходимыми данными, опираясь на которые, члены кружка Натансона сумели в ряде дискуссий с нечаевцами показать авантюристичность их планов и склонить подавляющее большинство молодежи на свою сторону<sup>4</sup>.

Считая своим учителем Н. Г. Чернышевского, воспитанные на лучших традициях борьбы 60-х годов, натансоновцы, несомненно, были подвержены и влиянию «Исторических писем» П. Л. Лаврова. Для реализации идей Лаврова Натансон разработал «Программу для кружков самообразования и практической деятельности». Л. Э. Шишко, вступивший в организацию несколькими годами позже, писал, что натансоновцы «хотели создать среди интеллигенции, и преимущественно среди луч-

<sup>1</sup> В. Богучарский, Активное народничество семидесятых годов, М., 1912, стр. 152.

<sup>2</sup> П. А. Кропоткин, Записки революционера, М.—Л., 1933, стр. 165.

<sup>3</sup> См.: Н. Троицкий, указ. соч., стр. 11.

<sup>4</sup> См.: там же, стр. 11, 12.

шей части студенчества, кадры революционно-социалистической или, как чаще выражались тогда, *истинно-народной* партии в России. С этой целью первоначальными основателями кружка решено было вести систематическую пропаганду среди учащейся молодежи, устраивать кружки самообразования, землячества и так называемые *коммюны*, состоявшие уже из более тесно связанных между собой товарищей»<sup>1</sup>.

За дело они принялись весьма энергично. Разработка программы чтения, распространение литературы и напряженная самоподготовка заняли весь 1870 г. Стремясь придать «книжному делу» всероссийский размах, натансоновцы в январе 1871 г. созвали в Петербурге нелегальный съезд студентов университетов, куда съехались представители Москвы, Киева, Харькова, Одессы, Казани. Всего с группой Натансона в работе съезда приняло участие 15 человек<sup>2</sup>.

Увлечение самообразованием было тогда повсеместным. Оно захватило не только университетскую, но и гимназическую молодежь центров и далеких провинций. Это обстоятельство и обеспечило успех петербургского съезда студентов. Разъехавшись, они еще энергичнее стали создавать на местах кружки самообразования. Единство устремлений стало основой их сплочения в широкую организацию.

В начале 1871 г. к кружку Натансона примкнул основанный летом 1870 г. женский кружок С. Л. Перовской. Дочь губернатора, С. Л. Перовская в 16 лет порвала с семьей и всю свою короткую, но пламенную жизнь посвятила революции. Благодаря выдающимся способностям она, несмотря на молодость, старание быть незаметной, тем не менее сразу обратила на себя внимание. Убежденность, стойкость, бесстрашие и беспредельная преданность революционному делу — все эти качества обеспечили ей большое уважение своих товарищей.

Объединение кружков придало большой размах деятельности формирующейся организации. Ее центральная группа стремилась к тому, чтобы каждый кружок в центрах и на периферии имел одинаковую программу чтения с целью подготовки к будущей революционной деятельности. Л. Э. Шишко указывал названия книг иностранных и русских авторов, входивших в программу чтения и распространявшихся по уменьшенным ценам и в кредит. Среди них были Лассаль, Бокль, Дарвин, Луи Блан, Милль, БERN, Спенсер, Драпер, Шпильгаген, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Костомаров, Щапов, Лавров, Флеровский и Сеченов. Для удовлетворения широких запросов периферии объединенный кружок решил наладить самостоятельную издательскую деятельность. С целью организации

<sup>1</sup> Л. Э. Шишко, Собрание сочинений, т. IV, 1918, стр. 140.

<sup>2</sup> См.: Н. Троицкий, указ. соч., стр. 13.

своей типографии был послан за границу Александров.

После объединения кружков почти вся группа, насчитывавшая к тому времени человек двадцать, для удобства занятий решила поселиться коммуной и арендовала дачу Кушелева под Петербургом.

«Кружковцы, — пишет Н. Троицкий, — изучали физиологию, логику, психологию, политэкономия, историю революционных движений... Все участники поочередно составляли рефераты на различные темы (главным образом по тому или иному произведению), а затем обсуждали их; А. Корнилова, например, составила реферат по одной из первых глав «Оснований политической экономии» Д. Милля с



Марк Андреевич Натансон

примечаниями Чернышевского, а Натансон реферировал еще не переведенный на русский язык I том «Капитала» Маркса»<sup>1</sup>.

В 1871 г. в кружке стали замечаться тенденции, которые предопределили новое направление его деятельности.

Парижская коммуна, по словам П. Л. Лаврова, явилась «электрическим ударом», толчком, вызвавшим энергичное сплочение социально-революционных элементов в России. Сильное впечатление на революционную молодежь произвели также крупные стачки рабочих, происшедшие в 1870—1871 гг. на ряде крупных промышленных предприятий страны. В этих условиях «электрический удар» Коммуны не только вызвал сплочение революционной молодежи, но и активизировал ее деятельность.

Одним из проявлений возросшей революционной активности было подпольное издание листовок «Виселица». Автором их был Н. П. Гончаров, исключенный в январе 1868 г. из Технологического института за участие в студенческих беспорядках. Гончаров в дальнейшем был связан с кружком Натансона. 14 апреля 1871 г., когда парижские коммунары героически боролись на баррикадах, в Петербурге появился первый листок «Виселицы» за подписью «Коммунист». Он начинался словами: «Мировая революция уже началась... Будет ли Париж задушен или нет, во всяком случае — во имя исторических законов бытия, во имя необходимого совершенствования мира... борьба безысходная,

<sup>1</sup> Н. Троицкий, указ. соч., стр. 16.



кровавая революция над нами... Поднявшись над развалинами Парижа, она облетит все столицы мира, — желанная, святая, побывает и в нашей мужичьей избе...»<sup>1</sup>. Автор прокламации возлагал надежды в грядущей революции на «здоровых умственно и физически, сильных волей и кипучей страстью, молодых русских людей». Они «разобьют власть, сравняют людей во всем и воспитают следующее поколение в роскошной обстановке коммун»<sup>2</sup>.

Все прокламации выдержаны в резко обличительном духе и отражают горячую веру в конечное торжество революции. В последнем, четвертом номере от 14 мая 1871 г. автор, предчувствуя последние дни Парижской коммуны, призывал всех честных людей к оружию.

К дознанию по делу Гончарова привлекались Перовская, Корнилова, Ободовская и другие «кушелевцы», но следствию не удалось доказать их связей с автором прокламаций. Он все взял на себя и был осужден один. В целом «кушелевцы», конечно, не могли разделять программу «Виселицы», однако брожение в их среде началось. Некоторые члены кружка стали тяготиться самособразованием. В августе 1871 г. на общем собрании кружка, как вспоминала его участница А. И. Корнилова-Мороз, был поставлен вопрос: «Будем ли мы заниматься дальше одним самообразованием?» Большинство подтвердило первоначальное намерение<sup>3</sup>.

Объединенные кружки отстояли прежнюю платформу, однако с момента создания единого общества вступили в новый этап своей деятельности, который характерен дальнейшим, но теперь уже получившим массовый размах, развитием «книжного дела». Натансоновский список обязательной литературы значительно расширился. Обращает на себя внимание большой интерес, проявленный в обществе к трудам Маркса, особенно «Капиталу». Народники, увлекаясь Марксом, искали в его произведениях ответ на волновавшие их вопросы, но воспринимали не его научную теорию в целом, а лишь сам факт критики старого строя и призыв к борьбе. Члены общества перевели и издали в своей типографии, начавшей деятельность с осени 1871 г. в Цюрихе, работу К. Маркса «Гражданская война во Франции». При арестах у многих членов общества находили, кроме этой книги, «Капитал» Маркса, «Устав Международного Товарищества Рабочих»<sup>4</sup>.

За границей и в России общество в течение 1871—1872 гг. издало тиражами от 2 до 3,5 тысяч экземпляров сочинения Доб-

<sup>1</sup> «Литературное наследство», т. 1, М., 1931, стр. 161.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> «Каторга и ссылка», 1926, № 1, стр. 28.

<sup>4</sup> См.: Н. Троицкий, указ. соч., стр. 54, 96.

ролюбова, Флеровского, Лаврова, Прудона, Л. Блана и других авторов<sup>1</sup>. Общество сначала распространяло «Народное дело» — орган русской секции Интернационала, а с лета 1873 г. стало издавать за границей журнал «Вперед!», к руководству которым привлекло П. Л. Лаврова.

Для развития широкого, принявшего всероссийское значение издательского дела общество располагало большими средствами. Они поступали главным образом от его состоятельных членов: сестер Корниловых, Гауэнштейна, Грибоедова, Кропоткина, Иванчина-Писарева, Лизогуба и других. Большие пожертвования на «книжное дело» поступали от радикальных кругов населения.

Революционеры, вступая в общество, обязывались приносить на алтарь революции свои силы, имущество и жизнь. Отдавая все, они не искали вознаграждения за утраченное, так как смысл жизни видели в борьбе за освобождение народа от тирании и кабалы эксплуататоров.

Все, кто не разделял взглядов общества или не отвечал его моральным принципам, выходили или исключались из него. На августовском собрании 1871 г. четверо — Вернер, Басов, Кокушкин и Скворцова — не согласились с его решением и вышли из общества. На том же собрании было решено пригласить в кружок Д. Клеменца, Ф. Лермонтова, Н. Чарушина, Л. Попова и В. Грибоедову — сестру А. и Л. Корниловых. Осенью членом кружка стал известный уже нам по «Рублевому обществу» Ф. Волховский. В дальнейшем, вплоть до осени 1874 г., общество непрерывно пополнялось. Основной состав петербургского кружка насчитывал 53 человека. Из новых его членов следует отметить С. Синегуба, П. Кропоткина, С. Кравчинского, вступивших в общество в 1872 г.; Л. Шишко и Л. Тихомирова — в 1873 г. В декабре 1871 г. из кружка выбыл арестованный, а затем сосланный в Архангельскую губернию М. Натансон<sup>2</sup>.

Интересна такая особенность жизни общества. Ставя своей задачей создать поколение революционеров, оно не спешило вербовать новых членов и привлекало их лишь после тщательной и порой довольно длительной проверки. Но одновременно оно имело многочисленные связи в широких кругах молодежи.

На периферии, в университетских городах, из групп самообразования складывались местные филиалы общества. Такие филиалы были созданы в Москве, Киеве, Одессе и Херсоне. В некоторых городах России общество имело своих агентов и одиночек-мысленников. Каждый кружок сохранял самостоятельность, но

<sup>1</sup> См.: Н. Троицкий, указ. соч., стр. 54.

<sup>2</sup> Подробно о составе членов общества см.: Н. Троицкий, указ. соч., стр. 17–20.

в то же время общество составляло единое целое и представляло собой федеративную организацию, тип которой подсказывал русским революционерам П. Л. Лавров. Это не означает, конечно, что его члены преклонялись или идеализировали Лаврова. В России вообще не было в «чистом» виде ни лавристских, ни бакунистских организаций.

Центральное ядро и периферийные группы общества создавались на основе полной свободы мнений и действий. Тем не менее они были чрезвычайно монолитными, строго конспиративными группами. Как писал Н. А. Чарушин, опыт нечаевской организации привел их к выводу «ни в каком случае не строить революционную организацию по типу нечаевской, не прибегать для вовлечения в нее к таким приемам, к каким прибегал Не-чаев...»<sup>1</sup>. В воспоминаниях участников общества подчеркивается, что убеждение и высокие нравственные принципы цементировали его ряды. «Организованный по типу, совершенно противоположному нечаевской организации, без всяких уставов и статутотв и иных формальностей, — писал Чарушин, — он, (кружок. — В. А.) поконился исключительно лишь на средстве настроений и взглядов по основным вопросам, высоте и твердости моральных принципов и искренней преданности делу народа»<sup>2</sup>. Кружок тотчас же реагировал, вплоть до исключения из своих рядов, на малейшие проявления с чьей-либо стороны «генеральских» настроений или аморальности. Несмотря на отсутствие устава, обязанности многих его членов были строго дифференцированы<sup>3</sup>. Спаянный единством мнений и высокими моральными требованиями, не ведя никакой канцелярщины, кружок был неуязвим для полиции. Агенты жаловались своим шефам на невозможность к нему подступиться, а шефы были раздражены беспомощностью своих бездарных помощников.

В 1872 г. общество совершает новый крупный шаг в развитии своей деятельности. Торопясь скорее выйти из стадии подготовки к революции, сначала отдельные, а затем и большинство его членов обращают свой взор на рабочие массы промышленных предприятий. Эту эволюцию в жизни общества хорошо показал Н. А. Чарушин, перешедший одним из первых к пропаганде среди рабочих. Ссылаясь на опыт предшественников, он писал, что все организации начинали и исчезали, не подойдя к делу, в то время как главным для них была пропаганда в народе. Случай помог Чарушину. Познакомившись со студентом Ждановым, совладельцем химического завода, Чарушин, Попов и Синегуб получили от него предложение заняться с рабочими с целью повысить их культурный уровень, чего требовали условия сложного

<sup>1</sup> Н. А. Чарушин, указ. соч., стр. 79.

<sup>2</sup> Там же, стр. 85.

<sup>3</sup> См.: там же, стр. 90; Н. Троицкий, указ. соч., стр. 33—34.

химического производства. Занятия начались. Грамота, чтение книг, беседы на злободневные темы, писал Чарушин, живо интересовали рабочих, но дальше образовательных задач учителя не пошли. Вести революционную пропаганду среди рабочих они постеснялись хозяина, считая себя обязанными ему. Чарушин и Попов в январе 1872 г. покинули завод, но не отказались от своей идеи. Посещая чайные, они завели знакомство с фабричными рабочими Выборгской стороны и приступили к пропаганде. Одновременно с ними и независимо от них стал вести пропаганду среди заводских рабочих А. И. Сердюков<sup>1</sup>.

С большим энтузиазмом принялся за пропагандистскую работу Синегуб. Он занимался «с артелью каменщиков душ в 80, живших довольно далеко от Невской заставы, где-то на Лиговке»<sup>2</sup>. В воспоминаниях он так описывал свои занятия: «В этой артели я громко читал перед несколькими десятками слушателей книжки и писанные брошюры, а затем вел разговоры и споры на «зловредные» темы. Приводил я в эту артель и Кравчинского»<sup>3</sup>.

И вот в разгар занятий, весть о которых уже разошлась по рабочему Петербургу, к Синегубу пришли трое незнакомых ему ткачей с суконной фабрики Торнтонна. «Они, — пишет Синегуб, — объяснили мне свое посещение тем, что, узнав о моем даровом обучении рабочих, они пришли просить меня обучать и их, — и хотя они-де уже читать умеют и даже пишут, хоть и не бойко, но хотели бы еще поучиться науке «еоргафии» и «еометрии». Это были знаменитый впоследствии Петр Алексеев, особенно жаждавший познать «еометрию», Иван Смирнов и Александров»<sup>4</sup>. Став заниматься с ними, Синегуб, однако, скоро убедился, что на всех у него не хватает времени. Тогда он передал маленькую группу П. Алексеева Софье Перовской. Она специально для занятий переехала жить на Невскую заставу.

Так постепенно, незаметно для себя, все, по словам Чарушина, втягивались в рабочую среду и «перемещали центр тяжести своего внимания с интеллигентных кругов на рабочие массы, что в то же время совпадало и с идеологическими представлениями»<sup>5</sup>. Чарушин здесь имеет в виду главную цель общества — подготовить «поколение революционеров» для того, чтобы возглавить народные массы и повести их на революцию. Считая крестьянство главной силой будущего революционного переворота, члены общества, приступив к пропаганде среди рабочих, основное внимание сконцентрировали не на заводских, а

<sup>1</sup> См.: Н. А. Чарушин, указ. соч., стр. 98—100.

<sup>2</sup> С. С. Синегуб, Воспоминания чайковца, «Былое», 1906, № 9, стр. 110.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же, стр. 109—110.

<sup>5</sup> Н. А. Чарушин, указ. соч., стр. 103.

на фабричных рабочих, т. е. той части формирующегося в России пролетариата, которая еще была связана с сельским хозяйством. Эти рабочие на летнее время разъезжались по деревням и к осени возвращались в город. Не зная крестьянства, не умея к нему подойти, революционная интеллигенция и задалась целью опереться на них и подготовить из них проводников своих идей в деревне.

Центром развертывавшейся пропаганды поэтому стала Выборгская сторона, где было много фабрик. К осени 1872 г. пропаганда приняла такие широкие размеры, что революционеры решили переселиться на Выборгскую сторону. Для жилья и занятий с рабочими был снят большой дом Байкова. «Ежедневно вечерами, — писал Чарушин, — собирались сюда десятки фабричных рабочих — мужчин и женщин — и усердно занимались или слушали чтение или лекции. Здесь Кропоткин читал лекции об интернациональном движении рабочих Запада, а Клеменц знакомил рабочих с русской историей и, в частности, с народным движением»<sup>1</sup>.

Занятия в доме Байкова, привлекая все новые и новые группы рабочих, продолжались до лета 1873 г. С расширением дела общество образовало на квартире у студента Медико-хирургической академии Низовкина (позже оказавшегося предателем) второй центр пропаганды. Здесь занятия проводились с более развитыми заводскими рабочими. Чайковский, Кравчинский, Кропоткин, Клеменц и Корнилова читали им лекции на общеполитические темы. К концу года работа велась уже «за Лиговкой, Нарвской и Невской заставами. . . на Малой Охте, на заводе Торнтона»<sup>2</sup>. В революционной среде, захваченной идеей служения народу, стало намечаться стремление ближе сойтись с рабочими. Таким образом закладывались основы движения, которое потом приняло массовый характер. Полиция, несмотря на активизацию стачечной борьбы с начала 70-х годов, была еще усилена официозной пропагандой, внушавшей идеи, что в России нет и не может быть рабочего вопроса, и противопоставлявшей будто бы присущую стране устойчивость и прочность шаткости и выбкости «мятущегося» Запада. Словом, полиция не подозревала какой-либо опасности в занятиях рабочих и не мешала им.

Переход к пропаганде среди рабочих вызвал необходимость определить возникшие в связи с этим новые задачи. Поэтому в январе 1873 г. было созвано общее собрание членов общества. Подтвердив важность продолжения «книжного дела», подготовки интеллигенции к борьбе, собрание в то же время главным делом признало пропаганду среди народа, к чему и должна

<sup>1</sup> Н. А. Чарушин, указ. соч., стр. 110.

<sup>2</sup> Там же, стр. 113.

была теперь призваться интеллигенция. Н. А. Чарушин получил задание известить о решении центра периферийные кружки и добиться их согласия с ним. В Москве и Киеве он встретил сочувственное отношение к решению центра, а в Одессе и Херсоне нашел уже налаженную местными группами пропаганду среди рабочих.

После январского собрания члены общества, продолжая занятия с рабочими, от общих вопросов стали переходить к пропаганде конкретных мер осуществления целей общества. Это вызвало их стремление «двинуться в самую гущу народную». Но они были озадачены вопросом: как идти к народу? Большинство, по словам Чарушина, склонялось к такому решению: «... в народ, чтобы заслужить его доверие и не возбуждать никаких подозрений ни в нем самом, ни в подозрительном начальстве, нужно являться в образе рабочего человека и притом знающего какое-нибудь ремесло, нужное для крестьян»<sup>1</sup>. Вскоре в Петербурге и других городах были созданы мастерские, «где молодежь обучалась то сапожному, то столярному, или слесарному ремеслам»<sup>2</sup>. Организация мастерских и обучение в них ремеслам в 1873 г. стало делом всех революционных кружков страны, и члены общества пропаганды далеко не были его пионерами. Те из революционеров, кто имел специальность, не стали ждать: уехали учительствовать в деревню Синегуб с женой, Л. Попов.

Помыслы о переносе пропаганды в деревню вовсе не означали, что общество отказывается от работы в городе. Накопившийся опыт позволил обществу придать деятельности среди рабочих более организованный вид. К лету 1873 г. наиболее подготовленная часть рабочих была выделена в особую группу, и «с ней велись правильные и серьезные занятия»; остальная же масса проходила предварительную подготовку. Увлечение пропагандой и ее успехи порождали мысль о необходимости организационного объединения рабочих. Организованные передовые рабочие могли бы, по мнению членов общества, в случае народного восстания в деревне ударить по правительству в центре. В то же время члены общества были убеждены в невозможности народного восстания в ближайшем будущем. Возникало явное противоречие в самом содержании пропаганды. С одной стороны, рабочим пропагандировались освободительные идеи, на которые они по своему классовому характеру остро реагировали, а с другой, их революционный пыл старались охладить, убеждая в невозможности скорого достижения пропагандируемых целей. Рабочие, по словам Чарушина, «горели нетерпением и плохо мирились с такой длительной процедурой чисто

<sup>1</sup> Н. А. Чарушин, указ. соч., стр. 129.

<sup>2</sup> Там же.

подготовительной работы»<sup>1</sup>. Не удовлетворенные одной «слесностью» рабочие рвались к делу. Мысль о стачке, не разделяемая в обществе, боявшемся, что она отвлечет от основной задачи, все чаще обсуждалась среди рабочих.

С таким настроенным обществом не могло не считаться. В его среде стали задумываться об организации борьбы рабочих за улучшение их положения, повышение заработной платы, сокращение рабочего дня. На это указывал и опыт Западной Европы<sup>2</sup>. Однако общество, не понимавшее классовой роли пролетариата как единственной силы, способной совершить революцию, продолжало рассматривать рабочих как второстепенный, посредствующий элемент в подготовке революции и не пошло на организацию стачек.

Тогда отдельные рабочие, проникшись «бунтарским» настроением, стали покидать фабрики и шли в народ. Первым, запасшись необходимой литературой, отправился в путь рабочий Крылов, за ним последовали другие. Пример Крылова повлиял не только на рабочих. Не стали ждать общей готовности Кравчинский и Клеменц. Летом 1873 г. они также ушли в народ.

Новое стремление идти в народ, раскрыть ему глаза на причину его бесправия и нищеты, указать выход из тяжелого положения и тем самым оплатить свой долг ему — было, по словам современников, предметом постоянных споров и речей на бесчисленных собраниях осенью и зимой 1873 г. Молодежь Петербурга и других городов в зиму 1873—1874 г. напоминала растревоженный улей. При различии тактических планов всех объединяло ставшее общим девизом требование «идти в народ». Чарушин признает, что наиболее влиятельными были идеи Бакунина — его призыв возбуждать народные бунты отвечал горячему порыву молодежи к действию.

В обстановке всеобщих сборов «в народ» общество вновь встало перед необходимостью определить свою линию поведения, разработать программу действий. Подготовить такой документ было поручено Кропоткину. К ноябрю 1873 г. документ был готов и в виде записки, начинавшейся словами «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?», представлен обществу.

«Записка» состоит из двух частей. В первой разбирается «идеал будущего строя», во второй — средства его достижения.

Идеал будущего — такой строй общества, прогресс которого основан на борьбе людей не друг с другом, а с природой. Но определить научным путем формы его осуществления нельзя. «Практически, — писал Кропоткин, — они могут быть выведены только путем многократного практического обсуждения, не-

<sup>1</sup> Н. А. Чарушин, указ. соч., стр. 132.

<sup>2</sup> См.: там же.

задолго до и во все время осуществления на месте, в общине, в артели, а не теперь, при зарождении дела»<sup>1</sup>.

При «зарождении дела» можно определить только 4—5 крупных черт идеала. Претворяя их в жизнь, можно осуществить и все остальное. При этом автор замечал: «... между различными социалистами самых разнообразных стенок существует довольно полное согласие в его идеалах, если взять их в самой общей форме»<sup>2</sup>. Разница между ними, по его мнению, заключается только в том, что одни делают упор на идеале, который может быть осуществлен скоро, другие — на отдаленном.

Выраженный в первой части «Записки» идеал будущего строя в основном соответствовал учению М. А. Бакунина и вызвал критику со стороны членов общества. Во второй части «Записки», где речь шла о задачах общества в подготовительный период борьбы за осуществление «идеала будущего», Кропоткин уже не мог не считаться со взглядами своих товарищей. Эта часть «Записки» выдержана в основном в духе учения П. Л. Лаврова. Прежде всего осуществление «идеала» признавалось возможным только «путем социальной революции». Она осуществится не скоро и не сразу, не одним, а рядом общих взрывов.

«Прежде всего мы глубоко убеждены в том, — говорилось в «Записке», — что никакая революция невозможна, если потребность в ней не чувствуется в самом народе. Никакая горсть людей, как бы энергична и талантлива она ни была, не может вызвать народного восстания, если сам народ не доходит в лучших своих представлениях до сознания, что ему нет другого выхода из положения, которым он недоволен, кроме восстания. Следовательно, дело всякой революционной партии не вызвать восстание, а только подготовить успех готовящегося восстания, т. е. связать между собой недовольные элементы, помочь ознакомлению разрозненных единиц или групп со стремлениями и действиями других таких же групп, помочь яснее определить истинные причины недовольства, помочь им яснее определить своих действительных врагов..., содействовать выяснению сообщения ближайших практических целей и способов их осуществления»<sup>3</sup>.

Задачи партии автор разделяет на «две отрасли деятельности», которые, однако, должны осуществляться одновременно: «с одной стороны, распространение своих воззрений и увеличение числа своих единомышленников и, с другой стороны, соединение с ними в одну общую организацию»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> «Народническая экономическая литература», М., 1958, стр. 236.

<sup>2</sup> Там же, стр. 237.

<sup>3</sup> Там же, стр. 251.

<sup>4</sup> Там же, стр. 253.



На вопрос, куда прежде всего партия должна направить свою деятельность, где распространять свои воззрения — в среде учащейся молодежи или крестьян и городских рабочих — автор категорически высказывается в пользу рабочих и крестьян.

Кропоткин высказал своеобразный взгляд на задачи пропаганды среди молодежи.

С учащейся молодежью партия не прерывает отношений, однако самая тесная связь должна осуществляться лишь с теми кружками, относительно которых имеется полная надежда, что их дальнейшая деятельность будет протекать в среде крестьянства и городских рабочих. А в остальной массе образованной молодежи партия должна только распространять книги, разъясняющие ее идеалы, показывающие необходимость социального переворота. Пропаганду надо вести по преимуществу среди крестьян и рабочих. «Здесь, — писал Кропоткин, — должны мы распространять наши воззрения, здесь должны мы подыскивать товарищей, которые помогли бы дальнейшему распространению этих воззрений, с этими товарищами должны мы стать в дружную, тесно сплоченную организацию»<sup>1</sup>.

Восстание может быть успешным только тогда, когда его произведут сами крестьяне и городские рабочие. Оно победит лишь при условии руководства со стороны «сильной, дружно действующей кучки людей, служащих связью между отдельными местностями, согласной в способах действия, ясно определившей, как сформулировать требования народа, как избегнуть различных ловушек, чем закрепить свою победу»<sup>2</sup>. Такая партия поэтому «должна быть средоточием наиболее сознательных и решительных сил самого крестьянства и городских рабочих»<sup>3</sup>. Способные люди из крестьян и рабочих будут лучшими пропагандистами в своей среде. Революционный интеллигент не сможет стать народным деятелем, если не станет в быту таким же, как крестьянин и рабочий. В отдельных случаях допустимо занятие интеллигентами должностей фельдшера, учителя, волостного писаря и т. д.

В «Записке» ставится вопрос и о формах пропаганды. Какой она должна быть — массовой или частной? Автор указывал, что, если народ к восстанию не готов, обращаться с пропагандой ко всей его массе нельзя. Надо в таком случае оседать в деревне, создавать сельскую организацию, пусть даже из трех человек, и, подготовив там агитаторов, переселяться на новое место. Так будет образована густая сеть кружков, которые обязаны знать друг друга, поддерживать между собой связь. Пропаганда в кружках не исключает, однако, влияния на массы. Напротив,

<sup>1</sup> «Народническая экономическая литература», М., 1958, стр. 253.

<sup>2</sup> Там же, стр. 254.

<sup>3</sup> Там же.

агитаторы должны делать все необходимое, пользоваться каждым случаем, чтобы положительно влиять на общее настроение в массе. Учитывая неграмотность народа и цели пропаганды, последняя должна вестись устно, а не с помощью литературы. Но Кропоткин считал, что для народа надо создать специальные, доступные его пониманию книги.

Все сказанное относится и к городским рабочим. Следовательно, и в их среде нужно было подчинить задачи пропаганды образованию кружков, слиянно их в боевую организацию. Общество придавало большое значение организации, считая ее самостоятельной силой в предстоящей революции. Из показаний Низовкина видно, что общество планировало поднять восстание сразу в городах и селах, причем центрами его должны служить столицы<sup>1</sup>, где главную роль должны были сыграть революционные организации рабочих. Таким образом, это была первая организация революционной интеллигенции, которая не только обратила внимание на рабочий класс, но и считала его одной из составных сил предстоящей революции. Правда, его самостоятельной исторической роли общество не понимало, а поэтому оно не признавало и специфических, пролетарских форм борьбы.

Поскольку, по мнению Кропоткина, в современных условиях на очередь дня перед рабочими стали задачи не частного улучшения быта, а передачи орудий труда в их пользование, он отвергал идею стачек. В свое время Западная Европа прошла этап стачечной борьбы, но теперь она подошла к идее захвата орудий труда рабочими — так стоит ли в России повторять путь Запада, когда и в ней самой назрела необходимость овладеть орудиями труда?

В то же время Кропоткин не считал возможным примкнуть к Интернационалу, так как в России еще нет партии рабочих и крестьян. Условия России и Запада различны, и вряд ли такое сближение возможно в ближайшем будущем. Высказывая эту мысль, Кропоткин не расхвалился в мнениях со своими товарищами, но он тут же попытался сделать вывод, который вызвал потом возражение в обществе. Он внес в «Записку» тезис о том, что общество вполне сходится с отраслью федералистов Интернационала, т. е. с бакунистами, и отрицает государственные принципы другой отрасли, т. е. марксистов<sup>2</sup>.

Кропоткин подчеркивал нежелание вмешиваться в раздор партий, имея в виду ожесточенную борьбу русской секции Интернационала с Бакуниным и его сторонниками. *«Мы намерены здесь развиваться самобытно, вне всяких руководств заграничных партий, так как полагаем, что никогда эмиграция не может*

<sup>1</sup> См.: «Государственные преступления в России в XIX веке», т. III, стр. 14.

<sup>2</sup> См.: П. А. Чарушин, указ. соч., стр. 161.

быть точным выразителем потребностей своего народа иначе, как в самых общих чертах, ибо необходимое для сего условие есть пребывание среди русского крестьянства и городских рабочих»<sup>1</sup>.

Получив «Записку», общее собрание общества в течение нескольких вечеров в ноябре 1873 г. обсуждало ее, но к какому-либо решению не пришло. Анархистские «идеалы будущего», составляющие первую часть «Записки», не нашли поддержки собрания. Признавая вторую ее часть в основном соответствующей взглядам общества, собрание подвергло критике отдельные ее положения, где высказывалась субъективная точка зрения автора. Чарушин, например, вполне определенно говорил о несогласии собрания считать общество приверженцем идей «федералистических отраслей Интернационала», хотя оно придерживалось мнения о будущем федеративном устройстве общества и свою организацию строило на тех же основах<sup>2</sup>.

Найденная при аресте брата Кропоткина «Программа революционной пропаганды» служила дополнением и развитием тех положений «Записки», которые были подвергнуты обсуждению. В «Программе», разработанной в 1874 г., прежде всего делался упор на необходимость подготовки революционера к усиливающемуся «шествию в народ». В «Записке» такого подчеркивания приверженности к взглядам Лаврова не было. В «Программе» деятельность революционера-интеллигента более четко разделяется на две стадии — подготовительную и пропагандистскую. Подготовка революционера состоит в «чтении книг», «изучении какого-либо ремесла и в личном (на первое время) *общем ознакомлении с жизнью народа*»<sup>3</sup>. В указанный период революционер не имеет права пропагандировать. Подготовившись, он «должен разорвать свой дворянский паспорт и окончательно, навсегда сделаться крестьянином, мастеровым, фабричным и пропагандировать»<sup>4</sup>.

Ссылаясь на опыт Запада, автор «Программы» считал, что пропагандировать можно только «в специальном кругу» и речь перед крестьянами и фабричными в первую очередь нужно вести не об «общественных идеях о социализме» (их неразвитые крестьянин и рабочий не поймут), а о местных интересах, «только несколько *одухотворяя* свою пропаганду общими идеями». Революционер поэтому должен поселиться «в какой-нибудь данной местности и примкнуть к какому-нибудь данному ремеслу»<sup>5</sup>. В беседе с простым народом, замечал автор «Программы»,

<sup>1</sup> Н. А. Чарушин, указ. соч., стр. 161.

<sup>2</sup> См.: там же, стр. 162.

<sup>3</sup> «Народническая экономическая литература», М., 1958, стр. 233.

<sup>4</sup> Там же, стр. 234.

<sup>5</sup> Там же.

«непрактично в *высшей степени* задевать их религиозные верования». Революционер должен во всем — вплоть до посещения церкви, соблюдения постов — слиться с народом. Непрактично задевать и царя. Автор советует «*всячески обходить* этот вопрос, обрушиваясь всею тяжестью на *правительство и господ*», так как с уничтожением их и царь не удержится<sup>1</sup>.

«Записка» и «Программа», как можно судить и по воспоминаниям членов общества, отражали, за исключением теоретической части «Записки», взгляды организации на основные задачи их борьбы.

При оценке исторического значения деятельности Общества пропаганды надо учитывать два обстоятельства. Его идеалы ни в коей мере не отвечали требованиям социалистического преобразования существующего строя и были чистой утопией. Но совершенно иначе надо смотреть на деятельность общества с точки зрения объективных задач исторического развития России, стоявшей тогда на пороге буржуазно-демократических преобразований. Объективно общество, являясь выразителем интересов главным образом крестьянства, стремилось к воплощению в жизнь его мелкособственнических и демократических идеалов, что на деле могло только расчистить почву для свободного развития капитализма, освободить крестьян от пережитков крепостничества. Исторически это было прогрессивным, революционным делом, и поэтому общество, будучи к тому же хорошо спаянным организмом, свободным от авантюризма нечасцев, нетерпимости бакунистов и других течений народничества, представляло собой в начале 70-х годов наиболее исторически прогрессивную организацию революционной интеллигенции. В конечном счете общество было захвачено стихийным движением «в народ» и исчезло в его бурном потоке. Правда, значительная часть членов общества к весне 1874 г., когда началось массовое хождение в народ, уже была арестована. Так, в ноябре 1873 г. была взята группа Синегуба, в декабре 1873 г. арестовали Л. Попова, в январе 1874 г. — Чарушина, А. И. Корнилову и Перовскую, в марте были разгромлены Выборгская, Васильевская и другие группы общества. К осени 1874 г. общество перестало существовать.

### Организация бунтарей

Идеи М. А. Бакунина о народном бунте, возглавленном революционной молодежью, после разгрома нечаевцев на время отошли на второй план, уступив место лавровскому призыву к самообразованию. Однако с начала 70-х годов (особенно с

<sup>1</sup> «Народническая экономическая литература», М., 1958, стр. 235.

1873 г.) они стали доминирующими. Вполне согласных с его учением у Бакунина, как и у Лаврова, в России не было. Но его проповедь готовности России к революции и сравнительно легкой возможности совершения переворота больше импонировала теоретически незрелой интеллигентной молодежи, возбуждала, разжигала революционные страсти и звала «к делу». Среди бакунистски настроенных кружков (Лермонтова, Ковалика, Коблица и других) наибольшую известность получил кружок, организованный Александром Васильевичем Долгушиным.

Долгушин родился в семье служилого дворянина Тобольской губернии. Жизнь вдаль от центров не помешала ему уже в гимназические годы проявить живой интерес к передовым идеям своего времени. В гимназическом кружке самообразования Долгушин благодаря уму и «крайне радикальным взглядам» занял ведущее положение.

Резкие «столкновения с преподавателями и отвращение к схоластическим наукам» вынудили его летом 1866 г. оставить гимназию и уехать в Петербург. Там он был принят вольнослушателем химического отделения Технологического института. Исключенный из института в 1869 г. «за невнос платы», Долгушин не порвал со студенческой средой, где он уже стал играть заметную роль.

Одной из форм объединения студенчества того времени были землячества — коллективные поселения студентов-земляков в целях экономии на одной квартире. Как правило, землячеств-коммуны становились политическими организациями. Подобное же объединение сложилось и у сибиряков. Долгушин и здесь сразу выдвинулся как руководитель, предложив своим землякам составить политическую организацию. В разработанном им уставе главной ее целью предлагалось сделать борьбу за отделение Сибири от России. Идея Долгушина была столь нелепой, что ряд сибиряков покинул собрание, где он читал свой устав, а остальные «посмеивались» над его затеей, не придавая ей серьезного значения. Сибиряки, сначала посещавшие собрание кружка, затем стали ходить на них все реже.

С оживлением в конце 60-х годов студенческого движения немногочисленная группа Долгушина была завербована Нечаевым в его организацию, но с разгромом ее вся была арестована. Правда, за отсутствием улик Долгушин и его товарищи были оправданы.

Долгушин остался в Петербурге, занял должность управляющего мастерской по производству железной посуды, сблизился с рабочими и стал вести среди них революционную пропаганду. К осени 1872 г. вокруг него образовался кружок, в который вошли Л. А. Дмоховский, «человек высокого нравственного калибра рахметовского типа», В. А. Тихоцкий, Н. А. Плотно-

ников, И. И. Папин, К. А. Рогов, В. А. Тихомиров (последний в декабре 1872 г. вышел из кружка). Кроме того, на собрания приходили Э. Э. Циммерман, Л. и П. Топорковы, Л. Д. Массини, Е. А. Муравьева, К. Г. Горностаева, А. И. Ливанов, А. И. Папин и другие<sup>1</sup>.

«Их было немного, — вспоминал много лет спустя О. В. Аптекман об основном составе кружка, — но они крепко сплотились, дружно сомкнулись... В нем, в этом кружке, как в миниатюре, отражается весь «порыв и натиск» той эпохи, своеобразные особенности ее, жизнеощущение и миропонимание того молодого поколения, которое задало себе колоссальную задачу, поставило недостижимую для него цель и пало под тяжестью огромного начинания...»<sup>2</sup>.

Горстка искренних, пылких и рвавшихся «к делу» юношей, привлекая на свои многочисленные вечерние собрания таких же «ищущих и вопрошающих», осенью и в течение зимы 1872—1873 гг. горячо обсуждала волновавшие их вопросы жизни. О содержании бесед Долгушин так писал в показании на следствии: «Самый важный вопрос на этих вечерах был вопрос о так называемом нормальном человеке. Мы разбирали потребности человека в его физиологическом отношении и пришли к тому убеждению, что большинство не удовлетворяет своим физиологическим потребностям. Причины этому — бедность и невежество. Когда мы дошли до этого, то каждый заявил свое согласие помогать, кто чем может, уничтожению этих причин. Образование народа занимало, конечно, первое место...»<sup>3</sup>. Выдвижение Долгушиным на первый план просветительных задач кружка, конечно, было вызвано соображениями самозащиты. Кружок уделял большое внимание образованию народа, но образованию в духе революционных идей.

Аптекман тоже указывал на многочисленные разговоры в кружке о «нормальном человеке», т. е. его гармоническом телесном и духовном развитии. Ни «верхи», ни интеллигенция, по мнению членов кружка, не представляют собой ту среду, в ко-



Александр Васильевич Долгушин

<sup>1</sup> См.: А. Кункль, Долгушинцы, М., 1932, стр. 55—62.

<sup>2</sup> О. В. Аптекман, Флеровский-Берви и кружок Долгушина, «Былое», 1922, № 18, стр. 58.

<sup>3</sup> А. Кункль, указ. соч., стр. 63—64.

торой мог бы воспитаться такой человек. Только работник является, по их мнению, носителем идеального типа «нормального человека», но его уродует гнет и эксплуатация. Поэтому своим долгом они считали показать массам, что такой порядок противоречит «закону природы и правды». Создать «нормального человека», делали они вывод, можно только в благоприятной среде, где труд при свободе и равенстве людей будет служить благу всех<sup>1</sup>.

Таким образом, речь на кружке шла не о занятиях с народом арифметикой или письмом. Долгушинцы намеревались вызвать в массах сознательное чувство протеста и с их помощью уничтожить причины «бедности и невежества». Ждать, когда созреют для этого условия, они не хотели, считая народ готовым к борьбе. Иронически отзываясь о членах Общества пропаганды как о «книжниках», они сразу пошли в рабочую среду в поисках помощников-агитаторов. Некоторого успеха они сумели добиться своей пропагандой среди рабочих той мастерской, которой управлял Долгушин. Двое из рабочих — Кирилл Курдаев и Ананий Васильев — стали активными участниками кружка.

События в жизни кружка развивались стремительно. К весне 1873 г., писал Аптекман, «они уже все вопросы порешили, они уже на новом пути. Они — обреченные. Все корабли сожжены, отступление невозможно. Недостает лишь некоторых «снаряжений» в дальний путь»<sup>2</sup>. Нужна была литература для народа. Взоры их обращаются к В. В. Берви-Флеровскому, чей авторитет среди молодежи был огромен.

Флеровский, пристально следивший за развивавшимся движением молодежи, сравнивал его с подвигом первых христиан. Его волновал вопрос: как молодежь достигнет своей цели? «Непрерывно думая об этом, я пришел к убеждению, — писал он, — что успех можно обеспечить только одним путем — созданием новой религии... Надо научить народ посвящать свои силы только самому себе, сделать его способным жить и переносить все на свете ради своих братьев; они, и они одни, должны быть предметом его любви и его горячих желаний, к ним одним должны быть обращены его горячие чувства; они одни должны стоять в глазах его выше всего и составлять всю цель его жизни; они должны составлять его религию. Я стремился создать религию братства!»<sup>3</sup>.

Молодежь должна была стать апостолом этой религии. И много лет спустя Флеровский верил, что если бы ее убывающие ряды пополнялись «новыми верующими, которые, подобно

<sup>1</sup> См.: О. В. Аптекман, указ. соч., «Былое», 1922, № 18, стр. 59.

<sup>2</sup> Там же, стр. 60.

<sup>3</sup> Там же.

первым христианам, горели бы возрастающим энтузиазмом, тогда успех был бы обеспечен»<sup>1</sup>.

Увлеченный своей мистической идеей, Флеровский написал по просьбе кружка брошюру под названием «О мученике Николае и как должен жить человек по закону природы и правды». В печатном виде она называлась проще: «Как надо жить по закону природы и правды».

«Религия без бога и святых», выраженная в брошюре Флеровского, была отголоском христианского социализма, т. е. одной из самых отсталых разновидностей утопического социализма, но в России в среде темного, забитого крестьянства она находила благоприятный отзвук.

Осуждение господствующего строя, где процветает беззаконие вельмож и продажность духовенства, призывы к гражданскому и имущественному равенству волновали душу крестьянина, легко доходили до его сознания, но не могли возбудить к действию. Это была сказка, сладкое видение, которое исчезало, как мираж, едва только удалялся чтец-пропагандист «новой» веры. Свидетельство тому мы находим в воспоминаниях современников.

«Пишущий эти строки, — вспоминал Аптекман, — может с своей стороны сказать . . . где бы ему ни приходилось читать крестьянам эту брошюру — в глухих и забытых богом и добрыми людьми деревнях и деревушках пензенской губернии или в торговых слободах тамбовской и харьковской — везде она, эта брошюра, производила потрясающее впечатление. Но тут же я должен оговориться: впечатление не было длительное . . .»<sup>2</sup>. Но такие результаты пропаганды были обнаружены лишь впоследствии. Пока же «апостолы» религии, не зная страха, с самоотречением мучеников становились под ее знамя.

Характерна еще одна деталь. При аресте Долгушина было обращено внимание на крест грубой работы с надписями «Во имя Христа» и «Свобода, равенство и братство». В обвинительном акте отмечалось, что «дверь и стены дачи (Долгушина. — В. А.) носили в многих местах также следы черной краски, а на последних, сверху того, были сделаны надписи на латинском, итальянском, английском и французском языках, явно тенденциозного характера»<sup>3</sup>.

Комментируя мистические лозунги долгушинцев, Аптекман писал: «Это не было так просто, как другие себе представляют: прочла-де молодежь одну-другую полдюжины тенденциозных книжек, наслушалась призывов Бакунина и Лаврова и пошла

<sup>1</sup> О. В. Аптекман, указ. соч., «Былое», 1922, № 18, стр. 60.

<sup>2</sup> Там же, стр. 61.

<sup>3</sup> «Государственные преступления в России в XIX веке», т. I, СПб., 1905, стр. 255.



в народ. Нет! То была подлинная драма растущей и выпрямляющейся души, то были муки рождения больших дум и тревожных запросов сердца. Я видел не раз, как молодежь, отправлявшаяся уже в народ, читала Евангелие и горько рыдала над ним. Чего она искала в Евангелии? Какие струны ее души были так задеты «благой вестью»?

Крест и фригийская шапка? Но это было, было, читатели! И не одни долгушинцы были такне»<sup>1</sup>.

Да, это было трагедией молодого поколения, его мукой искания. В порыве революционеров мы видим беспомощность, отчаяние одиночек, перед которыми стояла окованная цепями рабства и защищенная судами, тюрьмами, каторгами и штыками громадина самодержавной страны. Но они дерзали.

Долгушинцев оказалось пятеро, когда они, сочтя себя уже готовыми к делу, весной 1873 г. один за другим перебрались в Москву, ближе к родному их сердцу крестьянскому люду.

Одним из первых в марте 1873 г. в Москву приехал распространяемый Долгушиным рабочий Кирилл Курдаев, открывший здесь мастерскую железных изделий. В следующем месяце перебрались туда Долгушин с семьей, затем и юноша Ананий Васильев. Вскоре в Москве оказались и Л. А. Дмоховский, Н. А. Плотников, И. И. Папин и В. А. Тихоцкий.

Брошюра Флеровского, вызвавшая интерес у крестьян, одна, естественно, не могла удовлетворить запросы кружка. Ее надо было дополнить босвыми призывами к революции. Поэтому еще в Петербурге кружком было решено наладить в Москве типографию для печатания новых прокламаций. Долгушинец В. А. Тихоцкий, помещик Харьковской губернии, пожертвовал на приобретение шрифта три тысячи рублей.

В небольшом лесу, в стороне от деревни Сарсево, Звенигородского уезда, Московской губернии Долгушин купил пять десятин земли, и здесь к концу мая 1873 г. была выстроена дача, в которую привезли шрифт. В июне, работая по двое, долгушинцы отпечатали прокламации «К русскому народу» и «Как надо жить по закону природы и правды».

Заметив за собой слежку, Долгушин в начале июля переехал в Москву. Здесь была отпечатана третья прокламация «К интеллигентным людям». После этого шрифт был спрятан; Долгушин с семьей вернулся на дачу, где был проведен ряд совещаний «о распространении прокламаций, рассматривались карты губерний Московской, Владимирской, Нижегородской, Псковской»<sup>2</sup>. К концу августа долгушинцы вновь собрались в Москве и отсюда сразу пошли агитировать народ.

<sup>1</sup> О. В. Алтекман, указ. соч., «Былое», 1922, № 18, стр. 63.

<sup>2</sup> А. Кункль, указ. соч., стр. 95.

Обращаясь к народу и интеллигенции, долгушинцы выразили в изданных ими прокламациях идейные и тактические принципы своей программы.

В прокламации «К русскому народу», начинающейся словами Евангелия, взятыми эпиграфом, и содержащей ссылки на евангельские заповеди, вскрывается бедственное, рабское положение крестьян до реформы, показывается грабительский характер их освобождения в 1861 г. «Плохие надель, большие оброки, обίδα кругом да и только... да нешто это воля? Полно! Это та же неволя, еще пуще прежней... Так распорядился царь и дворяне»<sup>1</sup>.

Прокламация показывала единство всех эксплуататоров: царя, помещиков, чиновников, капиталистов и их идеологического орудия — церкви — против народа и заключала, «что в телерешних порядках нет справедливости, нет ни равенства, ни свободы, а есть одно только грубое насилие да рабство...»<sup>2</sup>.

За анализом положения дел в стране и выводом следует прямой призыв народа к борьбе: «Мы, ваши братья, обращаемся к вам, угнетенным людям, и зываем во имя вечной справедливости, восстаньте против этих несправедливых порядков, не полюбавших человеку, высшему и лучшему созданию на земле. Восстаньте, братья!..» «Только встань и скажи смело свое слово, — обращалась прокламация к народу, — и угнетатели твои затрепещут перед тобой и униженно запросят пощады... И когда ты победишь, ты устрой так жизнь свою, чтобы она не давала разводиться угнетателям, и когда не будет ни угнетателей, ни угнетенных, тогда ты будешь счастлив вполне...»<sup>3</sup>.

Здесь от каждой фразы веет верой в могучую, несокрушимую силу масс. Долгушинцы, обращаясь к народу с прямым призывом к восстанию, тем самым выражали свою убежденность в его готовности к борьбе. Это роднит их с бакунизмом. Их прокламация требовала прежде всего «сговориться и согласиться, чтобы действовать дружно и согласно, а не брести врозь»<sup>4</sup>, и предлагала для достижения общего согласия такие меры: «Ежели одно общество согласилось, пускай оно пошлет от себя выборных в другое общество, чтобы согласить его действовать заодно; коли оно согласится, тогда послать выборных от двух обществ к третьему и так дальше — больше, из деревни в деревню, из села в село, из волости в волость, из уезда в уезд, из губернии в губернию»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> «Народническая экономическая литература», М., 1958, стр. 222.

<sup>2</sup> Там же, стр. 225.

<sup>3</sup> Там же, стр. 226.

<sup>4</sup> Там же, стр. 227.

<sup>5</sup> Там же, стр. 230.

Долгушинцы считали необходимым указать народу свои цели. «Надо ясно обозначить, чего мы хотим, — говорилось в прокламации, — чтобы всякий знал, в чем наше дело, и видел, что оно правое и не зря мы как-нибудь за него принимаемся»<sup>1</sup>.

В заключительной части прокламации выдвигалась программа кружка<sup>2</sup>: уничтожить оброки; всю землю крестьян, помещиков и казны переделить; уничтожить рекрутские наборы и старую армию, ввести всеобщую воинскую повинность с обучением на местах; открыть школы для народа; уничтожить паспортную систему; ввести строгий контроль за расходованием народных средств; устранить из правительства дворян и чиновников: «А хотим мы, — писали долгушинцы, — чтобы управлял сам народ через своих выборных».

Претворение в жизнь этой программы должно было, по мнению ее авторов, привести к созданию общества, где не будет ни угнетателей, ни угнетенных, не будет неученых, темных и бедных людей. «... А будем, — заключала прокламация, — все мы счастливы, будем жить, как подобает человеку, властелину земли».

Мечтая о социализме, долгушинцы в своей программе объективно выражали экономические и политические требования буржуазно-демократического преобразования страны. Основывая свои революционные требования на канонах обильно цитированного Евангелия, долгушинская прокламация рассчитывала не на классовое сознание крестьянства, а на его невежественное представление о вещах, внушенное ему реакционным учением церкви. Однако сами они не идеализировали ни церкви, ни ее служителей, а смело разоблачали и зачисляли их в лагерь грабителей народа. Веря, что народ созрел для революции, они не хотели ждать и, призывая его к восстанию, стремились показать ему существующие противоречия его жизни и веры. Это было результатом пренебрежения к теории и не замедлило сказаться на практике.

Программу долгушинцев, несмотря на выраженное в ней бунтарское настроение, тем не менее нельзя назвать бакунистской, так как она требовала создания государства — избранного народом правительства.

Идеи, изложенные в прокламации «К русскому народу», были дополнены или раскрыты в прокламации «К интеллигентным людям».

Интеллигенция, понявшая «крайнюю ненормальность современного порядка вещей», призывалась в ней, невзирая на жертвы, идти в народ, чтобы возбудить его к протесту во имя лучшего общественного устройства. Прокламация предупреждала

<sup>1</sup> «Народническая экономическая литература», М., 1958, стр. 227.

<sup>2</sup> См.: там же, стр. 227—230.

молодежь против либеральных увлечений, надежд на учреждаемые правительством после реформы земства: «...земство бесправно, оно — лживая форма, наполненная и постоянно исправляемая рукой деспота, которому никогда не понять, в чем собственно заключается народное благо»<sup>1</sup>. Ни устройство артелей и касс, ни благотворительность, ни борьба за «личную независимость» не изменят жизни. Выход один — идти в народ. «Нигде, нигде вы не будете так полезны, как в роли народного пропагандиста новой, лучшей жизни».

Прокламация заканчивалась призывом к борьбе:

Наш лозунг: равенство и братство,  
К оружию, вперед, друзья!  
И да погибнет враг народа,  
Царь и бояре и князья!

Задача интеллигенции — призвать народ к оружию. Этим и объясняется та лихорадочная поспешность, с которой долгушинцы собирались в народ. Не прошло и года со времени образования кружка в Петербурге, а они успели решить все теоретические вопросы, перебрались в Москву, быстро организовали типографию, отпечатали прокламации, попутно ведя почти с каждым встречным крестьянином, внушавшим им доверие, агитационную работу<sup>2</sup>. В конце августа — начале сентября 1873 г. они бросились в народный океан, полные веры в свою способность вызвать в нем бурю, могущую сокрушить корабль самодержавия в России. Первыми двинулись в народ Васильев, Папин и Плотников. Вот что говорил о своей пропагандистской деятельности Васильев: «Когда я вошел в последний раз на дачу к Долгушину, речь зашла о пропаганде в деревне. Приготовлялись идти все: Папин, Плотников, Долгушин и Дмоховский — и для этого покупали одежду. Мне дали около 30 штук каждой прокламации «Русскому народу» и «Как должно жить по законам правды и природы», и я пошел вперед всех по Петербургскому шоссе. Кому раздавать и куда идти, представлялось на волю каждого. Дойдя до заставы, я повернул на круг. . . ночевал в Рахмановой; был в Волоколамском уезде — в Шапкове, Петровском; в Рахманове был на фабрике, где и ночевал; раздавал прокламации везде: и путникам, которым нравились мои речи, и где ночевал, и рабочим, работавшим на дорогах; как мне было говорено, что Христос этим же занимался, так и я говорил это всем. . .»<sup>3</sup>.

Быстро раздав прокламации, Васильев хотел взять вторую партию, но тут начались аресты. Папин и Плотников были более осмотрительными в своих походах по деревням.

<sup>1</sup> «Народническая экономическая литература», М., 1958, стр. 231.

<sup>2</sup> См.: А. Кувиль, указ. соч., стр. 101, 102.

<sup>3</sup> Там же.

В рабочей среде, в частности на Реутовской фабрике, за распространение прокламаций взялся работавший там учителем Д. И. Гамов, присоединившийся к долгушинцам в период их московской деятельности.

Долгушин и Дмоховский, оставшись в Москве, снова принялись за устройство типографии, чтобы пополнять фонд раздаваемых прокламаций. Новую типографию решили устраивать в доме Гурина на 1-й Мещанской, но из-за начавшихся арестов не успели приступить к делу.

В этот заключительный момент, когда опасность ареста грозила каждую минуту, Дмоховский проявил огромную оперативность и выдержку. Первым делом, спасая Долгушина, он отвез его с семьей в Петербург, а затем с В. А. Тихоцким вывез по частям и спрятал шрифт в харьковских имениях Тихоцкого и его сестры.

Долгушинцы намеревались приостановить распространение прокламаций, выехать в Сибирь для организации побега Чернышевского<sup>1</sup>.

Полиция начала аресты еще 31 августа 1873 г., когда на Николаевском вокзале был задержан студент Технологического института В. И. Попов, который держал путь на Дон. У него были обнаружены прокламации долгушинцев. 14 сентября родственник Папина, обнаружив у него клеенчатую сумку с подозрительной литературой, донес об этом жандармам. Опись найденных у Папина книг свидетельствует, что долгушинцы не ограничивались распространением только своих прокламаций. При обыске у Папина было найдено: 1) брошюр «К русскому народу» и «Как должно жить по законам природы и правды» по 28 экземпляров каждой; 2) 11 экземпляров прокламаций «К интеллигентным людям»; 3) 2 экземпляра литографированных произведений аббата Ламенэ «Слова верующего к народу»; 4) 1 экземпляр книги Флеровского «Азбука социальных наук»; 5) 1 экземпляр Евангелия в русском переводе «с отметками на нем в разных местах стихов, в которых говорится о христианской свободе, равенстве и братстве»; 6) стихи революционного характера, написанные карандашом на двух листах; 7) карты Московской губернии; 8) переписанный от руки «Манифест коммунистической партии» и 9) шестиствольный карманный револьвер с четырьмя зарядными пулями<sup>2</sup>. Примерно то же самое потом нашли и у Плотникова. Какая бездна разделяет «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса от Евангелия, но тем не менее они легко совмещались не только в сумке народника, но и в его сознании! Как же далек был этот герой от на-

<sup>1</sup> См.: А. Кункль, указ. соч., стр. 119—120.

<sup>2</sup> См.: там же, стр. 140.

учного понимания жизни! Как он был младенчески наивен, если считал Маркса и Христа одинаково способными возбудить народ к борьбе!

Суд над долгушинцами проходил с 9 по 15 июля 1874 г. Приговор был жесток: лишая всех прав, Долгушина и Дмоховского осуждали на 10 лет каторги каждого, Гамова — на 8, Папина и Плотникова — на 5 лет каждого, несовершеннолетнего Васильева — на 2 года 8 месяцев (но царь «смягчил» ему приговор до 2 лет тюрьмы без лишения прав). Кроме того, одиннадцать человек, связанных с долгушинцами, были приговорены к заключению на срок от нескольких дней до нескольких недель; некоторых, в том числе Флеровского, Тихоцкого, братьев Курдаевых, за неимением улик, освободили еще во время предварительного следствия. Однако позже Флеровского отправили в административную ссылку в г. Мезень, Архангельской губернии.

Приговор был приведен в исполнение только через девять месяцев, в мае 1875 г. Предварительно над главными осужденными был совершен гнусный обряд так называемой «гражданской казни». 5 мая к позорному столбу были поставлены Долгушин, Дмоховский и Гамов, а 6 мая — Папин и Плотников. Шеф жандармов доносил, что 5 мая все сошло «тихо и спокойно», но надругательство над Папиным и Плотниковым вызвало возмущение молодежи, пришедшей на «казнь». Приговор осужденные выслушали молча, но, писал шеф жандармов, «оба отказались целовать крест». Когда же, продолжал он, были поставлены к позорному столбу, то Плотников начал кричать: «Долой царя, долой бояр, князей, долой аристократов, мы все равны, да здравствует свобода!» — и все время пока находился у столба, не переставал кричать то же самое; приказано было бить барабанам, которые мало заглушали его голос. Присутствовавший простой народ с пренебрежением и негодованием относился к словам осужденного, но не то было заметно между молодежью — студентами и женщинами. Эти, стоя в одной кучке, заметно сочувствовали Плотникову, выражая одобрение громко в словах вроде: «молодец», «браво», «не то еще будет» и т. п. По окончании же исполнения приговора, когда осужденные препровождались в тюремной карете и Плотников продолжал кричать через решетку окна, то толпа этой молодежи хлынула за каретой с выражением полнейшего сочувствия; мало того: между ними были слышны возгласы: «Скажи, куда — мы все пойдем»; тогда исполнявший приговор товарищ обер-прокурора Стодольский предложил полиции арестовать этих лиц, что и было исполнено: задержано 13 человек<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> А. Кункль, указ. соч., стр. 185.

Так, провожаемые горячим сочувствием молодежи, долгошницы сошли с исторической сцены. Все они, кроме Папина, погибли в царских застенках.

Долгушницы были первыми народниками, пошедшими в народ с намерением поднять его на восстание. Вместе с тем они первые показали и беспомощность горстки революционеров осуществить эту совершенно несоизмеримую с их силами задачу.

### «Хождение в народ»

«Хождение в народ», по определению В. И. Ленина, было расцветом «действенного народничества»<sup>1</sup>.

С. М. Кравчинский так описывал энтузиазм, охвативший молодежь с осени 1873 г. «Ничего подобного не было ни раньше, ни после. Казалось, тут действовало скорей какое-то откровение, чем пропаганда... Точно какой-то могучий клик, исходивший неизвестно откуда, пронесся по стране, призывая всех, в ком была живая душа, на великое дело спасения родины и человечества. И все, в ком была живая душа, отзывались и шли на этот клик, исполненные тоски и негодования на свою прошлую жизнь, и, оставляя родной кров, богатство, почести, семью, отдавались движению с тем восторженным энтузиазмом, с той горячей верой, которая не знает препятствий, не меряет жертв и для которой страдания и гибель являются самым жгучим, непреодолимым стимулом к деятельности...»

Движение это едва ли можно назвать политическим. Оно было скорее каким-то крестовым походом, отличаясь вполне заразительным и всепоглощающим характером религиозных движений. Люди стремились не только к достижению определенных практических целей, но вместе с тем к удовлетворению глубокой потребности личного нравственного очищения»<sup>2</sup>. Кравчинскому, который одним из первых еще до всеобщего подъема сам ушел в народ и пережил все перипетии этого «хождения», удалось метко схватить его суть.

Откуда исходил «клик», всколыхнувший и поднявший молодежь с насиженных мест и увлекший ее в деревню? Начавшееся движение было стихийным, поскольку ни одна из тогдашних организаций не распространяла своего влияния на все другие и поэтому не могла дать сигнала к выступлению всем. Но если учесть, что оно тем не менее началось почти повсеместно и одновременно, то корни его надо искать не в планах рево-

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 304.

<sup>2</sup> С. Степняк-Кравчинский, Подпольная Россия, Сочинения в двух томах, том первый, М., 1958, стр. 380—381.

люционных организаций, а в социально-экономических условиях жизни.

Реформа 1861 г. сохранила значительные остатки крепостничества, а последовавшие за ней буржуазные реформы 60—70-х годов не уничтожили их. Более того, царское правительство, вынужденное под давлением народных масс и развивавшегося в стране капитализма идти на уступки, всегда оставалось верным своей реакционной политике и пользовалось каждым случаем для того, чтобы почти сразу же совершить шаг назад. Ф. Энгельс указывал, что русский деспотизм «в лице нынешнего своего носителя сам запутался: сегодня он делает уступки либерализму, чтобы завтра с перепугу взять их обратно, и таким образом сам все более и более подрывает всякое к себе доверие»<sup>1</sup>.

К концу периода буржуазных реформ царизм успел уже многое взять обратно из своих уступок либерализму и не только до предела ожесточил революционную молодежь, но и оттолкнул от себя многих из либералов, сначала искренне веривших в его «преобразовательную» деятельность. В этой-то обстановке революционная молодежь, даже та ее часть, которая придерживалась более осторожной тактики действия (общество пропагандистов), бросилась к крестьянству, оставленному царизмом «нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве»<sup>2</sup>. Таким образом, тот «клик», который, по словам Кравчинского, неведь откуда раздался и увлек молодежь в деревню, был брошен ей самой жизнью.

Молодежь была охвачена энтузиазмом. Рисую образ народника тех лет, Кравчинский писал: «Пропагандисты ничего не хотели для себя. Они были чистейшим олицетворением самоотверженности. Но это были люди слишком неподходящие для предстоящей страшной борьбы. Тип пропагандиста семидесятых годов принадлежал к тем, которые выдвигаются скорее религиозными, чем революционными движениями. Социализм был его верой, народ — его божеством. Невзирая на всю оче-



Сергей Михайлович Кравчинский

<sup>1</sup> «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», М., 1951, стр. 206.

<sup>2</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 173.



видность противного, он твердо верил, что не сегодня-завтра произойдет революция»<sup>1</sup>.

С осени 1873 г. революционная молодежь все более проникается бакунинскими убеждениями, а с 1874 г. бакунизм почти до конца десятилетия становится господствующим теоретическим направлением революционного народничества. Под его лозунгами, с верой в близкую революцию молодежь ринулась в «народ». Программы ей вырабатывать было некогда, да и незачем: иди, разрушая старый мир, а новый сам вырастет на его развалинах, учил Бакунин. Озадачивали только вопросы: как подойти к народу, когда он в каждом интеллигенте видит барина, своего врага? Как уберечься от властей, которым сразу могло показаться подозрительным появление интеллигентов в среде крестьянства? Но ответ на них оказался простым. «Прежде всего, — вспоминал Н. А. Морозов, — считали нужным научиться какому-нибудь бродячему ремеслу для того, чтобы иметь предлог путешествовать по деревням и останавливаться в каждой сколько нужно»<sup>2</sup>.

Весной 1874 г. сходки прекратились. Революционная интеллигенция сочла все вопросы решенными и лихорадочно стала готовиться в поход. «Одни, — писал Аптекман, — отправляются на заводы, фабрики, где с помощью спротагандированных рабочих устраиваются и приступают к работе. . . Другие — таких было, если не ошибаюсь, большинство — бросаются на изучение ремесел — сапожного, столярного, слесарного и пр. Во многих частях Петербурга — на Выборгской, Петербургской сторонах, в Измайловском полку, на Васильевском острове и пр. — открываются такие мастерские. . . Мастерские были одновременно и «коммунами». . . Скучная мебель. Спартанские постели. Запах кожи, вара бьет в нос. Это сапожная мастерская. Трое молодых студентов сосредоточенно работают. Один особенно занят прилаживанием двойной толстой подметки к ботфортам. Под подошву надо спрятать паспорт и деньги — на всякий случай. У окна, согнувшись, вся ушла в работу молодая девушка. Она шьет сорочки, шаровары, кисеты для своих товарищей, собирающихся на днях идти в народ. . . Лица — молодые, серьезные, бодрые и ясные. Говорят мало, потому что некогда. . . То же самое и при встречах на улицах. Лаконические вопросы: «Куда направляетесь? Куда едете? . . .» Крепкие рукопожатия и всяческие благие пожелания. В путь-дорогу! . . .»<sup>3</sup>.

Революционеры-народники, оставляя семью, университеты, гимназии, рядились в народную одежду, наскоро приобретали навыки в ремесле и затем расходились по стране. Одни шли на

<sup>1</sup> С. Степняк-Кравчинский, указ. соч., стр. 383.

<sup>2</sup> Н. А. Морозов, Повести моей жизни, т. I, М., 1961, стр. 76.

<sup>3</sup> О. В. Аптекман, Из истории революционного народничества, стр. 53.

родину, другие — к знакомым, третьи просто намечали маршрут по наиболее подходящим с их точки зрения местам для пропаганды. Очень многих влекло к себе Поволжье. Они рассчитывали найти здесь наибольшую готовность крестьянства к бунту. Потоки революционеров, шедших с запада на восток, с юга и севера, перекрещивались в Москве как центре, где можно было обменяться мнениями, заручиться связями и откуда ближе была сама деревня. Вот как описывал Н. А. Морозов начавшееся па­ломничество в деревню:

«В начале апреля, как первые перелетные птицы приближающейся весны, в квартиру Алексеевой начали прибывать один за другим временные гости...

В продолжение двух или трех недель с каждым поездом из Петербурга приезжало по нескольку лиц, и на вопрос: «Куда вы съедете?», получался всегда один и тот же ответ: «В народ! Пора!»

Нигде не чувствовалось сильнее, чем в этом пункте, вся сила начинающегося движения»<sup>1</sup>.

Чаще всего в деревнях появлялись одиночки или пары пропагандистов, которые, выдавая себя за сапожников, слесарей, кузнецов и т. п., на свой страх и риск путешествовали по избранной округе, стремясь вести пропаганду среди крестьян. Может быть, случай, рассказанный Кравчинским Кропоткину, был наиболее курьезным в практике его пропаганды, тем не менее он представляет собой яркий пример столкновения революционера с действительностью. «Раз идем мы с товарищем (Д. М. Рогачевым. — В. А.) по дороге, — передавал Кропоткин рассказ Кравчинского, — нагоняет нас мужик на дровнях. Я стал толковать ему, что податей платить не следует, что чиновники грабят народ и что по писанию выходит, что надо бунтовать. Мужик стегнул коня, но и мы прибавили шагу. Он погнался лошадей трусцой, но и мы побежали вслед и все время продолжали ему втолковывать насчет податей и бунта. Наконец, мужик пустил коня вскачь, но лошаденка была дрянная, так что мы не отставали от саней и пропагандировали крестьянина, локуда совсем перехватило дыхание»<sup>2</sup>.

О реакции крестьян на разговоры о социализме интересно рассказывал и О. В. Аптекман. Однажды к хозяину, у которого О. В. Аптекман со студентом Кулажко учился столярному делу, приехал гость. Выпили. Разговорились. Юноши стали толковать о социализме. Приезжий поинтересовался жизнью других народов. Тут Аптекман стал говорить, как в Англии и Германии лорды и юнкеры дочиста забрали землю у крестьян.

<sup>1</sup> Н. А. Морозов, указ. соч., т. I, стр. 76—77.

<sup>2</sup> П. А. Кропоткин, Зански революционера, М.—Л., 1933, стр. 196.

— Ах ты, господи! Дела-то какие! Как с народом поступили! Окончательно оголили! Ах-ти! . . . — сетовал приезжий.

— Все это — дело панов. Всю землю себе забрали. Сила их была. Всеми делами они там правят, — подготавливал пропагандист переход к разговору на отечественную тему. — И у нас то же было бы. Да царь не допустил. Насчет земли и у нас-то мало. Курицу некуда выгнать.

— Да царь даст. Непременно. Никак нельзя без земли. Кому же подати платить-то? Кто казну наполнит? А без казны как державу вести? Земля отойдет к нам! Не-пре-е-менно! Вот увидите!<sup>1</sup>

Как ни успокаивал его товарищ, говоря, что с такими фактами надо считаться, Аптекман был обескуражен исходом беседы. Студент, ушедший в «народ» с последнего курса Медико-хирургической академии, Аптекман впоследствии работал в Псковской, а затем Пензенской губернии. Здесь он вел пропаганду с больными и приезжающими крестьянами. Однажды, рассказывая им о райском житье при социализме, когда каждый мужик будет вдоволь иметь земли, он опять услышал крайне разочаровавшее его восклицание: «Вот будет хорошо, как землю-то поделим! Тогда я принайму двух работников да как заживу-то! . . .»<sup>2</sup>. В своей практике пропаганды революционеры-одиночки встретились с самой различной реакцией крестьянства на их призыв к неповиновению властям или проповедь идей социализма.

В период «хождения в народ» выдвинулось много талантливых натур, которые при других исторических условиях могли бы быть деятелями крупного масштаба. Пожалуй, наиболее яркой и выдающейся фигурой среди пропагандистов-одиночек был Дмитрий Рогачев. Спутник Кравчинского по первому походу, он продержался дольше всех из ходивших «в народ». Он прошел все тернии бродячей жизни и явил собой образец подвижника-народника той поры. Человек большой физической силы, неукротимой энергии, железной воли, он с одинаковым усердием и терпением пилил дрова, толковал мужикам смысл всегда имевшихся в его походном багаже агитационных брошюр, создавал молодежные кружки, тянул бурлацкую лямку<sup>3</sup>.

Кроме «походной», народники уже в это время прибегали к «оседлой» практике пропаганды. Действуя группами, селившимся в каком-либо одном месте, пропагандисты оказывали влияние на более широкую «аудиторию», хотя конечные результаты были одни и те же. Московское отделение общества

<sup>1</sup> См.: О. В. Аптекман, Мои первые шаги на пути пропаганды, М., 1926, стр. 16—17.

<sup>2</sup> Там же, стр. 55.

<sup>3</sup> См.: Б. Итенберг, Дмитрий Рогачев, народник-революционер, М., 1960.

пропагандистов начало попытки работы в народе еще в 1873 г. Имение А. И. Иванчина-Писарева в деревне Потапово Даниловского уезда Ярославской губернии стало центром его деятельности. Н. А. Морозов, приехавший сюда с Саблиным в разгар «хажения в народ» в 1874 г., рассказал, что здесь велось «самое крупное и самое успешное из всех бывших когда-либо предприятий революционной пропаганды среди крестьян. Ничего подобного не было ни до, ни после него во все время движения семидесятых годов»<sup>1</sup>.

Что же представляло собой это предприятие?

Помощниками Иванчина-Писарева, талантливого организатора-пропагандиста, были земский врач Добровольский и акушерка Потоцкая. Они работали в большом селе Вятском, расположенном в пяти верстах от Потапова. Затем в пропаганду включились Морозов, Саблин и приехавший вслед за ними Клеменц. В своем имении Писарев устроил столярную мастерскую, где работало с десятков юношей крестьян. По словам Н. А. Морозова, они жили по разным деревням «и служили как бы опорными пунктами для проведения в народ новых общественных политических идей».

«Для одного из них, — писал Н. А. Морозов, — Писарев хлопотал у начальства разрешение быть книгоношей, т. е. ходячим продавцом по деревням народных изданий. Вверху его короба лежали различные божественные книжки, а внизу — революционные воззвания к народу и брошюры, издаваемые для народа же за границей. Там были все запрещенные книжки, разносившиеся пропагандистами в это лето и в других местах России. . .

Все эти книги распространялись книгоношей в значительном числе и по всему уезду. Остальные избранные из крестьян проповедовали по своим деревням и старались сделаться центрами отдельных кружков деревенской молодежи»<sup>2</sup>.

Не ограничиваясь пропагандой в сравнительно узком кругу слушателей, Писарев стремился оказывать влияние на население окрестных сел. Он так поставил дело, что имение стало местом массового сбора молодежи во время воскресных и праздничных дней. Дело здесь не ограничивалось одними развлечениями. «Переделки. . . народных песен, где осмеивались власти и самодержавные порядки, и весь остальной запрещенный вокально-музыкальный репертуар, — писал Н. А. Морозов, — были здесь пушены в полный ход.

С особенным воодушевлением пела толпа известный революционный вариант приволжской бурлацкой «Дуби-пушки». Среди общего смеха и гула так и гремели ее куплеты:

<sup>1</sup> Н. А. Морозов, указ. соч., т. I, стр. 85.

<sup>2</sup> Там же, стр. 90, 91.

Ой, ребята, плохо дело!  
Наша барка на мель села.  
Царь наш белый кормщик пьяный!  
Он завел нас на мель прямо.  
Чтобы барка шла ходчее,  
Надо кормшика в три шен.

И каждый куплет стоголосая толпа сопровождала обычным припевом:

Ой, дубинушка, ухнем,  
Ой, зеленая, сама пойдет, подернем, подернем, да ухнем!

Такие заразительные антиправительственные песни особенно соответствовали народному вкусу и вызывали в крестьянской публике неудержимый смех. Они тотчас заучивались и разносились присутствовавшими далее по деревням... Только неожиданностью для провинциальных властей движения в народ и объяснялось то обстоятельство, что на все это в продолжение почти двух лет не обращали никакого внимания»<sup>1</sup>.

Действительно, народники могли гордиться этой хорошо продуманной и находившей отзвук в народной среде деятельностью. Иванчин-Писарев был глубоко убежден, что года через четыре русский народ непременно произведет революцию. Жизнь, однако, была неумолима к радужным мечтам народников и жестоко разрушала их. Тем же летом последовал донос, и старательно прикрытый от властей авторитетом помещика очаг пропаганды был разгромлен.

Ушедшие «в народ», находясь в основном под влиянием бунтарских идей Бакунина, были бессильны в одиночку поднять крестьян на борьбу и оказывались вынужденными на практике заниматься той самой пропагандой, которую отвергали в теории. Но отдельные попытки поднять бунт все же предпринимались.

В частности, такую задачу ставила перед собой киевская группа Стефановича и Дебогория-Мокриевича, связанных с «Киевской коммуной». Дебогорий-Мокриевич пристроился сначала к артели плотников, возглавляемой мастерами Гаврилой и Анисимом. Эти рабочие заходили послушать чтение революционных брошюр в «Киевскую коммуну», своеобразную революционную организацию, не связанную какой-либо регламентацией. Ведя в артели пропаганду, Мокриевич вскоре убедился, что рабочие, измученные трудом, плохо слушали его. Руководители артели ничего не делали, а только пьянствовали. Хмельной Гаврила обычно кричал: «Я — Стенька Разин!» Удрученный таким результатом, Мокриевич отстал от артели. После многих мытарств весной 1874 г., когда «коммуна» решила организовать

<sup>1</sup> Н. А. Морозов, указ. соч., т. 1, стр. 91.

поход «в народ», Мокриевич, Стефанович и три их спутника, все переодетые в поношенные народные костюмы, двинулись в путь. Считая себя анархистами, они не занимались пропагандой, но внимательно расспрашивали крестьян о местах, где в прошлом происходили наиболее значительные волнения. Там, по их мнению, должен еще остаться «революционный» дух. В этих местах они надеялись вызвать новый бунт и распространить его на всю Россию. Узнав о Корсунском восстании, происшедшем во время Крымской войны и окончившемся расстрелом крестьян войсками, они решили, что именно там глеет очаг нового восстания. Для начала столь грандиозного предприятия нужны были средства, и Мокриевич отправился за ними в «коммуну». Но денег не оказалось. В ожидании средств Мокриевич пережил много приключений, пытаясь то переправлять бакунистскую литературу через границу, то организовать стачку путейских рабочих. Когда власти устроили погром в «коммуне», ему удалось уйти от погони и скрыться за границу.

После возвращения из-за границы Мокриевич совместно со Стефановичем в начале 1875 г. создал в Одессе кружок, который ставил своей целью организовать «народные массы во имя передела земли». Новая организация намеревалась расселить своих членов по деревням, с тем чтобы, пользуясь слухами, разжечь недовольство крестьян, разом поднять их на бунт, опять рассчитывая из этого очага раздуть пламя всероссийского народного восстания<sup>1</sup>.

Дальнейшее развитие событий в связи с деятельностью кружка привело в 1878 г. к неудачной попытке поднять крестьян на восстание. Этот факт сыграл важную роль в идейной жизни революционеров того времени. Подробно речь о нем пойдет ниже.

Одушевление общей идеей служения интересам народа подсказывало разбредшимся по стране революционерам необходимость внести элемент организованности в стихийное движение. Нужно заметить, что народники, отправляясь в поход, считали его первым, разведывательным. На собраниях в Петербурге было условлено координировать из центра деятельность ушедших, помогать им средствами и собирать от них информацию. На практике же осуществить такое руководство из далекого центра оказалось невозможным, между тем потребность в нем на местах остро ощущалась.

Однако в период «хождения в народ» была сделана попытка объединить стихийное движение. Инициатива ее принадлежала двум выдающимся деятелям революционного народничества — П. И. Войнаральскому и И. Н. Мышкину.

<sup>1</sup> См.: Историческая библиотека, вып. 16, Дебогорий-Мокриевич, Спб., 1907, стр. 979—985.



Порфирий Иванович Войнаральский

П. И. Войнаральский отдал все свое состояние делу революции и сам активно участвовал в борьбе. Действуя в Поволжье, он задался целью создать по выработанной им системе опорные пункты, которые стали бы для революционеров связующими центрами и позволили бы создавать областные организации крестьян. С присущей его широкой натуре энергией Войнаральский приступил к делу. На свои средства он организовал в Саратове сапожную мастерскую, она должна была стать центральным пунктом Поволжья. Для руководства ею он выписал из Москвы ранее приехавшего туда из Петербурга мастера-сапожника Пельконена. Войнаральскому удалось создать ряд местных пунктов в городах и селах. Они

устраивались на постоянных дворах или на частных квартирах.

Москва, в свою очередь, должна была стать литературно-пропагандистским центром. Главную роль здесь играл И. Н. Мышкин — один из отмеченных В. И. Лениным корифеев революционной пропаганды. Его идея наладить издание и распространение нелегальной пропагандистской литературы смыкалась с замыслом П. И. Войнаральского о создании опорных революционных «пунктов» в стране.

Преследуя демократически-просветительские цели, Мышкин еще в 1873 г. приобрел на свои средства типографию, но скоро убедился в невозможности ее легального использования в интересах народа. Первая из задуманных им к изданию книжек, содержавшая подборку газетных статей «Об отношении господ к прислуге и о мировом институте», должна была дать читателю изложение различных (либеральных и официозных) точек зрения на получивший тогда общественный отзвук процесс против хозяйки, грубо выгнавшей из дома свою горничную. Издание, расцененное цензурой как «возбуждение прислуги против нанимателей и пропаганда враждебности низших классов к высшим»<sup>1</sup>, было конфисковано и сожжено в апреле 1874 г.

Грубые, нелепые действия властей достигали как раз обратных целей. В отважной душе Мышкина они только разжигали чувство гнева и протеста. Боец, не знавший страха, он делает

<sup>1</sup> Цит. по: В. С. Антонов, И. Мышкин — один из блестящей плеяды революционеров 70-х гг., М., 1959, стр. 29.

решительный шаг и становится в ряды революционеров. Договорившись с Войнаральским, которого он хорошо знал по совместному участию в собраниях московского кружка, и получив от него материальную помощь, Мышкин превращает свою типографию в центр нелегальной революционной печати в России. Замысел Войнаральского—Мышкина вывести разрозненное движение «в народ» из его стихийного и хаотического состояния, казалось, стал приобретать реальное очертание. Группа девушек, прибывшая годом раньше из Архангельска в Москву для получения образования, студенты Московского университета и Петровской академии под руководством Мышкина самоотверженно принялись за тяжелый и опасный труд в типографии. Скоро были отпечатаны и разосланы в Саратов, Самару, Рязань, Пензу, Петербург «История одного из многострадальных» (переложение романа французского писателя Эркмана-Шатриана), прокламация «Чтой-то, братцы, как тяжело живетя нашему брату на русской земле», «Сказка о четырех братьях и их приключениях», «Сборник новых песен и стихов». Набирались в типографии один из номеров журнала «Вперед!» и второй том сочинений Лассаля. «Кроме того... было отпечатано большое количество бланков и паспортов для снабжения ими революционеров»<sup>1</sup>. В Саратов тюками поступали из Москвы несброшюрованные листы прокламаций. В мастерской Пельконена их брошюровали и распространяли по всему Поволжью. Из московской типографии на помощь Пельконену были командированы сестры Е. и Ю. Прушакевич, студент Селиванов.

В самый разгар развертывания широко задуманного дела грянула беда. Полиции показалась странной замкнутая жизнь сапожной мастерской, которая не принимала заказов от населения. 31 мая 1874 г. в мастерской был произведен обыск и обнаружено большое количество нелегальной революционной литературы. Разгром саратовского центрального «пункта», так или иначе уже имевшего связи в широкой революционной среде, повлек за собой аресты в Москве и других городах. Мышкин был предупрежден об арестах и принял меры по спасению типографии. Он сумел пробраться в Саратов, где хотел лично убедиться, как велика постигшая их катастрофа, а в это время полиции было дано указание разыскать его самого. Предупрежденный друзьями, но пренебрегая опасностью, он возвратился в Москву, куда вскоре приехал и Войнаральский. Итог, подведенный друзьями, был печален: всюду погромы и аресты. Было решено, что на время Мышкину следует скрыться за границу.

В июле были арестованы Войнаральский, Ковалик и другие. Всего в течение 1874 г. в 37 губерниях России было арестовано около тысячи человек.

<sup>1</sup> См.: В. С. Антонов, указ. соч., стр. 32.



Движение «в народ», по инерции еще продолжавшееся некоторое время, было уже представлено единицами. В основе же своей оно не только было разгромлено, но и потерпело идейный крах.

В. И. Ленин вскрыл классовые корни краха «хождения в народ». «Вера в коммунистические инстинкты мужика, естественно, требовала от социалистов, чтобы они отодвинули политику и «шли в народ», — писал он. — За осуществление этой программы взялась масса энергичнейших и талантливых работников, которым на практике пришлось убедиться в наивности представления о коммунистических инстинктах мужика»<sup>1</sup>. Их вера в возможность поднять крестьян на революцию «исходила из ошибочного представления, будто именно «крестьянство» является представителем трудящегося и эксплуатируемого населения, тогда как на самом деле крестьянство не представляет из себя особого класса... так как внутри его самого складываются классы буржуазии и пролетариата...»<sup>2</sup>.

Потерпев неудачу, «хождение в народ» тем не менее оставило на пути революционных поисков глубокий след. Оно замечательно тем, что впервые вывело революционеров из узкой сферы деятельности в замкнутых кружках на широкую арену жизни и поставило лицом к лицу с народом. Обращение с революционной проповедью к самому крестьянству — факт громадного исторического значения. До сих пор, начиная с Радищева, лучшие умы России, не исключая и Чернышевского с Герценом, посвящали весь свой гений беспощадной критике самодержавия и крепостничества, разработке теории борьбы за освобождение народа от эксплуатации и гнета, но никто из них в отдельности и ни одна из организованных революционных групп никогда в таких широких масштабах не сталкивались с самим народом, как революционеры периода «хождения в народ». Ничего подобного не было и в последующее время идейного господства народничества в освободительном движении России. Вот почему В. И. Ленин назвал период «хождения в народ» расцветом «действенного народничества».

Результаты «хождения в народ» для самих революционеров были значительны. Прежде всего народ, в коммунистическое настроение которого они слепо верили, перестал казаться им «загадочным сфинксом». В массе своей революционеры расстались с призрачной надеждой на легкую возможность революционного преобразования страны с помощью скорого и легкого бунта.

---

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 286.

<sup>2</sup> Там же, стр. 289.

Это не означало полного разочарования в народе. «Непродолжительный период нахождения нашего в народе, — говорил на суде выдающийся революционер А. И. Желябов, — показал всю книжность, все доктринерство наших стремлений, а с другой стороны убедил, что в народном сознании есть много такого, чего следует держаться, на чем до поры до времени следует остановиться»<sup>1</sup>. В своей основе мировоззрение революционеров осталось прежним. Менялась лишь тактика борьбы за осуществление народнических идеалов. Революционеры убедились, что к народу нельзя идти без серьезной подготовки и взброд.

Приобретенный в период «хождения в народ» опыт не пропал даром.

### **Всероссийская социально-революционная организация («Москвичи»)**

Разгром массового «хождения в народ» не запугал революционеров. Уцелевшие от арестов находили друг друга и вновь приступали к созданию кружков и организаций. Некоторое время кружки действовали разрозненно, но теперь уже, опираясь на опыт предшественников, неизбежно стремились к установлению между собой связи и к объединению. На этом новом этапе борьбы, характерными особенностями которого были упрочение среди революционной интеллигенции бунтарски-анархических идей Бакунина и стремление сплотить революционные силы, наиболее крупная организация сложилась в Москве, в связи с чем она и осталась известной в литературе под именем «москвичей».

А. О. Лукашевич в своей статье «В народ!» рассказывал, что, вернувшись осенью 1874 г. из странствий по Нижегородской губернии в Москву, он встретил там Грачевского с его приятелем Василием, петербургским рабочим, и И. О. Союзова. «Мы, — писал Лукашевич, — стали часто собираться все четверо и много толковали о более систематической деятельности среди рабочего народа, как в деревне, так и в городе, и о необходимости новой организации, которая заменила бы старые разгромленные кружки»<sup>2</sup>. Первоначальное ядро зародившейся организации стало быстро увеличиваться. К «москвичам» присоединились приехавший из Петербурга рабочий-ткач Петр Алексеев и группа студентов-«кавказцев», возвратившихся из Цюриха.

<sup>1</sup> Н. П. Агешев, Андрей Иванович Желябов. Материалы для биографии и характеристики, Пг., 1919, стр. 111.

<sup>2</sup> А. О. Лукашевич, В народ!, «Былое», 1907, № 3, стр. 36.



Софья Илларионовна Бардина

История кружка кавказцев» вкратце такова. В 1874 г. в Цюрихе проходил конгресс учащейся молодежи Кавказа, обсуждавший вопрос о создании «Кавказской федеративной республики». Против принятого большинством сепаратистского решения выступило шесть человек — Джабадари, Догмат, Цицианов, Челокаев, Элизов и Чикоидзе. И. С. Джабадари, объясняя впоследствии мотивы выступления против решения конгресса, писал, что им были чужды националистические предрассудки. Только в дружбе народов России и их совместной борьбе они видели залог торжества «лучшего социального строя — этой конечной цели человечества». Руководствуясь такой благородной целью,

почти вся группа меньшинства конгресса бросилась «со всем пылом молодости работать на пользу общерусского революционного движения, не забывая и Кавказа»<sup>1</sup>.

На этой почве «кавказцы» сошлись с группой обучавшихся в Цюрихе русских студенток, объединявшихся в кружок, известный под названием «фричей». В его состав входили сестры В. Н. и Л. Н. Фигнер, сестры О. С. и В. С. Любатович, С. И. Бардина, Б. А. Каминская, В. И. Александрова, сестры Е. Д., М. Д. и Н. Д. Субботины, В. А. Шатилова и другие. Русские девушки, не имея возможности получить образование на родине, уезжали за границу и поступали в высшие учебные заведения Швейцарии, Германии, Франции. Тяга к образованию, как правило, сочеталась у них с высокими общественными побуждениями.

Группа цюрихских студенток стремилась не только получить специальное образование, но и подготовить себя к общественной деятельности. По словам В. Н. Фигнер, они решили «научиться логически мыслить» и составили для этого чисто женский кружок. «И мы, — писала В. Н. Фигнер, — упражнялись, уверяю, добросовестно: читали рефераты о самоубийстве и о Стеньке Разине, о Кабэ и Сен-Симоне, спорили до хрипоты о теории ренты Рикардо, о законе народонаселения Мальтуса и распустили ферейн (т. е. союз. — В. А.) только дойдя до вопроса о том, должно ли при социальном переустройстве разрушить цивилизацию или можно отнестись к ней снисходительно и со-

<sup>1</sup> См.: И. С. Джабадари, Процесс пятидесяти (Всероссийская социально-революционная организация), «Былое», 1907, № 9, стр. 178—179.

хранить ее для обновленного человечества. Этот вопрос так глубоко затронул страсти, что мы точно белены объелись... спорили-спорили, никак не могли перекричать друг друга; разделились на партии, объявили, что примирение невозможно... и после этого уже не собирались вместе. Я тогда была умеренной, стояла за цивилизацию, находя довольно жестким заставлять человечество вновь завоевывать то, что оно приобрело с такими жертвами, но другим казалось, что в ней-то и кроется корень социальных бедствий»<sup>1</sup>.

Конечно, членов цюрихского женского «ферейна» волновали и концепции Лаврова и Бакунина, причем последняя, очевидно, более импонировала пылким молодым натурам, так как, вернувшись на родину, они встали под ее знамя.

Возвращению в Россию членов цюрихского кружка способствовало само царское правительство. В «Правительственном вестнике» в 1873 г. было опубликовано официальное «сообщение», в котором власти стремились изобразить полонничество русских женщин за границу как следствие «легкомысленной пропаганды», «ложного понимания назначения женщины в семье и обществе, увлечения модными идеями». Русское правительство заявило, что оно решило «положить конец этому ненормальному движению», и предложило русским женщинам к 1 января 1874 г. прекратить посещение цюрихского университета и политехникума. Заслушание им грозили не допускать в России «ни к каким занятиям». Возмущению студенток не было предела. В этот момент, охваченные общим порывом к борьбе, они встретились в Цюрихе с «кавказцами». Вскоре им пришлось разъехаться, но затем они собрались в Москве. Первыми приехали «кавказцы» и сразу же вступили в связь с группой Лукашевича—Грачевского. «Мы все, как оказалось, — писал А. О. Лукашевич, имея в виду и новых лиц, присехавших из-за границы, — держались более или менее однородной программы деятельности, и у нас начались собрания для выработки условий, на которых мы могли бы теснее соорганизоваться для совместной работы». На первых же собраниях было решено «приступить немедленно к систематической агитации и пропаганде среди московских фабричных рабочих, ставя на первый план упорчение и развитие той деловой организации, первую маленькую ячейку которой должны были составить мы сами». После ее укрепления, она должна разветвляться, образовать местные группы, федеративно связанные с центром<sup>2</sup>.

На том же этапе создания организации к ней присоединились приехавшие из-за границы Вера Любатович и Бети Камин-

<sup>1</sup> Цит. по: В. Богучарский, Активное народничество семидесятых годов, М., 1912, стр. 108.

<sup>2</sup> См.: А. О. Лукашевич, указ. соч., «Былое» 1907, № 3, стр. 37.

ская. Они, писал Лукашевич, приняли участие в выработке «проекта тех условий, на каких мы могли составить с ними вместе единую деловую организацию»<sup>1</sup>. Выработанный проект соглашения «пункт за пунктом» обсуждался на общем собрании.

По свидетельству Джабадари, возражение вызывали предложения подробнее отразить в документах детали будущего строя. Прибывшие из-за границы на первый план выдвигали задачу «разрушительной деятельности» и поэтому в первую очередь настаивали на выработке «способов организации революционной деятельности». Составленные, наконец, «статьи соглашения» носили компромиссный характер и в конечном счете приняли вид «писанного устава-программы» «Всероссийской социально-революционной организации», как решили именовать себя в дальнейшем ее учредители.

Новая организация следовала высоким нравственным принципам общества пропаганды: абсолютное равенство, полное доверие, откровенность и солидарность. В интересах революционной борьбы вступающий в организацию должен быть готов «порвать все личные связи». В члены общины (которые должны были быть ячейками организации) принимаются все искренне посвятившие себя революционной деятельности и прошедшие испытание «на деле». Член общины должен уметь хранить тайну, быть самоотверженным, действовать в качестве простого работника и исполнять одну из «главных функций революционной деятельности». В регламентации обязанностей членов общины особенно подчеркивалось, что никто из них «не может иметь личной собственности».

Для ведения текущих дел организации и снабжения ее всеми необходимыми средствами создавалось управление, члены которого освобождались от «работы». В административный орган члены организации не выбирались, а назначались по очереди как из среды интеллигенции, так и из рабочих. Состав управления (первоначально из трех человек) должен меняться через месяц.

Во время пропаганды идей организации каждому из ее членов предоставлялась «самостоятельность в способе революционной деятельности», но при этом каждый должен выступать только от своего имени. Пропагандисту рекомендовалось действовать путем разговоров, чтения книжек, «возбуждения», «просто-го сплачивания», создания кружков, а при них — касс, библиотек.

Пропаганде, однако, организация уделяла второстепенную роль. Она считала ее лишь средством «выявления взглядов на

---

<sup>1</sup> А. О. Лукашевич, указ. соч., «Былое», 1907, № 3, стр. 38.

революционное дело, привлечения в свою среду новых членов, образования новых общин». Ей противопоставлялась агитация, имеющая цель «возбудить личности или кружки прямо на активную революционную деятельность».

Формой активной революционной деятельности организация признавала бунт, который был целью «чистой агитации». При возникновении бунтов члены организации должны «направлять» их, воспитывать в социально-революционном духе выдвигающиеся при них личности. Одна община, помогая движению, возникшему в районе другой общины, может, если сочтет нужным, призвать «к движению в своем месте».

Организация намечала создание своей типографии и периодического печатного органа<sup>1</sup>.

Люди, пришедшие в новую организацию, были настроены решительно. Одни из них только что возвратились из похода «в народ». Умудренные житейским и пропагандистским опытом, они в то же время сохраняли неисчерпаемый и неудовлетворенный порыв к действию. Другие, в раздумьях и спорах искавшие путь к деятельности, были восхищены их примером и охвачены неменьшим энтузиазмом. И те и другие, подводя итоги прошедшему, стремились унаследовать из него все лучшие его качества. Выражая порыв и натиск революционной эпохи, они, несмотря на неудачи «хождения в народ», не отвернулись от народа, а, напротив, с еще большей решимостью принялись готовить его к всероссийскому бунту. Опыт подсказал им, что без создания сильной революционной организации и предварительной подготовки масс к борьбе нельзя решить революционные задачи времени.

На практике деятельность «москвичей» развернулась по двум направлениям: с одной стороны, они стремились выявить оставшиеся революционные силы, установить с ними связь и объединить их в единую всероссийскую революционную организацию; с другой, они сразу ринулись «в дело», начав словом и примером возбуждать народ.

Новая организация не успела превратиться во всероссийскую. Зародившись поздней осенью 1874 г., она уже с апреля 1875 г. стала нести потери, а к осени была разгромлена. Однако, нащупывая всюду связи с остатками ходивших «в народ», она сумела пустить корни в ряде городов страны. Следствием было установлено, «что Лидия Фигнер и Варвара Александрова играли главную роль в обществе пропагандистов в Иваново-Вознесенске, Ольга Любатович в Одессе и Туле, княгиня Цицианова в Киеве и Вера Любатович в Москве, как член админист-

<sup>1</sup> См.: М. Коваленский, Русская революция в судебных процессах и мемуарах. Книга первая. Процесс Нечаева, 50-ти и 193-х, М., 1923, стр. 116—119.

рации сообщества»<sup>1</sup>, что «все эти кружки связываются между собой в одно целое; они действуют в известном, определенном направлении, поддерживают между собой постоянные сношения, действуют по одному определенному плану, одними приемами и средствами»<sup>2</sup>.

Организация располагала сравнительно большими средствами. При арестах власти конфисковали до десяти тысяч рублей.

Нельзя, разумеется, преувеличивать степень организованности «москвичей». Скорее можно ставить им в заслугу саму постановку вопроса о важности для революционного дела создания организации. С самого начала постановив считать себя «работниками», они почти не медля принялись за пропаганду. Пропаганда поглощала все силы «москвичей», и они постоянно ощущали нехватку людей для укрепления и распространения организации вширь.

Как пропагандисты-агитаторы, «москвичи» проявляли примеры самоотверженности. Мечтая вызвать крестьянское движение, они, однако, начали свою работу в городе. Городского (фабричного) рабочего еще деятели общества пропаганды наметили своим посредником для пропаганды в деревне, но они звали фабричного рабочего в свои кружки. «Москвичи» же сами пошли к рабочему на фабрику, стали делить с ним все горести его убогого быта и изнурительного труда. Софья Бардина, по словам Кравчинского, «бойкая, энергичная, остроумная девушка, от которой так и брызгало жизнью и весельем», под именем Анны Зайцевой поступила на фабрику Лазарева. Ей удалось добиться большого успеха. «Успех ее дебюта, — писал Кравчинский, — был огромный: после первых же строк (она стала читать принесенную книжку. — В. А.) около нее собралась небольшая кучка слушателей. Через пять минут это была уже целая толпа, а через десять — ее окружали все работники от мала до велика, ловя каждое ее слово. . . На общее настроение своих товарищей, так сказать на общественное мнение фабрики, ей удалось оказать решительное влияние. Но ей хотелось упрочить эти результаты созданием более тесной тайной организации людей сознательных. . . по прошествии месяца Бардина. . . наметила небольшой кружок из людей, сильнее отзывавшихся на ее слова; с ними она была откровеннее, поручала им самим читать товарищам приносимые ею книги»<sup>3</sup>.

Успех придал ей энергию, она стала искать знакомства на других фабриках, но вскоре ей пришлось скрыться.

Энергично вела пропаганду и юная Бети Каминская. «Она пользовалась всевозможными предлогами, чтобы свести разго-

<sup>1</sup> «Государственные преступления в России в XIX веке», т. II, стр. 137.

<sup>2</sup> Там же, стр. 288.

<sup>3</sup> С. Степняк-Кравчинский, указ. соч., том первый, стр. 563—564.

вор на желанную тему, — говорится в одном из воспоминаний о ней. — Вот она видит в руках одного парня рабочую книжку. . . Каминская читает ее вслух, разбирает значение каждого правила и указывает рабочим, как все эти правила клонятся к их ущербу и к пользе одних только хозяев». Увлекаясь, Бети стала рассказывать о борьбе рабочих разных стран против эксплуататоров. Не сразу ей удалось добиться своих целей. Неудачи приводили ее в отчаяние, но упорство вдохновенной пропагандистки победило: она создала небольшой кружок, однако вскоре была арестована<sup>1</sup>.

На фабрике Носовых вместе с Каминской под именем Натальи Волковой работала Ольга Любатович; Лидия Фигнер под именем солдатки Авдотьи Степановой работала на фабрике Гюбнера на Девичьем поле.

Мужчины, члены организации, имели больше возможностей для установления связей с рабочими на предприятиях. Кроме того, они использовали для пропаганды встречи с рабочими в кабаках, харчевнях.

Нужно особенно подчеркнуть тот факт, что организация сумела привлечь в свою среду немало самих рабочих. Именно в это время развернулся талант пропагандиста-агитатора ткача Петра Алексеева, который играл видную роль в организации «москвичей». Под его руководством сплачивалось рабочее ядро организации, он направлял деятельность рабочих по распространению на фабриках революционной литературы. Вместе с ним активно работали и его братья Влас и Никифор Алексеевы.

Квартиры «москвичей», живших обычно коммунально, были не только штабом организации, складом революционного имущества, но и местом, куда рабочие приходили послушать чтение революционных книг.

«Москвичи» оказали содействие группе анархистов-эмигрантов<sup>2</sup> в издании, а потом в распространении в России газеты «Работник». Первый номер «Работника» вышел в Женеве в январе 1875 г.<sup>3</sup> В статье «Почему мы печатаем газету»<sup>4</sup> говорилось: «Мы хотим по мере сил и возможности познакомить русский рабочий люд с житьем-бытьем и делами рабочих людей других земель; хотим познакомить их с тем, что думают другие работники о своем горьком положении и какими средствами хотят выйти из него. Мы пишем газету для работающего

<sup>1</sup> См.: В. Богучарский, Активное народничество семидесятых годов, стр. 225—226.

<sup>2</sup> З. Ралли, Н. Жуковский, М. Бакунин и другие.

<sup>3</sup> Всего вышло 15 номеров «Работника». Последний, январско-февральский (1876 г.) номер вышел двойным (14—15).

<sup>4</sup> «Народническая экономическая литература», М., 1958, стр. 294—297.



народа русского, вот почему она и называется «Работник». Ставя вопрос о «сытых» и «голодных», газета разрешала его в духе народнических требований: землю и фабрики отобрать у «сытых» и передать их крестьянским общинам и рабочим артелям, а государство разрушить. У крестьян и рабочих одни цели, поэтому для достижения их надо, чтобы они «сблизились друг с другом и сговорились бы, как добыть волю всему рабочему народу русскому».

Газета не получила широкого распространения в России, но все-таки доходила до «москвичей» и использовалась ими в пропагандистских целях.

Стремясь воздействовать на рабочую среду, «москвичи» не учитывали неоднородности ее состава. Фабричные рабочие по сравнению с заводскими были политически более незрелыми. В их составе было немало отсталых элементов. Это и предопределяло все трудности и неудачи пропагандистов, полагавших, что сам факт принадлежности лица к рабочей среде уже ставит его в положение союзника революционеров. Иногда распространяемые книги передавались начальству фабрик и властям самими рабочими. При таких обстоятельствах полиции нетрудно было находить распространителей книг и производить аресты. 4 апреля 1875 г. она арестовала значительную группу «москвичей» в доме Корсака, где проживала их коммуна. Среди арестованных были две женщины и семь мужчин, в том числе и Петр Алексеев. Тогда оставшиеся на свободе перенесли центр своей деятельности на периферию. Большинство их выехало в Иваново-Вознесенск. Аресты не обескуражили революционеров. Они с утроенной энергией, отчаянно и самоотверженно снова принялись за дело. Но в августе 1875 г. ивановская группа была арестована.

Теперь у «москвичей» из трех более прочных общин осталась одна в Туле. Администрация организации, действовавшая в Москве после первого ареста, писала 19 июля 1875 г. в Иваново-Вознесенск о нехватке людей в Туле и безынициативности тульской общины: «Тульские ведут себя преступно. Огромное у них знакомство между рабочими — и еще ни одной революционной книги не читали»<sup>1</sup>. В итоге тульская община активизировала свою деятельность, но просуществовала недолго.

11 августа 1875 г. в Москве были арестованы Гамкрелидзе, Кокечиадзе (Кардашев), Цицианов и Вера Любатович. При аресте Цицианов сделал два неудачных выстрела в жандармского прапорщика Ловягина. Это был первый случай вооруженного сопротивления революционера при аресте.

Арест 11 августа привел к ликвидации администрации «москвичей». В следующем месяце полиция арестовала членов

<sup>1</sup> М. Коваленский, указ. соч. стр. 123.

тульской и киевской общин. Правда, в Одессе, в связи с переездом действовавшей там Ольги Любатович в Тулу, полиция не смогла обнаружить следов организации. Но в целом организация «москвичей» была разгромлена.

### Процессы «50-ти» и «193-х»

Большинство активных деятелей революционного народничества первой половины 70-х годов — членов Большого общества пропаганды, участников «хождения в народ» и членов организации «москвичей» — оказалось в тюрьме. Правительство не торопилось расправляться с ними. Напуганное обострением классовой борьбы и активизацией деятельности революционной интеллигенции, оно решило подготовить и провести серию судебных процессов с таким расчетом, чтобы добиться дискредитации революционеров в общественном мнении и одновременно теснее сплотиться с эксплуататорскими классами для борьбы против народа и его революционных идеологов.

Общественное мнение складывалось не в пользу царского правительства. Это вынуждены были признать даже сами представители верховной власти. Раздобыв секретную записку министра юстиции графа Палена «Успехи революционной пропаганды в России», революционеры напечатали ее в Женеве в 1875 г. Указывая на размах революционного движения, охватившего, по его словам, большую половину России, граф Пален видел причины его в том, «что многие лица не молодые — отцы и матери семейств, обеспеченные материальными средствами и более или менее почетным положением в обществе, не только не противодействовали, а, напротив, нередко оказывали им (т. е. революционерам. — В. А.) видимое сочувствие, помощь и поддержку...»<sup>1</sup>.

При таких обстоятельствах царское правительство не сразу решилось провести в жизнь задуманный план использования суда над революционерами в своих политических целях. Оно долго и тщательно готовилось к процессам, невзирая на то, что сотни юношей и девушек годами сидели в одиночных камерах без предъявления им обвинений. Между тем заключенные, находясь в ужасных условиях царской тюрьмы, в молодые годы лишались здоровья, теряли рассудок или умирали<sup>2</sup>.

Заранее вычеркивая из жизни еще не осужденных людей, власти всячески глумились над их человеческим достоинством.

<sup>1</sup> В. Богучарский, Активное народничество семидесятых годов, стр. 174.

<sup>2</sup> Например, в тюрьме лишилась рассудка и, отданная на поруки, вскоре умерла Бети Каминская; в 1877 г. в тюрьме умер один из самых молодых членов «Большого общества пропаганды» Куприянов и т. д.

Они воскрешали в Петропавловской крепости формально уничтоженные в стране телесные наказания. «Фриш, обер-прокурор Сената, — писал М. Н. Гернет, — составил в 1875 году записку об особых политических тюрьмах с предложением наказывать политических заключенных за дисциплинарные проступки розгами до 100 ударов. Министр юстиции переправил в этой записке 100 ударов на шестьдесят и зачеркнул слова «мужского пола», т. е. предлагал сечь также и женщин»<sup>1</sup>.

Министр юстиции Пален добивался того, чтобы телесные наказания за революционную деятельность были введены и в учебных заведениях. «Необходимо исходатайствовать закон, — писал он, — на основании которого училищному начальству предоставляется право подвергать телесному наказанию всякого студента или ученика, занимающегося пропагандой»<sup>2</sup>.

Начиная с суда над долгушинцами, власти стали судить революционеров без предварительного следствия, ограничиваясь одним жандармским дознанием. «Нечего давать этим негодьям гарантии двух инстанций», — заявлял Пален. «Великодушие к революции немыслимо», — вторил ему шеф жандармов Мезенцов. Царское «правосудие», и до того никогда не отличавшееся порядочностью, все более и более возводило произвол в норму поведения. Затевая процессы над пропагандистами, оно нисколько не церемонилось с фактами. В своих воспоминаниях о деле Веры Засулич А. Ф. Кони, председатель суда, оправдавшего эту героическую девушку, рассказал, что для суда над политическими заключенными специально подбирались наиболее реакционные царские сановники<sup>3</sup>. На совещании у министра юстиции по вопросу о борьбе с пропагандой в 1871 г. один из них заявил: «Я откровенно скажу, я их ненавижу и рукоплещу всем мерам строгости против них. Эти люди — наши, мои личные враги. Они хотят отнять у нас, что нажито нашим трудом...».

Кони пояснил, что указанный сановник приобрел большие средства путем выгодной женитьбы.

Вот такие омерзительные типы, сфабриковав дело против революционеров, в 1877 г. провели серию процессов<sup>4</sup>. Двум из них — процессам «50-ти» и «193-х» — правительство придавало

<sup>1</sup> М. Н. Гернет, История царской тюрьмы, т. 3. М., 1961, стр. 59--60.

<sup>2</sup> Там же, стр. 60.

<sup>3</sup> См.: А. Ф. Кони, Воспоминания о деле Веры Засулич, в кн.: А. Ф. Кони, Избранные произведения в двух томах, т. II, М., 1959, стр. 16--17.

<sup>4</sup> С 18 по 25 января 1877 г. разбиралось дело о демонстрации на Казанской площади 6 декабря 1876 г.; с 21 февраля по 14 марта 1877 г. шел процесс «50-ти»; в мае 1877 г. судили деятелей «Южнороссийского союза рабочих»; и, наконец, с 18 октября 1877 г. по 23 января 1878 г. проводился самый громкий процесс «193-х».

особое значение. Считая себя вполне подготовленным к тому, чтобы опозорить революционную молодежь, оно объявило процессы открытыми. Власти рассчитывали вдоволь поглумиться над революционерами перед собравшейся в зале публикой и одновременно предстать перед общественным мнением страны и Европы в качестве блюстителей законности и демократии царского судопроизводства.

21 февраля начался процесс «50-ти». Дело разбирало особое присутствие Сената. Подсудимые были разбиты на четыре группы<sup>1</sup>. Вопреки целям и надеждам правительства, подсудимые с первого же дня выступили с обличением подтасованных обвинений и в дальнейшем превратили открытый суд в трибуну политической борьбы и пропаганды.

Используя право последнего слова, некоторые подсудимые произнесли резко обличительные, революционно-пропагандистские речи, которые нашли широкий отзвук в стране. Особо сильное впечатление вызвали речи С. Бардиной и П. Алексеева.

Изложив взгляды революционеров по вопросам собственности, семьи, религии, государства, бунта и анархии, Софья Илларионовна Бардина закончила свою сильную речь такими словами: «Но как бы то ни было и какова бы ни была моя участь, я, господа судьи, не прошу у вас милосердия и не желаю его. Преследуйте нас, как хотите, но я глубоко убеждена, что такое широкое движение, продолжающееся уже несколько лет сряду и вызванное, очевидно, самим духом времени, не может быть остановлено никакими репрессивными мерами...» Прерванная председателем Петерсом, она продолжала: «Оно может быть, пожалуй, подавлено на некоторое время, но тем с большей силой оно возродится снова, как это всегда бывает после всякой реакции подобного рода: и так будет продолжаться до тех пор, пока наши идеи не восторжествуют. Я убеждена еще в том, что наступит день, когда даже и наше сонное и ленивое общество проснется и стыдно ему станет, что оно так долго позволяло безнаказанно топтать себя ногами, вырывать у себя своих братьев, сестер и дочерей и губить их за одну только свободную исповедь своих убеждений! И тогда оно отомстит за нашу гибель... Преследуйте нас — за вами пока материальная сила, господа, но за нами сила нравственная, сила исторического прогресса, сила идеи, а идеи — увы! — на штыки не улавливаются!»<sup>2</sup>.

Речь Петра Алексеевича Алексеева произвела потрясающее впечатление. Показав, что рабочие с раннего детства вынуждены

<sup>1</sup> См.: «Государственные преступления в России в XIX веке», т. II, стр. 128—334.

<sup>2</sup> Там же, стр. 330—331.

продавать свой труд, работать и жить в ужасных, нечеловеческих условиях, становиться крепостными капитала, Петр Алексеев заключил: «Из всего мною высказанного видно, что русскому рабочему народу остается только надеяться самим на себя, и не от кого ожидать помощи, кроме от одной нашей интеллигентной молодежи... Председатель (*вскакивает и кричит*): «Молчите! Замолчите!..» Петр Алексеев (*возвысив голос, продолжает*): Она одна братски протянула к нам свою руку. Она одна откликнулась, подала свой голос на все слышанные крестьянские стоны Российской империи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значат и отчего это отовсюду слышны крестьянские стоны. Она одна не может холодно смотреть на этого изнуренного, стонущего под ярмом деспотизма угнетенного крестьянина... И она одна неразлучно пойдет с нами до тех пор, пока (*говорит, подняв руку*<sup>1</sup>) подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда... и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!..»<sup>2</sup>.

В. И. Ленин в 1900 г. в статье «Насущные задачи нашего движения» назвал заключительные слова речи Алексеева «великим пророчеством»<sup>3</sup>.

«Москвичи» были жестоко осуждены. По меткому выражению М. Н. Гернета, «царская тюрьма всех видов... получила новых узников».

«Москвичи» сошли с исторической арены борьбы, но сошли с гордо поднятой головой. Царскому правительству не удалось превратить процесс над революционерами в сплочение господствующих классов.

Речи Бардиной и Алексеева были тайно отпечатаны и во множестве распространены по стране. Все честные люди России были взволнованы поведением осужденных. Бывший в это время в России, И. С. Тургенев<sup>4</sup>, по словам В. Богучарского, целовал фотографические карточки «святых». «Москвичам», особенно женщинам, были посвящены стихотворения.

На следующем «Большом процессе», известном в литературе под именем процесса «193-х», революционеры, ходившие «в народ», дали настоящий бой. Уже сам факт затяжки его почти на

---

<sup>1</sup> В. Н. Фигнер, вспоминая этот момент речи Алексеева, писала: «Как хорош он был в своей белой рубашке со смелым жестом поднятой сверху полуобнаженной мускулистой руки. Казалось, в лице его говорил весь пролетариат». В. Н. Фигнер, Шлиссельбургские узники 1884—1905 гг., М., 1920, стр. 55.

<sup>2</sup> «Государственные преступления в России в XIX веке», т. II, стр. 333.

<sup>3</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 377.

<sup>4</sup> И. С. Тургенев под впечатлением рассказов о процессе «50-ти» лично присутствовал на следующем процессе, который был посвящен «Южно-российскому союзу рабочих».

три месяца (с 18 октября 1877 г. по 23 января 1878 г.) свидетельствует о том, что правительство, затеяв дело, никак не могло развязаться с ним.

Оскандалившись с игрой в «демократию» на процессе «50-ти», власти затеяли процесс «193-х» в таком зале, где, после размещения подсудимых, почти не оставалось мест для посетителей. В № 231 за 1877 г. «Правительственного вестника» было обещано опубликовать подробный стенографический отчет о процессе, но на этот шаг правительство после того, что произошло в зале заседаний, не решилось.

А произошло на суде следующее. Когда подсудимых ввели в зал, они со слезами на глазах и криками восторга бросились друг к другу. Суд и жандармы были в смятении. На призывы к порядку никто не обращал внимания. Только после того, как волнения встречи улеглись, подсудимые расселись по своим местам.

На первом же заседании обвиняемые выступили с протестом. Чернявский заявил, что они не признают закрытого суда. Когда его вывели, послышались выкрики: «Всех уводите! Мы все не признаем суда! К черту суд!» После этого подсудимые встали с мест и пошли к выходу. Встретившись с таким отпором, власти пошли на вероломный шаг, разделив подсудимых на 17 групп.

На следующем заседании герой процесса И. Н. Мышкин<sup>1</sup> заявил, что обвинительный акт полон клеветы. Выраженный Мышкиным протест был поддержан всеми его товарищами и защитой. Поднялась буря негодований. Вооруженная стража оттеснила защиту от подсудимых. При общем шуме и гвалте заседание суда было закрыто.

Подсудимые приняли решение не являться на суд, но их приводили в зал заседаний силой.

На новом заседании подсудимые при входе суда остались сидеть. Встал один Волховский, но после произнесенной речи был удален. Тогда поднялись 15 его товарищей, выразили солидарность с его речью и тоже были удалены из зала заседаний. И так с нарастающим накалом демонстраций протестов шел весь процесс. «Первоприсутствующий» сенатор Петерс не выдержал атак подсудимых и в ходе процесса был заменен другим.

Кульминационным моментом героического поведения революционной молодежи на суде была знаменитая речь Ипполита Никитича Мышкина. Товарищи по достоинству оказали ему честь выразить царскому суду их чувства и мысли. Составленный Мышкиным вариант текста речи горячо обсуждали перед

---

<sup>1</sup> И. Н. Мышкин был арестован в 1875 г. при попытке освобождения Н. Г. Чернышевского из Вилуйского острога.



Ипполит Никитич Мышкин

генеральной схваткой с судом, и каждый старался внести свою долю в этот исторический документ.

В начале речи<sup>1</sup> Мышкин, назвав себя членом «социально-революционной партии», указал на ее основную задачу: «... установить на развалинах теперешнего государственно буржуазного порядка такой общественный строй, который, удовлетворяя требованиям народа в том виде, как они выразились в крупных и мелких движениях народных и повсеместно присущи народному сознанию, составляет вместе с тем справедливейшую форму общественной организации. Строй этот — земля, состоящая из союза независимых производительных общин». Так как «государственная

власть преграждает все мирные пути» к торжеству такого строя, то он может быть утвержден «только путем социальной революции».

Мышкин, высмеивая прокурорское объяснение причин революционного движения 1873—1875 гг., говорил: «В обвинительном акте все это дело представлено таким образом, что были-де на Руси обломки прежних политических сообществ, была еще русская эмиграция в Швейцарии, явилось несколько энергичных личностей и по слову: «Да будет революционное движение на Руси!» — создалось таковое по всему лицу земли русской». Мышкин далее указывал, что «для крупного социального явления должны быть крупные социальные причины». Эти причины он видел в классовом положении пореформенного крестьянства. Крестьянская реформа оказала, по его словам, «три важные услуги социально-революционному делу: 1) с 19 февраля 1861 г. начинается развитие капиталистического производства с его неизбежным спутником — борьбой между капиталом и трудом; 2) крестьянская реформа, вместе с другими реформами послужила... наглядным доказательством... полной несостоятельности политических реформ в деле коренного улучшения народного быта... 3) крестьянин, освобожденный от помещика, стал лицом к лицу с представителем губернской власти, увидел, что ему нечего надеяться на эту власть, нечего ждать от нее, уви-

<sup>1</sup> См.: «Государственные преступления в России в XIX веке», т. III, стр. 270—283.

дел, что он жестоко обманывался, веря в царскую правду, ища в ней опору против своих врагов. . .»

В нищете, бесправни, безысходности положения народа, с одной стороны, и во влиянии «передовой западноевропейской социалистической мысли и крупнейшего практического применения этой мысли — образования Международного общества рабочих» — с другой, Мышкин видел основные истоки революционной борьбы интеллигенции в пореформенное время. Активизацию деятельности «социально-революционной партии» он ставил в прямую связь с усилением классовой борьбы крестьянства: «Первое движение интеллигенции в начале 60-х годов было, — говорил он, — отголоском того сильного народного волнения, которое было во время крестьянской реформы вследствие того, что народ не удовлетворялся этим мнимым своим освобождением. Это движение положило фундамент социально-революционной партии». Отголоском оживления движения народа в конце 60 — начале 70-х гг. «явилось движение интеллигенции, завершившееся так называемым Нечаевским процессом. Наконец, — продолжал Мышкин, — в наши дни бедствия народа, истощаемого непомерными платежами и поборами дошло до того, что нужно быть совершенно глухим, чтобы не слышать громкого ропота народа. Этот ропот и вызвал движение 73—75 гг.».

Мышкин выразил глубокую веру революционеров в неизбежность «всеобщего народного восстания». При таких обстоятельствах ближайшая задача революционеров состоит не в том, говорил он, «чтобы вызвать, создать революцию, а в том, чтобы только гарантировать успешный исход ее. . . В виду неизбежности этого восстания нужно только позаботиться, чтобы оно было возможно более продуктивно для народа и, главное, предостеречь его от всех фокусов, которыми западноевропейская буржуазия обманывала тамошнюю народную массу и одна извлекала для себя выгоды из народной крови, пролитой на баррикадах. Ради этой цели наша практическая деятельность должна состоять в сплочении, в объединении революционных сил, революционных стремлений, в слиянии двух главных революционных потоков: одного, недавно возникшего и проявившего уже порядочную силу — в среде интеллигенции, и другого, более широкого, более глубокого, никогда не иссякавшего потока — народно-революционного. В этом объединении революционных элементов путем окончательного сформирования социально-революционной партии и заключалась вся задача движения 74—75 гг.».

Отметая груды лжи, нагроможденную против революционеров в обвинительном акте и официозной печати, Мышкин объяснил молодежи, всему русскому «обществу» истинное положение дел в стране и намерения революционной интеллигенции.



Председатель беспрестанно перебивал и не давал ему говорить, но Мышкин блестяще достиг своей цели. Он сказал все, что можно было сказать в его положении. Заканчивая речь уже после запрещения говорить, Мышкин с большим чувством произнес: «Теперь я окончательно убедился в справедливости мнения моих товарищей, заранее отказавшихся от всяких объяснений на суде, того мнения, что, несмотря на отсутствие гласности, нам не дадут возможности выяснить истинный характер дела. Теперь для всех очевидно, что здесь не может раздаваться правдивая речь, что здесь на каждом откровенном слове зажимают рот подсудимому. Теперь я могу, я имею полное право сказать, что это не суд, а простая комедия или нечто худшее, более отвратительное, позорное, более позорное. . . » При словах «пустая комедия» Петерс закричал: «Уведите его!»

Жандарм, отталкивая вставших на его пути двух подсудимых, кинулся к Мышкину, пытался зажать ему рот рукой, но Мышкин изловчился и, возвысив голос, закончил: «. . . более позорное, чем дом терпимости: там женщина из-за нужды торгует своим телом, а здесь сенаторы из подлости, из холопства, из-за щипов и крупных окладов торгуют всем, что есть наиболее дорого для человечества».

Жандармы кинулись к Мышкину. Началась свалка. Подсудимый Стопане громко крикнул: «Это не суд! Мерзавцы! Я вас презираю, негодяи, холопы!» Жандармы схватили его и стали бить. Публика и подсудимые повскакали с мест. Женщины падали в обморок. Раздавались стоны, истерический хохот, крики: «Боже мой, что это делают! Варвары! Бьют, колют подсудимых! Палачи, живодеры проклятые!» Нахлынувшая полиция стала выгонять из зала посетителей. Растерявшийся председатель Петерс выскочил из зала суда, забыв объявить заседание закрытым.

Суд завершился суровым приговором. Мышкин, Войнаральский, Ковалик, Рогачев и Муравский были осуждены на каторжные работы сроком на 10 лет. По 10 лет заключения получили Синегуб, Стаховский, Добровольский, Квятковский (Тимофей), Ливанов, Чарушин, Шишко, Зарубаев, Союзов и Чернявский.

90 человек (среди них Желябов, Перовская, Грачевский — будущие вожди и герои «Народной воли») были оправданы. Однако III отделение, не считаясь с решением суда, некоторых из них отправило в административную ссылку, а за другими установило слежку.

Осужденные, ожидая своей участи в одиночных камерах Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, сумели передать составленный ими текст заявления «Товарищам по убеждениям!», который был опубликован в 1878 г. в № 6—7 заграничного журнала «Община». «Уходя с поля битвы пленными, но честно исполнившими свой долг, — говорилось в нем, — . . . мы

завещаем нашим товарищам по убеждениям идти с прежней энергией и удвоенной бодростью к той святой цели, из-за которой мы подверглись преследованиям и ради которой готовы бороться и страдать до последнего вздоха»<sup>1</sup>.

Вынося суровый приговор небывало большой группе революционеров, правительство думало, что ему удалось вырвать корни революционного движения, но оно жестоко просчиталось. Героическое поведение подсудимых на процессе «193-х» вызвало сочувствие к себе в широких кругах русского общества. Затея властей провалилась. В стране в это время уже действовала новая организация, знаменитая «Земля и воля» 70-х годов.

### «Земля и воля»

Революционное народничество первой половины 70-х годов и особенно времени 1873—1875 гг. упорно искало пути подхода к народу. Оно то обращало свой взор на фабричных рабочих, стремясь создать из них пропагандистов среди крестьянства (Большое общество пропаганды), то само устремлялось в народ в надежде поднять его на борьбу, то снова принималось за пропаганду на фабриках («москвичи»). В этом проявлялись и слабость и сила движения. Его теоретическая основа была ненаучна, но деятели его глубоко верили в неизбежность и необходимость революционного разрешения социальных проблем своего времени. Они заблуждались, но твердо верили, что это преобразование осуществят крестьянские массы.

Опираясь на опыт, приобретенный в период «хождения в народ», они принялись за создание организации и выработку единой программы. Решить сразу указанную задачу, как показала история «москвичей», они не сумели, но вопрос был поставлен и уже не сходил с повестки дня. Вскоре на революционной арене России появилась одна из самых крупных организаций народников.

Лица, составившие впоследствии ее ядро, встречались и обсуждали программу объединения разрозненных групп в единую организацию уже осенью 1875 г. В следующем, 1876 г. по инициативе и под руководством неутомимого М. А. Натансона была основана новая организация, учредители которой в память о своих предшественниках начала 60-х годов называли ее именем «Земля и воля». Ее центральный петербургский кружок составили 26 человек: М. А. Натансон, О. А. Натансон, А. Д. Оболенцев, А. Д. Михайлов, А. Ф. Михайлов, Д. А. Лизогуб, В. А. Осинский, А. А. Квятковский, А. С. Емельянов (Боголюбов),

<sup>1</sup> «Государственные преступления в России в XIX веке», т. III, стр. 303.

М. Р. Попов, Г. В. Плеханов, Г. Н. Преображенский, В. Ф. Трошанский, А. И. Зунделевич, А. И. Баранников, Г. М. Тищенко, Л. П. Буланов, А. А. Хотинский, Н. П. Мощенко, О. В. Аптекман, В. Н. Игнатов, Н. И. Сергеев, М. К. Крылова, Мельгунов, С. А. Харизоменов и О. Николаев. Впоследствии в основной состав организации было кооптировано еще 35 человек<sup>1</sup>.

В течение 1876—1879 гг. «Земля и воля» превратилась в широкую организацию, объединявшую революционные кружки Поволжья, центральных и западных губерний, Белоруссии, Польши, Украины, Северного Кавказа и Грузии. По мнению П. С. Ткаченко, общее число периферийных членов «Земли и воли» значительно превышало названную О. В. Аптекманом (в работе «Общество «Земля и воля» 70-х годов», Пг., 1924) цифру 150 человек.

Для выяснения идейно-тактических основ новой организации обратимся к ее программе, разработке которой центральный кружок «Земли и воли» придавал большое значение. На первых порах программные требования землевольцев были сформулированы кратко и в самой общей форме<sup>2</sup>. Стремясь выразить народные требования и желания, «каковы они есть в данную минуту», программа намечала осуществить три «главнейших» пункта:

1. Передача всей земли крестьянским общинам с равномерным ее распределением.

2. «Разделение Российской Империи на части соответственно местным желанием».

3. Полное самоуправление общин (с оговоркой, что в силу неподготовленности к нему большинства общин, первоначально их союзы часть своих общественных функций будут передавать избранному ими правительству. «Наша обязанность стараться только возможно более уменьшить эту долю»).

Свои требования «Земля и воля» считала возможным осуществить «только посредством насильственного переворота». Средствами подготовки и свершения переворота считались: «1) агитация как путем слова, так и главным образом путем дела, направленная на организацию революционных сил и на развитие революционных чувств (бунты, стачки — вообще путь действия есть в то же время и наилучший путь для организации революционных сил) и 2) дезорганизация государства, которая дает нам надежду на победу при той силе организации, которую создает агитация в ближайшем будущем».

<sup>1</sup> См.: П. С. Ткаченко. Революционная народническая организация «Земля и воля», М., 1961, стр. 74—78.

<sup>2</sup> См.: «Архив «Земли и воли» и «Народной воли», М., 1932, стр. 53—54.

Новая организация, как видно, выражала в основном требования бакунинской программы и тактики борьбы.

Складывание организации сопровождалось многими и бурными спорами, происходившими на собраниях ее учредителей, что свидетельствовало о наличии у них определенных разногласий. Этим, очевидно, и объясняется формулирование требований в довольно общих выражениях. В таком виде выработанный документ скорее был платформой объединения, чем детально разработанным планом действия.

Рост «Земли и воли», вскоре превратившейся во всероссийскую организацию, потребовал выработки более основательного программного документа. Он был подготовлен в течение весенних месяцев 1878 г., когда в Петербург съехалось много землевольцев. Наличие двух вариантов второй программы «Земли и воли» свидетельствует не только о серьезном значении, которое придавалось землевольцами программным вопросам, но и о сохранившихся разногласиях в их среде.

В комментариях к редакциям программ С. Н. Валк, ссылаясь на воспоминания Аптекмана, писал, что на Большом Совете, т. е. при всем составе основного кружка, «народники» дали генеральное сражение «В. Осинскому, желавшему внести в программу политическую борьбу и в тактику «авторитарный принцип». Во время этих бесед читалась статья А. Ф. Михайлова, присланная им из Москвы и являвшаяся «попыткой обосновать практическую программу нашей организации на историко-философской теории К. Маркса. После того как вернулся от саратовских раскольников А. Д. Михайлов, в начале апреля 1878 г., пересмотр программы был закончен...»<sup>1</sup>. В первую редакцию было внесено много изменений. Сошлемся хотя бы на один пример. Первоначальная редакция начиналась словами: «Из всех родов западноевропейского социализма мы всецело сочувствует федералистскому интернационалу, т. е. анархистам, но полагаем, что осуществление анархистских идеалов во всей их полноте в данный момент невозможно». Весь этот абзац был опущен во второй редакции программы.

Окончательный текст программы<sup>2</sup>, датированный А. Д. Михайловым маем 1878 г., содержал следующие требования. Признавая конечным политическим и экономическим идеалом анархию и коллективизм<sup>3</sup>, программа выдвигала четыре главных пункта для реализации «народных требований»: 1. Передать всю землю в руки сельского рабочего сословия с равномерным ее распределением («Мы убеждены, что две трети России будут владеть землей на общинном начале»). 2. Содействовать сво-

<sup>1</sup> «Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 63.

<sup>2</sup> См.: там же, стр. 58—62.

<sup>3</sup> Этой фразой заменялся первый абзац первой редакции программы.

бодному союзу общин в передаче меньшей доли общественных функций избранному каждым из них для себя правительству. 3. Добиваться полной свободы вероисповеданий в связи с веротерпимостью русского народа и его стремлением к религиозной свободе. 4. Содействовать разделению теперешней Российской Империи на части соответственно местным желанием.

Программа правильно указывала на разрушающее воздействие капитализма на общину. Но, видя в этом историческое зло, она требовала предотвращения гибели общины с помощью скорейшего насильственного переворота. Противоречия между выработанным «народным идеалом» и действиями правительства, указывала программа, «создавало и создает в России ту массу крупных и мелких народных движений, сект религиозно-революционного характера, а подчас и разбойничьих шаек, которые выражают собой активный протест русского народа против существующего порядка». Однако разьединенный и угнетаемый народ не может «подготовить и противопоставить правительственной организации широкую народную организацию», поэтому русская социально-революционная партия обязана:

1) помочь организовать элементы недовольства в народе и слиться с существующими уже народными организациями революционного характера, агитацией же усилить интенсивность этого недовольства и

2) ослабить, расшатать, т. е. дезорганизовать, силу государства, без чего, по нашему мнению, не будет обеспечен успех никакого, даже самого широкого и хорошо задуманного плана восстания».

Исходя из сказанного, программа конкретизировала задачи организаторской и дезорганизаторской деятельности.

«Часть организаторская» предусматривала объединение на основе программы революционеров «как из среды интеллигенции, так и из среды находившихся в непосредственном соприкосновении с ней рабочих»; сближение или даже слияние с враждебными правительству сектами религиозно-революционного характера; заведение широких и прочных связей и устройство постоянных поселений среди крестьянского населения тех районов, где недовольство «наиболее заострено»; «привлечение на свою сторону по временам появляющихся в разных местах разбойничьих шаек типа понизовой вольницы»; «заведение сношений и связей в центрах скопления промышленных рабочих — заводских и фабричных».

Члены организации должны заострять и обобщать народные стремления в агитации, «начиная с легального протеста против местных властей и кончая вооруженным восстанием, т. е. бунтом».

Программа признавала неизбежность пропаганды при личной встрече агитатора с рабочими, крестьянами и, в особенности, раскольниками. Агитация должна сочетаться с пропагандой и в работе среди интеллигенции в университетских центрах, так как интеллигенция рассматривалась главным контингентом для пополнения, на первых порах, рядов организации «и отчасти источником средств». Считалось необходимым заводить связи с либералами. Землевольты учитывали разочарование многих из них в реформаторской деятельности царизма и старались использовать их в своих целях.

Наконец, ставилась задача пропагандировать идеи организации изданием «собственного органа» и распространением «листочков зажигательного характера в возможно большем количестве».

«Часть дезорганизаторская» содержала три пункта:

а) Заведение связей и своей организации в войсках и, главным образом, среди офицерства.

б) Привлечение на свою сторону лиц, служащих в тех или других правительственных учреждениях.

в) Систематическое истребление наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства и вообще людей, которыми держится тот или другой ненавистный нам порядок».

Насквозь пронизанная идеями уже покойного в то время Бакунина программа «Земли и воли» исходила из накопленного опыта борьбы и давала новую тактическую установку для подхода к крестьянским массам. Теперь их симпатии революционеры должны завоевать не агитационным наскоком периода «хождения в народ», а постепенным, длительным сближением. Для организации крестьян на всеобщий бунт было признано необходимым селиться под видом различных специалистов в деревнях. Создание народнических колоний в сельской местности стало основным делом землевольтцев, наиболее характерной чертой их деятельности.

Рабочему классу землевольты, как и их предшественники, не придавали самостоятельного значения. Однако в своем отношении к городским рабочим они пошли дальше, признавая необходимым воспитание «их в борьбе путем стачек». Агитация, пропаганда и стачки должны были приблизить рабочих «к мысли о переходе фабрик и заводов в собственность производительных общин» и воспитать их пропагандистами идей «Земли и воли» в крестьянской массе. В связи с этим их взоры по-прежнему обращались на среду фабричных рабочих.

Первая и вторая программы «Земли и воли» выдвигали как специальную задачу дезорганизаторскую деятельность. Случаи предательства, шпионажа в среде революционеров и зверское отношение к ним представителей власти вызвало необходимость принять меры самообороны.

То обстоятельство, что арестованные революционеры годами до суда сидели в казематах, а затем подвергались жестокому судебным расправам, побудило землеволецев организовать освобождение своих товарищей из тюрем. Кроме того, землеволецевы намеревались прибегнуть к террористическим актам против шпионов и наиболее реакционных представителей центральной и местной власти для самообороны, дезорганизации правительства и воодушевления народных масс до и в период восстания. Дезорганизаторская группа, в которую первоначально входили В. А. Осинский, А. К. Пресняков, А. А. Квятковский, Н. С. Тютчев, М. Р. Попов, А. И. Баранников<sup>1</sup>, совместно с войсковыми группами должна была в момент восстания нанести удар правительству в центре. Дезорганизаторская деятельность «Земли и воли» не выдвигалась на первый план, но тот факт, что она становилась составной частью программы, уже обнаруживало у землеволецев тенденцию к использованию политических форм борьбы.

«Земля и воля» со всей серьезностью оценила значение печатной пропаганды. В ее время, в сущности, не было таких авторитетных и широко распространявшихся заграничных органов печати, как «Колокол», «Вперед!», и поэтому ей пришлось создать свою «Вольную русскую типографию» внутри страны. Ее боевым органом стал подпольный журнал «Земля и воля».

Разрабатывая программу борьбы, землеволецевы в то же время настойчиво стремились превратить свою организацию в боевую, дисциплинированную и централизованную силу. Эти требования были воплощены в уставе «Земли и воли»<sup>2</sup>. Согласованный после упорных и длительных споров текст его был принят большинством весной 1878 г., но и после того устав оставался временным до окончательного утверждения его Конгрессом организации. При разработке устава борьба развернулась главным образом за принципы построения организации. Поддержанный большинством, А. Д. Михайлов, фактический руководитель «Земли и воли», в борьбе со сторонниками федерализма (А. Д. Оболевешев) отстаивал принцип построения организации на началах конспирации, централизации, подчинении меньшинства большинству и строгого приема новых членов.

Кроме «Центра», землеволецевыми было образовано пять групп: интеллигентская, рабочая, редакционная, типографская и дезорганизаторская<sup>3</sup>.

«Земля и воля» допускала создание института членов-сепаратистов из лиц, которые почему-либо не желали вступать

<sup>1</sup> См.: П. С. Ткаченко, указ. соч., стр. 120.

<sup>2</sup> См.: «Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 64—89; П. С. Ткаченко, указ. соч., стр. 122—149.

<sup>3</sup> См.: П. С. Ткаченко, указ. соч., стр. 145.

в организацию, но могли быть полезны выполнением какого-либо частного дела. Члены-сепаратисты вступают «в особые договорные отношения (федеративные) по специальным делам» не с организацией, а только с несколькими выборными от кружка лицами. Они не должны были знать ни о существовании основного кружка, ни об его организации.

Для оперативного руководства деятельностью организации членами основного кружка избиралась на неопределенный срок Администрация (комиссия) в составе 3—5 человек. Она должна была создавать группы, служить посредником в сношениях между ними и аккуратно исполнять их поручения, добывать средства, в определенные сроки отчитываться о ходе дел, расходовании средств и т. п. Комиссия в целях «правильного регулирования революционных сил и средств» должна иметь «подробные и точные сведения о деятельности всех групп и членов-сепаратов»; «вступать в переговоры и федеративные отношения от имени кружка с другими организациями и отдельными лицами»; составлять смету и распределять средства.

Высшим органом организации был Конгресс, который намечалось созвать в тот момент, «когда группы и их организация достаточно окрепнут и примут постоянный характер». Конгресс представляет собой съезд всех или не менее двух третей членов основного кружка. Он созывается Администрацией (комиссией).

Особое значение «Земля и воля» придавала конспирации. А. Д. Михайлов был душой этого дела и довел его до возможного в тех условиях уровня совершенства. Недаром за ним закрепилось прозвище «дворник»: он стоял на страже, оберегал и очищал организацию от всякого «мусора». А. Д. Михайлов играл крупную роль и в сплочении организации. Уезжая на Дон для создания народнических поселений в казачьих станицах, он 20 сентября 1878 г. оставил кружку письмо, в котором подчеркивал: «...если у нас не будет единства взглядов на наши взаимные отношения — это будет невыносимо и пагубно. Я первый постараюсь разрушить такой шаткий, жалкий и бессильный союз в падеже на создание лучшего. при более подходящем составе. Теперь же я требую, в виду высказанного некоторыми членами недоверия и пренебрежения, признания за уставом его обязательности для всех членов и серьезного к нему отношения»<sup>1</sup>.

Полного единства взглядов землевольцы никогда не достигли, тем не менее «Земля и воля» превратилась в «превосходную организацию», которая, по словам В. И. Ленина, «нам всем должна бы была служить образцом», «ибо всякое революцион-

<sup>1</sup> «Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 93—94.



ное направление, если оно только действительно думает о серьезной борьбе, не может обойтись без такой организации»<sup>1</sup>.

«Земля и воля» с самого момента зарождения приступила к активной деятельности, что получило особенно яркое выражение в демонстрации на Казанской площади 6 декабря 1876 г.

Разночинная интеллигенция, как мы уже говорили, не была сломлена арестами 1875 г. и продолжала борьбу. Ее возбужденное настроение искало выхода в активных действиях. В начале марта 1876 г. умер заболевший в заключении чахоткой студент П. Ф. Чернышев. 3 марта молодежь устроила его похороны и превратила их в грандиозную, при стечении 2—3 тыс. человек, политическую демонстрацию, закончившуюся произнесением революционных речей у могилы Чернышева. Плеханов говорил, что демонстрация произвела громадное впечатление<sup>2</sup>.

Поздней осенью 1876 г. стала готовиться вторая демонстрация. На этот раз молодежь намеревалась собраться на Исаакиевскую площадь под предлогом отслужить панихиду по русским добровольцам, погибшим в Сербии в борьбе против турок. Но организовать ее не удалось.

Тогда в среде землевольцев и рабочих, где они вели пропаганду, родилась мысль выразить своей демонстрацией протест против продолжавшейся в стране политики белого террора. Новая организация тем самым хотела заявить о своем существовании и мобилизовать революционные силы на продолжение борьбы. Как вспоминал Плеханов, вечером 4 декабря 1876 г. состоялось собрание, на котором, кроме «землевольцев», были влиятельнейшие рабочие с разных концов Петербурга. На нем был решен вопрос о демонстрации и о красном знамени с надписью «Земля и воля». 5 декабря землевольцы обходили рабочие кварталы Петербурга, готовя выступление на следующий день.

Наступило 6 декабря. Это был «Николин день». В Казанском соборе шла служба. Среди верующих собралась молодежь, а затем по сигналу она вышла на площадь. По словам Плеханова, в собравшейся толпе было 200—250 рабочих.

Демонстрация началась пламенной речью Плеханова, которую он закончил словами: «Наше знамя — их знамя; на нем написано «Земля и воля» крестьянину и работнику. Вот оно. Да здравствует Земля и воля!»<sup>3</sup>.

«Речь, — говорил прокурор на суде над демонстрантами, — была окончена при криках «браво», «браво» и аплодисментах

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 135. Разумеется, В. И. Ленин имел здесь в виду сам принцип создания боевой, централизованной партии, а не копирование большевиками организационных форм землевольцев.

<sup>2</sup> На смерть студента Чернышева было написано ставшее впоследствии революционной песней стихотворение «Замучен тяжелой неволей».

<sup>3</sup> Цит. по: П. С. Ткаченко, указ. соч., стр. 161.

столпившейся около говорившего молодежи. В тот же момент был выкинут над этой толпой красный флаг с надписью «Земля и воля». Его держал в руках поднятый демонстрантами шестнадцатилетний рабочий Яков Потапов. «Эта выходка, — говорилось далее в обвинительном заключении, — сопровождалась криками «ура» и бросанием в воздух шапок»<sup>1</sup>. Раздались возгласы: «Да здравствует социальная революция, да здравствует «Земля и воля!»<sup>2</sup>.

Первые полицейские, бросившиеся к знамени, были сбиты демонстрантами. Когда к ним подоспело подкрепление, среди демонстрантов послышались призывы: «Братцы, идите плотнее, не расходитесь!..» Тогда со словами «Вперед за мной!» выдвинулась шестнадцатилетняя девушка Шефтель.

«Молодежь, — свидетельствует далее обвинительный акт, — сплотилась еще теснее и тронулась от собора по направлению к памятнику Кутузова. В этом месте подоспели несколько городских... производившая демонстрацию толпа вступила в драку с чинами полиции и помогавшими им частными лицами (лавочниками и дворниками. — В. А.)... Продолжая таким образом сопротивление, производившая демонстрацию толпа дошла до угла Невского проспекта и Казанской площади... где, наконец, беспорядок был прекращен»<sup>3</sup>.

Демонстрантам удалось уберечь от ареста Плеханова, Натансона и других главных организаторов. Полиция хватала не успевших скрыться. Она арестовывала и лиц, не принимавших в демонстрации никакого участия. В их числе оказался и студент Емельянов (Боголюбов), ставший в период заключения жертвой полицейского глумления.

Суд над демонстрантами, как обычно, был жестоким. Емельянов (Боголюбов), Бибергаль и Чернявский были осуждены на 15 лет каторжных работ в рудниках; Бочаров и Гервасий заключены в крепость на 10 лет. Власти не постеснялись отправить в ссылку несовершеннолетних Якова Потапова и Фелицию Шефтель.

В. И. Ленин отмечал Казанскую демонстрацию как одну из важных вех допролетарского периода революционной борьбы. В 1901 г. он писал в «Искре»: «Две недели тому назад мы отмечали 25-летие первой социально-революционной демонстрации в России 6 декабря 1876 г. на Казанской площади в Петербурге...»<sup>4</sup>.

На современников демонстрация произвела разное впечатление. Одни считали ее ненужной и губительной, другие не нахо-

<sup>1</sup> «Государственные преступления в России в XIX веке», т. II, стр. 4.

<sup>2</sup> П. С. Ткаченко, указ. соч., стр. 161.

<sup>3</sup> «Государственные преступления в России в XIX веке», т. II, стр. 4, 5.

<sup>4</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 369.

дили в ней той решительности и размаха, которые были свойственны их натурам и помыслам. Даже сами организаторы, как об этом говорил Плеханов, не знали наверняка, тот ли они избрали путь. Они искали, и не вина их, что, сделав попытку выйти на правильную дорогу, они не пошли по ней.

Полиция разгромила демонстрацию, но землевольцы отступили с боем и организованно, с сознанием своей моральной победы. И тот факт, что после демонстрации они усилили пропаганду среди рабочих, свидетельствует о пользе извлеченного из нее опыта. Но они не могли разглядеть в рабочем классе самостоятельную историческую силу и продолжали относиться к нему как посреднику, как необходимому промежуточному звену, которое должно соединить интеллигенцию и крестьянство.

В дальнейшем, учитывая опыт Казанской демонстрации и руководствуясь своей программой, землевольцы шли к рабочим с определенной, конкретно выраженной целью: не столько пропагандировать их в духе идей социализма, сколько, пользуясь «ближайшими», главным образом экономическими, требованиями, обострять их чувство ненависти к правительству, сеять в их среде дух бунтарства. Поэтому организации протеста рабочих члены рабочей группы «Земли и воли» придавали особое значение. С оживлением рабочего движения к концу 70-х годов при их участии было подготовлено и проведено ряд стачек.

В январе 1878 г. на Васильеостровском патронном заводе в результате взрыва пороха, происшедшего по вине хозяев, погибло 6 рабочих. Многие были изувечены. Землевольческий рабочий кружок быстро откликнулся на трагическое событие воззванием, в котором ставил его в связь с общим положением пролетариата в России. Похороны погибших землевольцы пытались превратить в политическую демонстрацию. Когда рабочий начал произносить речь, полиция, все время сопровождавшая похоронную процессию, хотела произвести аресты, но по примеру Г. В. Плеханова, первым бросившегося на выручку арестованного оратора, вся масса «дружно кинулась на оторопевших полицейских». Схватка окончилась удачно, «никто не был арестован», — свидетельствовал Антекман.

«Дружный отпор» полиции, говорил Плеханов, произвел прекрасное впечатление как на рабочие кружки Петербурга, так и на «бунтарскую интеллигенцию». Он доказывал, что даже не затронутые пропагандой рабочие вполне «способны к решительному и единодушному действию и в подходящую минуту не испугаются союза... с революционерами»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Цит. по: О. В. Антекман, Общество «Земля и воля» 70-х гг., Пг., 1924, стр. 319.

В марте и ноябре 1878 г. на прядильной фабрике Кенига (в Петербурге) дважды рабочие объявляли стачку, и «земле-вольцы оказывались во главе стачечного движения: они руководили забастовщиками, поддерживали их и в духовном, и в материальном отношении»<sup>1</sup>.

Большую активность землевольцы проявили во время совместной забастовки рабочих фабрик Шау и Новой Бумагопрядильни, происшедшей в начале 1879 г. Забастовкой руководила «рабочая группа». Она организовала широкий сбор средств в помощь забастовщикам, каждый день она действовала по разработанному накануне плану. А. Д. Михайлов, и здесь оказавшийся выдающимся организатором, был душой «рабочей группы», и он же больше всех за день собирал денег в кассу стачечников.

Было бы большой ошибкой утверждать, что землевольцы стояли во главе всего рабочего движения тех лет. При всей значительности их деятельности среди рабочих она была направлена не на организацию складывающегося пролетариата, а лишь на подготовку из наиболее способных рабочих пропагандистов и агитаторов в деревне.

20 февраля 1879 г. в № 4 «Земли и воли» Плеханов в переловой статье, посвященной рабочему вопросу<sup>2</sup>, признавал недостаточность, даже слабость деятельности революционеров в городах, малую авторитетность в массе рабочих-социалистов, изолированность рабочих кружков от всей массы рабочих. «Вопрос о городском рабочем, — писал Плеханов, указывая на недооценку землевольцами роли пролетариата, — принадлежит к числу тех, которые, можно сказать, самой жизнью самостоятельно выдвигаются вперед на подобающее им место, вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей».

Плеханов уже понял, что фабрика, собирая массы рабочих, быстрее их организует, сплачивает и превращает в грозную силу. Он указывал, что на рабочих надо смотреть как на силу, которая может в момент революции выступить самостоятельно как «союзник крестьян». Восстав одновременно с крестьянами, рабочие парализуют, скуют силы правительства в центрах, отвлекут их от деревень; с другой стороны, они, «разойдясь по селам и деревням... сыграют роль «воровских предестиников», оказавших столько услуг Разинскому и Пугачевскому движению... подготовят почву для приближающейся лавины революционного движения». Чтобы рабочие выполнили эту миссию, необходимо революционизировать всю их массу.

<sup>1</sup> О. В. Ангекман, Общество «Земля и воля» 70-х гг., стр. 320.

<sup>2</sup> См.: «Революционная журналистика семидесятых годов», Ростов-на-Дону, стр. 194—200.

Плеханов и определенная часть народников начинали подыматься несколько выше в осмысливании роли классов в революционной борьбе. Но обращение с агитацией ко всей массе рабочих, по мнению Плеханова, возможно будет лишь при такой ее организации, какая практикуется в Западной Европе. В России, указывал он, особые условия, и ее рабочему, как и крестьянину, одинаково близок лозунг «Земли и воли». Рабочие представлялись ему еще «частью того же самого крестьянства».

В другой статье «Земля и воля»<sup>1</sup>, тепло приветствуя создание «Северного союза русских рабочих», в то же время выражала несогласие с тем значением, которое придавалось его программой требованиям политической борьбы. «Земля и воля» поднялась выше своих предшественников в оценке исторической роли рабочего класса, она вышла с ним на демонстрации, признала стачку как важную форму его борьбы и помогала рабочим организовывать и проводить забастовки. Однако землевольцы еще не осознали, что и в России пролетариат может стать самостоятельной и решающей силой революции, что свои экономические нужды он может ярче и сильнее всего выразить и отстаивать в формах политической борьбы. Как в своих отношениях с крестьянами, так и с рабочими землевольцы остались выразителями их непосредственных каждодневных экономических нужд и требований.

Пропаганду они признавали важной и необходимой только в среде интеллигенции. Они, как свидетельствует Аптекман, активно пропагандировали свою программу в среде учащейся молодежи, создавая для этого в учебных заведениях кружки, собирая студенческие сходки. Одновременно они занимались и агитацией, пользуясь любым подходящим поводом для организации протеста и демонстраций студентов. С января 1878 г. студенческое движение начало усиливаться. Землевольцы умело использовали его в агитационных целях. Плехановым был составлен адрес от петербургских студентов министру юстиции Палену. В нем указывалось «на вопиющие злоупотребления и насилия» властей. Отпечатанный типографией «Земли и воли», он был распространен в качестве агитационной листовки. Вслед за столичными адрес Палену составили студенты Московского университета, которые одновременно послали представителей в Петербург «с целью установления единообразия в действиях».

Осенью и зимой 1878 г. студенческое движение превратилось в подлинное «всероссийское волнение». «... Даже петербургские путейцы, — писал Аптекман, — всегда корректные и лояльные, решились примкнуть к общему движению»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> См.: «Революционная журналистика семидесятых годов», стр. 200—202.

<sup>2</sup> О. В. Аптекман, Общество «Земля и воля» 70-х гг., стр. 311.

Немалую роль в этом грандиозном студенческом движении, ставшим одним из важных элементов возникшей в стране в 1879 г. новой революционной ситуации, играли землевольцы. Однако активизация рабочего и студенческого движения в 1878—1879 гг. не отвлекла внимания интеллигенции от главного для них вопроса — работы среди крестьянства. Они уже в 1876 г. стали создавать пробные поселения «в народе».

Процессы 1877 г., которыми правительство хотело, как грозным ударом, поразить политических врагов, лишь наэлектризовали революционную среду. На этот удар революционная интеллигенция ответила новым «походом в народ». Вот что писал о нем Александр Михайлов: «В 1877 г. весной почти весь кружок народников, местным своим составом, вместе с десятками связанных с ними людей, двинулись в народ, так как там, в организации народных вожаков и местных экономических протестах были все его надежды. В Самаре, Саратове, Царицыне, Астрахани, на Урале, в Ростове, на Кубани и вообще на юго-восточных окраинах образовался ряд поселений, но центр был Саратов»<sup>1</sup>.

Еще одно обстоятельство сыграло значительную роль в побуждении землевольцев к активной деятельности в народе. В 1877 г. отпрыски «Киевской коммуны» времен «хождения в народ» попытались осуществить свои бунтарские идеи. Одна группа южан во главе с Дебогорием-Мокриевичем и Фроленко сумела создать боевую дружину крестьян в Каневском уезде Киевской губернии, но, узнав о предательстве, успела вовремя разоружиться и уничтожить все компрометирующие ее документы. Более успешно действовала группа Стефановича (Дейч, Бохановский, Чубаров) в Чигиринском уезде той же губернии. В предшествующем году здесь произошло стихийное восстание крестьян против введения подворного землепользования. Произведенная властями расправа лишь обострила недовольство крестьян. Группа Стефановича решила воспользоваться этим обстоятельством, чтобы внести в стихийное движение организованность и довести дело до вооруженного бунта, успех которого, по мнению революционеров, должен был послужить сигналом ко всеобщему восстанию.

План группы Стефановича был основан на использовании царистских иллюзий крестьян. Все свои злоключения крестьяне приписывали властям и верили, что царь, узнав об их положении, непременно встанет за мужика. Взявшись быть ходоком к царю от имени крестьян, Стефанович затем явился к ним уже в качестве якобы его комиссара. Стефанович рассказывал крестьянам, что царь, приняв его, жаловался на чиновников и

<sup>1</sup> А. Д. Михайлов, Автобиографические заметки, «Былое», 1906, № 2, стр. 163.

помещиков, мешающих ему быть благодетелем народа, а поэтому чигиринцы должны создать дружину, вооружиться, и, когда поднимут восстание, он сам встанет во главе их. В подтверждение своего рассказа Стефанович читал крестьянам хорошо отпечатанный текст «Царской грамоты», в которой крестьянам давался указ создать дружину. Революционеры отпечатали и «Устав тайной дружины» с приложением к нему текста клятвы.

Нужно было обладать большим талантом организатора, чтобы затея, представлявшая собой мистификацию, могла удасться. Стефанович заставил крестьян поверить, присягнуть, сам дал присягу и в течение нескольких месяцев создал дружину в несколько сот человек по типу военно-казацкой организации. Организация и вооружение народа в обстановке всеобщего недовольства крестьян происходили почти открыто. Последовал донос. Руководители и масса дружинников осенью 1877 г. были арестованы. Многие поплатились ссылкой в Сибирь. Зимой 1877—1878 г. Большой совет «Земли и воли» горячо обсуждал этот факт и, хотя официально не было принято решения испробовать опыт Стефановича на Волге, на чем особенно настаивал Валериан Осинский, тем не менее многие землевольцы отнеслись к нему весьма сочувственно и, разъезжаясь на поселения, непрочь были его повторить.

Новое устремление революционной интеллигенции «в народ» ставило те же конечные цели — поднять крестьянство на революционную борьбу, но рассчитывало добиться своей цели не сразу, а путем постепенного сближения с народом в качестве выразителей и защитников его интересов «данной минуты».

Это не означает, что землевольцы намеревались затаиться и ждать. Они, как писал А. Д. Михайлов, думали добиться доверия народа активными действиями, вплоть до участия в возможных крестьянских движениях. Землевольцы должны были расширять и направлять выступления крестьян в целях «Земли и воли», выявлять, сплачивать и, «по возможности», расширять мировоззрение народных вожakov, создавать из активных представителей народа боевые дружины, которые «должны служить оплотом начинающимся движениям». Достигнуть сближения с народом можно было, по мнению землевольцев, поселением революционеров в деревнях под видом учителей, врачей, деятелей земских канцелярий, ремесленников, лавочников и т. п. Каждый из этих родов деятельности ставил их в непосредственную связь с народом и открывал возможность заслужить доверие и любовь крестьян.

В деревни, олуטанные полукрепостническими отношениями и капиталистической кабалой, измученные правительственным гнетом, голодом и болезнями, оставшиеся во мраке невежества, двинулись партия за партией люди высоких помыслов, природы чистые, самоотверженные. Они были гордостью своей эпохи.

«... Некоторые представители администрации и земства, — писал О. В. Антекман, — узнавши, что лица, с которыми они по разным делам сталкивались, принадлежат к социалистической партии, говорили, что если все социалисты таковы, то они вскоре завоюют народ»<sup>1</sup>.

Недаром отпрыск одного из княжеских родов заметил о появившихся в деревне, где он жил, сестрах Вере и Евгении Фигнер: «Новые люди приехали к нам». Вера Николаевна Фигнер, впоследствии мученица и героиня Шлиссельбургской крепости, своей работой в Самарском поселении землевольцев в качестве фельдшера приобрела широкую популярность в народе и его любовь. Скромная личная жизнь, отказ от всяких приношений, готовность в любой момент прийти на помощь всякому человеку — все это было разительным диссонансом с существовавшими порядками в деревне и нарушало «ту систему хищения и бессовестного эгоизма, которая, начинаясь миллионами у подножия трона, спускалась по нисходящим ступеням до грошей сельских обывателей»<sup>2</sup>.

Вот что рассказывала о работе в деревне В. Н. Фигнер: «Бедный народ стекался ко мне, как к чудотворной иконе, целыми десятками и сотнями; около фельдшерского домика стоял с утра до позднего вечера целый обоз... Народу было в диковинку внимание, подробный расспрос и разумное наставление, как употреблять лекарство. В первый месяц я приняла 800 человек больных, а в течение 10 месяцев — 5000 человек, столько же, сколько земский врач в течение года в городе, при больнице, с помощью нескольких фельдшеров»<sup>3</sup>.

В трех волостях участка, которые обслуживала В. Н. Фигнер, не было ни одной школы. Ее сестра Евгения стала бесплатно учить крестьянских детей. Успех нового предприятия сестер тоже был большим. «Некоторые из учеников были привезены к Евгении из других сел и деревень, иногда верст за 20. Кроме учеников маленьких, были и взрослые, некоторые мужики просили заниматься с ними арифметикой»<sup>4</sup>.

На примере сестер Фигнер раскрывается и другая сторона деятельности землевольцев в деревне. «Покончив занятия в аптеке и школе, которая помещалась в том же фельдшерском домике, мы, — писала В. Н. Фигнер, — брали работу, книгу и шли «на деревню» к кому-нибудь из крестьян... Начиналось чтение: в 10—11 часов хозяева все еще просили почитать еще... Каждый раз приходилось говорить об условиях крестьянской жизни, о земле, об отношениях к помещику, к властям: вхо-

<sup>1</sup> О. В. Антекман, Общество «Земля и воля» 70-х гг., стр. 345.

<sup>2</sup> В. Фигнер, Запечатленный труд, т. I, М., 1933, стр. 115.

<sup>3</sup> Там же, стр. 113.

<sup>4</sup> Там же, стр. 114.



дить в крестьянские нужды, выслушивать их сетования, надежды; сочувствовать их горю, разделять симпатии и антипатии... Приглашали прийти на сход, чтобы обличить кляузы писаря, его взяточничество, мошенничество старшины, чтобы защитить мир»<sup>1</sup>.

Земледелец — учитель, врач, писарь, юрист, агроном, — приезжая в деревню, прекращал лихоимство, взяточничество, всюду выступал на стороне крестьян. Разумеется, революции такими мерами не вызываются, но добрые семена бросались на благодатную почву. У крестьян тех деревень, где работали земледельцы, пробуждалось сознание человеческого и гражданского достоинства. Чувствуя поддержку, они смелее отстаивали свои права.

Шпионивший за сестрами Фигнер священник села Вязьмино доносил в земскую управу, что со времени их приезда «душевное настроение его паствы изменилось: храм божий мало посещается, усердие оскудело, народ стал дерзок и своеволен»<sup>2</sup>.

Приведем один из примеров такого «своеволия» крестьян. «В январе 1879 г., — вспоминала В. Н. Фигнер, — в нашей волости должны были происходить выборы должностных лиц; на волостном сходе крестьяне избрали нового старшину и на 100 р. убавили писарю жалованье. Это произвело бурю»<sup>3</sup>.

Власти объявили сход незаконным. На новые выборы явился сам предводитель дворянства Устинов, и «порядок» был обеспечен: писарь-взяточник оставлен и жалованье ему восстановлено.

Подобные факты стали обнаруживать беспочвенность и бесперспективность пламенных надежд земледельцев подвести крестьян к решительной борьбе за землю и волю. Некоторые из них стали понимать, что без политических свобод, при всеилии реакции, добиться какого-либо ощутимого результата нельзя. Жизнь неумолимо и властно отрывала их взор от будней экономической жизни и обращала его на ту политическую систему, которая охраняла существующий строй.

«Мы уже видели ясно, — писала В. Н. Фигнер, — что наше дело в народе проиграно. В нашем лице революционная партия терпела второе поражение, но уже не в силу неопытности своих членов, не в силу теоретичности своей программы, желания навязать народу чуждые ему цели и недоступные идеалы, не в силу преувеличенных надежд на силу и подготовку массы; нет и нет, — мы должны были сойти со сцены с сознанием, что наша программа жизненна, что ее требования имеют реальную почву в народной жизни, и все дело в отсутствии полити-

<sup>1</sup> В. Фигнер, указ. соч., стр. 114.

<sup>2</sup> Там же, стр. 116.

<sup>3</sup> Там же, стр. 117.

ческой свободы»<sup>1</sup>. К такому же выводу в конечном счете пришли почти все деятели русской революции того времени. Добывать политическую свободу они начали теми средствами, которые диктовались их теоретическими положениями и наличием имеющихся у них сил.

Дезорганизаторская деятельность «Земли и воли», рассчитанная на самооборону, постепенно активизировалась и стала приобретать самостоятельное значение.

Предатель — рабочий Шарашкин — весной 1877 г. выдал главу организации М. Натансона и летом был убит землевольцами. 24 января 1878 г. отважная революционерка В. И. Засулич в приемной, при посетителях и служащих, в упор выстрелила в петербургского градоначальника Трепова. Это была расправа за истязание Треповым осужденного на каторгу студента Емельянова (Боголюбова). 31 марта 1878 г. суд присяжных оправдал В. И. Засулич. Процесс по делу В. И. Засулич вызвал широкую реакцию в прессе и обществе. В связи с ним состоялась грандиозная демонстрация, в которой принимали участие, кроме интеллигенции, и рабочие Петербурга.

Газета «Начало», издававшаяся группой петербургских революционеров, расценивала оправдание Засулич как обвинение Трепова, и не только одного его: «С ним вместе были пригвождены к позорному столбу и вся администрация, вся система правления, все внутренние порядки императорской России»<sup>2</sup>. Присутствующие на процессе встретили оправдательный приговор громкими аплодисментами. Когда Засулич вышла из зала, огромная толпа, собравшаяся у здания суда, восторженными криками встретила «эту великодушную, отважную девушку, наказавшую злодея... Сначала ее понесли на руках, потом повезли в карете...» — писала газета. Полиция, направив демонстрацию на безлюдные улицы Петербурга, подготовила там засаду и устроила настоящую бойню. Власти хотели отбить у демонстрантов героиню и вновь арестовать ее. Юноша Сидорацкий, особенно энергично охранявший ее, получив несколько ударов по голове и лицу, выхватил пистолет, стал отстреливаться, но был убит жандармом. Полиция и жандармы, разогнав демонстрацию, трусливо бежали, оставив на мостовой тело убитого. Засулич была спасена и переправлена за границу.

Через несколько дней после выстрела Засулич, в ночь с 30 на 31 января 1878 г., в Одессе при обыске на квартире Воскресенского Иван Ковальский оказал вооруженное сопротивление жандармам. Выбитые из квартиры жандармы с помощью солдат осадили дом. Раздались залпы. На место событий стал схо-

<sup>1</sup> В. Фигнер, указ. соч., стр. 120—121.

<sup>2</sup> «Революционная журналистика семидесятых годов», стр. 34.

даться парод. Один из осажденных, выйдя из балкон, обратился с пламенной речью к собравшимся, но меткий выстрел прекратил его речь. Отступая с боем из комнаты в комнату, революционеры после часового сопротивления войскам были арестованы.

Вслед за этим Валериан Осинский, уехавший на юг для организации террористической борьбы, пытался застрелить товарища киевского прокурора Котляревского, а Попко убил жандармского офицера барона Гейкинга.

24 июля 1878 г. в ответ на вынесение смертного приговора Ковальскому в Одессе перед зданием суда рабочие и революционная интеллигенция выразили решительный протест. На них бросились солдаты. Началась свалка, в которой были убиты революционеры Полтавский и Погребницкий. Уличные выстрелы стали слышны в зале суда. «Слышите, судьи, слышите? — заговорил Ковальский. — Это голос общественной совести! Общество просыпается от векового сна... Я теперь спокойно могу умереть. Месть за меня еще впереди»<sup>1</sup>.

4 августа 1878 г. среди белого дня на улице Петербурга Сергей Кравчинский исполнил смертный приговор революционеров над шефом жандармов Мезенцевым.

«Непосредственная активная борьба с правительством, в той или другой форме, фактически становится стимулом революционных действий людей 1878 г. ... Революционные силы все более и более стягиваются в город, борьба все более и более непосредственно направляется на правительство — она становится политической борьбой»<sup>2</sup>, — так характеризовал О. В. Аптекман развитие новых тенденций в «Земле и воле».

Постепенно средства самообороны все чаще и чаще используются революционерами для нападения. Начав с уничтожения шпионов и представителей исполнительной власти, террористы добрались до шефа жандармов, непосредственного охранителя трона. Карающая рука уже заносилась над головой самого царя.

Царское правительство со слепой ненавистью снова бросилось искоренять «крамолу». Массовые обыски и аресты сначала не давали результата. Но 15 октября 1878 г. власти, наконец, добрались до центра «Земли и воли». Были арестованы Ольга Натансон, Адриан Михайлов, Обошешев, Леонид Буланов, Малиновская, Каленкина, Бердников и другие.

Александр Михайлов, незадолго перед тем выехавший на Дон, где землевольцы хотели воспользоваться происходившими тогда волнениями казаков в своих целях, срочно возвращается

<sup>1</sup> О. В. Аптекман, Общество «Земля и поля» 70-х гг., стр. 328.

<sup>2</sup> Там же, стр. 333.

в Петербург для восстановления организации. Людей не хватало для расширения поселений, а теперь приходилось отвлекать оттуда силы для работы в центре. Благодаря нечеловеческой энергии Михайлова, чей организаторский талант раскрылся в этот момент в полную силу, и помогавших ему Плеханова, Зунделевича, Квятковского и других организация была восстановлена и, по словам современников, стала еще более крепкой. 25 октября 1878 г. вышел первый номер журнала «Земля и воля».

Формально землевольцы продолжали ориентироваться на деревню, но, по существу, терроризм все более овладевал их сознанием и неотвратно склонял к политической борьбе. Мнения центра разделились. Сам А. Д. Михайлов уже прочно стоял за политическую борьбу. Несомненно, налицо был кризис землевольчества. В развитии революционного движения России этот этап необходимо рассматривать как начало перехода к новой, более совершенной форме борьбы, которая вследствие отсталости мировоззрения народников сводилась ими главным образом к актам индивидуального террора. Не желая в том признаться, землевольцы своим наступлением на правительство, организацией и участием в политических демонстрациях, стачках рабочих фактически уже открыли фронт политической борьбы. Осталось не так много времени до тех пор, когда «деревенщики», как стали называть сторонников старой тактики, превратились в тыловой отряд, а затем и совсем сошли с арены революционного движения в России.

1879 г. в жизни «Земли и воли» стал роковым. Он начался вооруженным сопротивлением Осинского и Лешера, арестованных 29 января в Киеве. 9 февраля Гольденберг убил харьковского губернатора князя Кропоткина. 13 марта Мирский сделал неудачную попытку убить нового шефа жандармов Дрентельна. Политические убийства слуг царя привели революционеров к мысли о цареубийстве. «Становилось странным, — писала В. Н. Фигнер, — бить слуг, творивших волю пославшего, и не трогать господина; политические убийства фатально приводили к цареубийству, и мысль о нем явилась у Гольденберга и Кобылянского почти одновременно с тем, как она овладела Соловьевым»<sup>1</sup>. 2 апреля Соловьев стрелял в царя, но неудачно.

Упомянутые покушения вызвали новую волну реакции. С другой стороны, они окончательно поставили организацию перед необходимостью определить дальнейшие пути борьбы в создавшихся условиях. Это было тем более необходимо, что «Земля и воля» к тому времени как единое целое фактически перестала существовать. Сторонники политической борьбы — А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, Л. А. Тихомиров, М. Н. Оша-

<sup>1</sup> В. Фигнер, указ. соч., стр. 121.

нина, А. И. Баранников, А. И. Зунделевич и другие — втайне от «деревенщиков» — Г. В. Плеханова, М. Р. Попова, О. В. Аптекмана, А. И. Игнатова — организационно обособились, именую себя Исполнительным Комитетом Северно-Революционной партии. Исполнительный Комитет стал создавать из сторонников террора боевую группу. Девиз ее был «Свобода или смерть». В состав группы вошел и выдающийся ученый и революционер Н. Кибальчич.

Влияние сторонников политической борьбы сказалось на содержании последнего номера журнала «Земли и воли» (№ 5). Его передовая статья, написанная Л. Тихомировым, звала к активизации боевых действий в деревне и рекомендовала вводить там аграрный террор. В другой статье того же номера «Отголоски 2 апреля» журнал заявлял, что царь, вводя в ряде губерний страны в ответ на покушение на свою жизнь военное положение и наделив губернаторов неограниченными полномочиями «для охранения порядков во вверенном им крае», тем самым бросил вызов революционерам. «Мы принимаем брошенную нам перчатку, — писал журнал, — мы не боимся борьбы и в конце концов взорвем правительство, сколько бы жертв ни погибло с нашей стороны»<sup>1</sup>.

Стремление к политической борьбе обнаруживалось и в среде «деревенщиков» на местах. Группа В. Н. Фигнер, из которой вышел Соловьев, уйдя из деревень, на своем последнем собрании в Саратове приняла решение, «что в деревню надо внести огонь и меч, аграрный и полицейский террор, физическую силу для защиты справедливости»<sup>2</sup>. Сама В. Н. Фигнер высказалась за вступление в члены «Земли и воли»<sup>3</sup> с целью «поддерживать тех, кто будет стоять за цареубийство».

В организации назрел кризис<sup>4</sup>, для преодоления которого землевольцы летом 1879 г. провели свой съезд. Местом съезда был назначен Воронеж, но убежденные сторонники террора во главе с А. Д. Михайловым предварительно решили тайно собраться в Липецке, тогда уездном городке Воронежской губернии.

Сторонники политической борьбы собрались в Липецке несколько раньше намеченного в Воронеже съезда — с 17 по 20 июня. Здесь были члены Исполнительного Комитета Михайлов, Морозов, Тихомиров, Баранников, Квятковский, Фроленко. Ими были вызваны в Липецк с юга не входившие в состав

<sup>1</sup> «Революционная журналистика семидесятых годов», стр. 267.

<sup>2</sup> В. Фигнер, указ. соч., стр. 120.

<sup>3</sup> В. Н. Фигнер была в составе группы сепаратистов, примыкавших к «Земле и воле».

<sup>4</sup> Подробнее см.: В. А. Твардовская, Кризис «Земли и воли» в конце 70-х годов, «История СССР», 1959, № 4.

«Земли и воли» сторонники террора Желябов, Колодкевич, Гольденберг и член группы «Свобода или смерть» Ширяев<sup>1</sup>.

Как свидетельствовали участники съезда (в частности, Морозов и Фроленко)<sup>2</sup>, существенных разногласий между ними не было. Выработанная ими линия поведения на Воронежском съезде была сформулирована следующим образом. «Наблюдая современную жизнь в России, — говорилось в принятой ими программе, — мы видим, что никакая деятельность, направленная к благу народа, в ней невозможна вследствие царящего в ней правительственного произвола и насилия. Ни свободного слова, ни свободной печати для действия путем убеждения в ней нет. Поэтому всякому передовому общественному деятелю необходимо прежде всего покончить с существующим у нас образом правления, но бороться с ним невозможно иначе как с оружием в руках»<sup>3</sup>. Таким образом, борьба для достижения строя, при котором «можно будет беспрепятственно обсуждать в печати и на собраниях все политические и социальные вопросы и решать их посредством свободных народных представителей», становится их основной целью. Сама идея борьбы за политические свободы означала коренной поворот от утопических доктрин народничества, но осуществление ее лицецкие «политики» ставили в зависимость не от развития классової борьбы, а связывали с заговором узкой группы революционеров, действующих по методу героя швейцарской легенды Вильгельма Телля, поразившего притеснителя и тем самым давшего сигнал народу к восстанию. Следовательно, участники Липецкого съезда сделали лишь шаг вперед в поисках правильной теории, но этот шаг исчерпывал все возможности, заключенные в революционности народничества.

На последнем заседании А. Д. Михайлов выступил со страстной речью — обвинительным актом против Александра II.

Опасаясь резкой оппозиции своей платформе в Воронеже, Липецкий съезд принял решение, что в случае решительного несогласия с ней Исполнительный Комитет станет действовать самостоятельно.

Воронежский съезд открылся 20 и продолжался до 24 июня.

На первом же его заседании, происходившем на лужайке Ботанического сада, произошла бурная сцена. Плеханов, выразив решительное несогласие с тактикой политической борьбы, покинул съезд. С глубокой грустью собравшиеся тревожными взорами провожали его одинокую фигуру, медленно удаляв-

<sup>1</sup> См.: В. А. Твардовская, указ. статья. «История СССР», 1959. № 4, стр. 70.

<sup>2</sup> См.: Н. А. Морозов, Повести моей жизни, т. II, М., 1961, стр. 420—425; М. Фроленко, Начало «Народовольчества». «Каторга и ссылка», кн. 24, М., 1926, стр. 23.

<sup>3</sup> Н. А. Морозов, Повести моей жизни т. II, стр. 420—421.

шуюся в глубь леса. Тут же решили считать его исключенным из организации. Дальше, вопреки ожиданиям, работа пошла без обострений. Выдвижение в порядок дня новой тактики борьбы не оказалось столь уж чуждым и непримлемым для «деревенщиков». Они не проявили к ней нетерпимости, и в результате съезд принял компромиссное решение.

Оставаясь в организации, Исполнительный Комитет добился для себя автономного положения в ней. Он получил право вербовать себе членов без согласия «Земли и воли», иметь свой печатный орган.

Основные положения программы «Земли и воли», как писал О. В. Аптекман, остались неизменными. Деревня признавалась основной сферой деятельности землевольцев, но в пункт об агитации единогласно вводилось положение об аграрном терроре. Было принято решение согласиться с политическим террором, но он признавался как крайняя, исключительная мера, вызываемая к жизни необходимостью данной, конкретной ситуации. Большинство голосов съезд высказался в пользу царубийства. Было решено, что введение в стране военного положения создало именно ту исключительную обстановку, которая вызывает необходимость террористического акта против царя. В общем, несмотря на сохранение старой программы, съезд, по меткому выражению Н. А. Морозова, принял «террористическую окраску». Из трех членов редакции «Земли и воли», двое — Морозов и Тихомиров — были сторонниками политического террора.

На съезде в состав «Земли и воли» были приняты Желябов, Ширяев, Колодкевич, Засулич, Стефанович (последние двое заочно: они находились за границей) и другие.

Казалось, «Земля и воля» была спасена от распада, но на деле, разъехавшись, примирившиеся в Воронеже фракции стали действовать обособлено. Более того, между ними стали происходить частые столкновения. 15 августа в Петербурге собрался новый съезд организации, где произошел полный ее раскол. «Деревенщики» стали именовать свою организацию «Черный передел», а «политики» — «Народной волей».

### «Черный передел»

К концу 70-х гг. пролетариат России далеко еще не представлял собой сложившегося класса, однако он имел уже некоторый опыт классовой борьбы и классовой организации. Стихийная тяга рабочих к политической борьбе привела их в декабре 1876 г. на Казанскую площадь. С тех пор рабочие все чаще и чаще прибегали к демонстрациям, а стачки их в конце десятилетия стали уже обычным явлением жизни. Возникший

в условиях подъема рабочего движения «Северный союз русских рабочих» объявил своим оружием политическую борьбу. Возражения «Земли и воли» против этой тактики были слабыми и ненастойчивыми, так как многие ее деятели уже отходили от землевольческих поселенцев и становились «политиками». Ожила политическая деятельность либерально-буржуазных кругов общества. Самодержавно-бюрократическая система управления страной находилась в руках помещичье-чиновничьего сословия, охранявшего остатки крепостничества и тем самым сдерживавшего развитие капитализма. Все более обнаруживавшееся несоответствие политической надстройки экономическому базису, полное бесправие трудящихся и усиление их эксплуатации — все это выдвигало политические проблемы на первое место. Они становились велением времени. И хотя часть землевольцев и слышать не хотела о посягательстве на традиционную тактику борьбы революционного народничества, подчеркнуто назвав свою новую организацию «Черным переделом», но в конечном счете и она вынуждена была подчиниться законам исторического развития. Именно из ее среды вышли люди, которые в конце концов тоже стали «политиками», но пошли другим путем, чем их предшественники-народовольцы. Они приняли политическую программу Маркса и положили начало русской социал-демократии.

В группу «Черный передел» вошли Г. Плеханов, М. Попов, Ю. Преображенский, О. Николаев, Н. Короткевич, М. Крылова, В. Игнатов, Л. Гартман, Я. Стефанович, О. Аптекман, Л. Дейч, П. Аксельрод, В. Засулич и другие, всего 21 человек<sup>1</sup>. Состав ее не был постоянным и однородным по убеждениям.

Идейная платформа новой организации в принципе не отличалась от землевольческой. Напротив, чернопеределовцы подчеркивали свою приверженность ей. В первом номере «Черного передела», вышедшем в свет 15 февраля 1880 г., Плеханов в заявлении «От редакции»<sup>2</sup> писал, что «Земля и воля» «по-прежнему остается нашим практическим, боевым девизом, так как эти два слова наиболее полно и широко выражают народные потребности, стремления и идеалы». В статье «Черный передел»<sup>3</sup>, помещенной в том же номере, Плеханов высказывался по программным вопросам новой группы. В ней он ссылался на широкое распространение в народе слухов о «черном переделе» и говорил о таком же ожидании его, каким жило крестьянство перед отменой крепостного права. Неминуемым исходом нового напряжения обстановки в стране он считал

<sup>1</sup> См.: «Черный передел», М.—Пг., 1922, стр. 91.

<sup>2</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. I, М.—Пг., 1923, стр. 108.

<sup>3</sup> Приняв название «Черный передел», группа тем самым хотела точнее и полнее выразить требования крестьянства.





Георгий Валентинович Плеханов

воздействие снизу, «вроде бунтов Разина, Пугачева и др.». Плеханов подчеркивал необходимость аграрной революции и уничтожения государства.

Идеал будущего Плеханов видел в удовлетворении следующих требований: «Свободное общинное самоуправление; предоставление всем членам общины сначала права свободного занятия земли «куда топор, коса и соха ходит», потом, с увеличением народонаселения, равных земельных участков с единственной обязанностью участвовать в «общественных разметках и разрубках»; труд, как единственный источник права собственности на движимость; равное для всех право на участие в обсуждении общественных

вопросов и свободное, реальными потребностями народа определяемое соединение общин в более крупные единицы — «земли». . . »<sup>1</sup>.

«Черный передел», как видим, пытался быть идейным наследником и продолжателем дела «Земли и воли», но эта попытка не принесла ему успеха. Политическая борьба, в которую с таким азартом втягивались вчерашние единомышленники, незаметно расшатывала устой чернопередельцев и вовлекала в свою орбиту их кадры. Еще в 1879 г. пришел на помощь «Народной воле» Гартман; в 1880 г. вообще наметилось улучшение отношений «Народной воли» с «Черным переделом». Южная группа «Черного передела» М. Р. Попова готовилась перейти в ряды «Народной воли», но провал помешал ей осуществить это желание.

В сентябрьском номере «Черного передела» за 1880 г. главный его теоретик Плеханов уже писал: «Мы приветствуем всякую борьбу за права человека, и чем энергичнее ведется эта борьба, тем более мы ей сочувствуем. «Света, больше света». На этом требовании сойдутся все честные и уважающие себя люди в России. Но, — продолжал он, — кроме выгод, которые, несомненно, принесет с собой политическая свобода, кроме задач ее завоевания, есть другие выгоды и задачи; и забывать о них невозможно именно в настоящее время, когда общественные отношения так обострились и когда, поэтому, нужно быть

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. I, стр. 111—112.

готовыми ко всему»<sup>1</sup>. Плеханов ожидал в это время народных волнений, поэтому писал: «Было бы очень печально, если бы, увлеченные политической борьбой, мы предоставили народным волнениям свершаться без нашего участия, воздействия и влияния»<sup>2</sup>. Деятельность в народе он пока ставил превыше всего, ибо видел в ней источник силы и успехов организации перед лицом врагов, которых у нее будет достаточно и в конституционной России. Самым существенным, сильным и жгучим для народа всегда и везде был и будет экономический вопрос, считал Плеханов. Всякое уклонение интеллигенции «с пути экономической революции будет наказываться ослаблением ее связи с народом, потерей ее значения, падением ее влияния в народной среде»<sup>3</sup>.

Далее Плеханов писал о «приемах революционной деятельности» в деревне. Хотя он и стоял в этих вопросах еще на старых позициях, следуя за теорией Бакунина, однако о политической борьбе говорил уже без раздражения, высказывал даже сочувствие ей. Но он считал ее всего лишь второстепенной задачей. Слабость своих бывших друзей, ставших на путь политической борьбы, Плеханов видел в отрыве их от масс. Пусть в его представлении революционной массой является крестьянство. Важно другое — сознание того, что без опоры на массы никакая организация не станет реальной и действенной силой.

Признание борьбы за крестьянские экономические интересы как главной задачи интеллигенции, писал Плеханов в заключении статьи, вовсе «не значит, чтобы в целях наших лежал какой-нибудь особенный, крестьянский социализм. Мы вовсе не отрицаем значения революционной работы в наших промышленных центрах. Такое отрицание невозможно для нас уже и потому, что мы не в состоянии определить заранее, из каких слоев трудящегося населения будут вербоваться главные силы социально-революционной армии, когда пробьет час экономической революции в России. В настоящее время промышленное развитие России ничтожно, и понятие «трудящиеся массы» почти покрывается понятием «крестьянство». Поэтому, говоря о практической деятельности, мы, главным образом, имеем в виду экономический быт, нужды и требования земледельцев. И если грозе социального переворота суждено предупредить значительные изменения в общественном строе России — главный интерес этого переворота сосредоточится на вопросе аграрном. Но пока мы делаем свое дело, русская промышленность также не стоит на одном месте. Нужда отрывает крестьянина от земли и гонит его на фабрики, на заводы. Рядом с этим,

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. I, стр. 125.

<sup>2</sup> Там же, стр. 126.

<sup>3</sup> Там же.

центр тяжести экономических вопросов передвигается по направлению к промышленным центрам.

Распределение наших сил должно сообразоваться с этим органическим процессом. Укрепившись на фабрике и в деревне, мы займем позицию, соответствующую не современному только положению, но всему ходу экономического развития России. Написавши на своем знамени девиз: — «рабочий, бери фабрику, крестьянин — землю», связавши в одно целое революционные организации промышленных и земледельческих рабочих, мы можем предоставить ход экономических изменений в России их естественному течению и не бояться их колебаний в ту или другую сторону»<sup>1</sup>.

Это высказывание Плеханова весьма симптоматично. В нем мы видим проблеск признания важной исторической роли пролетариата и ожидания скорого появления его на исторической арене России, и тогда центр тяжести, правда пока еще «экономических вопросов» передвинется «к промышленным центрам».

В «Заявлении прежних издателей «Черного передела», опубликованном в № 3 «Черного передела» (март 1881 г.), Плеханов писал: «...предостерегая партию от излишнего увлечения вопросами чисто политического свойства, «Черный Передел», думаем мы, лишился бы значительной доли практического значения, оставаясь вполне безучастным к политическому вопросу, столь жгучему теперь в России»<sup>2</sup>. А в письме редакции «Черного передела», помещенной в том же номере, он писал о значении политической борьбы еще более определенно: «...задача «Ч. П.» («Черного передела». — В. А.) может считаться оконченной лишь тогда, когда вся русская социалистическая партия признает главной целью своих усилий создание социально-революционной организации в народной среде, причем требование политической свободы войдет как составная часть в общую сумму ближайших требований, предъявляемых этой организацией правительству и высшим классам. Другую часть этих требований составят насущные экономические реформы, вроде изменения податной системы, введения правительственной инспекции на фабриках, сокращения рабочего дня, ограничения женского и детского труда и т. д., и т. д.»<sup>3</sup>.

Плеханов закончил свое письмо признанием необходимости слияния существующих фракций в одну социалистическую партию, так как, по его словам, исчезли основания, разделявшие русских социалистов.

Разошедшиеся в 1879 г. пути основных групп русских революционеров, по признанию главного деятеля «Черного пере-

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. I, стр. 131.

<sup>2</sup> Там же, стр. 133—134.

<sup>3</sup> Там же, стр. 135—136.

дела», к началу 1881 г. сошлись. Плеханов, как и его сторонники, в это время еще оставался народником, но, признавая политическую борьбу, он исходил из прежней, чисто «деревенской», позиции. Но вскоре, учтя неудавшийся опыт народовольцев и испытывая на себе все усиливающееся влияние идей Маркса и Энгельса, он со своими товарищами вырвется из сферы народнического мировоззрения и в 1883 г. создаст марксистскую группу «Освобождение труда».

К. Маркс, поддерживая саму идею политической борьбы, а не тактику «Народной воли», резко критиковал отсталую платформу «Черного передела», но он не дожид до того момента, когда главные деятели этой организации, порвав с народничеством, исторически утратившим свою прогрессивную роль в революционной борьбе в России, приняли его учение и положили начало русской социал-демократии.

Отвечая 6 марта 1884 г. на письмо В. И. Засулич, в которой она сообщала ему о большом интересе в России к серьезной теоретической литературе и успехах пропаганды социализма группой «Освобождение труда», Энгельс писал: «То, что Вы мне сообщаете о росте в России интереса к изучению книг по теории социализма, доставило мне большое удовольствие. Теоретическая и критическая мысль, почти совершенно исчезнувшая из наших немецких школ, повидимому, нашла себе убежище в России»<sup>1</sup>. В своем ответе Засулич 23 апреля 1885 г. Энгельс, признавая громадное значение деятельности группы, предсказал великое будущее проводимой ею социалистической пропаганды в России. «Прежде всего, повторяю, я, — писал он, — горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. Сам Маркс был бы так же горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России»<sup>2</sup>.

До сих пор мы проследили идейную эволюцию «Черного передела», выраженную в указанных статьях ее руководителя Г. В. Плеханова. Но за ним пошла не вся организация. История ее, даже в самом кратком очерке, поэтому осталась бы неясной, без рассмотрения ее деятельности в стране.

Бывшие землевольцы, вошедшие в состав «Черного передела», практически утратили связи с деревней, но еще удерживались в городе. Однако и здесь они вскоре были вынуждены

<sup>1</sup> «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», М., 1951, стр. 305.

<sup>2</sup> Там же, стр. 309.

оставить свои позиции, что было вызвано главным образом охлаждением интеллигенции к программе землевольческой организации, целиком принятой «Черным переделом». Этому способствовал и скорый разгром организации. О. В. Аптекман писал, что «чернопередельцы, в лице Плеханова, Аптекмана, Николаева, Преображенского, Полова и Щедрина, ведших, до выхода еще газеты «Черный передел», энергичную пропаганду среди молодежи, убедились вскоре, что молодежь отходит от них все больше и больше. Пристали лишь небольшие группки поддерживающих *единственное* практическое начинание чернопередельцев — издание органа «Черный передел». Эти небольшие ячейки были убежденные народники-социалисты, всеми силами старавшиеся раздуть едва-едва тлеющие огоньки жизни в умирающем уже революционном народничестве»<sup>1</sup>.

«Черный передел», по словам Аптекмана, был осужден на фактическое бессилие. «И в Петербурге, и в Москве, и в Харькове и проч., где пытались работать чернопередельцы, — везде одно и то же: безуспешность работы. На глазах чернопередельцев в провинции, образовавшиеся было уже ячейки чернопередельческого направления отправляют вдруг свои позиции и переходят к народовольцам»<sup>2</sup>.

Историк этой организации, естественно, отобразит фактический результат ее работы в центре и на местах, но он придет к тому же выводу, который сделал о судьбе «Черного передела», так сказать, «первого призыва», Аптекман.

Драматическая развязка произошла в период издания первого номера «Черного передела». В его редакцию входили Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, Я. В. Стефанович и Л. Г. Дейч.

Только что вышел первый номер «Черного передела», как Плеханову, Стефановичу, Дейчу и Засулич пришлось в самом начале 1880 г. выехать за границу. Ходившие до того слухи о подготовке властями сплошной проверки паспортов с целью выявления и поимки революционеров стали превращаться в реальный факт. Это и побудило главных деятелей организации, живших на нелегальном положении, покинуть временно, как сначала думали, Россию. Кроме того, было обнаружено предательство рабочего-наборщика Жаркова. Схваченный полицией во время своего отпуска, он был запуган угрозой смертной казни (у него было взято много номеров «Народной воли») и выдал товарищей. 29 января 1880 г. власти нашли типографию «Черного передела» и арестовали работавших в ней Крылова, Тесленко-Приходько и Пьянкова; на другой день — Короткевича, на третий — Аптекмана. Были арестованы и другие лица.

<sup>1</sup> «Черный передел». Орган социалистов-федералистов 1880—1881 гг., М.—Пг., 1923, стр. 94.

<sup>2</sup> Там же, стр. 95.

Уцелевшие чернопередельцы стали собирать силы и «восстановили разгромленную организацию, привлекли новых людей, главным образом моряков и учащуюся молодежь, и стали вести пропаганду среди петербургских рабочих»<sup>1</sup>. Из старых чернопередельцев в ее состав вошли П. Б. Аксельрод и супруги Е. Козлов и Е. Рубанчик. Остальные были новыми людьми. Среди них — сестры Ольга и Мария Трубниковы, их мужья — морские офицеры А. П. Буланов и С. Н. Вырубов; М. К. Решко, студенты Шефтель, Загорский и другие, всего 27 человек «из гражданской и военной учащейся молодежи». Руководящая роль в организации принадлежала Аксельроду, а затем, после его отъезда за границу, Буланову и Решко.

Воссозданная организация получила название «Северно-Русского Общества «Земля и воля». Ее единственным филиалом был связанный с ней московский кружок.

«Общество это, — писал Аптекман, — выпустило свою программу, одобренную эмигрантами-чернопередельцами, т. е. группой Г. В. Плеханова, Стефановича, Дейча и проч. Отметим характерные черты этой программы. Прежде всего, политические требования признаются в ней самым категорическим образом.

В программе, между прочим, сказано: «Ввиду того, что всякая форма государственной организации, основанной на различии классов, является воплощением и поддержкой интересов эксплуатирующего меньшинства... что современное Российское государство является самым беззастенчивым и самым грубым выразителем этой тенденции, общество «Земля и воля» признает необходимость непосредственной борьбы с его представителями, т. е. необходимость так называемого террора политического».

Мало того, Общество «Земля и воля» предвидит даже возможность конституционного движения в России и не только не чурается его, а прямо зовет идти навстречу ему. Оно говорит: «Ввиду возможности конституционного движения в России общество считает необходимым воспользоваться естественным в такой момент возбуждением умов, чтобы ослабить веру народа в значение мирных, легальных реформ. Например, во время избирательной агитации оно может выставить даже и своих кандидатов с социально-революционной программой. Отношение к такой программе громадного парламентского большинства послужило бы одной из иллюстраций того положения, что народу остается надеяться лишь на революцию»<sup>2</sup>.

Собственно, перед нами совершенно новая организация.

<sup>1</sup> «Каторга и ссылка». Книга тридцать пятая, М., 1927, стр. 92.

<sup>2</sup> «Черный передел». Орган социалистов-федералистов. 1880—1881 гг., стр. 95—96.

Новая «Земля и воля» свои основные усилия концентрировала на пропаганде среди рабочих. Это направление придавали ей Аксельрод и Буланов. Первый только что вернулся из-за границы. Став сторонником политической борьбы, он в то время уже приобрел опыт пропаганды среди рабочих Цюриха и с большей энергией и мастерством начал распространять революционные идеи среди русских рабочих. Он настаивал принять название организации «социалистов-федералистов» и тем самым приобщиться к «Международному Обществу Рабочих»<sup>1</sup>. Марксистом Аксельрод в это время еще не был, но уже отходил от народнической идеологии.

Второй, А. П. Буланов, как писала о нем его жена О. К. Буланова (Трубинкова), имел довольно стройное революционное мировоззрение. Он был хорошо начитан в области общественных наук и политэкономии, основательно проштудировал «Капитал» К. Маркса. Главное внимание Буланов уделял деятельности среди рабочих. «Пропаганде и агитации среди них, — писала О. К. Буланова, — он придавал первостепенное значение, так как считал, что у рабочих легче всего пробудить их классовое сознание и организовать их. В них он видел главную политическую силу в ближайшем будущем России. Таким образом, как видим, он очень близко подходил к марксистам»<sup>2</sup>.

Новая организация «Земля и воля» между тем оставалась народнической, но от своего предшественника — «Черного передела» — отличалась большим признанием политической борьбы. Об этом свидетельствуют программные статьи в № 3—4—5 ее печатного органа — «Черного передела». Отстаивая в них идею создания народной партии, которая в первую очередь должна учитывать интересы экономического и социального преобразования, редакция в то же время признает громадное значение политических требований и не отвергает как одно из средств борьбы политический террор. О. К. Буланова так и писала, что «в своих взглядах мы в значительной степени сблизились с народолюбцами»<sup>3</sup>.

Аресты, последовавшие вслед за убийством народолюбцами царя, ослабили «Землю и волю». «Уцелевшие от ареста лица стали охладевать, относиться индифферентно к взятым ими на себя обязанностям; поэтому на Анатолия Петровича (Буланова. — В. А.) в конце концов свалилась почти вся работа: он выбивался из сил и сознавал, что не может всюду поспевать. Оставалось или сложить руки, или пристать к еще казавшейся сильной организации народолюбцев»<sup>4</sup>. Так описы-

<sup>1</sup> См.: «Черный передел». Орган социалистов-федералистов. 1880—1881 гг., стр. 99.

<sup>2</sup> «Группа «Освобождение труда», Сборник № 1, М., стр. 116.

<sup>3</sup> Там же, стр. 121.

<sup>4</sup> Там же.

вала О. К. Буланова ситуацию, когда она с мужем и только что приехавший из-за границы Я. Стефанович перешли на сторону «Народной воли». Только при близости занимаемых организациями позиций мог быть совершен этот шаг. Трудности же, которые переживали чернопередельцы «второго призыва», назвавшие себя «Северно-Русским Обществом «Земля и воля», свидетельствовали об окончательном крахе программы и тактики землевольцев.

### «Народная воля»

«Народная воля» выступила на историческую арену в годы подъема классовой борьбы. К концу 70-х годов наряду с борьбой против пережитков крепостничества обострилась классовая борьба против развивавшегося капитализма. Тяжелая, разорительная русско-турецкая война 1877—1878 гг., неурожай и недороды, в связи с ними голод, болезни, первый промышленный кризис начала 80-х годов — все это тяжело отразилось на положении народных масс. В 1879 г. крестьянские волнения охватили 26 губерний. В 1878—1879 гг. значительно усилились стачки рабочих. В такой обстановке на рубеже 1878—1879 гг. был создан «Северный союз русских рабочих», заявивший о своей решимости вести политическую борьбу с эксплуататорским строем.

В 1879 г. в стране сложилась революционная ситуация. Правительство заколебалось, стало искать новые формы уступок<sup>1</sup>.

Борьба революционной интеллигенции против самодержавия была одним из главных элементов тех сил, которые заставили правительство идти на уступки. Во главе революционной интеллигенции в это время стояла героическая «Народная воля».

Быстро и решительно вступала она в жизнь. «Политики», окончательно разошедшиеся с «деревенщиками» в середине августа 1879 г., 26 августа на Исполнительном Комитете постановили уничтожить Александра II. 1 октября они издали первый номер своего журнала под названием «Народная воля», а 1 января 1880 г. опубликовали новую программу организации.

Приняв название «Народная воля», новая организация, говорила В. Н. Фигнер, заявляла себя выразительницей воли народа и объявляла беспощадную войну самодержавному правительству. «Война, — писала «Народная воля» 1 января 1880 г., — начата не на жизнь, а на смерть... из этой ожесточенной схватки нет другого исхода: либо правительство сломит движение, либо революционеры низвергнут правительство»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Подробно об этом см.: П. А. Зайончковский, Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 гг., М., 1964.

<sup>2</sup> «Литература партии «Народная воля», М., 1930, стр. 47.



Чего и как хотела добиться «Народная воля», какими силами и средствами она располагала для осуществления поставленных целей?

Прежде всего обратимся к программе «Народной воли»<sup>1</sup>. Она начиналась словами: «По основным своим убеждениям мы — социалисты и народники». Далее раскрывался смысл этой формулы: «Мы убеждены, что только на социалистических началах человечество может воплотить в своей жизни свободу, равенство, братство, обеспечить общее материальное благосостояние и полное, всестороннее развитие личности, а стало быть, и прогресс. Мы убеждены, что только *народная воля* может санкционировать общественные формы, что развитие народа прочно только тогда, когда каждая идея, имеющая воплотиться в жизнь, *проходит предварительно через сознание и волю народа*. Народное благо и народная воля — два наших священнейшие и неразрывно связанные принципа». Здесь в самой общей форме выражены задачи организации.

Существующая в России обстановка характеризовалась в программе как полное экономическое и политическое рабство народа, над которым стоят эксплуататорские силы, создаваемые и защищаемые государством. Государство представлялось народовольцам крупнейшей капиталистической силой, единственным политическим притеснителем народа. Держится оно «исключительно голым насилием». Вводимые им государственные и экономические принципы и формы ничего общего не имеют «с народными желаниями и идеалами». Государство подавляет старые, традиционные принципы народа: его право на землю, общинное и местное самоуправление, зачатки федеративного устройства, свободу совести и слова. «Эти принципы получили бы широкое развитие и дали бы совершенно новое направление в народном духе всей нашей истории, если бы только народ получил возможность жить и устраиваться так, как хочет, сообразно со своими собственными наклонностями».

Чтобы осуществить эти задачи, «Народная воля» ставила своей ближайшей целью произвести политический переворот, уничтожить современное государство и передать власть народу. Воля народа может быть «достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей. Это, — говорилось далее, — конечно, далеко не идеальная форма проявления народной воли, но единственно в настоящее время возможная на практике...» Созванное на указанных основах, Учредительное собрание «должно пересмотреть все

---

<sup>1</sup> См. текст программы в сборнике «Народническая экономическая литература», М., 1958, стр. 384—388.

наши государственные и общественные учреждения и перестроить их согласно инструкциям своих избирателей».

Конкретные требования, которые народовольцы предполагали пропагандировать до переворота, рекомендовать во время избирательной кампании и защищать в Учредительном собрании, были следующие:

«1) постоянное народное представительство, составленное, как выше сказано, и имеющее полную власть во всех общегосударственных вопросах;

2) широкое областное самоуправление, обеспеченное выборностью всех должностей, самостоятельностью мира и экономической независимостью народа;

3) самостоятельность мира как экономической и административной единицы;

4) принадлежность земли народу;

5) система мер, имеющих передать в руки рабочих все заводы и фабрики;

6) полная свобода совести, слова, печати, сходок, ассоциаций и избирательной агитации;

7) всеобщее избирательное право, без сословных и имущественных ограничений;

8) замена постоянной армии территориальной.

Мы будем проводить эту программу, — заявляли народовольцы, — и полагаем, что в ней все пункты невозможны один без другого и только в совокупности обеспечивают политическую и экономическую свободу народа и правильное его развитие».

Практическая деятельность «Народной воли» в программе делилась на пропагандистско-агитаторскую и разрушительную. На первое место программа выделяла пропагандистскую деятельность. Ее цель — «популяризировать во всех слоях населения идею демократического политического переворота как средство социальной реформы, а также популяризацию собственной программы партии. Критика существующего строя, изложение и уяснение способов переворота и общественной реформы составляет сущность пропаганды».

Агитация также подчинялась политическим задачам. «Агитация, — читаем мы дальше, — должна стремиться к тому, чтобы со стороны народа и общества заявлялись в наивозможно широких размерах протест против существующего порядка и требование реформ в духе партии, особенно же требование созыва Учредительного собрания. Формами протеста могут быть сходки, демонстрации, петиции, тенденциозные адреса, отказ от уплаты податей и пр.».

Переходя к деятельности разрушительной и террористической, программа заявляла: «Террористическая деятельность, состоящая в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, в защите партии от шпионства, в наказании наиболее вы-

дающихся случаев насилия и произвола со стороны правительства, администрации и т. п., имеет своей целью подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать, таким образом, революционный дух народа и веру в успех дела и, наконец, формировать годные и привычные к бою силы».

Народовольцами ставилась задача создавать мелкие тайные общества, которые «для более стройного ведения дела, особенно же при организации переворота, необходимо должны группироваться вокруг одного общего центра на началах полного слияния или федерального союза».

Программа признавала в высшей степени важным занять «прочное положение в различных слоях населения», особенно в администрации и войске. для совершения переворота. Не менее серьезное значение придавалось работе в народе. «Главная задача партии в народе — подготовить его содействие перевороту и возможность успешной борьбы на выборах после переворота, борьбы, имеющей целью проведение чисто народных депутатов». Однако программа имела в виду работу только с крестьянством.

В заключительной части программы говорилось о том, что правительство «частными усмирениями» может надолго сдерживать общее революционное движение, поэтому «партия должна взять на себя почин самого переворота, а не дожидаться того момента, когда народ будет в состоянии обойтись без нас...». В то же время программа не исключала возможность и народной революции.

В опубликованном затем отдельном издании программа была дополнена еще одним разделом. В нем определялось отношение к правительству и лицам, его поддерживающим, как к врагам. Против них дозволено применять любые средства борьбы. Всем оппозиционным правительству элементам обещалась помощь и защита. Лица и общественные группы, стоящие вне борьбы, признавались нейтральными, а их личность и имущество — неприкосновенными.

Таким образом, перед нами программа буржуазно-демократического преобразования страны. Авторы ее искренне мечтали о социализме, были преданы этой великой идее, шли во имя ее на смерть, однако пути, которыми они шли к социализму, формы, в которые они хотели воплотить его, были чистой утопией. При удаче народовольцы могли бы только удовлетворить экономические и политические интересы мелкого собственника.

Программа «Народной воли» не является чистым выражением какой-либо из основных разновидностей народнических учений 70-х годов. Скорее всего можно сказать, что в ней обобщен опыт теоретических поисков и практической борьбы предшественников. В самом деле, она воплотила в себе традиционные

для русского народничества идеи свободы, независимости мира и федерализма, выдвинутые еще Герценом, затем нашедшие свое развитие у Бакунина и ставшие составной частью программ почти всех революционных организаций народничества. В то же время программа «Народной воли» вполне индивидуальна. В ней политическая борьба четко определяется как генеральная задача партии, а заговор с целью политического переворота — как главный метод борьбы.

Можно ли на этом основании сказать, что «Народная воля» вышла на историческую арену для того, чтобы осуществить третье из основных народнических учений 70-х годов — учение П. Н. Ткачева? Да, если иметь в виду отношение к правительству как главному врагу и заговор, выдвигаемый и Ткачевым, и «Народной волей» как основное средство борьбы с правительством. Нет, если брать частные вопросы, которые «Народная воля» почти во всех случаях пыталась разрешить иначе, чем Ткачев. В. Н. Фигнер, ставшая одним из выдающихся деятелей «Народной воли», определенно говорила, что «Набат» сам приписывал себе то влияние, которое он будто бы оказал на ход борьбы народовольцев, тогда как на самом деле этот журнал нигде не вызывал о себе толков, а сама партия даже не делала попыток установить связь с «набатчиками»<sup>1</sup>.

«Народная воля» не собиралась быть оторванной от масс организацией узкой группы заговорщиков. В стремлении «привлечь к своей организации *всех* недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием» В. И. Ленин видел «великую историческую заслугу»<sup>2</sup> народовольцев.

Заговору или народной революции должна была предшествовать пропаганда политических идеалов партии и агитация за претворение их в жизнь: требование созыва Учредительного собрания, реформ, организация сходок, демонстраций, петиций и т. д. Только после этого в программе говорится о терроре. Террор, ставший в жизни партии главным средством борьбы с самодержавием, в программе ее занимал далеко не первое место и мыслился как мера оборонительная, агитационная и революционно-воспитательная. В. Н. Фигнер прямо указывала, что «террор никогда сам по себе не был целью партии. Он был средством обороны, самозащиты, считался могучим орудием агитации и употреблялся лишь постольку, поскольку имелось в виду достижение целей организационных»<sup>3</sup>. Ответ на вопрос, почему он стал доминирующим орудием борьбы и постепенно занял все силы партии, отвлекая их от уже налаживаемой ра-

<sup>1</sup> См.: В. Фигнер, указ. соч., стр. 147, 148.

<sup>2</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 135.

<sup>3</sup> В. Фигнер, указ. соч., стр. 152.

боты в массах, мы находим в теории народолюбцев, «которая, — как указывал В. И. Ленин, — в сущности была вовсе не революционной теорией». Народолюбцы «не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества»<sup>1</sup>.

В целом программа «Народной воли» выражала убеждения большинства ее состава. Противоречия, сохранившиеся и в этой партии, обнаруживались по ряду существенных вопросов. Не было, например, единства во взгляде на политический переворот. Ошанина, Теллалов и ряд других членов партии стояли за захват власти группой заговорщиков, тогда как программа требовала после переворота провести демократические выборы в Учредительное собрание.

Противоречия во взглядах отразились и в других программных документах партии. В «Программе рабочих членов «Народной воли», выработанной позже, допускалось создание Временного правительства, которое, находясь под контролем рабочих, обеспечит завершение переворота. С победой восстания, переходом орудий и средств производства в руки трудящихся и созданием на местах выборного народного управления должно быть созвано Учредительное собрание. Оно упразднит Временное правительство, утвердит народные завоевания и установит порядок общесоюзный. Тут же допускалась возможность введения в стране конституционных порядков, когда правительство, испугавшись бунта, само сделает такой шаг.

Отсутствие единства взглядов отразилось и в литературе партии «Народная воля». Все это вполне естественно для жизни революционеров той поры, поскольку они еще не были вооружены научной теорией борьбы и продолжали поиски правильных путей к ней.

Изложенный нами выше документ официально именовался программой Исполнительного Комитета, однако на деле она была принята его местными группами и стала программой всей организации. Исполнительный Комитет в качестве руководства для претворения этой программы в жизнь весной 1880 г. разработал инструкцию «Подготовительная работа партии»<sup>2</sup>. В ней конкретизировались общие задачи как всей партии, так и ее составных групп.

По-прежнему, подчеркивая свою цель в ближайшее время осуществить государственный переворот, чтобы создать общественный строй, «при котором воля народа сделалась бы единственным источником закона», народолюбцы предусматривали возможность различных путей для достижения победы. Они допускали, что правительство в страхе перед восстанием

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 135.

<sup>2</sup> См.: «Литература партии «Народная воля», стр. 305—309.

«решится пойти на самые широкие уступки народу». В таком случае «Народная воля» готова была оставить «в стороне нынешние планы» и все силы партии «направить уже прямо на деятельность в народных массах».

Возможно, «правительство, не сдаваясь вполне, даст, однако, настолько свободную конституцию, что для партии будет выгодным отсрочить восстание с тем, чтобы, пользуясь свободой действий, возможно лучше организовать и укрепиться». Но при всех обстоятельствах партия должна готовиться к восстанию, ибо правительство, если его к этому не вынудить, само ни на какие уступки не пойдет.

Всего удобнее для будущего восстания воспользоваться народным бунтом, неудачной войной, государственным банкротством, обострением европейской политики или другими подобными обстоятельствами. Но партия должна быть в полной готовности восстать даже при самых худших условиях. Более того, она «должна иметь силы создать сама себе благоприятный момент действий, начать дело и довести его до конца». Народовольцы, как мы видим, верили в возможность искусственного создания условий для восстания. Они полагали, что если удачными террористическими актами уничтожить «10—15 человек — столпов современного правительства», то последнее охватит паника, а народные массы будут возбуждены. «Пользуясь этим моментом, — говорилось в «Подготовительной работе партии», — заранее собранные боевые силы начинают восстание и пытаются овладеть главнейшими правительственными учреждениями. Такое нападение легко может увенчаться успехом, если партия обеспечит себе возможность двинуть на помощь первым застрельщикам сколько-нибудь значительные массы рабочих и пр.». Провинции или должны прийти на помощь, или быть нейтрализованы; восстание следует обезопасить от помощи правительству со стороны европейских держав и т. п.

Чтобы выступить в обычных условиях, в период подготовительной работы необходимо создать центральную боевую организацию, способную начать восстание; создать провинциальную революционную организацию, способную поддержать его; обеспечить поддержку городских рабочих; подготовить содействие войск или нейтрализовать их; партия должна «заручиться сочувствием и содействием интеллигенции — главного источника сил при подготовительной работе»; наконец, склонить общественное мнение Европы на свою сторону.

Итак, первым, а следовательно, и главным, «застрельщиком» восстания должна быть, по мнению народовольцев, интеллигенция. Хотя народовольцы не считали возможным добиться успеха без поддержки народа, тем не менее рассматривали его как вспомогательную силу. Партии заговорщиков отводилась роль

всемогущей силы. Дальше в «Подготовительной работе партии» давались указания о принципах построения организации, определялось отношение к рабочим, войску, интеллигенции.

Во главе партии стоял Исполнительный Комитет. Первоначально он объявил себя самостоятельной организацией, однако сразу стал исполнять функции руководителя «Народной воли». Согласно уставу Исполнительного Комитета съезд его членов считался высшим органом организации, а исполнительные функции возлагались на постоянно действующую Распорядительную комиссию, состоящую из трех человек. На деле же съезд членов Исполнительного Комитета «Народной воли» не созывался ни разу, а «деятельность и значение Распорядительной комиссии, — по словам В. Н. Фигнер, — были незначительны»<sup>1</sup>. Функции высшего органа исполняли собрания наличных членов Исполнительного Комитета. «Все общепартийные функции и общероссийские дела находились в ведении этого центра. В момент восстания он распоряжался всеми наличными силами партии, мог требовать революционного выступления их, а до того времени главное внимание направлял на организацию заговора, ту организационную работу, которая одна обеспечивала возможность переворота с целью передачи власти в руки народа»<sup>2</sup>.

С августа 1879 г. по 1 марта 1881 г., как установлено В. А. Твардовской, в составе Исполнительного Комитета был 31 человек: А. И. Баранников, Н. К. Бух, Ю. Н. Богданович, М. Ф. Грачевский, А. И. Желябов, Е. Ф. Завадская, В. В. Зеге фон Лауренберг, С. С. Златопольский, А. И. Зунделевич, С. А. Иванова, Г. П. Исаев, А. А. Квятковский, Н. Н. Колодкевич, А. П. Корба, М. Р. Ланганс, Т. И. Лебедева, О. С. Любатович, А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, М. Н. Ошанина, С. Л. Перовская, Е. Д. Сергеева, Н. Е. Суханов, П. А. Теллазов, Л. А. Тихомиров, М. Н. Тригопи, В. Н. Фигнер, А. А. Франжоли, М. Ф. Фроленко, С. Г. Ширяев, А. В. Якимова<sup>3</sup>.

Вокруг этого боевого штаба организации сложилась система агентов, специальных и местных групп, охвативших широкую периферию России.

Пополнялся Исполнительный Комитет путем кооптации агентов, членов местных и специальных групп.

Большинство членов «Народной воли» находилось на нелегальном положении и были профессиональными революционерами. А. П. Прибылевой-Корба при вступлении ее в организацию А. Михайлов и Л. Тихомиров раскрыли систему отношения

<sup>1</sup> В. А. Твардовская, *Организационные основы «Народной воли», «Исторические записки», т. 67, 1960, стр. 115.*

<sup>2</sup> В. Фигнер, *указ. соч., стр. 151.*

<sup>3</sup> В. А. Твардовская, *указ. соч., «Исторические записки» т. 67, стр. 138—141.*

членов партии к Исполнительному Комитету. Ей говорили, что «Исполнительный Комитет из членов партии, пользующихся полным доверием, выбирает себе агентов, которым поручает дела партии. Это агенты 1-й степени. Каждый из них имеет право с согласия Комитета привлечь нескольких (2 или 3) агентов 2-й степени, для которых организация партии остается тайной. Им известно только, что данным лицом они приглашены в агенты Исполнительного Комитета 2-й степени и через это лицо сносятся с Исполнительным Комитетом. Для них остается также тайной, что это посредствующее лицо есть агент Исполнительного Комитета 1-й степени. С своей стороны агент 1-й степени не имеет права говорить кому бы то ни было о своем звании. Это остается тайной между ним и лицами, принявшими его в агенты. Агент 1-й степени обязуется хранить полное молчание о делах партии, доверенных ему Исполнительным Комитетом. Даже перед самыми близкими людьми он обязан соблюдать эту тайну. Состав Исполнительного Комитета остается для него неизвестен, и он сносятся с ним через лиц, говоривших с ним от его имени»<sup>1</sup>.

Устав партии обязывал ее членов в интересах революции отрешиться от всех личных связей и, если будет нужно, быть готовым переносить лишения, тюрьмы, каторги или даже жертвовать жизнью. Выход из состава агентов, выполнявших специальные поручения Исполнительного Комитета, практически был исключен.

Местные группы «Народной воли», число которых по отдельным мемуарным данным насчитывалось до двадцати, были созданы в таких городах, как Москва (наиболее сильная и организованная), Одесса, Харьков, Киев, Нежин, Могилев, Казань, Саратов, Ярославль. Они или создавались представителями Исполнительного Комитета, или, принимая его программу, присоединялись к организации. Специальными договорами Исполнительный Комитет точно регламентировал свои отношения с местными группами, определял их права и обязанности. При заключении таких договоров представители Исполнительного Комитета руководствовались важнейшим программно-инструктивным документом «Подготовительная работа партии». Позже, в 1881 г., местные группы стали разрабатывать свои уставы.

Как низовое звено организации, местная группа имела определенный район деятельности. Ей предоставлялось право решать самостоятельно некоторые местные задачи, например выносить приговоры и казнить шпионов и должностных лиц своего района рангом ниже губернатора. Однако местная группа не имела права издавать газету, принимать решение о восстании

---

<sup>1</sup> А. П. Прибылева-Корба, «Народная воля». Воспоминания о 1870—1880-х гг., М., 1926, стр. 44.



и т. п. Во всех действиях она отчитывалась перед Исполнительным Комитетом. Местные группы поддерживали Исполнительный Комитет материальными средствами и людьми.

В целом Исполнительный Комитет с его местными группами представлял собой централизованную и хорошо законспирированную организацию революционеров-заговорщиков. А. Михайлов, как мы знаем, потратил немало усилий, отставив требования дисциплины, централизации и конспирации для «Земли и воли», которая, кроме центральной группы, осталась федералистской организацией. Народовольцы в разрешении организационных вопросов пошли дальше своих предшественников.

Практическая деятельность партии «Народная воля» в силу признания главным оружием против самодержавия политической борьбы сконцентрировалась в городах. В. Н. Фигнер писала, что упоминание в программе работы в деревне скорее было данью прошлому. «... По мере того, как борьба разгоралась, время шло и одно грандиозное дело замышлялось и выполнялось нами, прежняя деятельность в народе в наших глазах тускнела, интерес к ней слабел, деревня отходила в даль. Та часть программы «Народной воли», которая говорила о деятельности в деревне, постепенно приобретала чисто теоретический, словесный характер»<sup>1</sup>.

«Народная воля» не отказалась от убеждения, что истинное освобождение «находится в области экономической». Это теоретическое положение, лежавшее в основе программы «Земли и воли», не было отвергнуто народовольцами. Они только отодвинули решение задачи экономического преобразования народной жизни на второй план, поставили его в зависимость от успеха политического переворота, что, естественно, обратило их взор от деревни к городу.

Казалось бы, ставя перед собой задачу быть партией всех оппозиционных сил, «Народная воля» должна была прежде всего связать свою судьбу с рабочим классом, как представителем народа, чтобы «подготовить его содействие перевороту». Это тем более естественно, что возникший на рубеже 1878—1879 гг. «Северный союз русских рабочих» заявил себя сторонником политической борьбы. «Народная воля» пошла к пролетариату, вела в рабочей среде немалую работу и участвовала в его борьбе. Более того, она выработала специальную программу для своих рабочих членов<sup>2</sup>. В целом в ней конкретизировались основные положения программы партии: общинное владение землей, фабриками и заводами; подготовка и проведение переворота; политическое устройство в период проведе-

<sup>1</sup> В. Фигнер, указ. соч., стр. 149.

<sup>2</sup> См.: «Народническая экономическая литература», стр. 396—403.

ния восстания и после его победы. В то же время программа содержала и ряд новых положений. Сам по себе факт разработки народолюбцами специально рабочей программы имел большое значение. До них ни одна из народнических групп практически не приступала к организации трудящихся-рабочих. Учитывая опыт неудачных попыток царубийства с целью осуществления политического переворота, народолюбцы заявляли теперь, что они не рассчитывают на скорую победу. «Нам, — говорилось в программе, — предстоит долгая и упорная борьба с правителями и расточителями народного богатства — постепенное завоевание гражданских прав». Программа призывает не унывать и к новым порядкам, когда трудящиеся станут хозяевами жизни, «приближаться постепенно, добиваясь, если не полной свободы и счастья, то во всяком случае большей свободы и значительного улучшения своей жизни». В этом пункте программы в самой общей форме выражалось требование бороться за удовлетворение интересов рабочих. Но он не случайно не получил развития: «Народная воля» не считала рабочих основной движущей силой революции. Своим главным помощником она признавала крестьянство. В программе говорилось, «что отдельно от крестьянства они (рабочие. — В. А.) всегда будут подавлены правительством, фабрикантами и кулаками, потому что главная народная сила не в них, а в крестьянстве». Только выступив вместе, «весь рабочий народ станет несокрушимой силой».

Тем не менее рабочих призывали создавать тайные кружки и разъяснять «народу, что из теперешнего губительного порядка один выход — насильственный переворот, что переворот необходим и возможен». Члены первых кружков создают новые в среде рабочих и крестьян. «Пользуясь уважением и любовью рабочих, члены кружка поддерживают бунтовской дух в рабочей среде, устраивают, где нужно, стачки против фабрикантов и готовятся к борьбе с полицейскими и правительственными властями, всегда стоящими за фабриканта. Те из рабочих кружка, которые выкажут свою умелость и настойчивость в ведении рабочего дела, поступают в главные рабочие кружки, и, таким образом, тайный союз рабочих укрепляется».

Считая рабочих в период восстания второстепенной силой, народолюбцы, тем не менее, видели в них своих главных помощников в период подготовки и организации народных сил на борьбу с правительством.

В заключительном разделе программа обращается к рабочим с призывом составить силу, способную с оружием в руках поддержать свои требования. Рабочая организация, говорится в программе, входит как часть в состав социально-революционной партии. Она действует лишь совместно со всеми силами

партии. «Партия выделяет из себя боевой союз, который нападает на правительство, расстраивает его, приводит в замешательство, — этим облегчает всем недовольным — народу, рабочим и всем доброжелательным им людям — подняться и произвести повсеместный переворот». Причем в сочетании с восстанием должны применяться террористические меры для «расстройства» правительства, уничтожения крупных гражданских и военных чиновников.

То обстоятельство, что для успеха дела признавалось крайне важным овладеть крупнейшими городами и удержать их за собой, практически должно было повысить роль рабочих в восстании. На это, собственно, и указывала программа, считая, что созданное в ходе восстания Временное правительство, о чем мы говорили выше, должно находиться под контролем рабочих, которые «заставляют его действовать в пользу народа».

Как ни стремились народники доказать несовместимость «немецкого» социализма (т. е. марксизма) с условиями борьбы в крестьянской среде, они в конечном счете не могли не считаться с исторической силой растущего в стране пролетариата. Сознание их влекло в одну сторону, а объективный ход развития истории подсказывал совсем другое, не укладывающееся в готовые теоретические рамки. Стихийно народовольцы сделали большой шаг в сторону нарождавшегося рабочего класса страны. В программе их отношении к нему крайне противоречиво. То они смотрят на рабочих как на сопутствующую крестьянству силу, то облачают его полномочиями контроля за деятельностью образованного в ходе восстания правительства, т. е., по сути дела, вручают в его руки судьбу самого восстания.

Источник указанного противоречия кроется в том, что народовольцы, прекрасно сознавая особую заинтересованность пролетариата в социалистическом строе, в то же время не видели в нем силы, способной самостоятельно совершить революцию. Поэтому они хотели взять власть и передать ее в руки рабочих и крестьян, тогда как нужно было успех дела видеть в развитии классовой борьбы и ниспровержении на этой основе старого строя.

Для руководства деятельностью в рабочей среде народовольцы выделили таких выдающихся деятелей партии, как Желябов, Перовская, А. Михайлов, В. Фигнер, а также ряд других членов в том числе Гриневицкого, Теллалова и т. д.

Вдохновителем и душой пропаганды среди рабочих был Желябов. Всецело знятый руководством партией, он в то же время много внимания уделял рабочим кружкам, проявив себя талантливым и вдохновенным пропагандистом. Даже в самый разгар организации последнего покушения на царя он, по свидетельству А. П. Прибылевой-Корба, шел на рабочие «собра-

ния на окраине Петербурга и произносил горячие речи, подготавливая слушателей к политической борьбе»<sup>1</sup>.

В. И. Ленин писал, что «кружку корифеев, вроде Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябова, доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку их горячая проповедь встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе, поскольку их кипучая энергия подхватывается и поддерживается энергией революционного класса»<sup>2</sup>.

Сам вышедший из народа, Желябов был подлинно народным вождем. Неурожай 1880 г. вызвал голод в ряде районов страны. Желябов с глубоким страданием переживал бедствие народа. В жестоких условиях осени 1880 г. он принял решение воспользоваться, по его мнению, благоприятными обстоятельствами для поднятия крестьян на борьбу. Он созвал Исполнительный Комитет и поставил вопрос о восстании. Обрисовав положение в стране, он заключил: «Если мы останемся в стороне в теперешнее время и не поможем народу свергнуть власть, которая его душит и не дает ему даже возможности жить, то мы потеряем всякое значение в глазах народа и никогда вновь его не приобретем. Крестьянство должно понять, что тот, кто самодержавно правит страной, ответственен за жизнь и благосостояние населения, а отсюда вытекает право народа на восстание, если правительство, не будучи в состоянии его предохранить от голода, еще вдобавок отказывается помочь народу средствами государственной казны. Я сам отправляюсь в приволжские губернии и встану во главе крестьянского восстания, я чувствую в себе достаточно сил для такой задачи и надюсь достигнуть того, что права народа на безбедное существование будут признаны правительством. Я знаю, что вы поставите мне вопрос: а как быть с новым покушением, отказаться ли от него? И я вам отвечу: нет, ни в коем случае. Я только прошу у вас отсрочки»<sup>3</sup>.

Исполнительный Комитет не поддержал своего вождя. «На этом, — писала А. П. Прибылева-Корба, — кончилось заседание, оставившее в сердцах всех присутствующих впечатление неизгладимой грусти, так как все чувствовали, что собрание подрезало крылья одному из самых выдающихся своих членов»<sup>4</sup>. В этом эпизоде ярко отражена боль эпохи и беспомощность ее героев.

Не удивительно, что именно Желябов стал душой рабочей организации. К сожалению, «Народная воля» не сразу обра-

<sup>1</sup> «Народовольцы. Сборник третий», М., 1931, стр. 19.

<sup>2</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 106.

<sup>3</sup> «Народовольцы. Сборник третий», стр. 18—19.

<sup>4</sup> Там же, стр. 19.

тила взор на рабочий класс. Опираясь в практической деятельности на интеллигенцию, народовольцы все свои силы бросили прежде всего на осуществление заговора против царя. Несомненно, прекращение работы в деревне означало отступление «Народной воли» с тех позиций, которые были завоеваны народниками в период «хождения в народ» и деятельности землевольцев. Однако неудачные попытки убить царя, предпринятые народовольцами осенью 1879 г. и 5 февраля 1880 г. (взрыв в Зимнем дворце, произведенный С. Халтуриним), заставили их более серьезно задуматься о роли народа в предстоящей борьбе. По-прежнему не считая возможным и нужным вести работу в деревне, они поставили задачу организовать городских рабочих, привлечь на свою сторону армию и, опираясь на них, обеспечить удачу политического заговора. «Успех первого нападения, — говорилось в «Подготовительной работе партии», — всецело зависит от поведения рабочих и войска».

Народовольцы, не видя в рабочем классе самостоятельной исторической силы, не ставили задачи создать самостоятельную партию пролетариата. Тем не менее они первыми в России приступили к организации революционных кружков рабочих, первыми стали готовить рабочих к вооруженному выступлению против самодержавия.

В течение весны и лета 1880 г. народовольцы в центре и на местах стали усиленно расширять свои связи с рабочими, пытались договориться о совместной деятельности в среде пролетариата с чернопередельцами. Обычно при каждой местной группе «Народной воли» создавались студенческие кружки. Они были обязаны устанавливать связи с рабочими, организовывать их и вести среди них пропаганду и агитацию. В 1880 г. в Петербурге была создана Центральная агитационная группа для деятельности среди рабочих. В ее состав входило 26 человек. Руководили ею Желябов и Перовская.

Центральная рабочая группа в целях охраны рабочей организации от шпионов и провокаторов создала «террористический отдел» из десяти человек. «По мысли Т. Михайлова, — пишет С. С. Волк, — его задачей, кроме борьбы со шпионами, была также защита рабочих от произвола мастеров. Предполагалось, что центральные кружки в районах должны были образовывать боевые дружины незадолго перед восстанием»<sup>1</sup>.

Народовольцы, подобно их предшественникам из Общества пропаганды начала 70-х годов, организуя свою деятельность среди рабочих, стремились планомерно распределить силы по районам города. Так, например, в Петербурге они имели по

<sup>1</sup> С. С. Волк, Деятельность «Народной воли» среди рабочих в период революционной ситуации (1879—1882), «Исторические записки», т. 74, 1963, стр. 202—203.

районам своих агентов. «Агентом» Петербургской стороны являлась Перовская, Выборгской стороны и Измайловской части — Гриневицкий, Васильевского острова — Каковский, а затем Рысаков<sup>1</sup>.

Используя организационный опыт Общества пропаганды и землевольцев, народо-вольцы пошли значительно дальше в постановке и характере самой пропагандистской деятельности в рабочей среде. Они не только сумели привлечь в кружки больше рабочих, но и подготовили значительную группу рабочих-пропагандистов, среди которых наибольшей популярностью пользовались бывшие члены «Северного союза русских рабочих» Г. Паркинен и К. Ильин, а также рабочие А. Скворцов, В. Ефимов, И. Гаврилов, М. Лебедев, К. Коренев, Ф. Артищев и другие. «В канун 1 марта, — пишет С. С. Волк, — члены агитационной группы подсчитали, что 100—150 рабочих-революционеров самостоятельно могут вести дело, не нуждаясь в поддержке интеллигентных членов группы»<sup>2</sup>. Т. Михайлов, выходец из рабочих, стал одним из видных деятелей «Народной воли».

«Народная воля» вела как печатную, так и устную пропаганду. Рабочая группа «Народной воли» с декабря 1880 г. стала издавать свою «Рабочую газету». Всего вышло три номера и два приложения. Ее редакторами были А. Желябов, В. Каковский и А. Франжоли. Газета имела большой спрос у рабочих и играла серьезную роль в их революционном просвещении. В целях пропаганды и агитации в центре и на местах народо-вольцами было отпечатано и распространено немало прокламаций.

Освещение на страницах печати, адресованной рабочим, их тяжелого труда и быта, пропаганда социалистических идей и острая политическая агитация против самодержавия и эксплуататоров — все это позволяло народо-вольцам оказывать сильное влияние на пробуждающееся сознание пролетариата. Однако значительно большего размаха достигла устная пропаганда,



Андрей Иванович Желябов

<sup>1</sup> См.: С. С. Волк, указ. соч., «Исторические записки», т. 74, 1963, стр. 202.

<sup>2</sup> Там же, стр. 203.

охватывавшая в отдельных городах сотни человек. Народовольцы имели в виду вести планомерную пропаганду в рабочей среде, для чего предполагали создавать кружки первого и второго разрядов<sup>1</sup>. В кружках первого разряда рабочие должны были получать общее первоначальное образование и проходить начальную стадию политической подготовки (последняя не ставилась как специальная цель). В кружках второго разряда рабочим «читались лекции по истории и по учению социализма в России и в Западной Европе, при этом раздавалась для чтения «Рабочая газета» и объяснялась программа «Народной воли», к которой предлагалось им примкнуть»<sup>2</sup>. Одновременно в кружках велись беседы о положении трудящихся, необходимости их борьбы, читались и разбирались запрещенные книги. Так, в Москве, где пропаганда велась «приблизительно на 30 пунктах», читались книги Михайлова «Пролетариат во Франции», Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции», статьи из «Отечественных записок» о движении чартистов, переводные книги: Бехера «Рабочий вопрос», Торнтон «Труд», нелегальное издание Лассалья «Труд и капитал», кроме того отдельные произведения Костомарова, Карновича, Беляева, Семевского, Мордовцева по истории России и в особенности крестьянства и его борьбы за волю. Считалось необходимым знакомить рабочих с историей Великой Революции и с Парижской коммуной, а также с теорией ценности Маркса, которая излагалась обыкновенно изустно или по одному из многочисленных в то время рукописных конспектов, составлявшихся чуть ли не во всех городах, где только велась пропаганда, и затем ходивших по рукам»<sup>3</sup>.

В других случаях в числе изучавшейся в кружках литературы упоминаются «Коммунистический манифест», произведения Либкнехта, Чернышевского, Флеровского, журнальные и газетные статьи по рабочему вопросу. Реже, но все-таки шла в обиход и подпольная литература прошлых лет (вроде «Хитрой механики»).

Наряду с пропагандой народовольцы принимали деятельное участие в стачечной борьбе пролетариата. Желябов признавал стачку не столько экономическим, сколько политическим фактом, считая ее средством политической агитации. В 1879 г. народовольцы участвовали в стачках рабочих Киева (железнодорожные мастерские), Серпухова, Иваново-Вознесенска, каменноугольных копей у ст. Шахной, Воронежа (железнодорож-

<sup>1</sup> Фактически кружки двух разрядов создавались только в Петербурге. В других городах, как и в ряде других кружков столицы, в рабочих кружках сразу велась политическая пропаганда.

<sup>2</sup> С. С. Волк, указ. соч., «Исторические записки», т. 74, стр. 202.

<sup>3</sup> «Былое», 1906, № 2, стр. 180.

ные мастерские), Гуслиц (под Москвой), Москвы (фабрика Шрадера), Московского уезда (фабрика Диля); в 1880 г. — Москвы (фабрика Каверина и фабрика Бровкина), Киева (железнодорожные мастерские), Ярцева (фабрика Хлудова), Коломенского уезда (фабрика Щербаковых), Серпухова (фабрика Серикова); в 1881 г. — фабрики Тряпкина около ст. Дрезна Московско-Нижегородской ж. д. и Иваново-Вознесенска (фабрика Зубкова) <sup>1</sup>.

К приведенному перечню можно прибавить и еще ряд мест, где народовольцы готовили стачки рабочих или участвовали в них, но в целом им не удалось оказать большого влияния на стачечную борьбу. Несмотря на развитие активной и широкой деятельности в рабочей среде, они продолжали главные свои усилия концентрировать на подготовке нового заговора против царя.

Недостатком деятельности народовольцев среди пролетариата было то обстоятельство, что она строилась с расчетом на участие масс рабочих в политическом заговоре, а не в систематической и организованной классовой борьбе с угнетателями. Такая задача была еще не по силам народовольцам. Но своей пропагандой идеей социализма, разъяснением рабочего вопроса, попыткой объединить и организовать рабочих они внесли серьезный вклад в революционное просвещение формирующегося в стране пролетариата.

Рабочая организация «Народной воли» не раз подвергалась разгрому <sup>2</sup>. Впервые это произошло вслед за убийством царя 1 марта 1881 г. вследствие предательства Рысакова. К маю 1881 г. вновь ожили кружки, но пробравшийся в их ряды агент Прейм снова выдал рабочую группу. Последовали новые аресты. Летом 1881 г. кружки восстанавливаются. На сторону народовольцев переходят некоторые члены распавшегося «Черного передела». Пропаганда в рабочей среде еще более расширяется, но в результате предательства нового провокатора Белова на рубеже 1881—1882 гг. рабочая группа была почти вся ликвидирована.

Рабочий вопрос, сколь бы он ни был значительным для народовольцев, тем не менее отступал на второй план перед военным вопросом. Решающую роль в момент политического переворота народовольцы отводили армии. «Значение армии при перевороте — огромное, — говорилось в «Подготовительной работе партии». — Можно сказать, что, имея за себя армию, можно низвергнуть правительство даже без помощи народа;

<sup>1</sup> См.: В. Я. Богучарский, Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века, М., 1912, стр. 128.

<sup>2</sup> Подробнее см.: С. С. Волк, указ. соч., «Исторические записки», т. 74, стр. 203—205.



а имея армию против себя, ничего, пожалуй, не достигнешь и с поддержкой народа»<sup>1</sup>.

Народовольцы задались целью создать военные боевые группы и «улотребить все старания, чтобы стягивать лучшие силы армии в пункты, важные для восстания, и по возможности так, чтобы в отдельных частях все важные места были заняты своими людьми»<sup>2</sup>.

А. И. Желябов, игравший главную роль в организации военных групп «Народной воли», указывал, что в армии в первую очередь нужно опереться на ее лучшие и сознательные офицерские кадры. Он писал: «... в момент переворота, конечно, никто не может склонить солдат на сторону восстания лучше, чем популярный офицер, обращающийся к своим солдатам с соответственными указаниями и предложениями»<sup>3</sup>. Он рекомендовал лучших, наиболее сознательных и энергичных офицеров привлекать в партию, в то же время работая с основной массой в целях повышения уровня ее развития и выработки революционного сознания. Офицеры, разделяющие взгляды партии, должны стремиться: одни — занимать высшие должности, другие — приобретать популярность среди солдат. Желябов считал необходимым ведение пропаганды и среди солдат.

Придавая столь важную роль армии в совершении политического переворота, народовольцы уже осенью 1879 г. стали вести пропаганду среди офицеров. Первым к ним явился сам Желябов, затем он бывал у них с Колодкевичем.

Нужно заметить, что передовое офицерство русской армии уже с XVIII в. было выразителем прогрессивных идей своего времени, а в XIX в. оно играло революционную роль. Первое открытое выступление с оружием в руках против самодержавия совершила офицерская революционная организация — декабристы. Офицеры были в рядах петрашевцев, сподвижников Чернышевского, борцов за свободу Польши и революционных организаций 70-х годов. К моменту образования «Народной воли» в армии оппозиционное настроение к правительству было довольно широко распространенным, поэтому народовольцам не представляло особых трудностей найти в среде военных нужных себе людей. Однако, как показал опыт, далеко не сразу офицерство, исходя из профессиональных взглядов и традиционного опыта участия в организованной и массовой борьбе, склонилось к тактике индивидуального террора, к чему звали его пропагандисты «Народной воли». С этим и столкнулся Желябов, когда он вместе с Колодкевичем пришел осенью 1879 г. на первое собрание флотских офицеров, состоявшееся на квартире

<sup>1</sup> «Литература партии «Народная воля», стр. 308.

<sup>2</sup> Там же, стр. 309.

<sup>3</sup> Там же, стр. 308.

лейтенанта Н. Е. Суханова. Желябов произнес перед ними вдохновенную речь, которую сам он называл лучшим из своих выступлений. Но первые же его слова «мы, террористы-революционеры», как вспоминал участник собрания морской офицер Э. А. Серебряков, заставили всех вздрогнуть. Тем не менее речь Желябова произвела громадное впечатление.

По словам Э. А. Серебрякова, раньше офицеры с недоверием относились к революционерам, считая, что у них нет ни ясной программы, ни зрелых кадров. «После же встречи с Желябовым и Колодкевичем, — писал он, — наше мнение о революционерах резко изменилось. В них мы встретили не только умных, но сильных людей с ясным политическим пониманием. Такой же переворот в наших взглядах произвели программы партии «Народной воли». В ней вопросы учредительного собрания и национализации земли были поставлены ясно и точно, что вполне соответствовало нашему мировоззрению, и не будь в программе террора, мы немедленно бы примкнули к партии»<sup>1</sup>.

Понадобился целый год усилий таких титанов «Народной воли», как Желябов, Перовская, В. Фигнер, Колодкевич, чтобы склонить офицерские кружки на сторону партии. Осенью 1880 г. Желябову удалось создать революционный кружок флотских офицеров. Выработанная кружком конституция признавала программу «Народной воли» с оговоркой, что предложения Исполнительного Комитета принимаются или отвергаются только при условии единодушия всех членов. Первоначально в кружок вошли лейтенанты Н. Е. Суханов, А. П. Штромберг, Ф. И. Завалишин, И. К. Разумов, А. Гласко и Э. А. Серебряков, мичман Н. Юнг и два подпоручика корпуса штурманов — А. К. Карабанович и А. А. Прокофьев. Затем к ним примкнули лейтенант Л. Ф. Добротворский и бывшие члены чернопередельческого кружка Дружинина-Буланова мичманы В. П. Дружинин, Г. И. Скворцов и лейтенант А. П. Андреев<sup>2</sup>.



Софья Львовна Перовская

<sup>1</sup> См.: Э. Серебряков, Революционеры во флоте, «Былое», 1907, № 4, стр. 105—106.

<sup>2</sup> См.: В. Селиванов, Моряки-народовольцы, М., 1931, стр. 40.

Тогда же сформировался кружок офицеров-артиллеристов, в который входили Н. М. Рогачев (младший брат пропагандиста), Похитонов, Папин (младший брат Долгушинца), А. Буланов, Вершинин, Чижов, С. Дсгаев (впоследствии предатель), Николаев и другие. В Петербурге был создан еще один кружок, состоявший из представителей различных родов армии<sup>1</sup>. По словам В. Фигнер, в военную группу центральных кружков входило до 30 человек, а всего членов военной организации было более 200 человек. Кроме того, в Кронштадте было «распропагандировано» до 100 моряков.

С ростом кружков партия выработала принципы построения ее военно-революционной организации. «Военная организация должна строиться сверху и по тому же типу, как строилась партия, т. е. централистически, но в организационном отношении она должна стоять совершенно обособленно от партии. Во главе военной организации должен стоять Центральный Комитет, состоящий из офицеров, подобранных Исполнительным Комитетом партии и подчиненный Исполнительному Комитету. Местные военно-революционные кружки должны подчиняться Центральному Комитету»<sup>2</sup>.

Вооруженное восстание по указанию Исполнительного Комитета было целью организации. Для пропаганды среди солдат партия направляет специально подготовленных для этого рабочих. В обязанность офицеров — членов организации входило заводить связи в войсках, создавать новые боевые группы офицеров, которые, в свою очередь, образуют на местах военные кружки. Последние действуют обособленно от общепартийных групп и друг друга, подчиняясь только военному центру. Военная организация, таким образом, создавалась и действовала параллельно с гражданской. Партия оберегала свое главное детище от случайных провалов, столь частых в общепартийных группах.

Для руководства военной организацией Исполнительный Комитет создал военный Центральный Комитет. В него входили два члена Исполнительного Комитета. Позже в Исполнительный Комитет, в свою очередь, стал входить представитель военной организации. Первый Центральный военный комитет был образован в составе Желябова, Колодкевича, Суханова, Штромберга и Рогачева<sup>3</sup>. Среди военных самой яркой и выдающейся личностью был Суханов. В. Н. Фигнер, восторженно отзывавшаяся о нем, писала: «Счастлива та партия, к которой приступают Сухановы!» Его влияние и значение в военной организации было столь велико, что Перовская даже перед самой

<sup>1</sup> См.: В. Я. Богучарский, Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века, стр. 147.

<sup>2</sup> В. Селиванов, указ. соч., стр. 41.

<sup>3</sup> См.: там же, стр. 43.

смертью говорила: «Берегите Суханова». Видную роль в жизни военной организации играли «блестящий по уму и образованию» флотский офицер Буцевич и Похитонов.

«На юге, — писал М. Ю. Ашенбреннер, — кружки возникли самостоятельно и не были связаны с центральной группой до конца 1881 года. В Николаеве армейский (Ашенбреннер, Мицкевич, Талаллиндов, Успенский, Маймескулов, Заинчковский 2-й, Кирьянов, сапер Чижов и казак Попов) и огромный морской, человек в 30, если не более (моряки Янушевский, Кудрицкий, Ювачев, Бубнов, Гловацкий...); Одессе армейский (Крайский, Стратанович, Телье, Каминский, Мурашевич), и рядом с ними Крайский группировал несколько молодых офицеров, которые в середине 1883 г. вошли в состав кружка Крайского.

Эти кружки в 1881 году стали кружками политическими»<sup>1</sup>.

Военные кружки создавались и в других городах страны, в том числе и в войсках, расквартированных в Финляндии и Польше.

Смелый замысел «Народной воли» опереться на армию для совершения политического переворота не удался, но своей работой в войсках она расшатывала военную силу царизма.

Деятельность партии в среде интеллигенции определялась задачами, которые довольно определенно формулировались в программном документе «Подготовительная работа партии». «Каждое честное направление должно только давать о себе знать, чтобы иметь сторонников»<sup>2</sup> — таково было самое общее требование программы. Местные организации партии должны были до переворота «заранее заручиться: а) положением в администрации и войске; б) влиянием на крестьянство; в) должны по возможности сходиться с местными либералами и конституционалистами; г) должны запастись материальными средствами; д) основательно ознакомиться со своей областью. В достижении этих целей члены партии должны действовать дружно, поддерживая и вытягивая друг друга, замещая своими людьми все выгодные для партии места, заботясь о поддержании репутации и влияния друг друга»<sup>3</sup>. Несомненно, основную роль в решении указанных задач могла в тогдашних условиях сыграть только интеллигенция.

Если центр партии в момент переворота преимущественно играет роль разрушительную, местные группы, напротив, выступают «основной созидательной силой». Вначале они должны «поддержать начавшееся в центрах движение и не допускать свою местность пойти на помощь правительству. Но в этом

---

<sup>1</sup> М. Ю. Ашенбреннер, Военно-революционная организация партии «Народной воли», М., 1928, стр. 19.

<sup>2</sup> «Литература партии «Народная воля», стр. 309.

<sup>3</sup> Там же, стр. 307.

смысле их вмешательство определяет весь исход борьбы... При торжестве революции значение местных организаций подымается еще больше. Им придется возбуждать дух масс, им придется главным образом влиять на выборы в Учредительное собрание, формулировать требования крестьянства и пр.»<sup>1</sup>.

Конкретизируя задачи местных групп в подготовительной период, цитированный нами документ не выдвигал перед ними цели активной пропагандистской деятельности, в том числе и в среде крестьянства. Местные группы в первую очередь обязаны были выявить, кто сочувствует, поддерживает или является врагом дела партии, где и какие расположены войска, склады и учреждения, знать настроение масс, выявлять вожakov в среде крестьянства и теснее сходить с ними.

При этом в документе выражались совершенно наивные надежды на то, что при известии о восстании достаточно неповиновения нескольких чиновников и армейских начальников, демонстраций членов партии, организованных «среди общества, народа», чтобы губерния сегодня осталась нейтральной, а завтра перешла в руки революционеров.

Как видим, «Народная воля» планировала развернуть широкую работу среди интеллигенции. Но в целом она не получила намеченного размаха, так как силы партии были брошены на подготовку террористических актов.

Однако даже при самой общей характеристике деятельности партии в указанных сферах нельзя не остановиться на одном факте, сыгравшем в жизни ее весьма важную роль. Речь идет о случае, когда революционерам удалось проникнуть в самый центр царской охраны — III отделение. А. Д. Михайлову удалось еще в январе 1879 г. устроить Николая Васильевича Клеточникова секретным агентом III отделения. В марте Клеточников уже был зачислен на должность письмоводителя агентурного отделения, затем стал помощником делопроизводителя. Он «был посвящен во все политические розыски, производившиеся не только в С.-Петербурге, но и вообще во всей Империи, — говорилось потом о его деятельности в обвинительном акте на суде. — Все полученные таким образом сведения он своевременно передавал Михайлову, сообщал ему, за кем именно учреждено секретное наблюдение, предупреждал заранее о предположенных обысках, объявлял имена всех агентов и вообще открывал Михайлову все секретные данные, сосредоточенные в 3-й экспедиции III отделения»<sup>2</sup>. Это было одно из самых блестящих мероприятий Михайлова, который в «Народной воле» оставался не только одним из главных ее руководителей, но и был ее верным стражем.

<sup>1</sup> «Литература партии «Народная воля», стр. 307.

<sup>2</sup> В. Я. Богучарский, Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века, стр. 216.

Делая ставку на армию и городских рабочих, «Народная воля» уже не опиралась, как предшествующие ей организации, на студенческую молодежь. В «Подготовительной работе партии» указывалось на важность «поддерживать в ее рядах революционные тенденции», воспитывать ее «в революционном духе». Студенты должны были «добиваться расширения своих прав», «вести пропаганду среди рабочих, помогать распространению революционных изданий и т. д.». А. И. Желябову удалось создать в Петербурге центральный студенческий кружок. Партия оказывала влияние на учащуюся молодежь и на периферии.

Одним из примеров влияния партии на учащуюся молодежь является организованная Желябовым демонстрация студентов Петербургского университета на акте 8 февраля 1881 г. На нем присутствовал новый «либеральный» министр народного просвещения Сабуров, сменивший на этом посту реакционера Толстого. Сабуров был типичным деятелем лорис-меликовского режима, метко охарактеризованного Н. К. Михайловским как политика волчей пасти и лисьего хвоста. «Министерство Сабурова, — писала «Народная воля» в статье «Последние события в университете», — со своими обещаниями разных льгот и вольностей, откладываемых, однако, на неопределенное время, вызвало против себя даже большее неудовольствие студентов, чем министерство графа Толстого. Система Сабурова, постоянно рекомендуемая «погодить», «выждать», «быть благоразумными» и проч., начала деморализовать студентов...»<sup>1</sup>.

Студенческая организация решила выразить недоверие министру. На акте 8 февраля 1881 г. среди четырех тысяч присутствующих находились Желябов, В. Фигнер, Суханов и Сенягин. После прочтения университетского отчета раздались рукоплескания, но тут же, писал автор указанной статьи, с левой стороны послышались голоса. Член студенческого кружка Коган-Бернштейн произнес краткую речь, выражавшую протест против политики правительства и угрозу по адресу «лживого и подлого» министра Сабурова, и бросил в зал листовки. Вслед за ним другой член кружка — Подбельский — подошел к министру и дал ему затрещину. Начался невероятный гвалт и суматоха, во время которой оба студента скрылись. Организацией этой демонстрации «Народная воля» хотела, по словам А. П. Прибылевой-Корба, вывести студентов из состояния пассивности, возбудить в них революционный дух, приучить протестовать и активно бороться против властей и университетского режима.

Партия, развертывая деятельность во всех слоях общества внутри страны, одновременно стремилась вести пропаганду

<sup>1</sup> «Литература партии «Народная воля», стр. 117.

своих идей и за границей. Западноевропейская пресса, мало осведомленная о русских революционных делах, часто представляла их своим читателям в извращенном виде. Этому всячески способствовало и русское правительство. Давно уже умолк «Колокол», прекратили свое существование журнал и газета «Вперед!», и русская эмиграция, ранее державшая Европу в курсе событий в России, оказалась за границей, по словам В. Н. Фигнер, «отрезанным ломтем». Между тем покушения на жизнь царя 17 ноября 1879 г. и 5 февраля 1880 г. «потрясли всю Европу и пробудили во всех слоях западноевропейского общества громадный интерес и внимание к деятельности революционной партии в России»<sup>1</sup>. Передовая общественность Европы была тогда возбуждена делом Льва Гартмана, одного из главных участников первого из упомянутых покушений, который бежал в Париж и по требованию русского правительства был там арестован. Исполнительный Комитет в связи с делом Гартмана обратился с воззванием «К французскому народу». Оно было напечатано французскими газетами и произвело сильное впечатление. На него откликнулся Виктор Гюго; во Франции произошли сочувственные «нигилистам демонстрации...»<sup>2</sup>. Под давлением прогрессивных сил Запада французское правительство не решилось выдать Гартмана русскому царю. «На этом факте, — писала В. Н. Фигнер, — «Народная воля» увидела значение, которое может иметь для партии общественное мнение Европы. Она решила организовать за границей пропаганду своих истинных целей и стремлений и завоевать симпатии европейского общества, ознакомляя его с внутренней политикой нашего правительства. Таким путем, потрясая трон взрывами внутри государства, мы могли дискредитировать его извне и способствовать давлению, быть может, дипломатическому вмешательству некоторых просвещенных стран во внутренние дела нашего темного царства»<sup>3</sup>.

Тогда-то партия и решила использовать силы эмиграции для пропаганды за границей, избрав своими первыми уполномоченными Гартмана и Лаврова. Средствами пропаганды, по ее мнению, «могли быть лекции, собрания, но главным образом брошюры, листки и журнальные статьи, которые изображали бы экономическое и политическое положение дел в России»<sup>4</sup>.

Гартман развернул активную деятельность. «... Все выдающиеся в социалистическом мире Западной Европы лица обещали ему свое содействие в той или иной форме». Признавая исключительный авторитет К. Маркса, Исполнительный Коми-

<sup>1</sup> В. Фигнер, указ. соч., стр. 186.

<sup>2</sup> В. Я. Богучарский, Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века, стр. 233.

<sup>3</sup> В. Фигнер, указ. соч., стр. 186.

<sup>4</sup> См.: там же, стр. 187.

тет 25 октября (6 ноября) 1880 г. обратился к нему с письмом. Указав на восторженное отношение в России к его трудам, в которых лучшие тенденции русской жизни нашли свое научное подтверждение, Исполнительный Комитет писал, что в России приближается момент победы. «Наша задача была бы значительно облегчена, если бы прочные симпатии свободных народов были на нашей стороне, для чего требуется только знание истинного положения вещей в России.

С этой целью мы поручаем нашему товарищу Льву Гартману найти пути для ознакомления Англии и Америки с текущими событиями нашей общественной жизни.

И мы обращаемся к Вам, уважаемый гражданин, с просьбой помочь Гартману в осуществлении этой задачи»<sup>1</sup>.

К. Маркс горячо откликнулся на просьбу Исполнительного Комитета. Вместе с письмом он «прислал Комитету свой портрет с соответствующей надписью. По словам Гармана, Маркс с гордостью показывал письмо Комитета своим друзьям и знакомым»<sup>2</sup>. В дальнейшем Гартман, близко сошедшийся с Марксом и Энгельсом, постоянно пользовался их поддержкой и помощью.

Большое содействие оказывал Гартману Рошфор, редактор газеты «Intransigent», к которому Исполнительный Комитет также обращался с просьбой о поддержке.

Гартман, бывший некоторое время за границей Н. Морозов и другие лица выступали в европейской прессе со статьями или издавали отдельные брошюры. Кроме того, Гартман вел устную пропаганду в Европе и Америке.

В 1881 г. за границей было основано Центральное Управление Общества Красного Креста партии «Народная воля». Руководителями его были П. Л. Лавров и В. И. Засулич. Цель общества, как говорилось в объявлении о его основании, «состоит в оказании материальной и нравственной поддержки всем лицам, подвергшимся гонению за свободу мысли и совести»<sup>3</sup>. Общество просило всех, «без различия сословия и национальностей», оказать ему посильную поддержку.

Осенью 1880 г. Исполнительный Комитет избрал В. Н. Фигнер своим секретарем по связи с заграницей. «Я, — вспоминала В. Н. Фигнер, — вела его деловую переписку с Гартманом, посылала ему корреспонденции, биографии казненных, снабжала выходящими революционными изданиями, доставляла карточки арестованных и осужденных, посылала русские

<sup>1</sup> См.: «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», М., 1951, стр. 251—252.

<sup>2</sup> В. Фигнер, указ. соч., стр. 187.

<sup>3</sup> «Литература партии «Народная воля», стр. 147. Общество именовало себя центральным, так как в Петербурге действовала соответствующая организация партии.



журналы, газеты и вообще удовлетворяла по возможности все требования его»<sup>1</sup>.

«Народная воля» была первой русской революционной организацией, самостоятельно выступившей от имени революционных сил страны за границей. И хотя заграничная работа не получила большого размаха, так как партия располагала для внешней пропаганды весьма скромными силами, все же она обеспечила «Народной воле» авторитет в Европе.

К. Маркс и Ф. Энгельс, хорошо знавшие положение дел в России в конце 70-х годов, считали, что в ней налицо объективные предпосылки близкой революции.

В марте 1879 г. Энгельс писал, что в России назревают события решающего значения. «Борьба между правительством и тайными обществами приняла там настолько острый характер, что долго это продолжаться не может. Движение, кажется, вот-вот вспыхнет. Агенты правительства творят там невероятные жестокости. Против таких кровожадных зверей нужно защищаться как только возможно, с помощью пороха и пуль. Политическое убийство в России единственное средство, которым располагают умные, смелые и уважающие себя люди для защиты против агентов неслыханно деспотического режима»<sup>2</sup>. Энгельс никогда не выдвигал террор как систему борьбы, но, учитывая особые условия непролетарской России и зверства властей, как видим, признавал политическое убийство единственно возможным средством самозащиты. На практике русские революционеры вскоре увидели в политическом убийстве главное орудие борьбы и направили все свои усилия на организацию заговора против, как они считали, главного виновника народных бед — царя.

Исполнительный Комитет, считая, что единичные попытки покушения не дадут желанного результата, бросил теперь на охоту за царем все лучшие силы партии. Вместо пистолетов народовольцы взяли на вооружение динамит. Его изготовляли в специально устроенной мастерской, где, подвергая себя смертельной опасности, работала небольшая группа во главе с Николаем Ивановичем Кибальчицем. Человек выдающегося ума и отваги, Кибальчич не просто изготовлял динамит, но и проводил научные опыты с целью усовершенствования этого грозного оружия.

Располагая к осени 1879 г. около 100 кг динамита, Исполнительный Комитет стал сразу готовить серию покушений на царя.

Одно перечисление дат и мест покушений уже само по себе красноречиво свидетельствует о том, с каким упорством наро-

<sup>1</sup> В. Фигнер, указ. соч., стр. 187.

<sup>2</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 158.

довольцы принялись за осуществление своего замысла. Осенью 1879 г. царь находился в Крыму. Предполагалось, что оттуда он пароходом поедет в Одессу, а далее — поездом в Петербург. Зная трусливую повадку царя неожиданно менять направления переездов, народовольцы стали готовить взрыв его поезда сразу в трех местах — под Одессой, Александровском (на юге) и в Москве. Одновременно, на случай неудач со взрывом поезда, готовился взрыв в самой резиденции царя — в Зимнем дворце.

Покушение под Одессой не состоялось, так как царь поехал из Крыма поездом. У Александровска под рельсами была заложена мина. 18 ноября 1879 г. Желябов, Тихонов, Окладский и Пресняков сидели на телеге у полотна железной дороги. В руках у Желябова были концы провода. Вот появился царский поезд. В момент нахождения его над миной Окладский скомандовал: «Жарь!» Желябов подсоединил провода к батарее... но взрыва не последовало. Московская группа под руководством Михайлова и Перовской спешно закончила подкоп из рядом стоящего дома под железную дорогу, и 19 ноября здесь раздался взрыв, но пострадал второй поезд, а царь невредимым проскочил роковое место на первом.

Теперь взоры террористов были устремлены на Зимний дворец. Там с сентября 1879 г. работал столяром под именем Степана Батышкова выдающийся деятель рабочего движения Степан Халтурин, перешедший на террористический путь борьбы. Он жил в комнате подвального этажа, расположенной под царской столовой. Сначала с помощью Квятковского, а после его ареста в ноябре 1879 г. — Желябова Халтурин тайно накапливал в своей комнате динамит. 5 февраля 1880 г., когда царская семья шла в столовую, раздался страшный взрыв. Ни царь, ни члены его семьи не пострадали, но и Халтурин скрылся бесследно.

1879—1881 гг. были временем новой революционной ситуации в России. Подъем рабочего и крестьянского движения, рост общего недовольства в стране и наступление «Народной воли» на самого царя вызвали в правительстве колебания. В течение января 1880 г. царь провел целую серию совещаний со своими приближенными. На них обсуждались конституционные проекты председателя комитета министров Валуева и великого князя Константина Николаевича. «Верхи» явно заколебались. Но достаточно было решительного возражения наследника престола Александра, не хотевшего и слышать о каком-либо представительном управлении страной, чтобы Валуев первым отказался от своего проекта и тут же выступил и против великокняжеского. На стороне наследника стояли шеф жандармов Дренгельн, министр внутренних дел Маков, князь Урусов и другие реакционеры.

Взрыв в Зимнем дворце вновь переполошил правительство. 12 февраля 1880 г. царь учредил Верховную Распорядительную Комиссию, которая должна была положить предел покушениям и стремлениям «поколебать в России государственный и общественный порядок». Поставленный во главе ее Лорис-Меликов обратился к жителям столицы с воззванием оказать поддержку властям в возобновлении «правильного течения государственной жизни».

Царь вынужден был пойти на уступки: сместить крайне реакционного министра народного просвещения Д. А. Толстого и упразднить III отделение, передав его дела департаменту государственной полиции, специально учрежденному в системе министерства внутренних дел. С упразднением вскоре Верховной Распорядительной Комиссии во главе министерства внутренних дел был поставлен Лорис-Меликов.

«Диктатура сердца», как был назван режим правления Лорис-Меликова, на самом деле была кровавой и мстительной: арестовывали и судили невинных, возросло число ссылок, продолжались казни, совершались насилия над политическими заключенными. Обстановка в стране стихийно отражалась в нараставшем напоре революционеров-народовольцев. «Вопреки утопической теории, отрицавшей политическую борьбу, — писал В. И. Ленин, — движение привело к отчаянной схватке с правительством горсти героев, к борьбе за политическую свободу. Благодаря этой борьбе и только благодаря ей, положение дел еще раз изменилось, правительство еще раз вынуждено было пойти на уступки...»<sup>1</sup>.

28 января 1881 г. Лорис-Меликов представил царю свой план создания временных подготовительных комиссий, которые должны были подготовить проекты законов по преобразованию губернского управления, земского и городского положений и внесению дополнений к Положению 19 февраля 1861 г. В дальнейшем предполагалось рассмотреть подготовленные проекты в общей комиссии, затем в Государственном совете с участием выборных от земств и городов. Царь, утверждая проект Лорис-Меликова, не согласился лишь с участием представителей земств и городов в обсуждении его в Государственном совете.

«...Осуществление лорис-меликовского проекта, — писал В. И. Ленин, — могло бы при известных условиях быть шагом к конституции, но могло бы и не быть таковым: все зависело от того, что пересилит — давление ли революционной партии и либерального общества или противодействие очень могущественной, сплоченной и неразборчивой в средствах партии непоклонных сторонников самодержавия. Если говорить не о

---

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 39.

том, что могло бы быть, а о том, что было, то придется констатировать несомненный факт колебания правительства»<sup>1</sup>.

В этот момент «Народная воля», желая ускорить ход событий, нанесла свой последний удар по царю. Партия, теряя одного за другим своих товарищей, шла с ожесточением и бесстрашием к роковому дню 1 марта. Казнен Квятковский, осенью арестован Михайлов, 28 января 1881 г. — Клеточников и Баранников.

В первой половине февраля 1881 г., готовя последнее покушение на царя, члены Исполнительного Комитета собрались на совещание, где был поставлен вопрос о восстании. Из сообщений представителей с мест выяснился недостаток сил для восстания. Приходилось выступать одним, но это не остановило героев «Народной воли».

Еще до ареста Михайлова было установлено, что чаще всего царь проезжает по Малой Садовой. Здесь народовольцы сняли магазин для торговли сырами, из полуподвального помещения которого был сделан подкоп под улицу, но 15 февраля царь благополучно проехал по Малой Садовой. Подкоп к тому времени был готов, но не успели заложить мины. На новом совещании Исполнительный Комитет постановил новые приготовления закончить к 1 марта. «Наш план — писала В. Н. Фигнер, — состоял из трех частей. . . Главной частью был взрыв из магазина сыров. Если бы этот взрыв произошел немного раньше или позже проезда экипажа царя, то . . . четыре метальщика — Рысаков, Гриневицкий, Тимофей Михайлов и Емельянов — с двух противоположных сторон на обоих концах Малой Садовой — должны были бросить свои бомбы; но если бы и они остались почему-нибудь без результата, то Желябов, вооруженный кинжалом, должен был броситься к государю и кончить дело.

С тех пор мы жили тревожной, лихорадочной жизнью. . .»<sup>2</sup>.

27 февраля были арестованы Желябов и Тригони. Нависла угроза над магазином. Все могло рухнуть в любую минуту, а к довершению всего у террористов не были готовы снаряды. Суханов, Кибальчич и Грачевский всю ночь на 1 марта просидели над их изготовлением. К восьми утра четыре снаряда были готовы, в десять за ними пришли четыре метальщика. Мину в магазин отнесли еще с вечера. Взрывать ее должен был Фроленко. В случае взрыва ему грозило остаться под развалинами дома, но этот человек, не раз в прошлом проявлявший удивительное мужество, явился утром 1 марта на квартиру В. Н. Фигнер со свертком, в котором были колбаса и бутылка вина. «Что это?» — почти с ужасом спросила я. «Я должен

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 43.

<sup>2</sup> В. Фигнер, указ. соч., стр. 202.



Николай Иванович Кибаль-  
чич

быть в полном обладании сил», — спокойно ответил товарищ и невозмутимо принялся за еду»<sup>1</sup>, — вспоминала В. Н. Фигнер.

Фроленко не пришлось идти на свой опасный пост. Было получено сообщение, что царь не поехал по Малой Садовой. Казалось, весь план провалился. Но тут проявилась необыкновенное самообладание и находчивость Перовской. Она быстро изменила план покушения с расчетом, что царь будет возвращаться по набережной Екатерининского канала. Там и были расставлены металлические. Первым бросил бомбу Рысаков, но царь остался жив. Тогда настала очередь Гриневицкого. До этого момента непринужденно гулявший по набережной, он с полным спокой-

ствием подошел к вышедшему из кареты царю и, чтобы действовать наверняка, бросил бомбу между ним и собой. Оба, царь и он, смертельно раненные, упали на мостовую.

Начались аресты. Надеясь, что русский царизм получил внушительный урок, Исполнительный Комитет 10 марта направил новому царю — Александру III — письмо. Дав в нем оценку предшествующей борьбе и создавшегося в связи с убийством Александра II положения в стране, Комитет указал на два возможных выхода из него: «...или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу»<sup>2</sup>.

Народовольцы стояли перед новым царем с гордо поднятой головой. Они смело называли его правительство шайкой узурпаторов, лишённой какого-либо влияния и опоры в народе, предсказывали исторически неизбежный страшный взрыв, который вызовет кровавую перетасовку, судорожное революционное потрясение всей России и завершит процесс разрушения старого строя<sup>3</sup>. Исполнительный Комитет давал возможность царю избавить страну от людских жертв и разрушения материальных ценностей. При условии выбора царем второго, мирного пути, Исполнительный Комитет готов был отказаться от насильственных методов борьбы и распустить свои силы для культурной работы на благо народа. «Мирная, идейная борь-

<sup>1</sup> В. Фигнер, указ. соч., стр. 207.

<sup>2</sup> Там же, стр. 338.

<sup>3</sup> См.: там же, стр. 337.

ба, — писал Исполнительный Комитет, — сменил насилие, которое противно нам более, чем вашим слугам, и которое практикуется нами только из печальной необходимости»<sup>1</sup>.

Согласие на мирный путь решения задач, стоявших перед страной, ни в какой мере нельзя считать ни капитуляцией, ни униженной просьбой или заискиванием Исполнительного Комитета перед царем. Его позиция определялась программой партии, ставившей экономический переворот в зависимость от политического и считавшей достижение политических свобод непременным условием возможности каких-либо преобразований. Именно поэтому Исполнительный Комитет указал царю, что мирный путь невозможен без амнистии политическим заключенным и созыва «представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их согласно с народными желаниями»<sup>2</sup>.

Исполнительный Комитет считал, что легализация верховной власти народным представительством может быть достигнута лишь при совершенно свободных выборах.

«Поэтому выборы должны быть произведены при следующей обстановке:

1) депутаты посылаются от всех классов и сословий безразлично и пропорционально числу жителей;

2) никаких ограничений ни для избирателей, ни для депутатов не должно быть;

3) избирательная агитация и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а поэтому правительство должно в виде временной меры впредь до решения Народного собрания допустить: а) полную свободу печати, б) полную свободу слова, в) полную свободу сходок, г) полную свободу избирательных программ»<sup>3</sup>.

Маркс и Энгельс высоко оценили письмо Исполнительного Комитета. Г. А. Лопатин, вернувшись в 1883 г. за границу после очередного побега из ссылки, вел длительные беседы с Эн-



Вера Николаевна Фигнер

<sup>1</sup> В. Фигнер, указ. соч., стр. 338.

<sup>2</sup> Там же, стр. 339.

<sup>3</sup> Там же.

гельсом, основное содержание которых он тогда же изложил в своем письме М. Н. Ошаниной. Как сообщает Г. А. Лопатин, по мнению Маркса, «письмо Комитета к Александру III положительно прекрасно по своей политичности и спокойному тону. Оно доказывает, что в рядах революционеров находятся люди с государственной складкой ума»<sup>1</sup>.

С такой же высокой оценкой письма Исполнительного Комитета мы встречаемся и у В. И. Ленина. Он писал: «... деятели «Народной воли» в самом начале царствования Александра III «преподнесли» правительству альтернативу именно такую, какую ставит перед Николаем II социал-демократия: или революционная борьба, или отречение самодержавия. (См. письмо Исполнительного комитета «Народной воли» к Александру III от 10 марта 1881 г., где поставлены два условия: 1. общая амнистия по всем политическим преступлениям и 2. созыв представителей от всего русского народа при всеобщем избирательном праве и свободе печати, слова и сходок)»<sup>2</sup>.

Свержение самодержавия было целью и «Народной воли» и социал-демократии ленинской эпохи, но «Народная воля» не опиралась, подобно социал-демократии, на массовое движение, на классовую борьбу трудящихся. В этом было ее бессилие, причина ее неуспеха.

Еще до получения письма Исполнительного Комитета царь 8 марта на заседании совета министров, решительно поддержанный Победоносцевым и другими реакционерами, уже фактически предрешил судьбу лорис-меликовского проекта, хотя с манифестом об укреплении самодержавия он выступил только в конце апреля 1881 г. На письмо Исполнительного Комитета царь не ответил, а 3 апреля 1881 г. по его повелению были повешены Андрей Желябов, Софья Перовская, Николай Кибальчич, рабочий Тимофей Михайлов и Николай Рысаков.

Партия, оставаясь еще внушительной силой, продолжала борьбу. После 1 марта особенно усилилась ее военная организация. И все же «Народная воля» не вынесла нескольких последовательных ударов и была разгромлена. Особенно тяжелыми для нее были последствия предательства С. Дегаева, выдавшего в 1882 г. военную организацию, В. Н. Фигнер и других прежних своих товарищей. Впоследствии «Народную волю» не раз пытались возродить, но судьба ее была исторически предрешена.

В. И. Ленин, указывая на колебания правительства в начале 1881 г., писал: «При таком колебании правительства только сила, способная на серьезную борьбу, могла бы добиться конституции, а этой силы не было: революционеры исчерпали

<sup>1</sup> «Летопись марксизма». Кн. VII—VIII, стр. 56.

<sup>2</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 56—57.

себя 1-ым марта, в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации, либеральное общество оказалось и на этот раз настолько еще политически неразвитым, что оно ограничилось и после убийства Александра II одними ходоатайствами. . .

Второй раз, после освобождения крестьян, волна революционного приобья была отбита, и либеральное движение вслед за этим и вследствие этого второй раз сменилось *реакцией*. . .»<sup>1</sup>.

Вскрывая ненаучность теории народовольцев и их оторванность от массового общественного движения, классики марксизма-ленинизма в то же время дали высокую оценку исторической роли «Народной воли».

Ф. Энгельс писал, что «в России было два правительства: правительство царя и правительство тайного **исполнительного комитета** заговорщиков-террористов. Власть этого второго, подпольного правительства возрастала с каждым днем. Свержение царизма казалось близким»<sup>2</sup>, однако царизм восторжествовал над терроризмом.

Деятели «Народной воли», «несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория», «сумели, — писал В. И. Ленин, — сыграть громадную роль в русской истории»<sup>3</sup>.

Интеллигенты, стоявшие в то время во главе движения, «проявили, — говорил В. И. Ленин в докладе о революции 1905 г., — всличайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира. Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа. Но своей непосредственной цели, пробуждения народной революции, они не достигли и не могли достигнуть.

Это удалось только революционной борьбе пролетариата»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 44, 45.

<sup>2</sup> «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», М., 1951, стр. 294.

<sup>3</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 176.

<sup>4</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 315—316.



## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Народничество как революционная сила, пытавшаяся поднять крестьян на социалистическую революцию, и как революционная теория, выражавшая идеи крестьянской демократии, исчерпало себя актом 1 марта 1881 г. Это не означает, однако, что революционеры-народники после 1 марта сразу вложили в ножны свое боевое оружие и сошли с исторической арены. Они продолжали еще сражаться, но их борьба слабела и постепенно затихала. В то же время либеральная струя народничества, всегда сопутствовавшая этому движению, растекалась, ширилась и превратилась в главное течение народнического мировоззрения, еще остававшегося господствующим до середины 90-х годов. «Такое развитие народничества, — писал В. И. Ленин, — было совершенно естественно и неизбежно, так как в основе доктрины лежало чисто мифическое представление об особом укладе (общинном) крестьянского хозяйства: от прикосновения с действительностью миф рассеялся, и из крестьянского социализма получилось радикально-демократическое представительство мелкобуржуазного крестьянства»<sup>1</sup>. Последнее, несмотря на нерволюционный его характер, тем не менее всегда учитывалось В. И. Лениным как выражение крестьянского демократизма в решении буржуазно-демократических задач русской революции.

Несмотря на то что народничество 70-х годов не могло разрешить революционных проблем своего времени, В. И. Ленин дал ему высокую историческую оценку.

«В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, — писал В. И. Ленин, — передовая мысль России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марк-

---

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 286.

сизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»<sup>1</sup>.

Большевизм, писал далее В. И. Ленин, возник «на этой гранитной теоретической базе» и благодаря ей «проделал пятнадцатилетнюю (1903—1917) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете»<sup>2</sup>.

Именно поэтому Герцена, Белинского, Чернышевского и «блестящую плеяду революционеров 70-х годов» В. И. Ленин называл «предшественниками русской социал-демократии»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 41, стр. 7—8.

<sup>2</sup> Там же, стр. 8.

<sup>3</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 25.

# О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ . . . . .		3
Глава I. <b>Разработка основ теории и начало борьбы революционного народничества . . . . .</b>		<b>7</b>
Общинный социализм А. И. Герцена . . . . .		8
Воззрения Н. Г. Чернышевского . . . . .		19
Борьба революционного народничества в начале 60-х годов . . . . .		39
Глава II. <b>Поиски путей и средств борьбы в 60-х годах . . . . .</b>		<b>63</b>
Ишутинцы. Д. Каракозов. Группа И. А. Худякова . . . . .		64
Группа Г. А. Лопатина. «Рублевое общество» . . . . .		75
Активизация революционной интеллигенции. Нечаевщина . . . . .		80
Глава III. <b>Учение Н. Л. Лаврова, М. А. Бакунина, П. Н. Ткачева . . . . .</b>		<b>89</b>
Учение П. Л. Лаврова . . . . .		—
Учение М. А. Бакунина . . . . .		108
Учение П. Н. Ткачева . . . . .		123
Глава IV. <b>Борьба революционного народничества в 70-х годах . . . . .</b>		<b>139</b>
Русская секция I Интернационала . . . . .		140
Большое общество пропаганды (кружок «чайковцев») . . . . .		148
Организация бунтарей . . . . .		163
«Хождение в народ» . . . . .		174
Всероссийская социально-революционная организация («москвичи») . . . . .		185
Процессы «50-ти» и «193-х» . . . . .		193
«Земля и воля» . . . . .		201
«Черный передел» . . . . .		222
«Народная воля» . . . . .		231
<i>Заключение</i> . . . . .		264

---

*Василий Федорович Антонов*

РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАРОДНИЧЕСТВО

---

Редактор *Г. Ф. Семенюк*  
Обложка художника *И. В. Царевича*  
Художественный редактор *А. В. Сафонов*  
Технический редактор *Г. Л. Татура*  
Корректор *А. А. Рукосуева*

Сдано в набор 7/III 1965. Подписано к печати 9/IX 1965. 60 × 90, 1/16. Печ. л. 16,75. Уч.-изд. л. 17,28. Тираж 14.000 экз. (Пл. 1965 г. № 279). А10489. Заказ № 2434.

Издагелство «Просвещение» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Типография им. Х. Хейдеманна, ЭССР,  
г. Тарту, ул. Юликооли, 17/19. II.

Цена без переплета 47 коп., переплет 15 коп.

